# Ли Чайлд

# Гость

Посвящается моим родителям, Одри и Джону, которые научили меня читать и объяснили, зачем это нужно.

## Глава 1

*Говорят, что знание – это сила. Чем больше знаний, тем больше силы. Предположим, тебе известны заранее выигрышные числа лотереи. Все. Это не догадка, не сон, они просто тебе известны. Что ты сделаешь в этом случае? Побежишь к ближайшему киоску, вот что. Отметишь числа на билете. И выиграешь.*

*То же самое относится к фондовому рынку. Предположим, тебе известно, какие акции пойдут вверх. И речь идет не о шестом чувстве. Не о предчувствии экономической тенденции, не о расчете вероятностей, не об утечке информации. Ты знаешь – и всё. Знаешь твердо, наверняка. Что ты сделаешь? Срочно свяжешься со своим брокером, вот что. И дашь ему команду покупать. А потом продавать, и в результате ты станешь богатым.*

*То же самое можно сказать про спортивный тотализатор, про скачки, про все что угодно. Футбол, хоккей, баскетбол, следующий Кубок мира – если ты способен предсказывать будущее, тебе не о чем беспокоиться. Тут не может быть никаких вопросов. То же самое и с «Оскарами», и с Нобелевскими премиями, то же самое с тем, когда выпадет первый снег. То же самое можно сказать про все.*

То же самое можно сказать про искусство убивать.

Предположим, тебе захотелось убивать людей. Перво-наперво надо будет узнать, как это делается. Но тут нет ничего сложного. Способов убить человека много. Одни лучше других. Однако у большинства есть свои недостатки. Так что ты используешь свои знания и изобретаешь новый способ. Ты думаешь, думаешь, думаешь и в конце концов предлагаешь совершенный метод.

Ты обращаешь особое внимание на подготовку. Потому что совершенный метод вряд ли окажется простым, и к нему надо будет тщательно готовиться. Но для тебя это станет лакомым блюдом. Ты ничего не имеешь против тщательной подготовки. Абсолютно ничего. И действительно, ты же человек умный. И опытный.

Ты знаешь, что основные проблемы начнутся потом. Как гарантировать, что тебе удастся остаться безнаказанным? Воспользоваться своими знаниями, вот как. О методах полиции тебе известно гораздо лучше, чем

большинству людей. Тебе много раз приходилось видеть полицейских в работе, иногда вблизи. Тебе известно, что они ищут. Поэтому ты не оставишь ничего такого, что они смогут найти. Ты мысленно прокрутишь все в голове, подробно, тщательно и внимательно. Так же внимательно, как заполнял бы лотерейный билет, зная наверняка, что он принесет тебе целое состояние.

Говорят, что знание – это сила. Чем больше знаний, тем больше сила. То есть, ты являешься одним из самых могущественных людей на земле. В том, что касается искусства убивать. И оставаться безнаказанным. В жизни постоянно приходится принимать решения, выносить суждения, строить догадки, и человек настолько привыкает к этому, что продолжает всем заниматься даже тогда, когда особой необходимости в этом нет. Он вживается в вопрос «а что если?» и начинает рассуждать, как бы поступил на месте кого-то другого. Это становится привычкой. Джек Ричер давно сросся с этой привычкой. Вот почему он сидел один за столиком в ресторане и, глядя на спины двух парней, стоявших футах в двадцати от него, гадал, достаточно ли будет просто их предупредить, или же придется идти до конца и ломать им руки.

Это был вопрос динамики. С самого начала динамика большого города означала, что недавно открывшийся итальянский ресторан в престижном районе Трибека – как тот, в котором сейчас сидел Ричер, – будет пустовать до тех пор, пока о нем не упомянет обозреватель «Нью-Йорк таймс» или пока корреспондент раздела светской хроники «Обсервера» не застанет в нем два вечера подряд какую-либо знаменитость. Однако пока что еще не произошло ни того, не другого, и заведение оставалось безлюдным, что как нельзя лучше подходило одинокому мужчине, который хочет спокойно поужинать недалеко от дома своей девушки, когда та задерживается на работе. Динамика большого города. Именно она обеспечила, что в тот вечер Ричер окажется здесь. Она же обеспечила, что те два типа, за которыми он наблюдал, также придут сюда. Ибо динамика большого города означает, что каждое новое коммерческое предприятие рано или поздно удостоится визита посланцев от человека, желающего получать стабильные три сотни долларов в неделю в обмен на обещание не присылать своих ребят с бейсбольными битами и обрезками труб, которые будут крушить все вокруг.

Два типа, за которыми наблюдал Ричер, стояли у стойки бара и вполголоса беседовали с владельцем. На самом деле это была даже не стойка, в том смысле, что перед ней не было высоких стульев для посетителей, желающих быстро пропустить стаканчик – другой. Это был лишь столик, перегораживающий угол зала и образующий треугольник со стороной семь или восемь футов. Лишь одна из фокальных точек заведения. Место, где хранятся бутылки. Они толпились в три ряда на

стеклянных полках у зеркальной стенки. Внизу стояли кассовый аппарат и машинка для считывания кредитных карточек. Владелец ресторана, маленький запуганный человечек, забился в угол бара, прижавшись спиной к кассе. Скрестив руки на груди, словно пытаясь защититься. Ричеру были видны его глаза, заполненные чем-то средним между изумлением и паникой. Владелец беспокойно озирался по сторонам.

Зал был большой: правильный квадрат со стороной больше шестидесяти футов. Высокие потолки, футов двадцать или даже двадцать пять. Они были из гофрированного металла, отпескоструенного до матового сияния. Здание насчитывало больше ста лет, и помещение в то или иное время использовалось под самые различные цели. Вероятно, вначале здесь был какой-нибудь цех. Определенно, окна были достаточно большими и многочисленными, чтобы обеспечить освещение производственного процесса в ту эпоху, когда город был еще пятиэтажным. Затем, наверное, тут разместился магазин. Быть может, салон продажи автомобилей. Места для этого было достаточно. И вот теперь здесь был устроен итальянский ресторан. Не дешевая забегаловка с клетчатыми скатертями на столах и всего одним видом спагетти под соусом, а заведение, вложившее триста тысяч долларов в обстановку, где подают на тарелке семь или восемь крохотных домашних равиоли и называют это порцией. За четыре недели, прошедшие со дня открытия ресторана, Ричер успел поужинать здесь десять раз и неизменно вставал из-за стола голодный. Но качество блюд было таково, что он всем об этом рассказывал – а это действительно что-то значило, потому что Ричер знал толк во вкусной еде. Заведение называлось «У мостро», что, насколько он разбирался в итальянском, в переводе означало «у монстра». Ричер не знал, к чему относилось это название. Определенно, не к размеру порций. Но оно было звучным; и в целом ресторан с бледно-белыми стенами и тусклой алюминиевой отделкой получился вполне привлекательным. Здесь работали дружелюбные и уверенные люди. Через качественные колонки, подвешенные на стенах, транслировались оперы, целиком, от начала и до конца. Хотя Ричер не был в этих делах специалистом, ему казалось, что он присутствует при рождении нового громкого имени.

Однако имя, похоже, рождалось слишком медленно. В авангардно оформленном зале свободно разместились всего двадцать столиков, но за те четыре недели, что Ричер здесь бывал, он еще ни разу не видел, чтобы занятыми были больше трех. Однажды, целых полтора часа, проведенных в заведении, Ричер оставался единственным посетителем. Сегодня кроме него в ресторане была еще одна пара, устроившаяся за пятым от него столиком. Пара сидела визави, боком к Ричеру. Мужчина среднего роста, весь какой-то песчаного цвета. Короткие соломенно-желтые волосы, светлые усы, светло-коричневый костюм, коричневые ботинки. Женщина, худая и смуглая, была в юбке и

пиджаке. Под столиком справа от нее стоял чемоданчик из искусственной кожи. Обоим было лет по тридцать пять, и оба выглядели усталыми и измученными. Им было уютно вместе, но они почти не разговаривали.

Зато два типа у стойки говорили много. Это точно. Они подались вперед, согнувшись пополам, и говорили много и убедительно. Владелец, подчиняясь той же силе, отпрянул назад, упершись спиной в кассу. Казалось, всех троих застиг порыв ураганного ветра, пронесшийся по залу. Оба типа габаритами значительно превосходили среднее значение. Они были в одинаковых темных шерстяных плащах, которые зрительно еще больше увеличивали их плечи. Ричеру были видны их лица, отражающиеся в зеркале за бутылками. Оливковая кожа, черные глаза. Не итальянцы. Возможно, сирийцы или ливанцы, чья арабская нескладность стерлась за несколько поколений жизни в Америке. Они оживленно объясняли что-то владельцу. Тот, что справа, подкреплял свои слова взмахами руки. Не вызывало сомнений, что эти жесты изображали бейсбольную биту, крушащую бутылки на полках. Затем рука несколько раз поднялась и резко опустилась. Тип показывал, как будет разбивать полки. «Одним ударом разобью все, от верхней до нижней,» – объяснял он. Владелец, побледнев, краем глаза смотрел на полки.

Тот, что слева, сдвинул манжету и, постучав по циферблату часов, развернулся, собираясь уходить. Его напарник, выпрямившись, последовал его примеру. Проходя мимо столика, он протянул руку и сбросил тарелку на пол. Упав на каменные плитки, тарелка разлетелась вдребезги, громким диссонирующим звуком заглушив витающие в воздухе звуки оперы. Песчано-коричневый мужчина и смуглая женщина отвели взгляд. Громилы медленно прошли к выходу с высоко поднятыми головами, уверенные в себе. Ричер проводил их взглядом. Только когда они скрылись на улице, владелец ресторана выбрался из-за стойки и, опустившись на колени, провел пальцами по осколкам.

– С вами все в порядке? – окликнул его Ричер.

Не успев договорить, он уже понял, что сказал глупость. Владелец пожал плечами и натянул на лицо универсальное скорбное выражение. Сложив ладонь горсточкой, он принялся сгребать осколки в кучку. Встав из-за стола, Ричер разложил салфетку на соседней плитке и стал собирать на нее мусор. Парочка, сидевшая в пяти столиках от него, молча следила за ним.

– Когда они вернутся? – спросил Ричер.

– Через час.

– Сколько они хотят?

Снова пожав плечами, владелец горько усмехнулся.

– На первое время мне скидка, – сказал он. – Две сотни в неделю. Как только заведение раскрутится, придется выкладывать по четыре.

– И вы будете платить?

Владелец снова состроил скорбное лицо.

– Мне очень хочется сохранить свое дело. Но если отстегивать по две сотни каждую неделю, о прибыли придется забыть.

Песчано-коричневый мужчина и смуглая женщина сидели уставившись на противоположную стену, но не пропускали ни слова. Опера дошла до минорной арии, и дива взяла низкую трагическую ноту.

– Кто это был? – тихо произнес Ричер.

– Не итальянцы, – ответил владелец. – Так, какой-то сброд.

– Можно воспользоваться вашим телефоном?

Владелец молча кивнул.

– Здесь где-нибудь поблизости есть магазин канцелярских принадлежностей, работающий допоздна? – спросил Ричер.

– На Бродвее, в двух кварталах отсюда. А что? Вас ждут дела?

Ричер кивнул.

– Да, дела.

Поднявшись с пола, он прошел за стойку. Рядом с новенькой книгой предварительной записи стоял новенький телефон. Книгу, похоже, еще ни разу не раскрывали. Сняв трубку, Ричер набрал номер. После двух гудков ему ответили – собеседник находился всего в миле по прямой и на сорок этажей выше.

– Алло.

– Привет, Джоди.

– Привет, Ричер. Что новенького?

– Ты скоро заканчиваешь?

В трубке послышался вздох.

– Нет, придется работать всю ночь, – ответила Джоди. – Очень запутанный договор, а заключение по нему было нужно еще вчера. Я очень сожалею.

– Не бери в голову, – успокоил ее Ричер. – У меня тоже как раз появилось одно дельце. А потом, думаю, я вернусь в Гаррисон.

– Отлично, береги себя, – сказала она. – Я тебя люблю.

Ричер услышал шелест документов, затем в трубке раздались короткие гудки. Положив трубку на аппарат, он вышел из-за стойки и вернулся к своему столику. Оставив под чашкой кофе сорок долларов, Ричер направился к двери.

– Удачи вам, – бросил он владельцу, все еще сидевшему на корточках на полу.

Тот рассеянно кивнул. Парочка за дальним столиком проводила Ричера взглядом. Тот натянул плащ, поднял воротник и, оставив оперу позади себя, вышел на улицу. Было темно, воздух был наполнен осенней прохладой. Вокруг фонарей, спрятавшихся в туман, сияли нимбы. Ричер прошел на восток до Бродвея и принялся искать в море неона вывеску магазина канцелярских принадлежностей. Это оказалось небольшое заведение, набитое всевозможными товарами, обозначенными ценниками в виде больших светящихся звезд. Все было достаточно дешево, что полностью устраивало Ричера. Он купил маленькую машинку для распечатки ценников и тюбик суперклея. Затем, спрятав голову в поднятый воротник, направился на север в сторону дома Джоди.

Машина Ричера, дорогой полноприводной джип, стояла в подземном гараже этого дома. Выехав из гаража, он поехал по Бродвею на юг, а затем свернул на запад обратно к ресторану. Проезжая мимо, Ричер сбавил скорость, заглядывая в большие окна. В зале горел яркий свет, отражавшийся от белых стен и светлого дерева мебели. Ни одного клиента. Все столики были свободны, а владелец сидел на стульчике перед стойкой бара. Оглянувшись вокруг, Ричер завернул за угол и в нарушение правил поставил машину у въезда в переулок, который вел к дверям кухни. Заглушив двигатель и погасив фары, он стал ждать.

Динамика большого города. Сильные притесняют слабых. Они занимаются этим до тех пор, пока не натыкаются на кого-то более сильного, у кого возникает гуманная прихоть их остановить. На кого-то вроде Ричера. На самом деле у него не было никаких причин помогать едва знакомому человеку. Никакой логики. Никакого резона. Прямо сейчас в этом семимиллионном городе сотни сильных обижают слабых. Возможно, даже тысячи. Прямо сейчас, в эту самую минуту. Ричер не собирался выискивать и останавливать их всех. Он не проводил какую-то полномасштабную кампанию. И в то же время он не мог спокойно смотреть, как такое происходит у него под самым носом. Не мог развернуться и уйти. Это было у него в крови.

Ричер достал из кармана машинку для распечатки ценников. Запугать двух громил – полдела. Главное то, за кого они примут человека, их запугивающего. Обеспокоенный гражданин, в одиночку вступившийся за права какого-то владельца ресторана, ничего не добьется независимо от того, каким бы удачным ни было начало. Одиночки никому не страшны, потому что любого одиночку можно смять простым числом. В любом случае, одиночка рано или поздно или умрет, или уедет, или потеряет интерес. Для того, чтобы произвести нужное впечатление, требуется организация. Улыбнувшись, Ричер покрутил в руках машинку, пытаясь разобраться, как она действует. Для начала он напечатал свою фамилию, оторвал ленту и осмотрел ее. «Ричер». Пять букв, напечатанных белой краской на синей ленте длиной чуть больше дюйма. То есть, на первом громиле этикетка будет иметь в длину дюймов пять. И четыре, может быть, четыре с половиной на втором. Превосходно. Улыбаясь, Ричер снова принялся за работу. Готовые ленты он положил на сиденье рядом с собой. Этикетки были самоклеющиеся, с клейкой поверхностью, закрытой полоской бумаги, но Ричеру нужно было кое-что получше. Именно поэтому он купил суперклей. Отвернув колпачок, закрывающий крошечный тюбик, Ричер проткнул фольгу пластмассовой иголкой. Завернув колпачок, он убрал тюбик и ленты в карман. Затем вышел из машины на промозглый воздух и, затаившись в тени, стал ждать.

Динамика большого города. Мать Ричера до смерти боялась городов. Это стало частью образования, которое он получил. Она говорила: «Города – это очень опасные места. В них полно жестоких, сильных людей.» Ричер сам уже был сильным парнем, но все еще продолжал верить матери. Он видел, что она права. Жители больших городов были пугливыми, дергаными и настороженными. Они старались держаться от Ричера подальше и переходили на противоположную сторону улицы, чтобы не столкнуться с ним. При этом они вели себя настолько откровенно, что он все больше убеждался: страшные ребята совсем рядом, у него за спиной. И вдруг до Ричера дошло: «Нет, это я страшный парень. Все эти люди боятся меня.» Это стало настоящим откровением. Увидев свое отражение в витринах магазинов, он понял, почему так произошло. Расти Ричер перестал в пятнадцать лет, когда в нем уже было шесть футов пять дюймов и двести двадцать фунтов. Настоящий гигант. Подобно большинству подростков тех лет, он одевался как бродяга. Осторожность, которую вколотила ему в голову мать, вылилась в равнодушный, безразличный взгляд. «Меня все боятся.» Это веселило Ричера, и он улыбался, после чего от него отодвигались еще дальше. С этого момента Ричер знал, что большой город ничем не отличается от любого другого места, и на каждого человека, которого ему следует бояться, найдется девятьсот девяносто девять, которые боятся его самого. Он использовал эти знания в тактических целях, и спокойная

уверенность, сквозящая в его взгляде и походке, удваивала эффект, который он производил на окружающих. Динамика большого города.

Когда из отведенного часа истекли пятьдесят пять минут, Ричер вышел из тени, остановился на углу, прислонившись к кирпичной стене ресторана, и стал ждать дальше. До него доносились звуки оперы – лишь слабое дуновение звука, пробивающееся сквозь стекло ближайшего окна. Машины на запруженной улице двигались рывками. На противоположной стороне гремел музыкой бар, расцвеченный неоном. Похолодало, и прохожие на тротуарах торопливо шли, пряча лица в воротники. Сунув руки в карманы, Ричер стоял, опираясь на стену плечом, и следил за проезжающими мимо машинами.

Громилы вернулись точно в назначенный срок в черном «Мерседесе». Они оставили машину за квартал от ресторана, наехав одним колесом на бордюрный камень. Свет погас, синхронно распахнулись передние двери. Громилы выбрались из машины, открыли задние двери и достали с заднего сиденья бейсбольные биты. Спрятав биты под плащи, они захлопнули двери, оглянулись по сторонам и направились к ресторану. Прошли десять ярдов по тротуару, пересекли переулок, прошли еще десять ярдов. Двигались они непринужденно. Здоровенные, уверенные в себе парни, идущие большими, непринужденными шагами. Когда они поравнялись с Ричером, тот оторвался от стены и перегородил им дорогу.

– Ребята, сворачиваем в переулок, – сказал он.

Вблизи они смотрелись внушительно. Вдвоем они определенно производили устрашающее впечатление. Молодые, еще нет и тридцати. Массивные, покрытые упругой плотью, не являющейся мышцами в прямом смысле, но работающей почти так же эффективно. Толстые шеи, шелковые галстуки, рубашки и костюмы, купленные не на распродаже. Громилы прятали биты под плащами, вертикально, слева, зажимая левой рукой через ткань кармана.

– Какого черта? Ты кто такой? – спросил правый.

Ричер посмотрел на него. Тот, кто начинает говорить первым, в любой паре является доминирующей половиной. А в столкновении один против двух доминирующую половину необходимо вывести из дела в первую очередь.

– Кто ты такой? – повторил правый.

Шагнув влево, Ричер чуть развернулся, загораживая собой тротуар и направляя громил в переулок.

– Управляющий, – сказал он. – Вы хотите получить деньги, а я именно тот, кто вам в этом поможет.

Подумав, громила кивнул.

– Хорошо, но забудь про переулок. Зайдем внутрь.

Ричер покачал головой.

– Нелогично, дружок. Мы платим вам за то, чтобы вы держались от ресторана подальше. Начиная с этой минуты, так?

– Деньги у тебя с собой?

– А то как же, – подтвердил Ричер. – Две сотни зеленых.

Он первым направился в переулок, приглашая громил последовать за ним. Его встретил пар, выходящий из вентиляционных труб кухни. Пахло итальянскими блюдами. Под ногами хрустел мусор, и звук шагов отражался от старых кирпичных стен. Остановившись, Ричер обернулся, изображая нетерпеливого человека, который хочет поскорее покончить с делом. Силуэты громил вырисовывались на фоне красного сияния задних габаритных огней машин, стоявших на светофоре. Посмотрев на Ричера, громилы переглянулись и двинулись вперед, держась плечом к плечу. Вошли в переулок. Они были спокойны и довольны. Крупные, уверенные ребята, держащие под плащами бейсбольные биты, двое против одного. Дождавшись их, Ричер пошел дальше, пересекая диагональную границу между светом и тенью. Снова остановился. Отступил в сторону, словно предлагая громилам пройти первыми. Словно оказывая им честь. Они пошли вперед. Приблизились.

Ричер ударил правого громилу локтем в висок. Существует множество биологических причин, почему надо было сделать именно так. По большому счету, человеческий череп прочнее человеческой руки. При столкновении черепа и руки рука пострадает больше. Так что локоть в этом отношении лучше. А висок лучше лба и затылка. Человеческий мозг переносит продольное смещение раз в десять лучше, чем поперечное. Какие-то сложные особенности эволюционного процесса. Так что Ричер выбрал локоть и висок. Резкий, сильный удар был выполнен прекрасно, но громила на пару мгновений задержался вертикально на обмякших ногах. Затем он выпустил биту. Она вывалилась из-под плаща и с глухим стуком ударилась концом об асфальт. Ричер ударил громилу еще раз. Тем же локтем. В тот же висок. Тот же резкий, сильный удар. Громила рухнул, словно у него под ногами раскрылся люк.

Второй громила среагировал быстро. Он схватил биту правой рукой, затем левой. Вытащил ее из-под плаща и замахнулся, но тут совершил самую распространенную ошибку. Он занес ее слишком далеко назад, и

слишком низко. Собираясь нанести мощный удар Ричеру в пах. Тут два слабых места. Выполнение удара с большим замахом требует времени. От удара, нацеленного в среднюю часть туловища, легко защититься. Лучше бить вверх по голове или вниз по коленям.

Лучший способ перехватить удар бейсбольной битой состоит в том, чтобы подойти близко, и подойти близко как можно раньше. Сила удара является производной веса биты и ее скорости. Чистая математика. Произведение скорости на массу есть момент импульса. С массой биты ничего не поделаешь. Бита будет весить одинаково независимо от того, где она находится. Так что необходимо погасить скорость. Для этого нужно подойти близко и перехватить биту, когда она только начинает путь сзади. В первую долю секунды ускорения. Пока бита еще движется медленно. Вот почему большой замах – это плохо. Чем дальше назад занесена бита, тем позже она сможет начать двигаться вперед. Тем больше времени перехватить удар.

Когда бита пошла вперед, Ричер находился на расстоянии фута от нее. Проследив ее движение по дуге, он поймал биту обеими руками, опустив их на уровень пояса. Пройдя расстояние всего в один фут, бита не успела набрать скорость. Вместо удара получился безобидный шлепок по ладоням. После чего весь импульс, который громила пытался вложить в биту, превратилось в оружие против него. Ричер развернулся вместе с ним и потянул за биту, выводя его из равновесия. Ударил громилу ногой по щиколотке, вырвал биту у него из рук и ей же ударил его. Сделал короткий прямой удар. Без замаха. Громила упал на колени и уткнулся головой в стену ресторана. Ричер пинком опрокинул его на спину, а затем, сев на корточки, зажал ему горло битой, наступая ногой на рукоятку и правой рукой держа рабочий конец. Левой он обшарил карманы. Извлек пистолет, пухлый бумажник и сотовый телефон.

– Кто вас прислал? – спросил Ричер.

– Мистер Петросян, – выдавил громила.

Ричеру эта фамилия ничего не говорила. Он слышал о советском гроссмейстере Петросяне, чемпионе мира по шахматам. И об его однофамильце гитлеровском генерале-танкисте. Но ни тот, ни другой не занимались рэкетом в Нью-Йорке. Ричер недоверчиво улыбнулся.

– Петросян? Ты что, издеваешься надо мной?

Он вложил в свой голос весь запас презрения, как будто в спектре вероятных конкурентов, о которых только могли подумать его боссы, Петросян находился так низко, что его с трудом можно было различить.

– Скажи, что ты пошутил, – продолжал Ричер. – Петросян? Он что, спятил?

Первый громила зашевелился. Его руки и ноги пришли в замедленное движение. На мгновение перехватив биту в руку, Ричер освободил шею второго громилы и ударил первого по затылку. Меньше чем через полторы секунды бита вернулась на место. Второй громила начал задыхаться. Первый без чувств валялся на асфальте. Не как в кино. После трех пропущенных ударов никто не продолжает драться. Тошнота и головокружения гарантированы минимум на неделю. Хорошо еще, если человек остается на ногах.

– Мы приготовили Петросяну послание, – тихо промолвил Ричер.

– Какое послание? – выдавил второй громила.

– Вас, – улыбнулся Ричер. Он достал из кармана этикетки и клей. – А теперь лежи очень тихо.

Громила оказался послушным. Он ощупал горло, но и только. Оторвав от этикетки защитную полоску, Ричер выдавил на пластиковую ленту толстого червя клея и прижал этикетку ко лбу громилы. Дважды провел по ней пальцем. На этикетке было написано: «Ресторан „У мостро“ уже под крышей».

– Лежи смирно, – снова приказал Ричер.

Прихватив с собой биту, он схватил первого громилу за волосы и перевернул лицом вверх. Выдавил побольше клея и разгладил у него на лбу вторую этикетку. «Не лезьте на нашу территорию». Обшарив карманы, он собрал абсолютно идентичный урожай. Пистолет, бумажник, телефон. Плюс ключи от «Мерседеса». Ричер дождался, чтобы громила снова зашевелился. Затем посмотрел на второго типа. Тот ползал на четвереньках, ощупывая этикетку на лбу.

– Оторвется только с кожей, – окликнул его Ричер. – Отправляйтесь и передайте наши лучшие пожелания мистеру Петросяну, после чего бегите в больницу.

Он повернулся к первому громиле. Выдавил ему на ладони остатки клея, сжал их и сосчитал до десяти. Химические наручники. Схватив громилу за шиворот, Ричер поднял его на ноги и подержал вертикально до тех пор, пока тот не научился стоять снова. Затем бросил ключи от машины его напарнику.

– Похоже, машину вести тебе, – сказал он. – А теперь быстро проваливайте отсюда.

Громила стоял на месте, стреляя взглядом направо и налево.

Ричер покачал головой.

– Даже не думай об этом. А то я оторву тебе уши и заставлю тебя их съесть. И не возвращайтесь сюда. Никогда. Иначе пришлют кого-нибудь похуже меня. Сейчас я ваш лучший друг, ясно? Ты все понял?

Громила долго молча таращился на него. Наконец осторожно кивнул.

– Тогда проваливайте отсюда, – повторил Ричер.

У типа со склеенными руками были проблемы с тем, чтобы идти. Он все еще не пришел в себя. У второго были проблемы с тем, чтобы помогать своему дружку. Не было свободной руки, под которую он смог бы его подхватить. Постояв в недоумении, он поднырнул под склеенные руки и взвалил дружка на закорки. Шатаясь, громила побрел вперед и остановился у входа в переулок, черный силуэт на фоне огней улицы. Наклонившись вперед, он взвалил обмякшее тело на плечи и скрылся из виду.

Пистолеты оказались армейскими «береттами» калибра девять миллиметров. Ричер сам носил такой долгих тринадцать лет. Серийный номер на «беретте» выбит на алюминиевой раме, прямо под надписью «Пьетро Беретта», выгравированной за затворе. На обоих пистолетах номера были стерты. Круглым напильником, которым водили от дула к спусковой скобе. Не слишком изящная работа. Оба магазина были полны блестящими латунными патронами «парабеллум». Разобрав пистолеты, Ричер бросил стволы, затворы и патроны в мусорный бак у двери кухни. Затем положил рамы на землю, насыпал грязи в спусковые механизмы и понажимал на спусковые крючки до тех пор, пока грязь не заклинила механизмы. После чего он бросил рамы в мусорный бак, разбил телефоны битой и оставил обломки на земле.

В бумажниках лежали кредитные карточки, водительские права и наличные. Всего в обоих долларов триста. Убрав наличные в карман, Ричер зашвырнул бумажники в темноту. Затем, улыбаясь, направился к улице. Оглянулся. Черного «Мерседеса» уже не было. Исчез. Ричер вошел в пустынный ресторан. Оркестр играл изо всех сил, тенор выводил героическую высокую ноту. Владелец сидел за стойкой, погруженный в раздумья. Он поднял взгляд. Тенор взял ноту, которую тут же подхватили скрипки, виолончели и басы. Выбрав из пачки отнятых денег десятку, Ричер бросил ее на стойку.

– За тарелку, которую они разбили, – сказал он. – Они передумали.

Владелец молча посмотрел на купюру. Развернувшись, Ричер вышел на улицу. На противоположной стороне он заметил пару из ресторана. Они стояли на тротуаре и следили за ним. Песчано-коричневый мужчина с усами и смуглая женщина с чемоданчиком. Они стояли, кутаясь в пальто, и смотрели на Ричера. Он подошел к своей машине и открыл дверь. Сел за руль и завел двигатель. Оглянулся. Мужчина и женщина

по-прежнему следили за ним. Влившись в поток машин, Ричер надавил на газ. Проехав квартал, он взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что смуглая женщина с чемоданчиком подошла к краю тротуара и вытянула шею, провожая его взглядом. Наконец она затерялась в море неоновых вывесок.

## Глава 2

Гаррисон – небольшое местечко на восточном берегу Гудзона, в округе Путнэм; по шоссе от Трибеки ровно пятьдесят восемь миль. Поздно вечером, осенью дороги были свободными. Плата за въезд на турникете, пустые полосы, можно ехать с такой скоростью, с какой не страшно. Но Ричер вел машину осторожно. Он еще не привык к тому, что ему приходилось регулярно совершать путь из точки А в точку Б. Он еще не привык к тому, что у него *были*точки А и Б. Ричер чувствовал себя чужаком в этой вселенной оседлых жителей. И, подобно всем чужакам, он стремился держаться подальше от неприятностей. Поэтому Ричер ехал неторопливо, чтобы не привлекать внимание, позволяя запоздалым путникам обгонять его справа и слева. На пятьдесят восемь миль у него ушли час семнадцать минут.

Улица, куда он приехал, была погружена в темноту, потому что она терялась в малонаселенной сельской глубинке. Ричер свернул к дому, скользнув лучами фар по толстым стволам деревьев, обступивших асфальт. Высохшие пожелтевшие листья в электрическом свете казались неестественно яркими и живыми. Ричер выполнил последний поворот, и фары, метнувшись к воротам гаража, прошлись по двум машинам, застывших перед ними передом к выезду. Ричер судорожно надавил на тормоз. Машины зажгли фары, ослепляя его, а в зеркале заднего вида вспыхнул яркий свет, появившийся сзади. Ричер пригнулся, спасаясь от этой иллюминации, и увидел, как к нему со всех сторон бегут люди с мощными фонариками в руках. Обернувшись, он разглядел два седана, которые застыли позади его машины, вспарывая темноту лучами фар. Из седанов тоже высыпали люди, побежавшие к нему. Джип Ричера оказался распят в квадрате яркого света. Из мрака к нему приближались люди с фонариками. Ричер различил у них в руках оружие, а поверх плащей темные бронежилеты. Некоторые фонарики были закреплены на стволах пистолетов-пулеметов. Джип окружили со всех сторон. Вооруженные люди освещались сзади контрастными лучами фар. В воздухе клубился поднимающийся над рекой туман. Лучи света вспарывали туман, пересекаясь и скрещиваясь в безумных узорах.

К левой передней двери джипа приблизилась фигура. Рука постучала в стекло рядом с головой Ричера. Разжалась. Рука была маленькая, бледная и тонкая. Женская. Луч фонарика, упав прямо на ладонь, показал, что в ней зажат значок. Значок в форме щита. Сверкающий золотом. На щите восседал золотой орел, повернувший голову влево.

Фонарик приблизился к значку, и Ричер разглядел на щите выпуклые буквы, золотые на золоте: «Федеральное бюро расследований. Министерство юстиции США.» Женщина прижала значок к окну. Он коснулся стекла с холодным металлическим стуком. Женщина закричала. Ричер услышал ее голос, доносящийся из темноты.

– Заглушите двигатель!

Ричер мог видеть только направленные на него лучи света. Заглушив двигатель, он услышал лишь нетерпеливый хруст ног на щебне дорожки.

– Положите руки на руль!

Положив руки на руль, Ричер повернул голову к двери. Дверь открылась снаружи, и в салоне зажглась лампочка, освещая смуглую женщину из ресторана. Песчано-коричневый мужчина со светлыми усами стоял у нее за спиной. Женщина держала в одной руке значок ФБР, а в другой пистолет. Пистолет был направлен Ричеру в голову.

– Выходите из машины! – приказала женщина. – Медленно, без резких движений.

Она отступила назад, следя дулом пистолета за движениями головы Ричера. Ричер, нагнувшись, поставил ноги на подножку и на мгновение застыл, держась одной рукой за спинку сиденья, другой за руль, готовый сбросить ноги на землю. Перед собой в отсветах фар он смог разглядеть не меньше полдюжины вооруженных людей. Вероятно, столько же сзади. Быть может, еще несколько человек у дома. И у поворота на дорожку. Женщина отступила назад еще на шаг. Ричер выбрался из машины и выпрямился.

– Развернитесь, – приказала женщина. – Положите руки на крышу.

Ричер подчинился. Металл оказался холодным и скользким от ночной росы. Ричер ощутил, как опытные руки досконально ощупывают каждый дюйм его тела. Из кармана плаща у него вынули бумажник, из кармана брюк – отобранные у громил деньги. Его бесцеремонно отодвинули в сторону и вытащили из замка зажигания ключ.

– Теперь идите к машине, – окликнула женщина, указывая значком.

Полуобернувшись, Ричер увидел застрявшие в тумане лучи фар, всего в ярде от его ног. Один из седанов, стоявших перед гаражом. Он направился к машине. У него за спиной кто-то крикнул: «Обыщите джип.» Рядом с седаном у гаража стоял мужчина в темно-синем кевларовом бронежилете. Открыв заднюю дверь, он отступил назад. На заднем сиденье стоял чемоданчик, с которым была в ресторане смуглая женщина. Искусственная кожа, с неуклюжим тисненым рисунком.

Согнувшись пополам, Ричер влез в машину и сел рядом с чемоданчиком. Мужчина в бронежилете захлопнул за ним дверь, и тотчас же открылась противоположная дверь и на заднее сиденье села женщина. Под расстегнутым плащом Ричер разглядел блузку и пиджак. Матово-черную короткую юбку. Услышал шелест нейлона и снова увидел пистолет, по-прежнему нацеленный ему в голову. Открылась передняя дверь; песчано-коричневый мужчина встал на колени на сиденье и протянул руку за чемоданчиком. Ричер успел заметить светлые волосы на запястье. Полоску ремешка часов. Открыв чемоданчик, мужчина достал несколько листов бумаги. Включив фонарик, провел по ним лицом. Ричер увидел плотно отпечатанный текст и свою фамилию, набранную крупными буквами вверху первой страницы.

– Ордер на обыск, – объяснила женщина. – Вашего дома.

Песчано-коричневый мужчина вынырнул из машины и захлопнул дверь. Наступила тишина. Ричер услышал шаги, донесшиеся из тумана. Затихшие вдали. Какое-то мгновение женщина освещалась светом фар сзади. Затем, протянув руку вперед, она зажгла свет в салоне. Желтый и горячий. Женщина сидела боком, оперевшись рукой с пистолетом на спинку сиденья. Рука была согнута, локоть удобно покоился на подлокотнике, так что пистолет даже не дрожал. Это был «ЗИГ-зауэр», большое, надежное и дорогое оружие.

– Поставьте ноги на пол всей ступней, – распорядилась женщина.

Ричер кивнул. Понимая, чего она добивается. Прижимаясь спиной к двери, он запихнул ступни под переднее сиденье. Его тело застыло в напряженной, неудобной позе, означавшей, что если он попытается сделать какое-то внезапное движение, движение это получится медленным, и прежде чем он успеет что-то сделать, ему продырявят голову.

– Держать руки там, где они будут мне видны.

Ричер распрямил руки и обхватил пальцами подголовник сиденья впереди, а подбородок положил на плечо. Взглянул искоса на дуло «ЗИГ-зауэра». Застывшее на месте не шелохнувшись. За ним – палец женщины, напрягшийся на спусковом крючке. Еще дальше – ее лицо.

– Отлично, а теперь сидите и не двигайтесь.

Лицо женщины оставалось бесстрастным.

– Вы не поинтересовались, в чем дело, – сказала она.

«По крайней мере, то, что произошло час семнадцать минут назад, тут не при чем, – сказал себе Ричер. – Организовать такую операцию за один час семнадцать минут невозможно.» Он не двигался, продолжая молчать. Его беспокоили побелевшие от напряжения фаланги пальцев женщины, обвившие спусковой крючок «ЗИГ-зауэра». Мало ли что может случиться.

– Вы не хотите узнать, в чем дело? – спросила женщина.

Ричер равнодушно посмотрел на нее. «Я не в наручниках, – подумал он. – Почему?» Женщина пожала плечами. «Хорошо, пусть будет по-твоему,» прочитал Ричер на ее лице. Лицо это нельзя было назвать красивым, но оно определенно было интересным. Женщине было лет тридцать пять, относительно немного, но кожа уже успела покрыться морщинками, как будто ей постоянно приходилось прибегать к оживленной мимике. «Вероятно, она чаще хмурится, чем улыбается,» – подумал Ричер. Ее иссиня-черные волосы были относительно редкими. Сквозь них проглядывала кожа черепа. Белая. Это придавало женщине усталый, нездоровый вид. Но ее глаза ярко светились. Женщина взглянула куда-то мимо Ричера, в темноту за окном, где ее люди деловито копошились в доме.

Она улыбнулась. Резцы у нее были кривые. Правый чуть косился вбок, наезжая на соседа. Любопытный прикус. Позволяющий предположить некую решимость. Родители женщины не исправили это в детстве, а затем она сама оставила все как есть. Наверняка у нее была возможность. Но она решила не идти против природы. Вероятно, сделала правильный выбор. Это придало ее лицу своеобразие. В нем чувствовался характер.

Под мешковатым плащом ее тело было хрупким. Черный пиджак в тон юбке, кремовая блузка, свободно висящая на маленькой груди. Судя по всему, блузка была синтетическая, неоднократно стиранная. Перекрутившись, она уходила за пояс юбки. Женщина сидела полуобернувшись, и юбка задралась до бедер. Ноги под черным нейлоном были тонкие и упругие. Женщина держала колени вместе, но между бедрами оставалось пространство.

– Пожалуйста, вы не могли бы перестать заниматься этим? – вдруг сказала она.

Ее голос стал холодным. Пистолет пошевелился.

– Чем? – спросил Ричер.

– Смотреть на мои ноги.

Он перевел взгляд на ее лицо.

– Вы не находите, что если кто-то направил на меня пистолет, я должен осмотреть этого человека с ног до головы?

– Вам это доставляет удовольствие?

– Что?

– Смотреть на женщин?

Ричер пожал плечами.

– Ну, полагаю, это приятнее, чем смотреть на многое другое.

Пистолет двинулся вперед.

– Осел, в этом нет ничего смешного. Мне не нравится то, как ты на меня пялишься.

Ричер недоуменно взглянул на нее.

– А как я на вас пялюсь?

– Сам знаешь.

– Нет, не знаю, – покачал головой он.

– Как будто собираешься за мной приударить, – сказала женщина. – Ты просто омерзителен, тебе это известно?

Услышав прозвучавшее в ее голосе презрение, Ричер удивленно посмотрел на редеющие волосы, хмурое лицо, кривые зубы, тощее, высушенное тело в нелепом дешевом маскараде под деловую женщину.

– Вы полагаете, я пытаюсь за вами ухаживать?

– А то нет? Разве вам этого не хотелось бы?

Ричер снова покачал головой.

– Нет, пока на улицах есть хотя бы одна бродячая собака.Враждебное молчание длилось почти двадцать минут. Наконец песчано-коричневый мужчина с усами вернулся к машине и сел на переднее правое место. Открылась водительская дверь, и еще один мужчина сел за руль. В руке он держал ключ. Мужчина посмотрел в зеркало заднего вида, дожидаясь, когда женщина кивнет, после чего завел двигатель, объехал джип Ричера и направился к дороге.

– Мне дадут сделать один телефонный звонок? – спросил Ричер. – Или ФБР в эту чушь не верит?

Песчано-коричневый мужчина смотрел прямо перед собой.

– В течение первых двадцати четырех часов, – сказал он. – Мы позаботимся о том, чтобы вы не оказались лишены своих конституционных прав.

Всю дорогу назад до Манхэттена, пятьдесят восемь миль на большой скорости сквозь темноту и туман, женщина держала дуло «ЗИГ-зауэра» направленным в голову Ричеру.

## Глава 3

Машина остановилась на подземной автостоянке где-то в южной части Центрального Манхэттена. Ричера заставили выйти в просторный гараж с белыми стенами, полный яркого света и одинаковых темных седанов. Женщина развернулась на месте, царапая каблуками бетонный пол. Внимательно осмотрела всю стоянку. Осторожный подход. Затем она указала на единственную черную дверь лифта в дальнем углу. Там ждали еще два парня. Темные костюмы, белые рубашки, строгие галстуки. Пока женщина и песчано-коричневый мужчина пересекали наискосок стоянку, парни не отрывали от них глаз. На их лицах было написано почтительное уважение. Это были мелкие сошки. Но, с другой стороны, они держались уверенно, гордые собой. Как будто здесь они были*хозяевами.*Внезапно Ричер понял, что женщина и песчано-коричневый мужчина не из Нью-Йорка. Они откуда-то приехали сюда. И сейчас действуют на чужой территории. Женщина осмотрела весь гараж не только из соображений осторожности. Она просто не знала, где лифт.

Ричера поставили в центр кабины лифта и окружили его со всех сторон. Женщина, песчано-коричневый мужчина, водитель, двое местных парней. Пять человек, пять пистолетов. Четверо мужчин рассредоточились по углам, а женщина осталась стоять посредине, рядом с Ричером, словно показывая всем, что это ее добыча. Один из местных парней нажал кнопку, двери закрылись и кабина пришла в движение.

Она долго поднималась вверх и резко остановилась, когда на указателе зажглась цифра «21». Двери с глухим стуком раскрылись, и местные парни первыми шагнули в пустынный коридор. Он был серым. Тонкая серая ковровая дорожка, серая краска, серый свет. В нем царила полная тишина, как будто все кроме самых закоренелых трудоголиков разошлись по домам еще несколько часов назад. Вдоль стены на равном расстоянии друг от друга тянулись закрытые двери. Мужчина, который сидел за рулем седана по дороге из Гаррисона в город, остановился перед третьей и открыл ее. Ричера подвели к двери. Он увидел пустое помещение размером футов двенадцать на шестнадцать, бетонный пол, бетонные стены, все выкрашено матовой серой краской, словно борт боевого корабля. Потолок оставался недоделан; виднелись трубки с

проводами, квадратные воздуховоды из тонкой жести. Подвешенные на цепях лампы дневного света отбрасывали бледное сияние на серую краску. В углу стояло одинокое пластиковое садовое кресло. Другой обстановки в комнате не было.

– Садитесь, – сказала женщина.

Ричер прошел в противоположный от кресла угол и уселся на пол, откинувшись спиной на бетонную стену. Бетон был холодным, краска скользкой. Скрестив руки на груди, Ричер вытянул ноги, закинув одну на другую. Закинул голову назад под углом сорок пять градусов к плечам, чтобы смотреть прямо на тех, кто остался стоять у двери. Четверо агентов вышли в коридор и закрыли дверь. Ричер не услышал звука защелкнувшегося замка, но в этом не было необходимости, поскольку с внутренней стороны двери ручка отсутствовала.

Сквозь бетонный пол Ричер ощутил слабую дрожь удаляющихся шагов. Затем он остался наедине с тишиной, парящей на шепоте воздуха из воздуховодов в потолке. Ричер просидел в полной тишине минут пять, после чего снова ощутил шаги. Дверь приоткрылась; в комнату заглянул мужчина, уставившийся на Ричера. Его лицо было постарше, крупное и красное, покрытое пятнами, рыхлое от повышенного давления, излучающее враждебность. Взгляд мужчины красноречиво говорил: «Значит, это тот, кого мы искали, да?» Мужчина таращился на Ричера три или четыре долгих секунды, после чего дверь захлопнулась и снова наступила тишина.

То же самое повторилось минут через пять. Шаги в коридоре, лицо в двери, такой же откровенный взгляд. «Значит, это тот, кого мы искали.» Теперь лицо было вытянутое и смуглое. И более молодое. Под ним рубашка и галстук, без пиджака. Ричер спокойно выдержал взгляд. Три или четыре секунды. Лицо скрылось, и дверь захлопнулась.

На этот раз тишина продолжалась дольше, где-то около двадцати минут. Затем появилось третье лицо. Шаги, шум дверной ручки, дверь открылась, пристальный взгляд. «Это тот, кого мы искали, да?» Третье лицо снова оказалось постарше; мужчина лет пятидесяти с лишним, проницательное выражение, полоска седеющих волос. Мужчина был в очках с толстыми стеклами, и глаза за ними оставались спокойными. В них работа мысли. Похоже, этот мужчина привык к грузу ответственности. Наверное, какой-то начальник. Ричер устало посмотрел на него. Слов по-прежнему не было. Общение отсутствовало. Мужчина долго смотрел на Ричера, затем его лицо скрылось, и дверь снова закрылась.

То, что происходило за дверью, – чем бы это ни было, – продолжалось почти целый час. Ричер сидел один в комнате, предоставленный сам себе, уютно устроившись на полу, и ждал. Наконец ожиданию настал

конец. По коридору возбужденным стадом прошла целая толпа. Ричер ощутил топот и шарканье ног. Дверь открылась, и в комнату вошел седой мужчина в очках. Задержавшись одной ногой на пороге, он перенес весь свой вес на другую, наклоняясь вперед.

– Пора поговорить, – сказал мужчина.

Два младших агента протиснулись мимо него и встали по сторонам словно эскорт. Подождав немного, Ричер рывком поднялся с пола и вышел из угла.

– Я хочу позвонить, – сказал он.

Седой покачал головой.

– Звонки будут потом. Сначала поговорим, хорошо?

Ричер пожал плечами. Вся проблема с нарушением конституционных прав заключается в том, что должны быть свидетели. Только в этом случае можно что-либо доказать. А два молодых агента ничего не видели и не слышали. А может быть, они видели спустившегося с небес Моисея, читающего весь текст конституции по каменным табличкам. Возможно, впоследствии они подтвердят под присягой, что видели именно это.

– Так что пошли, – заключил седой.

Ричера вывели в серый коридор, где его сразу же обступила целая толпа. Там были и женщина, и песчано-коричневый мужчина с усами, и пожилой мужчина с повышенным давлением, и молодой парень с вытянутым лицом в одной рубашке. Толпа гудела словно растревоженный улей. Дело было уже к ночи, но эти люди пребывали в крайней стадии возбуждения. Они буквально парили, опьяненные*успехом*.Ричеру было хорошо знакомо это чувство. Он сам его испытывал, и не раз.

Однако он заметил, что толпа разделена. По крайней мере, на две группы. Относившиеся друг к другу с напряжением. Это стало очевидно, когда его повели по коридору. Женщина держалась вплотную к нему слева, а песчано-коричневый мужчина и гипертоник не отставали от нее. Это была одна группа. Справа от Ричера шел парень с вытянутым лицом. Он один представлял собой вторую группу. Численный перевес был явно не на его стороне, и парень был от этого не в восторге. Ричер ощущал руку парня у своего локтя, словно тот был готов схватить его и объявить своей добычей.

Они прошли по узкому серому коридору, напоминающему внутренности боевого корабля, и выплеснулись в серую комнату, почти все пространство которой занимал длинный стол. С обоих концов стол был

загнут и резко обрублен. Вдоль длинной стороны спинками к двери стояли в ряд семь пластиковых кресел, довольно далеко друг от друга, а напротив них прямо посредине между загнутыми концами стояло еще одно в точности такое же кресло.

Ричер задержался в дверях. Нетрудно догадаться, какое место предназначалось ему. Обогнув стол, он занял одинокое кресло. Оно оказалось хлипким. Ножки задрожали под его весом, пластмассовая спинка впилась в мышцы под лопатками. В этой комнате стены также были бетонными, выкрашенными серой краской, но здесь потолок уже был доделан. Квадратные звукоизолирующие плитки, под ними светильники, большая лампа, направленная на место, где сидел Ричер. Крышка стола была из дешевой имитации красного дерева, покрытой толстым слоем блестящего лака. Отраженный от лакировки свет бил Ричеру в глаза снизу.

Два младших агента заняли места у стен в противоположных концах стола, словно часовые. Под расстегнутыми пиджаками виднелись кобуры под мышками. Руки уютно покоились на коленях. Головы были повернуты к Ричеру. Две группы расселись напротив. Семь кресел, пять человек. Седой уселся в центре. Свет, упав на стекла очков, превратил их в непрозрачные зеркала. Справа от седого сел гипертоник, затем женщина, потом песчано-коричневый мужчина. Парень с вытянутым лицом в рубашке уселся в среднее из трех кресел слева. Кособокая инквизиция, плохо различимая в бьющем в глаза ярком свете.

Седой мужчина, подавшись вперед, положил руки на блестящую поверхность стола, показывая свое доминирующее положение. И подсознательно разделяя фракции справа и слева от себя.

– Мы из-за вас чуть не подрались, – начал он.

– Я арестован? – спросил Ричер.

Седой покачал головой.

– Нет, пока что не арестованы.

– Значит, я могу уходить?

Седой посмотрел на него поверх очков.

– Ну, мы бы предпочли, чтобы вы остались здесь и помогли цивилизованно решить нашу проблему.

Последовало долгое молчание.

– Что ж, будем вести себя цивилизованно, – наконец сказал Ричер. – Я Джек Ричер. А вы, черт побери, кто такие?

– Что?

– Давайте представимся друг другу. Именно так ведут себя цивилизованные люди, правильно? Они представляются. Чтобы потом можно было вежливо поболтать о футболе, фондовой бирже и тому подобном.

Новая пауза. Затем седой кивнул.

– Я Алан Дирфильд, – сказал он. – Заместитель директора ФБР. Я руковожу нью-йоркским оперативным отделением.

Повернув голову вправо, он пристально посмотрел на песчано-коричневого мужчину с краю.

– Специальный агент Тони Пултон, – наконец сказал тот и повернулся влево.

– Специальный агент Джулия Ламарр, – сказала женщина, в свою очередь поворачиваясь влево.

– Старший агент Нельсон Блейк, – сказал гипертоник. – Мы из Квантико. Я возглавляю отдел серийных преступлений. Специальные агенты Пултон и Ламарр работают у меня. Мы приехали сюда, чтобы поговорить с вами.

Наступила пауза. Мужчина по фамилии Дирфильд повернулся в другую сторону и посмотрел на парня, сидевшего слева от него.

– Старший агент Джеймс Козо, – сказал тот. – Отдел по борьбе с организованной преступностью здесь, в Нью-Йорке. Занимаюсь рэкетом.

Опять молчание.

– Теперь все в порядке? – спросил Дирфильд.

Ричер прищурился, спасаясь от яркого света. Все смотрели на него. Песчано-коричневый мужчина, Пултон. Женщина, Ламарр. Гипертоник, Блейк. Все трое из отдела серийных преступлений из Квантико.*Приехали сюда, чтобы поговорить с ним.*Затем Дирфильд, глава нью-йоркского отделения, тяжеловес. И, наконец, долговязый Козо, из отдела по борьбе с организованной преступностью,*занимается рэкетом.*Ричер медленно перевел взгляд слева направо, затем справа налево, остановился на Дирфильде и кивнул.

– Теперь все в порядке. Рад с вами познакомиться. Теперь можно перейти к футболу. Что насчет «Янкиз», вам не кажется, что им нужны свежие игроки?

На лицах пяти смотревших на него людей появились пять разных выражений недовольства. Пултон дернул головой, словно получив пощечину. Ламарр презрительно фыркнула в нос. Блейк поджал губы и покраснел еще больше. Дирфильд вздохнул. Козо искоса бросил взгляд на Дирфильда, прося разрешения вмешаться.

– Мы не будем обсуждать игру «Янкиз», – сказал Дирфильд.

– Тогда что вы скажете насчет индекса Доу-Джонсона? В ближайшее время он не собирается резко упасть?

Дирфильд покачал головой.

– Ричер, не выводите меня из себя. В настоящий момент я ваш лучший друг.

– Нет, мой лучший друг – это Эрнесто А. Миранда, – возразил Ричер. – Дело «Миранда против штата Аризона», по которому Верховный суд принял решение в июне 1966 года. Суд постановил, что были нарушены права Миранды, которые гарантировала Пятая поправка к конституции, поскольку полицейские не предупредили его, что он может хранить молчание и воспользоваться услугами адвоката.

– И что с того?

– А то, что вы не можете говорить со мной до тех пор, пока не зачитаете мне «права Миранды». После чего вы все равно не сможете говорить со мной, потому что моему адвокату потребуется какое-то время на то, чтобы приехать сюда, но даже когда она приедет, то все равно не разрешит мне говорить с вами.

Трое агентов из отдела серийных преступлений широко улыбнулись. Как будто Ричер пытался доказать им какую-то очевидную истину.

– Ваш адвокат – Джоди Джекоб, так? – спросил Дирфильд. – Ваша подруга.

– Что вам известно о моей подруге?

– О вашей подруге нам известно все, – заверил его Дирфильд. – Точно так же, как нам известно все о вас.

– В таком случае, почему вам так не терпится поговорить со мной?

– Она работает в конторе «Спенсер Гутман», так? – продолжал Дирфильд. – У нее отличная репутация. Поговаривают о том, чтобы сделать ее младшим партнером, вы знаете?

– Слышал.

– Возможно, это произойдет в самое ближайшее время.

– Слышал, – повторил Ричер.

– Однако, знакомство с вами вряд ли пойдет ей на пользу. Вас едва ли можно назвать идеальным мужем деловой женщины, вы согласны?

– Меня вообще едва ли можно назвать чьим-либо мужем.

Дирфильд улыбнулся.

– Это просто образное выражение, только и всего. Но «Спенсер Гутман» предпочитает работать в белых перчатках. Знаете, контора обращает внимание на любые мелочи. Но она в первую очередь занимается финансами, верно? В банковском мире у нее имя, это всем хорошо известно. А вот в уголовных делах никакого опыта. Вы точно хотите, чтобы ваши интересы представляла мисс Джекоб? В такой ситуации?

– В какой ситуации?

– В такой, в которой вы оказались.

– А в какой ситуации я оказался?

– Эрнесто А. Миранда был человек недалекий, вам это известно? – сказал Дирфильд. – У него определенно были не все дома. Вот почему Верховный суд, черт побери, отнесся к нему так снисходительно. Он был неполноценным, и поэтому его потребовалось оберегать. А вы, Ричер, тоже человек недалекий? Умственно неполноценный?

– Вполне возможно, раз мне приходится терпеть этот вздор.

– Кстати, права – это для виновных. Вы уже признаёте себя в чем-то виновным?

Ричер покачал головой.

– Я ни в чем не признаюсь. Мне не в чем признаваться.

– Кстати, а старина Эрнесто отправился таки в тюрьму, знаете? Об этом как-то склонны забывать. Его судили повторно и вынесли обвинительный приговор. Он отсидел пять лет. И знаете, что сталось с ним дальше?

Ричер пожал плечами. Ничего не сказал.

– Я тогда как раз работал в Фениксе, – продолжал Дирфильд. – В Аризоне. В отделе расследования убийств полиции города. Как раз перед тем, как перейти в Бюро. В январе 1976 года нас вызвали в один бар. На полу валялся кусок дерьма, из которого торчал засунутый по самую рукоятку длинный нож. Это оказался знаменитый Эрнесто А. Миранда, обливший кровью все вокруг. Никто даже пальцем не пошевелил, чтобы

вызвать скорую помощь. Старина Эрнесто скончался через пару минут после того, как мы приехали.

– Ну и что?

– А то, что прекращайте испытывать мое терпение. Я уже и так потерял целый час, успокаивая этих ребят, которые чуть было не перессорились из-за вас. Поэтому теперь вы передо мной в долгу. Так что если вы ответите на их вопросы, я скажу, когда вам понадобится адвокат и, черт побери, понадобится ли он вообще.

– Что за вопросы?

Дирфильд улыбнулся.

– Что за вопросы? Ну, мы хотим кое-что узнать, вот что за вопросы.

– И что вы хотите узнать?

– Мы хотим узнать, интересны ли вы нам.

– С чего это я могу представлять для вас интерес?

– Ответьте на наши вопросы, и мы это выясним.

Ричер задумался. Положил руки на стол ладонями вверх.

– Ну хорошо. Какие у вас ко мне вопросы?

– Вероятно, вам известно и дело «Брюэр против Уильямса», так? – спросил тот, чья фамилия была Блейк.

Пожилой, излишне полный, в плохой форме, но его губы шевелились достаточно быстро.

– И «Дакуорт против Игана»? – подхватил Пултон.

Ричер посмотрел на него. Пултону было лет тридцать пять, но он казался моложе, – один из тех мужчин, кто остается молодым бесконечно долго. Словно его законсервировали после окончания колледжа. Его костюм был жуткого рыжевато-коричневого цвета, а усы казались фальшивыми, приклеенными.

– Или дело «штат Иллинойс против Перкинса»? – спросила Ламарр.

Ричер перевел взгляд на нее.

– Черт побери, вы что, решили устроить мне экзамен по юриспруденции?

– А что насчет дела «Минник против штата Миссисипи»? – продолжал Блейк.

Пултон улыбнулся.

– «Макнейл против штата Висконсин»?

– «Штат Аризона против Фулминейта»? – спросила Ламарр.

– Вам известна суть этих дел? – подвел итог Блейк.

Ричер задумался, пытаясь найти ловушку, но так ничего и не обнаружил.

– Последующие решения Верховного суда, – наконец сказал он. – Продолжение дела Миранды. Дело Брюэра разбиралось в 1977 году, Дакуорта – в 1989-м, Перкинса и Минника – в 1990-м, Макнейла и Фулминейта – в 1991-м. Во всех этих делах первоначальное решение по делу Миранды уточнялось и переформулировалось.

Блейк кивнул.

– Замечательно.

Ламарр подалась вперед. Отблеск от сверкающей поверхности стола осветил ее лицо снизу, придав ему сходство с черепом.

– Вы были знакомы с Эми Каллан, не так ли? – спросила она.

– С кем?

– Ты прекрасно все расслышал, сукин сын.

Ричер недоуменно посмотрел на нее. Затем женщина по имени Эми Каллан медленно вынырнула из прошлого. Вероятно, это отобразилось у него на лице, потому что на тощем лице Ламарр застыла довольная усмешка.

– Но теплых чувств вы к ней не испытывали, так? – спросила она.

Наступила тишина.

– Хорошо, теперь моя очередь, – заговорил Козо. – На кого вы работаете?

Ричер медленно перевел взгляд направо и задержал его на Козо.

– Я ни на кого не работаю, – сказал он.

– «Не лезьте на нашу территорию», – процитировал Козо. – «На нашу» – множественное число. Один человек про себя так не говорит. Ричер, кто эти «мы»?

– Никаких «мы» нет.

– Чушь, Ричер. Петросян протянул руку к тому ресторану, но вы уже были там. Кто вас послал?

Ричер промолчал.

– А что насчет Каролины Кук? – вмешалась Ламарр. – С ней вы тоже были знакомы, так?

Ричер медленно развернулся обратно к ней. Она продолжала улыбаться.

– Но к ней вы тоже не испытывали теплых чувств, правда?

– Каллан и Кук, – повторил Блейк. – Ричер, выдайте все о них с самого начала, хорошо?

Ричер недоуменно посмотрел на него.

– Выдать что?

Опять молчание.

– Кто послал вас в ресторан? – снова заговорил Козо. – Выкладывайте все начистоту, и я постараюсь добиться для вас смягчения.

Ричер снова повернулся в обратную сторону.

– Меня никто никуда не посылал.

Козо покачал головой.

– Чушь, Ричер. Вы живете в особняке стоимостью полмиллиона долларов на берегу реки в престижном районе Гаррисон и ездите на новеньком джипе стоимостью сорок пять тысяч. При этом, насколько известно налоговой службе, вы не заработали ни цента вот уже почти за три года. А когда кому-то понадобилось отправить в больницу лучших ребят Петросяна, для этой цели пригласили вас. Из всего этого нетрудно заключить, что вы на кого-то работаете, и я хочу знать, на кого именно.

– Я ни на кого не работаю, – повторил Ричер.

– Вы одиночка, так? – спросил Блейк. – Вы хотите сказать именно это?

Ричер кивнул.

– Наверное.

Он повернулся к Блейку. Тот удовлетворенно улыбнулся.

– Я так и думал. Когда вы уволились из армии?

Ричер пожал плечами.

– Около трех лет назад.

– А сколько прослужили?

– Всю свою жизнь. Сначала был сыном военного, затем стал военным сам.

– Вы служили в военной полиции, так?

– Так.

– Быстро продвигались по службе, так?

– Я был майором.

– Медали?

– Несколько.

– В том числе, «Серебряная звезда»?

– Да.

– То есть, первоклассная карьера, так?

Ричер промолчал.

– Не скромничайте, – продолжал Блейк. – Признайтесь.

– Да, моя карьера складывалась хорошо.

– В таком случае, почему вы уволились?

– Это мое дело.

– Вы не хотите о чем-то говорить?

– Вы все равно не поймете.

Блейк улыбнулся.

– Итак, три года. И чем вы занимались?

Ричер снова пожал плечами.

– Да так, ничем. Наверное, просто получал удовольствие от жизни.

– Работали?

– Нечасто.

– Просто бродили по стране, так?

– Наверное.

– И на что вы жили?

– На сбережения.

– Они закончились три месяца назад. Мы проверили в вашем банке.

– Ну, со сбережениями такое случается, правда?

– Так что в настоящий момент вы живете на средства мисс Джекоб, правильно? Вашей подруги, и вашего адвоката. Вас не терзает совесть?

Прищурившись, Ричер посмотрел на обшарпанное обручальное кольцо, стиснувшее пухлый розовый палец Блейка.

– Наверное, не больше, чем вашу жену, которая живет на ваши средства.

Нахмурившись, Блейк помолчал.

– Значит, вы уволились из армии и с тех пор ничем особо не занимались, так?

– Так.

– В основном были предоставлены сами себе.

– В основном.

– Вас это устраивало?

– Вполне.

– Потому что вы одиночка.

– Чушь, он на кого-то работает, – вмешался Козо.

– Черт возьми, этот человек утверждает, что он одиночка! – огрызнулся Блейк.

Дирфильд поворачивал голову то вправо, то влево, словно судья в теннисе, следящий за полетом мяча. Стекла его очков сверкали в отраженном свете. Наконец он поднял руку, призывая к тишине, и остановил свой взгляд на Ричере.

– Расскажите про Эми Каллан и Каролину Кук.

– Что рассказывать? – спросил Ричер.

– Вы знали этих женщин, так?

– Ну да. Это было давно, когда я служил в армии.

– Вот и расскажите про них.

– Каллан была маленькой брюнеткой, Кук высокой блондинкой. Каллан была сержантом, Кук – лейтенантом. Каллан работала секретарем в службе снабжения, а Кук служила в разведке.

– Где?

– Каллан служила в Форт-Уайте под Чикаго. Кук была в штаб-квартире НАТО в Бельгии.

– У вас был секс с ними? – спросила Ламарр.

Ричер пристально посмотрел на нее.

– Что это за вопрос?

– Прямой.

– Хорошо. Нет, не было.

– Они обе были симпатичными, верно?

Ричер кивнул.

– Посимпатичнее вас, это уж точно.

Отвернувшись, Ламарр промолчала. Вместо нее заговорил густо покрасневший Блейк.

– Они были знакомы друг с другом?

– Сомневаюсь. В армии больше миллиона человек, а эти женщины служили в ней в разное время, да еще за тысячи миль друг от друга.

– И между вами и ними не было сексуальных отношений?

– Нет, не было.

– Вы пытались с ними сблизиться?

– Нет, не пытался.

– Почему? Боялись получить отказ?

Ричер покачал головой.

– Если уж вам так хочется знать, в обоих случаях у меня в этот момент была другая женщина, а с меня обычно хватает одной.

– Вы бы хотели заняться сексом с этими женщинами?

По лицу Ричера мелькнула улыбка.

– Существуют вещи и похуже.

– Каллан и Кук согласились бы?

– Может быть, согласились бы, а может быть, и нет.

– А вы как думаете?

– Вы служили в армии?

Блейк покачал головой.

– В таком случае, вы не знаете, как там решаются эти вопросы. В армии большинство людей вступит в половые отношения со всем, что шевелится.

– Значит, вы полагаете, что Каллан и Кук не отвергли бы вас?

Ричер посмотрел Блейку прямо в глаза.

– Да, я не думаю, чтобы с этим возникли какие-либо проблемы.

Наступило долгое молчание.

– Как вы относитесь к тому, что женщины служат в армии? – наконец спросил Дирфильд.

Ричер перевел на него взгляд.

– Что?

– Отвечайте на мой вопрос, Ричер. Как вы относитесь к тому, что женщины служат в армии?

– А как я могу к этому относиться?

– Вы полагаете, из них получаются хорошие военные?

– Глупый вопрос, – сказал Ричер. – Вам самому это прекрасно известно.

– Мне?

– Вы ведь воевали во Вьетнаме, так?

– Я?

– Уверен в этом, – сказал Ричер. – В 1976 году вы работали в полиции штата Аризона? И вскоре после этого перешли в Бюро? Вряд ли бы вам это удалось, если бы вы уклонялись от призыва. По крайней мере, в то время, и в тех краях. Так что вы совершили экскурсию в Индокитай году так в 1970-м, 1971-м. С вашим зрением в авиации вам делать нечего. С такими очками вам прямая дорога в пехоту. И в этом случае вас целый год гоняли по джунглям, причем добрая треть тех, кто давал вам жизни, были женщины. Из них получаются отличные снайперы, правда? Насколько я слышал, очень упорные и усидчивые.

Дирфильд медленно кивнул.

– То есть, вам нравятся женщины-военные.

Ричер пожал плечами.

– Если вам нужны солдаты, в большинстве случаев женщины справятся с задачей ничуть не хуже мужчин. Вспомните Вторую мировую, русский фронт. У женщин там получалось совсем неплохо. Вам приходилось бывать в Израиле? Там женщины тоже на передовой, и мало какие американские части смогут сражаться на равных с израильской армией.

– Значит, вы не видите никаких проблем?

– Лично я – нет.

– Но есть какие-то проблемы помимо личных?

– Наверное, есть еще военные проблемы, – сказал Ричер. – Опыт Израиля показывает, что пехотинец, идущий в атаку, останавливается в десять раз чаще, чтобы помочь раненому товарищу, если этот товарищ – женщина. Это замедляет наступление. Приходится специально отучивать от этого.

– Вы считаете, солдат не должен помогать раненому товарищу? – презрительно спросила Ламарр.

– Должен, но в первую очередь надо думать о том, чтобы выполнить боевую задачу.

– То есть, если бы мы с вами шли в атаку и меня бы ранили, вы бы просто меня бросили?

Ричер улыбнулся.

– Вас – без колебаний.

– Как вы познакомились с Эми Каллан? – спросил Дирфильд.

– Уверен, вам это уже известно.

– И все равно, расскажите. Для протокола.

– А наш разговор протоколируется?

– Можете не сомневаться.

– И вы еще не зачитали мои права?

– В протоколе будет указано, что мы первым делом сообщили вам все ваши права.

Ричер промолчал.

– Расскажите нам про Эми Каллан, – снова сказал Дирфильд.

– Она обратилась ко мне с проблемой, с которой столкнулась в своей части.

– Что это была за проблема?

– Сексуальное домогательство.

– Вы отнеслись к Каллан с сочувствием?

– Да.

– Почему?

– Потому что я никогда не подвергался насилию из-за своего пола. Не знаю, почему в случае с Каллан все должно было быть иначе?

– И что вы сделали?

– Арестовал офицера, которого она обвинила.

– А что вы сделали потом?

– Ничего. Я был полицейским, а не следователем. Я передал дело в военную прокуратуру.

– И чем все закончилось?

– Офицер выиграл процесс. Эми Каллан пришлось уйти из армии.

– Но карьера офицера все равно была разбита.

Ричер кивнул.

– Да.

– И как вы к этому отнеслись?

– Со смешанным чувством. Насколько мне было известно, это был нормальный офицер. Но в конце концов я поверил не ему, а Каллан. На мой взгляд, он был виновен. Так что, наверное, я был рад, когда он уволился. С другой стороны, все вышло очень некрасиво. Вердикт «невиновен» не должен рушить карьеру.

– Значит, вам было его жалко?

– Нет, мне было жалко Каллан. И мне было жалко армию. История получилась очень неприятная. В итоге оказались загублены две карьеры, хотя можно было бы обойтись одной.

– А что насчет Каролины Кук?

– С Кук дело обстояло иначе.

– То есть?

– Другое время, другое место. Это случилось за границей. Каролина Кук была в близких отношениях с одним полковником. Это продолжалось около года. На мой взгляд, все было по обоюдному согласию. Кук подняла шум позже, когда не получила повышения.

– И в чем же тут отличие?

– В том, что одно никак не было связано с другим. Тот парень трахал Кук потому, что та сама была рада этому, а повышения она не получила, потому что недостаточно хорошо справлялась со своей работой. Эти две вещи между собой никак не связаны.

– Быть может, Кук считала, что полковник должен был расплатиться с ней за год любовных утех.

– В таком случае, речь могла идти только о нарушении договорных обязательств. Все равно как если бы клиент надул проститутку. Но сексуальные домогательства тут не при чем.

– Значит, вы не предприняли никаких мер?

Ричер покачал головой.

– Нет, я арестовал полковника, поскольку к этому времени порядки изменились. Сексуальные отношения между начальником и подчиненным были объявлены вне закона.

– И?

– Полковника с позором уволили, жена его бросила и он покончил с собой. Но Кук тоже пришлось расстаться с армией.

– А что сталось с вами?

– Я получил перевод из штаб-квартиры НАТО.

– Почему? Вы были разочарованы таким оборотом дела?

– Нет, я понадобился в другом месте.

– Кому? Почему именно вы?

– Потому что я был хорошим следователем. В Бельгии я напрасно терял время. В Бельгии ничего не происходит.

– После этого вам часто приходилось встречаться со случаями сексуальных домогательств?

– Естественно. Это стало очень распространенным явлением.

– И у многих хороших парней из-за этого оказались поломаны карьеры? – спросила Ламарр.

Ричер повернулся к ней.

– Были и такие. По сути дела, началась охота на ведьм. На мой взгляд, большинство дел были обоснованными, но под горячую руку попадали и невиновные. Нормальные человеческие отношения двух людей вдруг оказывались противозаконными. Просто потому, что изменились правила. Среди невиновных жертв были в основном мужчины. Но встречались и женщины.

– В общем, это был настоящий бардак, да? – сказал Блейк. – И началось все с таких надоедливых женщин как Каллан и Кук?

Ричер промолчал. Козо забарабанил пальцами по столу.

– Я все-таки хочу вернуться к вашим отношениям с Петросяном.

Ричер развернулся к нему.

– Никаких отношений с Петросяном у меня нет. Я никогда не слышал ни о каких Петросянах.

Зевнув, Дирфильд посмотрел на часы. Сдвинув очки на лоб, он протер глаза кулаками.

– Уже полночь, вы знаете? – сказал он.

– Вы обращались с Каллан и Кук вежливо? – снова заговорил Блейк.

Прищурившись, Ричер бросил взгляд против света на Козо, затем снова повернулся к Блейку. Жаркий желтый свет сверху отражался от красноватой полировки и делал его одутловатое лицо багровым.

– Да, я обращался с ними вежливо.

– Вы встречались с ними после того, как передали их дела прокурору?

– Наверное, раза два – три, мимоходом.

– Они вам доверяли?

Ричер пожал плечами.

– Думаю, да. Моя работа состояла в том, чтобы заставить их поверить мне. Мне нужно было вытягивать из них самые интимные подробности.

– Вам часто приходилось разбирать подобные дела?

– Они исчислялись сотнями. Думаю, пару десятков прошло через меня, пока не создали специальное подразделение.

– Назовите еще какую-нибудь женщину, чье дело вы разбирали.

Пожав плечами, Ричер мысленно перебрал свои кабинеты в жарких местах, в холодных местах, с большими письменными столами, с маленькими письменными столами, за окном кабинета солнце, за окном кабинета тучи, а перед столом оскорбленные и разъяренные женщины, запинаясь, рассказывающие подробности того, что с ними было.

– Ну, например, Рита Симека, – наконец сказал он.

Блейк переглянулся с Ламарр; та нагнулась и достала из чемоданчика толстую папку. Положила ее на стол. Блейк взял папку и стал ее листать. Провел пухлым пальцем по длинному списку и кивнул.

– Хорошо. И что произошло с мисс Симекой?

– С лейтенантом Симекой, – поправил Ричер. – Это было в Форт-Брэгге, штат Джорджия. Ребята назвали случившееся неудачной шуткой, она назвала это групповым изнасилованием.

– И чем все кончилось?

– Симека выиграла дело. Трое человек отправились за решетку, а потом были с позором уволены.

– А что сталось с лейтенантом Симекой?

Ричер в который раз пожал плечами.

– Сначала она была вполне довольна исходом. Чувствовала себя отмщенной. Затем пришла к выводу, что армейская служба для нее безнадежно испорчена, и уволилась.

– Где она сейчас?

– Понятия не имею.

– Предположим, вы с ней где-нибудь встретитесь. Например, приедете в какой-то город и увидите ее в магазине или ресторане. Как она отреагирует?

– Понятия не имею. Наверное, поздоровается. Возможно, мы немного поболтаем, где-нибудь посидим.

– Она будет рада вас видеть?

– Думаю, да.

– Потому что она запомнила вас как хорошего парня?

Ричер кивнул.

– Ей пришлось пройти через ад. И я имею в виду не только то, что с ней случилось, но и судебный процесс. Так что следователю приходится устанавливать особую связь с потерпевшим. Он должен быть ему другом и опорой.

– Значит, жертвы становились вашими друзьями?

– Да, если я делал все правильно.

– Как вы думаете, что произойдет, если вы постучитесь домой к лейтенанту Симеке?

– Я не знаю, где она живет.

– Предположим, вы это узнаете. Она вас впустит?

– Не знаю.

– Она вас узнает?

– Скорее всего.

– И вспомнит, что вы друг?

– Думаю, да.

– Итак, если вы постучите к ней в дом, она вас впустит, верно? Откроет дверь, увидит своего старого друга, впустит вас к себе и угостит кофе или еще чем-нибудь. Поговорит с вами о старых временах.

– Возможно, – сказал Ричер. – Вероятно.

Кивнув, Блейк умолк. Ламарр тронула его за руку, он наклонился к ней и выслушал то, что она шепнула ему на ухо. Снова кивнув, Блейк повернулся к Дирфильду и в свою очередь принялся нашептывать ему на ухо. Дирфильд взглянул на Козо. При этом трое агентов из Квантико откинулись назад, едва заметное движение, которое, однако, красноречиво говорило: «Отлично, мы заинтересованы.» Козо встревоженно посмотрел на Дирфильда. Тот подался вперед, уставившись сквозь стекла очков прямо на Ричера.

– Ситуация очень затруднительная.

Ричер ничего не ответил. Молча сидел и ждал.

– Что именно произошло в ресторане? – спросил Дирфильд.

– Ничего.

Дирфильд покачал головой.

– Вы находились под наблюдением. Мои люди вот уже неделю следили за вами. Сегодня вечером к ним присоединились специальные агенты Пултон и Ламарр. Они все видели.

Ричер удивленно уставился на него.

– Вы следили за мной целую неделю?

Дирфильд кивнул.

– Если точнее, восемь дней.

– Почему?

– К этому мы вернемся позже.

Словно очнувшись, Ламарр снова нагнулась к своему чемоданчику. Достала еще одну папку. Раскрыла ее и вынула несколько листов бумаги. Четыре или пять, подколотые вместе. Покрытые убористым машинописным текстом. Одарив Ричера ледяной улыбкой, Ламарр перевернула листы и подтолкнула их по столу. Попав в струю воздуха из кондиционера, листы рассыпались. Скрепка зацепилась за дерево, и листы остановились прямо перед Ричером. В них он именовался «объектом». Это был подробный перечень всех мест, где он побывал, и всего того, чем он занимался в течение последних восьми суток. С точностью до секунды. С точностью до мельчайшей детали. Оторвавшись от листов, Ричер посмотрел в улыбающееся лицо Ламарр и кивнул.

– Что ж, судя по всему, ФБР прекрасно умеет вести слежку, – сказал он. – Я ничего не заметил.

Наступило молчание.

– Так что же произошло в ресторане? – снова спросил Дирфильд.

Ричер ответил не сразу. «Искренность – лучшая стратегия,» – наконец решил он. Обдумал свои слова. Сглотнул комок в горле. Кивнул в сторону Блейка, Ламарр и Пултона.

– Полагаю, эти крючкотворы назовут это «превышением необходимых мер». Я совершил маленькое преступление, чтобы помешать свершиться большому.

– Вы действовали один? – спросил Козо.

Ричер кивнул.

– Да, один.

– Тогда что означает фраза «не лезьте на нашу территорию»?

– Я хотел, чтобы мое предупреждение выглядело убедительно. Мне было нужно, чтобы этот Петросян – кем бы он ни был, черт побери! – отнесся к нему серьезно. Решил, что столкнулся с другой организацией.

Перегнувшись через стол, Дирфильд забрал протокол о наружном наблюдении. Развернул и начал листать.

– Здесь указано, что у Ричера не было никаких контактов ни с кем кроме мисс Джоди Джекоб. Она не имеет никакого отношения к рэкету. Что насчет телефонных звонков?

– Вы прослушивали мой телефон? – спросил Ричер.

Дирфильд кивнул.

– Мы и в вашем мусоре копались.

– С телефоном тоже все чисто, – сказал Пултон. – Ричер разговаривал только с мисс Джекоб. Он ведет очень замкнутый образ жизни.

– Это так, Ричер? – спросил Дирфильд. – Вы ведете замкнутый образ жизни?

– Как правило, – подтвердил Ричер.

– Значит, вы действовали в одиночку, – заключил Дирфильд. – Просто обеспокоенный гражданин. Ни личных контактов с гангстерами, ни инструкций по телефону. – Он вопросительно посмотрел на Козо. – Джеймс, ты удовлетворен?

Тот, пожав плечами, кивнул.

– Полагаю, у меня нет выбора.

– Значит, обеспокоенный гражданин, так, Ричер? – спросил Дирфильд.

Ричер молча кивнул.

– Вы можете это доказать? – продолжал Дирфильд.

Ричер пожал плечами.

– Я мог бы забрать оружие. Если бы я был связан с преступностью, я бы обязательно так поступил. Но я этого не сделал.

– Да, вы бросили пистолеты в мусорный контейнер.

– Но предварительно вывел их из строя.

– Забив грязью механизм. Зачем вы это сделали?

– Чтобы если их и нашли, то все равно не смогли бы использовать.

Дирфильд кивнул.

– Обеспокоенный гражданин. Вы увидели несправедливость и решили ее исправить.

Ричер тоже кивнул.

– Наверное.

– Кто-то же должен этим заниматься, так?

– Наверное.

– Вы терпеть не можете несправедливость, так?

– Наверное, нет.

– И вы видите разницу между добром и злом.

– Надеюсь.

– Вам не нужно вмешательство компетентных органов, потому что вы сами принимаете решение.

– Обычно.

– Вас полностью устраивает ваш личный моральный кодекс.

– Наверное.

Наступило молчание. Дирфильд долго смотрел Ричеру в лицо.

– Так почему же вы забрали деньги? – наконец спросил он.

Ричер пожал плечами.

– Наверное, боевая добыча. Трофей.

Дирфильд кивнул.

– Часть кодекса, так?

– Наверное.

– Вы ведете игру по своим правилам, так?

– Обычно.

– Вы не возьмете ни цента у пожилой дамы, но нет ничего плохого в том, чтобы отобрать деньги у пары плохих ребят.

– Наверное.

– Личный кодекс.

Ричер снова пожал плечами. Ничего не сказал. Молчание затягивалось.

– Вы что-нибудь знаете о построении психологического портрета преступника? – вдруг спросил Дирфильд.

Ричер ответил не сразу.

– Только то, что читал в газетах.

– Это наука, – заговорил Блейк. – Мы много лет работали над этим в Квантико. В настоящий момент специальный агент Ламарр является нашим ведущим специалистом в этом вопросе. Специальный агент Пултон ей помогает.

– Мы изучаем места преступлений, – сказала Ламарр. – Изучаем скрытые психологические индикаторы, определяем, какие черты характера может иметь преступник.

– Изучаем жертвы, – подхватил Пултон. – Пытаемся предположить, перед кем они были особенно беззащитны.

– Какие преступники? – спросил Ричер. – Какие места преступлений?

– Сукин сын! – выругалась Ламарр.

– Эми Каллан и Каролина Кук, – сказал Блейк. – Обе стали жертвами убийств.

Ричер молча уставился на него.

– Каллан была первой, – продолжал Блейк. – Очень характерные обстоятельства, но одно убийство – это всего лишь одно убийство, так? Затем была убита Кук. Те же самые обстоятельства. То есть, преступления приобрели характер серийных.

– Мы стали искать связь, – сказал Пултон. – Между жертвами. И найти ее оказалось несложно. Обе служили в армии, обе судились из-за сексуальных домогательств, обеим пришлось уволиться.

– В обоих случаях преступления были спланированы безукоризненно, – сказала Ламарр. – Возможно, это указывает на армейскую организованность. Никаких следов. Никаких улик. Преступник определенно был человек очень доскональный, и определенно он был знаком со следовательской практикой. Возможно, он сам опытный следователь.

– В обоих случаях никаких следов насильственного проникновения в жилище, – сказал Пултон. – Жертвы впускали убийцу в дом, не задавая вопросов.

– То есть, они обе его знали, – подытожил Блейк.

– Обе ему доверяли, – сказал Пултон.

– К ним в гости заглянул друг, – сказала Ламарр.

В комнате наступила тишина.

– Вот кем он был, – снова заговорил Блейк. – Гость. Человек, которого жертвы воспринимали как друга. С которым их что-то связывало.

– Друг приходит в гости, – сказал Пултон. – Звонит в дверь, ему открывают и говорят: «Привет, как я рада снова видеть тебя.»

– Он заходит в дом, – сказала Ламарр. – Все так просто.

В комнате опять наступила тишина.

– Мы исследовали преступления с точки зрения психологии, – снова заговорила Ламарр. – Чем эти женщины так провинились, что у кого-то возникло желание с ними расправиться? Поэтому мы стали искать военного, который хотел уладить старые счеты. Возможно, человека, приходящего в бешенство от одной мысли, что какие-то склочные девки разбивают карьеры отличным солдатам, после чего все равно бросают армию. Похотливые стервы доводят отличных мужчин до самоубийства?

– Человека с четкими представлениями о добре и зле, – подхватил Пултон. – Человека, имеющего личный моральный кодекс и считающего допустимым самостоятельно исправлять несправедливость. Человека, который рад действовать сам, не привлекая компетентные органы, понимаете?

– Человека, которого знали обе жертвы, – добавил Блейк. – Которого они знали настолько хорошо, что впустили к себе в дом, не задавая вопросов.

– Человека, умеющего быстро принимать решения, – сказала Ламарр. – Который, задумавшись всего на секунду, отправляется покупать машинку для распечатки ценников и тюбик клея, просто чтобы решить неожиданно возникшую маленькую проблему.

Опять наступила тишина.

– Армия пропустила Каллан и Кук через свои компьютеры, – продолжала Ламарр. – Вы были совершенно правы, они не знали друг друга. У них было очень немного общих знакомых. Практически не было вообще. Но одним из этих общих знакомых были вы.

– Хотите узнать один любопытный факт? – сказал Блейк. – В свое время серийные убийцы предпочитали ездить на «Фольксвагенах-Жуках». Практически все. Это не поддавалось объяснению. Затем они прешли на

мини-вэны. А теперь на джипы, большие, полноприводные, совсем как у вас. Это чертовски надежный показатель.

Нагнувшись к Дирфильду, Ламарр забрала лежавшие перед ним листы и постучала по ним пальцем.

– Они ведут замкнутый образ жизни. Общаются максимум с одним человеком. Живут за счет других, родственников или друзей, как правило, женщин. Они не занимаются тем, чем занимаются нормальные люди. Почти не говорят по телефону. Они очень молчаливые и скрытные.

– Они хорошо разбираются в работе правоохранительных органов, – сказал Пултон. – Прекрасно знают законы, в первую очередь, все малоизвестные судебные решения, которые помогают им защищать свои права.

Снова тишина.

– Составление психологического портрета преступника, – наконец сказал Блейк. – Это точная наука. В большинстве штатов она считается достаточным основанием для выдачи ордера на арест.

– Она никогда не ошибается, – решительно заявила Ламарр.

Не отрывая взгляда от Ричера, она откинулась назад, обнажив кривые зубы в удовлетворенной усмешке. В комнате снова наступило молчание.

– Ну и? – наконец спросил Ричер.

– Итак, кто-то убил двух женщин, – сказал Дирфильд.

– И?

Дирфильд посмотрел направо, на Блейка, Ламарр и Пултона.

– И эти агенты считают, что это сделал человек, в точности похожий на вас.

– Ну и?

– Поэтому мы задали вам все эти вопросы.

– И?

– И я пришел к выводу, что они были абсолютно правы. Это действительно сделал человек, в точности похожий на вас. Быть может, даже *вы*.

## Глава 4

– Нет, это был не я, – сказал Ричер.

Блейк усмехнулся.

– Все вы так говорите.

Ричер бросил на него презрительный взгляд.

– Блейк, ты мешок с дерьмом. У тебя есть две убитые женщины и больше ничего. То, что обе служили в армии, возможно, просто совпадение. Из армии увольняются сотни женщин, подвергшихся насилию, – быть может, даже тысячи. Почему вы ухватились за эту связь?

Блейк промолчал.

– И почему убийца похож на меня? – продолжал Ричер. – Это тоже лишь предположение. И вот к чему в конечном счете сводится весь ваш бред о психологическом портрете, так? Вы говорите, что это сделал человек, похожий на меня, потому что вы так*считаете*.Никаких доказательств у вас нет.

– Никаких доказательств у нас нет, – подтвердил Блейк.

– Преступник их не оставил, – сказала Ламарр. – И вот из чего мы исходили. Преступник, несомненно, человек умный, поэтому мы стали искать умных. Вы ведь не будете отрицать, что вы умный?

Ричер смерил ее взглядом.

– Таких, как я, тысячи.

– Нет, миллионы, тщеславный ублюдок, – сказала она. – Но мы стали сужать круг дальше. Умный человек, одиночка, бывший военный, знал обеих женщин, уверен в собственной правоте, жестокий. От миллионов остались тысячи, потом сотни, потом десятки, и, наконец, вы один.

Наступила тишина.

– Я? – наконец спросил Ричер. – Да вы сошли с ума. – Он повернулся к Дирфильду, остававшемуся молчаливым и внешне безучастным. – И*вы*тоже считаете, что это сделал я?

Дирфильд пожал плечами.

– Ну, если это не вы, то человек, абсолютно на вас похожий. И *язнаю,* что вы уложили двух человек в больницу. Из-за одного этого у вас уже будут большие неприятности. Ну а насчет другого – тут я незнаком с делом. Но Бюро доверяет своим специалистам. В конце концов, именно поэтому мы их и приглашаем.

– Они ошибаются, – сказал Ричер.

– Но можете ли вы это доказать?

Ричер посмотрел ему в глаза.

– А мне нужно это доказывать? А как же насчет презумпции невиновности?

Дирфильд усмехнулся.

– Пожалуйста, давайте останемся в реальном мире, хорошо?

Последовало молчание.

– Даты, – сказал Ричер. – Назовите мне даты и места.

Опять наступила тишина. Дирфильд сидел, уставившись в пустоту.

– Каллан была убита семь недель назад, – наконец сказал Блейк. – Кук убили четыре недели назад.

Ричер мысленно пробежался по времени назад. Четыре недели назад – это было самое начало осени; семь недель назад вернули его в конец лета. В конце лета он вообще ничего не делал. Воевал с лужайкой. Вымахавшие за три месяца сорняки выводили его на улицу каждый день с косой, мотыгой и прочими непривычными инструментами в руках. Он по несколько дней подряд не виделся с Джоди. У нее тогда тоже работы было по горло. Целую неделю она провела за границей, в Лондоне. Ричер не смог вспомнить точно, когда именно это было. Для него этот промежуток одиночества был заполнен борьбой с буйной растительностью, цеплявшейся за каждую пядь лужайки за особняком.

В начале осени он перенес свою деятельность в дом. Там было много дел. Но он делал их в одиночку. Джоди оставалась в городе, занятая бесконечной работой. Изредка они проводили ночь вдвоем. Но и только. Никаких поездок, ни билетных корешков, ни регистрационных карточек в гостиницах, ни отметок в паспорте. Никакого алиби.

Ричер посмотрел на сидящих перед ним семерых сотрудников ФБР.

– Я должен поговорить со своим адвокатом.Двое местных часовых провели Ричера назад в первую комнату. Его статус изменился. На этот раз они остались вместе с ним, встав по обе стороны закрытой двери. Ричер уселся в пластиковое кресло, не обращая на них внимания. Слушая бесконечный шепот вентиляционных труб в разобранном потолке, ни о чем не думая.

Ему пришлось ждать почти два часа. Часовые терпеливо стояли у дверей, не глядя в его сторону, не разговаривая, даже не шевелясь. Ричер сидел в кресле, откинувшись назад, разглядывая трубы над головой. Комната была оборудована сплит-системой. По одним трубам

подавался свежий воздух, по другим отводился спертый. Система была понятной. Ричер проводил взглядом по воздуховодам, представляя себе большие ленивые вентиляторы на крыше, медленно вращающиеся в противоположных направлениях, которые заменяли зданию легкие. Представляя себе свое дыхание, поднимающееся в ночное небо над Манхэттеном и улетающее в сторону Атлантики. Представляя себе, как чертовы молекулы парят и рассеиваются в атмосфере, увлекаемые бризом. За два часа их могло отнести от берега миль на двадцать. Или на тридцать. Или на сорок. Все зависит от погодных условий. Ричер не мог вспомнить, какая вечером была погода. Кажется, ветра не было. Определенно, в воздухе висел туман. Если бы дул приличный ветер, туман бы рассеялся. Значит, вечер был безветренный, так что его дыхание, вероятно, до сих пор упрямо висит в небе прямо над ленивыми вентиляторами.

Затем в коридоре послышались шаги, дверь открылась, часовые вышли и в комнату вошла Джоди. Ослепительная на фоне серых стен. На ней было нежно-розовое платье, а поверх него шерстяной джемпер на пару тонов темнее. Ее волосы до сих пор хранили свет летнего солнца. Глаза были ярко-голубые, а кожа отливала цветом меда. Несмотря на разгар ночи, Джоди выглядела свежей словно утро.

– Привет, Ричер, – сказала она.

Он молча кивнул. В ее глазах светилась тревога. Подойдя ближе, Джоди нагнулась и поцеловала Ричера в губы. От нее пахло цветами.

– Ты говорила с ними? – спросил он.

– Я не тот человек, кто должен иметь с ними дело, – сказала она. – Финансовое право – пожалуйста, но в уголовном праве я ничего не смыслю.

Джоди стояла перед креслом, высокая и стройная, склонив голову набок. При каждой новой встрече она казалась Ричеру все более красивой. Он встал и устало потянулся.

– Ничего делать не придется.

Джоди покачала головой.

– Придется, черт побери.

– Никаких женщин я не убивал.

Она пристально посмотрела на него.

– Конечно, не убивал. Я это знаю. И *они* тоже знают. В противном случае тебя заковали бы в кандалы и отправили прямиком в Квантико, а не

оставили здесь. Речь идет о другом. Вот *это* они видели. Ты отправил двух человек в больницу прямо у них на глазах.

– Нет, это тут не при чем. Бюро среагировало слишком быстро. Все было организовано еще до того, как *я сделал* это. Я не имею никакого отношения к рэкету. А только в этом и заинтересован Козо – в организованной преступности.

Джоди кивнула.

– Козо доволен. Очень доволен. Он убрал двух громил с улицы, пальцем о палец не ударив. Но разве ты не видишь, что все превратилось в «Уловку-22»[1]? Для того, чтобы убедить Козо, ты должен представить себя одиночкой с обостренным чувством справедливости, но чем больше ты будешь выставлять себя одиночкой с обостренным чувством справедливости, тем больше ты будешь втискиваться в психологический портрет, составленный в Квантико. Так что по какой бы причине тебя сюда ни притащили, начинай запутывать ребят из Бюро.

– Этот психологический портрет – чушь собачья.

– Они так не думают.

– Это чушь собачья. Они нарисовали его с меня.

Джоди покачала головой.

– Нет, его нарисовали с человека, похожего на тебя.

– Так или иначе, я просто уйду отсюда.

– Не получится. Ты влип в беду. В любом случае, Ричер, то, как ты расправился с теми громилами, видели. И не кто-нибудь, а агенты ФБР при исполнении служебных обязанностей.

– Те ублюдки получили по заслугам.

– Почему?

– Потому что они собирались пощипать того, кого нельзя щипать.

– Вот видишь? Ты сам строишь дело против себя. Одиночка, живущий по своему моральному кодексу.

Пожав плечами, Ричер отвернулся.

– Я для этого не подхожу, – повторила Джоди. – Я не занимаюсь уголовными делами. Тебе нужен другой адвокат.

– Никакие адвокаты мне не нужны, – упрямо заявил Ричер.

– Нет, Ричер, адвокат тебе нужен. Определенно нужен, черт побери. Во имя всего святого, это же*ФБР!*

Он молчал.

– Ты должен отнестись ко всему серьезно, – настаивала Джоди.

– Не могу. Это чушь собачья. Никаких женщин я не убивал.

– Но ты сам подстроился под психологический портрет. И теперь тебе будет очень трудно доказать, что Бюро ошиблось. Доказывать обратное всегда трудно. Так что тебе понадобится хороший адвокат.

– Они сказали, что я испорчу тебе карьеру. Что я для тебя неподходящий муж.

– Ну, это тоже чушь собачья. Но даже если бы это была правда, мне все равно. Я настаиваю на том, чтобы ты пригласил другого адвоката, не ради себя. Ради тебя.

– Никакие адвокаты мне*не нужны.*

– Тогда зачем ты меня вызвал?

Ричер улыбнулся.

– Я думал, ты меня немного приободришь.

Шагнув в его объятия, Джоди поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы.

– Я тебя люблю, Ричер, – сказала она. – Очень люблю, ты ведь это знаешь, правда? Но тебе нужен другой адвокат. Я ведь понятия не имею, что делать.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шепотом вентиляции над головой – тихим шелестом воздуха по металлу, бесшумным звуком бегущего времени. Ричер вслушался в него.

– Мне дали копию протокола о наружном наблюдении, – наконец сказала Джоди.

Ричер кивнул.

– Я так и думал.

– Почему?

– Потому что это вычеркивает меня из подозреваемых.

– Каким образом?

– Потому что речь идет не о двух женщинах.

– То есть?

– Нет, речь идет о*трех*женщинах. Только так.

– Почему?

– Потому что тот, кто их убивает, работает по графику. Ты еще не поняла? У него трехнедельный цикл. Семь недель назад, четыре недели назад, так что следующее убийство уже произошло, на прошлой неделе. За мной установили наблюдение, чтобы вычеркнуть меня из подозреваемых.

– Так почему же тебя забрали, да еще с таким шумом? Раз ты вычеркнут из подозреваемых?

– Не знаю, – сказал Ричер.

– Быть может, график расстроился. Быть может, убийца остановился после двух преступлений.

– После двух преступлений никто не останавливается. Человек, совершивший больше одного убийства, продолжает убивать дальше.

– А может быть, убийца заболел и вынужден был устроить перерыв. Возможно, следующее убийство будет не раньше чем через несколько месяцев.

Ричер молчал.

– Быть может, его арестовали за что-то другое, – продолжала Джоди. – Такое время от времени случается. Понимаешь, за что-то совершенно не связанное с первыми двумя убийствами. Возможно, он просидит в тюрьме десять лет, и никто никогда не узнает, что это было он. Ричер, тебе нужен хороший адвокат. Получше меня. Все будет очень непросто.

– Ты должна была меня приободрить, ты забыла?

– Нет, я должна дать тебе хороший совет.

Он промолчал, охваченный внезапным сомнением.

– Не надо забывать и о другом, – сказала Джоди. – О тех двух парнях. С ними ты уж точно попал в беду.

– За них мне нужно сказать спасибо.

– Так не получится.

Ричер промолчал.

– Пойми, это не армия, – настаивала Джоди. – Ричер, это Нью-Йорк. Здесь нельзя просто затащить двух парней за угол и поучить их

уму-разуму с помощью кулаков. Бюро ищет, что бы такое на тебя повесить, и ты не можешь отрицать, что за тобой водятся грешки.

– Я ничего не делал.

– Ошибаешься, Ричер. Ты отправил двух человек в больницу.*На глазах у ФБР.*Разумеется, плохих парней, но здесь существуют определенные правила. И ты их нарушил.

В коридоре за дверью послышались шаги, громкие и тяжелые. Трое мужчин, идущих быстро. Дверь открылась. В комнату вошел Дирфильд. Следом за ним двое местных верзил. Не обращая внимания на Ричера, Дирфильд обратился к Джоди.

– Мисс Джекоб, время вашего разговора с клиентом наедине истекло.

Он возглавил маленькую процессию, направившуюся обратно в комнату с длинным столом. Местные агенты встали по бокам от Ричера и последовали за ним. Джоди вошла в комнату последней и заморгала, попав в яркий свет ламп. С противоположной стороны стола поставили второе кресло. Дирфильд молча указал на него. Взглянув на него, Джоди обошла стол и села рядом с Ричером. Тот под прикрытием сверкающего стола пожал ей руку.

Двое местных парней заняли места у стены. Ричер прищурился, глядя против света. Перед ними сидели те же люди в том же порядке. Пултон, Ламарр, Блейк, Дирфильд, а затем Козо, окруженный двумя пустыми креслами. Но теперь на столе стоял плоский черный диктофон. Нагнувшись, Дирфильд нажал красную клавишу. Назвал дату, время, место. Представил всех девятерых присутствующих. Положил руки на стол.

– Алан Дирфильд обращается к подозреваемому Джеку Ричеру, – сказал он. – Вы арестованы по следующим двум пунктам обвинения.

Дирфильд помолчал.

– Во-первых, ограбление с нанесением тяжких телесных повреждений, – снова заговорил он. – Личности двоих потерпевших пока что не установлены.

Джеймс Козо подался вперед.

– Во-вторых, содействие преступной организации, занимающейся вымогательством.

Дирфильд улыбнулся.

– Вы имеете право хранить молчание. Все ваши слова будут записаны и впоследствии могут быть использованы в суде против вас. Вы имеете

право на защиту. Если вы не можете позволить себе оплатить услуги адвоката, защитник будет предоставлен вам бесплатно штатом Нью-Йорк.

Нагнувшись к диктофону, Дирфильд нажал клавишу паузы.

– Я все правильно сказал? Учитывая, какой вы дока по части прав Миранды?

Ричер ничего не ответил. Снова улыбнувшись, Дирфильд отжал клавишу паузы, и диктофон с жужжанием ожил.

– Вы понимаете свои права? – спросил он.

– Да, – ответил Ричер.

– Вы хотите сделать какое-либо заявление?

– Нет.

– Это все? – спросил Дирфильд.

– Да, – ответил Ричер.

Дирфильд кивнул.

– Закончим на этом.

Протянув руку, он выключил диктофон.

– Я хочу освобождения своего клиента под залог, – сказала Джоди.

Дирфильд покачал головой.

– В этом нет необходимости. Мы отпускаем его под подписку о невыезде.

В комнате наступила тишина.

– А что насчет другого обвинения? – наконец спросила Джоди. – Я имею в виду тех убитых женщин?

– Расследование продолжается, – сказал Дирфильд. – Ваш клиент свободен.

## Глава 5

Ричера отпустили около трех ночи. Джоди разрывалась между желанием остаться с ним и необходимостью вернуться в контору и закончить срочную работу. Ричеру удалось ее успокоить и отправить назад на работу. Один из местных агентов подбросил Джоди до Уолл-стрит. Ричеру вернули все его вещи за исключением пачки украденных денег. Затем другой местный агент отвез его в Гаррисон, промчавшись пятьдесят восемь миль за сорок семь минут. Он установил

на приборной панели красную мигалку, подсоединенную проводом к прикуривателю, и не выключал ее всю дорогу. Красные блики отражались от густого тумана. Ночь выдалась темная и холодная, и дорожное покрытие было мокрым и скользким. Агент не произнес ни звука. Просто резко затормозил у дорожки, ведущей к особняку Ричера, и рванул с места, как только захлопнулась передняя правая дверь. Ричер проводил взглядом мигающий красный огонек, скрывшийся в речном тумане, и, развернувшись, направился к дому.

Особняк достался ему в наследство от Леона Гарбера, отца Джоди и командира Ричера. Та неделя в самом начале лета была полна неожиданностей, как хороших, так и плохих. Ричер снова встретился с Джоди после стольких лет, узнал, что она была замужем и развелась, узнал, что Леон умер, оставив ему этот дом. Ричер любил Джоди в течение пятнадцати лет, с тех пор, как впервые увидел ее на военной базе на Филиппинах. Ей тогда исполнилось пятнадцать лет, она только начинала расцветать красотой взрослой женщины. Но она была дочерью его командира, и он безжалостно сокрушил свои чувства, словно постыдную тайну, не дав им увидеть белый свет. Ричеру казалось, этими чувствами он предаст и Джоди, и Леона, а на предательство Леона он не пошел бы ни за что на свете, потому что Леон был для своих подчиненных царем и богом, и Ричер любил его как родного отца. Что делало Джоди его сестрой, а к родной сестре такие чувства не испытывают.

По воле случая Ричер попал на похороны Леона; там он снова встретил Джоди, и они смущенно препирались друг с другом пару дней, пока она не призналась в том, что испытывала те же самые чувства и скрывала их по тем же самым причинам, только вывернутым наоборот. Это откровение стало громом среди ясного неба, ослепительным протуберанцем счастья, озарившим ту неделю неожиданностей.

Так что встреча с Джоди стала хорошей неожиданностью, а смерть Леона – плохой, тут не было никаких сомнений, но доставшийся в наследство особняк явился одновременно*и*хорошей, *и*плохой неожиданностью. Этот лакомый кусок первоклассной недвижимости стоимостью полмиллиона долларов горделиво высился на берегу Гудзона напротив академии Уэст-Пойнт. Особняк был очень уютный, но он стал для Ричера головной болью. Он*приковал*его к месту, отчего Ричеру стало очень неуютно. Всю свою жизнь ему приходилось постоянно быть в движении, поэтому он никак не мог привыкнуть к необходимости оставаться долго на одном месте. И Ричер никогда не жил в особняках. Казармы, служебные квартиры, мотели были ему более привычны. Это уже успело впитаться ему в кровь.

К тому же, его беспокоила мысль о собственности. Всю свою жизнь Ричер не имел ничего больше того, что могло поместиться у него в

карманах. В детстве у него была бейсбольная бита и больше почти ничего. Став взрослым, он однажды прожил целых семь лет, не имея абсолютно ничего кроме пары ботинок, которые он предпочитал казенным. Затем женщина подарила ему бумажник с затянутым пластиком окошком, в которое была вставлена ее фотография. Расставшись с женщиной, Ричер выбросил фотографию, но бумажник оставил. Так прошли следующие шесть лет службы: с ботинками и бумажником. После увольнения он добавил к ним зубную щетку. Складывающуюся пополам, которую он хранил в кармане как ручку. Еще у него были часы. Армейского образца, начинавшие жизнь казенной собственностью, но ставшие его личными, когда министерство обороны не потребовало их назад. И все. Ботинки на ногах, одежда на нем, мелочь в кармане брюк, крупные купюры в бумажнике, зубная щетка в кармане и часы на руке.

И вот сейчас у него появился целый дом. А дом – это очень запутанная штука. Большой, сложный, живой организм. Все началось с подвала. Подвал оказался огромным, мрачным пространством с бетонным полом и бетонными стенами и балками перекрытий, выступающими над головой костями скелета. В подвале находились трубы, провода и механизмы. Топка. Где-то во дворе была закопана цистерна с мазутом. На улице также находился колодец. Большие круглые трубы дренажной системы проходили сквозь стены. В целом это была сложная, взаимосвязанная машина, и Ричер понятия не имел, как она работает.

Вверху все выглядело уже более нормальным. Лабиринт комнат, дружелюбно убогих и неухоженных. И у каждой свои секреты. Где-то не работали выключатели. Одно окно рассохлось и не желало открываться. Газовая плита на кухне оказалась такой сложной, что ей было невозможно пользоваться. По ночам весь дом скрипел и стонал, напоминая Ричеру, что все это происходит наяву и о доме надо заботиться.

И, ко всему прочему, дом был не просто материальным объектом. Он вел еще и бюрократическое существование. По почте прислали что-то о*праве собственности*.Далее, надо было думать о страховке. Налогах. Городской налог, налоги на школы, на экспертизу, на недвижимость. Затем нужно было оплачивать счет на вывоз мусора. И не забывать о намеченном завозе пропана. Вся почта такого рода хранилась в ящике кухонного стола.

Единственной покупкой, сделанной для дома, стал позолоченный фильтр для старой кофеварки Леона. Ричер рассудил, что так будет проще, чем постоянно бегать в магазин за бумажными. В то утро в четыре часа десять минут он насыпал в кофеварку кофе из банки, налил воду и включил древний агрегат. Заранее сполоснул в мойке кружку и поставил ее на стол. Сел на табурет, облокотился на стол и стал следить

за тем, как в стеклянной колбе бурлит темная жидкость. Судя по всему, старая кофеварка внутри покрылась накипью, поэтому работала она очень медленно и неэффективно. Обычно на приготовление кружки кофе ей требовалось пять минут. Где-то на четвертой из этих пяти минут Ричер услышал, как к дому подъезжает машина. Шелест шин по мокрому асфальту. Хруст щебня. «Джоди не смогла заставить себя остаться на работе,» – подумал Ричер. Эта надежда продержалась около полутора секунд, до тех пор, пока машина не обогнула дом, и в окно кухни не упал отблеск от красной мигалки. Он пробегал слева направо, слева направо, пробиваясь сквозь туман, поднимающийся от реки, а затем погас в темноте. Двигатель заглох, и наступила тишина. Открылись двери, и на дорожку опустились ноги. Двое. Двери захлопнулись. Ричер встал и погасил свет на кухне. Выглянул в окно и увидел размытые силуэты двух человек, вглядывающихся в туман в поисках дорожки, ведущей к двери. Вернувшись на табурет, Ричер дождался хруста шагов по щебню. Шаги затихли. Зазвонил звонок у входной двери.

В коридоре имелись два выключателя. Один из них зажигал свет над крыльцом. Ричер не помнил, какой именно. Он нажал наугад и попал с первого раза. Ричер открыл входную дверь. Лампа была заключена в толстое желтоватое стекло. Она отбрасывала узкий луч света. Луч выхватил сначала Нельсона Блейка, затем ту часть Джулии Ламарр, которая не была закрыта его тенью. На лице Блейка не осталось ничего кроме усталости. Лицо Ламарр по-прежнему было полно враждебности и презрения.

– Вы до сих пор не легли, – сказал Блейк.

Не вопрос, а констатация факта.

Ричер кивнул.

– Заходите, раз уж пришли.

Ламарр покачала головой. Желтоватый свет сверкнул в ее волосах.

– Мы бы предпочли остаться на улице.

Блейк переступил с ноги на ногу.

– Мы можем куда-нибудь сходить? Позавтракать?

– В половине пятого утра? – сказал Ричер. – Только не в этих краях.

– Быть может, вы пройдете к нам в машину? – предложила Ламарр.

– Нет.

Пат. Ламарр отвела взгляд. Блейк снова переступил с ноги на ногу.

– Заходите, – снова пригласил Ричер. – Я только что сварил кофе.

Он вернулся на кухню. Заглянул в буфет и достал еще две кружки. Сполоснул их в мойке. Послышался скрип половиц: Блейк вошел в дом. Затем прозвучала более легкая поступь Ламарр, закрылась входная дверь.

– Могу угостить только черным, – крикнул Ричер. – Боюсь, в этом доме нет ни молока, ни сахара.

– Черный – как раз то, что нужно, – откликнулся Блейк.

Он стоял в дверях кухни, не желая вторгаться на чужую территорию. Ламарр маячила у него за спиной, через его плечо оглядывая кухню с неприкрытым любопытством.

– Мне ничего не надо, – сказала она.

– Джулия, выпей кофе, – предложил ей Блейк. – Ночка выдалась длинная.

Его тон был чем-то средним между приказом и отеческой заботой. Удивленно посмотрев на него, Ричер налил три кружки. Взяв свою, он прислонился к кухонному столу и стал ждать.

– Нам нужно поговорить, – сказал Блейк.

– Кто эта третья женщина? – спросил Ричер.

– Лорейн Стэнли. Она была сержантом, служила в хозяйственной части.

– Где?

– Где-то в Юте. Ее обнаружили убитой в Калифорнии, сегодня утром.

– Обстоятельства убийства те же самые?

Блейк кивнул.

– Абсолютно идентичные.

– И прошлое такое же?

Блейк снова кивнул.

– Жалоба на сексуальные домогательства, выиграла дело, но затем все равно уволилась.

– Когда?

– История с домогательствами произошла два года назад, уволилась Стэнли в прошлом году. Таким образом, теперь убитых трое. Так что служба в армии – это не случайное совпадение, поверьте.

Ричер пригубил кофе. Напиток показался ему слабым и каким-то затхлым. Похоже, внутри кофеварка была покрыта толстым слоем минеральных отложений. Вероятно, существует специальная процедура очистки от накипи.

– Я никогда не слышал о Лорейн Стэнли, – наконец произнес Ричер. – Я никогда не служил в штате Юта.

Блейк кивнул.

– Мы можем где-нибудь поговорить?

– А разве мы здесь не разговариваем?

– Где-нибудь присесть?

Кивнув, Ричер оторвался от стола и направился в гостиную, молча предложив следовать за ним. Поставив кружку на журнальный столик, он поднял шторы, открывая кромешную темноту на улице. Окна выходили на запад, на реку. Пройдет еще несколько часов, прежде чем солнце поднимется достаточно высоко и озарит небо в этой стороне.

Перед холодным камином, полным прошлогодней золы, стояли по периметру квадрата три диванчика. Последние радости жизни, которыми наслаждался отец Джоди. Блейк сел лицом к окну, Ричер устроился напротив него, а Ламарр, повозившись с короткой юбкой, заняла место прямо перед камином. Ее кожа была такого же цвета, что и зола.

– Мы по-прежнему считаем, что наш психологический портрет правильный.

– Вам виднее.

– Это сделал человек, в точности похожий на вас.

– Вы считаете, это вероятно? – спросил Блейк.

– Что вероятно? – ответил вопросом на вопрос Ричер.

– То, что за этим может стоять военный?

– Вы спрашиваете, может ли военный быть убийцей?

Блейк кивнул.

– У вас есть мнение по этому вопросу?

– По моему мнению, вы задали очень глупый вопрос. Это все равно что спросить, умеет ли жокей ездить верхом.

Наступила тишина. Лишь приглушенный хлопок из подвала, означающий то, что включилась система отопления, а затем быстро распространяющийся скрип труб, расширяющихся от температуры и трущихся о половые балки.

– Вот вы и были вероятным подозреваемым в первых двух убийствах, – сказал Блейк.

Ричер промолчал.

– Отсюда слежка, – продолжал Блейк.

– Это извинение? – спросил Ричер.

Блейк кивнул.

– Наверное, можно считать и так.

– В таком случае, зачем вы меня заграбастали? Если уже знали наверняка, что я здесь не при чем?

Похоже, Блейк смутился.

– Наверное, нам хотелось показать, что в деле наметился хоть какой-то прогресс.

– Вы собирались продемонстрировать прогресс, забрав невиновного? Не верю.

– Я уже принес наши извинения, – сказал Блейк.

Снова наступила тишина.

– Вы установили, кто был знаком со всеми тремя убитыми? – спросил Ричер.

– Пока что нет, – ответила Ламарр.

– Мы считаем, что, возможно, предыдущее личное знакомство не является обязательным фактором, – заметил Блейк.

– Кажется, пару часов назад вы считали обратное. Вы рассказывали мне, что я был хорошим знакомым этих женщин, звонил им в дом и они меня впускали.

– Не вы, – возразил Блейк. – Человек, похожий на вас, только и всего. А сейчас мы думаем, что, скорее всего, ошибались. Убийца выбирает свои жертвы из определенной категории, так? Женщин, служивших в армии, жаловавшихся на сексуальные домогательства и впоследствии уволившихся. Так что, возможно, лично он с ними не знаком, возможно, он принадлежит к *категории,*знакомой с ними. Например, он из военной полиции.

Ричер улыбнулся.

– То есть, вы снова начинаете подозревать меня.

Блейк покачал головой.

– Нет, вас не было в Калифорнии.

– Неправильный ответ, Блейк. Я не совершал эти убийства, потому что я не убийца.

– Вам никогда не приходилось никого убивать? – спросила Ламарр таким тоном, как будто наперед знала ответ.

– Только тех, кто этого заслуживал.

Ламарр улыбнулась ему в ответ.

– Как я уже говорила, мы по-прежнему считаем, что наш психологический портрет правильный. Это сделал какой-то уверенный в собственной правоте ублюдок вроде вас.

Ричер обратил внимание, что Блейк посмотрел на нее, и в его взгляде смешивались поддержка и неодобрение. Свет из кухни, проникая через коридор, превращал волосы Ламарр в полупрозрачный нимб, придававший ей сходство с покойницей. Блейк подался вперед, пытаясь привлечь к себе внимание Ричера.

– Мы только хотим сказать, вполне возможно, что убийца служит или служил в военной полиции.

Оторвав взгляд от Ламарр, Ричер пожал плечами.

– Все возможно.

Блейк кивнул.

– И, знаете, мы можем понять, что вам, вероятно, мешает взглянуть правде в глаза своеобразная честь мундира.

– Знаете, мне мешает это сделать здравый смысл.

– То есть?

– Вы почему-то решили, что дружба, доверие имеют какое-то отношение к делу. Но в армии никто не доверяет военной полиции. И, насколько мне известно, не водит с ней дружбу.

– Вы сами рассказали нам, что Рита Симека должна была запомнить вас как друга.

– Я – это другое дело. Я прилагал для этого усилия. Но это можно сказать про очень немногих.

Снова молчание. Туман за окном заглушал звуки, одеялом окутывая дом. Зато громко шумела вода, протекавшая по батареям.

– Ладно, вернемся к нашему вопросу, – наконец сказал Блейк. – Как уже заметила Джулия, мы работаем по своей методике, и она, как нам кажется, однозначно свидетельствует о том, что здесь замешана армия. Категория, к которой относятся жертвы, слишком узкая, чтобы можно было говорить о случайном совпадении.

– И?

– Как правило, Бюро и армия не слишком ладят друг с другом.

– Ну, тут нет ничего удивительного. А с*кем*, ребята, вы ладите, черт возьми?

Блейк кивнул. На нем был дорогой костюм, еще ни разу не бывавший в чистке. Он чувствовал себя в нем неудобно, словно школьный тренер по футболу, пришедший на встречу с выпускниками.

– Никто не ладит ни с кем, – подтвердил Блейк. – Не вам объяснять, как соперничают между собой различные ведомства. Когда вы сами служили в военной полиции, вам приходилось сотрудничать с гражданскими службами?

Ричер промолчал.

– Так что вы сами все знаете, – продолжал Блейк. – Армия ненавидит Бюро, Бюро ненавидит ЦРУ, все ненавидят всех.

Наступило молчание.

– Поэтому нам нужен посредник, – сказал Блейк.

– Кто?

– Советник. Человек, который нам поможет.

Ричер пожал плечами.

– Я никого не знаю. Я уже давно выпал из обоймы.

Молчание. Допив кофе, Ричер поставил пустую кружку на стол.

– Это можете взять на себя вы, – сказал Блейк.

– Я?

– Да, вы. Вы ведь еще не забыли, что к чему, так?

– Об этом не может быть и речи.

– Почему?

Ричер покачал головой.

– Потому что я этого не хочу.

– Но вы*могли бы*.

– Мог бы, но не хочу.

– Мы изучили ваш послужной список. Вы были чертовски хорошим следователем.

– Это осталось в прошлом.

– Возможно, у вас еще остались друзья, люди, которые вас помнят. Которые перед вами по-прежнему в долгу.

– Возможно, остались, а может быть, и нет.

– Вы могли бы помочь нам.

– Возможно, и мог бы, но не буду.

Откинувшись назад, Ричер раскинул руки на подушках диванчика и вытянул ноги.

– Вы не испытываете никаких чувств? – спросил Блейк. – К тем женщинам, которых убили? Это ведь не должно было случиться, так?

– В армии служит миллион человек, – сказал Ричер. – Я прослужил тринадцать лет. Сколько раз за это время сменился состав? Ну, один раз наверняка. Так что со мной в разное время служили два миллиона человек. Закон больших чисел гласит, что кого-то из них убьют. Точно так же, как и то, что кто-то из них выиграет в лотерею. Я не могу переживать за всех.

– Вы были лично знакомы с Каллан и Кук. Они вам нравились.

– Мне нравилась Каллан.

– Так помогите нам поймать ее убийцу.

– Нет.

– Пожалуйста.

– Нет.

– Я прошу вас о помощи.

– Нет.

– Сукин сын! – пробормотала Ламарр.

Ричер посмотрел на Блейка.

– Вы действительно полагаете, что я захочу работать с ней? По-моему, она только и может, что называть меня «сукиным сыном».

– Джулия, сходи приготовь нам кофе, – сказал Блейк.

Ламарр, покраснев, поджала губы, но тем не менее поднялась с дивана и вышла на кухню. Подавшись вперед, Блейк заговорил, понизив голос:

– Она заведена. Вы должны отнестись к ней со снисхождением.

– Вот как? – спросил Ричер. – Это еще почему, черт побери? Она сидит у меня дома, пьет мой кофе и обзывается.

– Категория жертв весьма специфическая, так? И, вероятно, она значительно уже, чем вы думаете. Знаете, скольким женщинам, выступавшим в делах о сексуальных домогательствах, пришлось впоследствии покинуть службу? Вы сказали, их сотни, возможно, даже тысячи, но министерство обороны утверждает, что этим параметрам удовлетворяет только девяносто одна женщина.

– И?

– Мы полагаем, что убийца, возможно, решит расправиться со всеми. Поэтому мы должны быть готовы к тому, что он будет продолжать до тех пор, пока его не остановят. Если его удастся остановить. А он уже успел совершить три преступления.

– И?

– Одна из оставшихся восьмидесяти восьми человек – сестра Джулии.

Снова наступила тишина, нарушаемая лишь звуками из кухни.

– Поэтому, естественно, Джулия беспокоится, – продолжал Блейк. – Конечно, это еще не паника, потому что одна из восьмидесяти восьми – это не слишком плохие шансы, и все же Джулия принимает это лично.

Ричер медленно кивнул.

– В таком случае она не должна заниматься этим делом. Она не может оставаться беспристрастной.

Блейк пожал плечами.

– Она настояла. Принимать решение предоставили мне. Я, наоборот, рад этому обстоятельству. Давление может приносить плоды.

– Только не в случае Ламарр. Она несется, не признавая узды.

– Джулия мой ведущий специалист по составлению психологических портретов преступников. Она очень плодотворно занимается этим делом. Поэтому она мне нужна, даже если она и не может оставаться беспристрастной. Вы нужны ей в качестве посредника, мне нужны результаты, так что вам нужно отнестись к ней со снисхождением.

Откинувшись назад, Блейк пристально посмотрел на Ричера. Полный, пожилой мужчина, неуютно чувствующий себя в этом костюме, потеющий несмотря на ночную прохладу, с упрямыми линиями на лице. «Мне нужны результаты.» Ричер ничего не имел против людей, которым были нужны результаты. Но он промолчал. Пауза затягивалась. Наконец в комнату вернулась Ламарр с кофеваркой. Ее лицо снова стало бледным. Она взяла себя в руки.

– Я продолжаю считать, что мой психологический портрет правильный, – сказала она. – Убийца в точности похож на вас. Возможно, вы его знали. Возможно, работали с ним.

Ричер посмотрел на нее.

– Я сожалею по поводу вашей сестры.

– Мне не нужна ваша жалость. Я должна поймать убийцу.

– Что ж, удачи вам.

Наклонившись, она налила кофе Блейку, затем подошла к Ричеру.

– Благодарю, – сказал тот.

– Так вы нам поможете? – спросила Ламарр.

Он покачал головой.

– Нет.

Наступила тишина.

– А как насчет того, чтобы выступить в роли советника? – спросил Блейк. – Чисто консультации? Ваш большой опыт?

Ричер снова покачал головой.

– Нет, меня это не интересует.

– Ну а что-нибудь совсем уж пассивное? – не унимался Блейк. – Просто «мозговая атака»? Нам кажется, вы очень похожи на убийцу. По крайней мере, вы люди одного*типа.*

– Нет, я пас, – сказал Ричер.

Снова наступила тишина.

– Вы дадите согласие на то, чтобы вас загипнотизировали? – спросил Блейк.

– Загипнотизировали? Зачем?

– Быть может, вы вспомните что-то такое, что похоронено в глубинах подсознания. Ну, например, кто-то делал какие-то угрозы, какие-то злобные высказывания. А вы в то время не обратили на это внимание. Возможно, сейчас вы это вспомните. Что-нибудь полезное.

– Вы все еще прибегаете к гипнозу?

– Иногда, – сказал Блейк. – Бывает, он помогает. Джулия большой специалист по этой части. Она может этим заняться.

– В таком случае, благодарю, я мимо. Она заставит меня пройтись по Пятой авеню голышом.

Снова наступило молчание. Блейк отвел взгляд, затем снова повернулся к Ричеру.

– Ричер, обращаюсь к вам в последний раз. Бюро просит вас о помощи. Мы постоянно прибегаем к помощи советников. Вам хорошо заплатят. Да или нет?

– Именно с этой целью вы меня заграбастали?

Блейк кивнул.

– Иногда это дает результат.

– Каким образом?

Подумав, Блейк решил ответить правду. Ричер понял, что этот человек ради того, чтобы добиться своей цели, готов пойти на откровенность.

– Это встряхивает человека, – сказал Блейк. – Понимаете, если убедить человека в том, что он главный подозреваемый, а затем сказать, что это не так, получится своеобразный эмоциональный переключатель, и этот человек проникнется к нам чем-то вроде благодарности. Захочет нам помочь.

– Вам уже приходилось делать подобное?

Блейк снова кивнул.

– Да, и результат чаще бывает положительный, чем отрицательный.

Ричер пожал плечами.

– Я психологией никогда не увлекался.

– Образно говоря, психология – это наше ремесло, – заметил Блейк.

– Вам не кажется, что это довольно жестоко?

– Бюро выполняет свой долг.

– Несомненно.

– Итак, да или нет?

– Нет.

В комнате наступила тишина.

– Почему?

– Наверное, потому, что в моем случае ваш эмоциональный переключатель не сработал.

– А мы можем получить какую-нибудь официальную причину, для отчетности?

– Официальной причиной является мисс Ламарр. Она постоянно мне хамит.

Блейк беспомощно развел руками.

– Но она хамила вам только для того, чтобы переключатель сработал. Это просто тактический прием.

Ричер скорчил гримасу.

– Ну, у нее получилось чересчур убедительно. Отстраните ее от дела, и я, возможно, подумаю.

Ламарр сверкнула глазами, а Блейк покачал головой.

– Я на это не пойду. Здесь решаю я, и я не потерплю никакого диктата.

– В таком случае, мой ответ – нет.

Молчание. Уголки губ Блейка опустились вниз.

– Перед тем, как приехать сюда, мы переговорили с Дирфильдом. Надеюсь, это вы понимаете, да? Так вот, Дирфильд уполномочил нас заверить вас, что Козо снимет все обвинения в рэкете, если вы окажетесь сговорчивым.

– Мне наплевать на обвинения в рэкете.

– А напрасно. От рэкета всегда дурно пахнет, вы не находите? Рэкет вредит бизнесу, калечит жизни. Если Козо умело представит дело, здешние присяжные из мелких торговцев проникнутся к вам лютой ненавистью.

– Мне на это наплевать, – повторил Ричер. – Я развалю все обвинения против себя за одну секунду. Вы забыли, я наоборот остановил рэкет. Я его не начинал. Для присяжных из здешних мелких торговцев я буду Робином Гудом.

Кивнув, Блейк опустил голову и вытер губы пальцем.

– Вся беда в том, дело не ограничивается одним обвинением в рэкете. Один из тех громил в критическом состоянии. Нам только что позвонили из больницы. У него проломлен череп. Если он умрет, вам предъявят обвинение в умышленном убийстве.

Ричер презрительно рассмеялся.

– Неплохо придумано, Блейк. Но сегодня никто никому черепа не проламывал. Поверьте, если я захочу проломить кому-нибудь череп, я знаю, как это делать. Но случайно это произойти не может. Так что давайте послушаем остальное.

– Что остальное?

– Ну, ваши страшные угрозы. Бюро ведь выполняет свой долг, так? Вы хотите любой ценой добиться моего согласия сотрудничать. Так что давайте вываливайте остальные страшные угрозы, которые вы приготовили, чтобы меня запугать.

– Нам просто очень нужна ваша помощь.

– Понимаю. И я хочу услышать, как далеко вы готовы ради этого зайти.

– Так далеко, как это потребуется. Это ведь ФБР, Ричер. На нас давят обстоятельства. Мы не можем терять время. Его у нас нет.

Ричер отпил кофе. Теперь вкус у него был определенно лучше, чем в первый раз. Возможно, Ламарр насыпала больше зерен. Или меньше.

– Так что вываливайте мне плохие новости.

– Проверка налоговой инспекции.

– Вы полагаете, меня испугает проверка налоговой инспекции? Мне нечего скрывать. Если удастся найти какой-нибудь доход, о котором я забыл, я буду крайне признателен, только и всего. Лишние деньги мне не помешают.

– Проверят не только вас, но и вашу знакомую.

Ричер снова расхохотался.

– Ради бога, Джоди – юрист с Уолл-стрит. Работает в крупной фирме, почти партнер. Она одной левой завяжет налоговую инспекцию в узел.

– Ричер, мы настроены серьезно.

– Пока что я этого не заметил.

Блейк уставился в пол.

– У Козо есть внедренные люди. Петросян станет спрашивать, кто расправился с его ребятами вчера вечером. Люди Козо смогут как бы случайно упомянуть ваше имя.

– Ну и?

– Сказать Петросяну, где вы живете.

– И это известие должно меня запугать? Блейк, посмотрите на меня хорошенько. Вернитесь в реальность. На всем земном шаре найдется максимум человек десять тех, кого я испугаюсь. Крайне маловероятно, что Петросян окажется одним из них. Так что если он захочет пожаловать ко мне в гости, я спущу его обратно в город по реке в гробу.

– Насколько я слышал, Петросян человек крутой.

– Не сомневаюсь в этом. Но достаточно ли крутой?

– Козо утверждает, он половой извращенец. В его расправах над виновными обязательно присутствует что-то сексуальное. Он оставляет трупы обнаженными, изуродованными, со следами насилия. Причем неважно, идет речь о мужчинах или женщинах. Нам об этом рассказал Дирфильд. Мы говорили с ним.

– Я уж как-нибудь рискну.

Блейк кивнул.

– Мы думали, что вы ответите именно так. Мы хорошо разбираемся в человеческих характерах. Образно говоря, это наше ремесло. Поэтому мы задались вопросом, а как вы отнесетесь вот к чему. Предположим, люди Козо шепнут Петросяну не*ваши*имя и адрес. А что если Петросян узнает имя и адрес вашей подруги?

## Глава 6

– И что ты собираешься делать? – спросила Джоди.

– Не знаю, – ответил Ричер.

– Не могу поверить, что Бюро способно на такое.

Они сидели на кухне у Джоди, в квартире на четвертом этаже на нижнем Бродвее. Блейк и Ламарр оставили Ричера в Гаррисоне, и через двадцать минут он уже мчался на юг в город. Джоди вернулась домой в шесть утра, мечтая о том, чтобы позавтракать и принять душ, и нашла у себя в гостиной Ричера.

– Они говорили это серьезно?

– Не знаю. Вероятно.

– Черт, я не могу в это поверить.

– Они на грани отчаяния, – объяснил Ричер. – И еще у них гипертрофированное самомнение. Они любят побеждать. Считают себя элитой. Если сложить все это вместе, получится то, как они себя ведут. Мне уже приходилось видеть подобное. И у нас встречались абсолютно такие же типы. Готовые ради результата на все.

– Сколько времени тебе дали?

– Я должен буду перезвонить в восемь утра. И сообщить свое решение.

– Так что ты все-таки собираешься делать?

– Не знаю, – в который раз ответил Ричер.

Плащ Джоди висел на спинке стула. Она возбужденно расхаживала взад и вперед, одетая в нежно-розовое платье. Джоди провела без сна, в напряжении двадцать три часа подряд, но на это не указывало ничего кроме бледно-голубых теней во внутренних уголках ее глаз.

– Не может быть, чтобы это сошло Бюро с рук, правда? – сказала она. – Возможно, тебя просто хотели запугать.

– Возможно и такое, – согласился Ричер. – Но это ведь игра, так? Азартная. В любом случае беспокойство нам гарантировано. Навсегда.

Упав в кресло, Джоди скрестила ноги. Откинула голову назад и тряхнула волосами, распуская их по плечам. В ней было все то, чего не было в Джулии Ламарр. Пришелец из космоса отнес бы обеих к категории «женщины», поскольку они имели одинаковые части тела в одинаковых количествах, волосы, глаза, рты, руки и ноги, но одна из них была мечтой, а другая – кошмарным сном.

– Все зашло слишком далеко, – признался Ричер. – В этом исключительно моя вина. Я издевался над ними, потому что мне не понравилась эта Ламарр – с самого начала. Поэтому я решил сперва немного потрепать им нервы, и только потом согласиться. Но прежде чем я успел опомниться, на меня вывалили вот это.

– Ну так соглашайся. Пусть они отказываются от своих угроз. Обещай им помощь.

Ричер покачал головой.

– Нет, пока угрожали мне, это было одно. Угрожая*тебе*, они переступили черту. Раз эти люди готовы были даже*обсуждать*подобное, пусть убираются ко всем чертям.

– Но они действительно намереваются осуществить свои угрозы? – повторила Джоди.

– Самое безопасное – готовиться к худшему.

Она кивнула.

– Мне страшно. И, думаю, мне по-прежнему будет немного страшно, даже если Бюро пойдет на попятную.

– Вот именно, – согласился Ричер. – Что сделано, то сделано.

– Но почему? Почему они на грани отчаяния? Почему они пытаются тебя запугать?

– Корни этого надо искать в прошлом, – сказал он. – Нужно исходить из того, что все ненавидят всех. Блейк сам признался в этом. И это правда. Военная полиция не помочится на Квантико, даже если там начнется пожар. Это из-за Вьетнама. Твой отец смог бы многое рассказать об этом. Он сам был живым примером.

– А причем тут Вьетнам?

– Было так называемое правило «большого пальца»: теми, кто уклонялся от призыва, занималось Бюро, а дезертиры были нашей проблемой. Различные категории, так? Мы знали, как обращаться с дезертирами. Одни отправлялись за решетку, а с некоторых хватало и отправки на передовую. Джунгли никак нельзя было назвать курортом, а призывные участки, если помнишь, не трещали по швам от наплыва желающих. Поэтому военная полиция успокаивала тех, кто получше, и отправляла их назад, но в девяти случаях из десяти Бюро все равно арестовывало их, уже по дороге в аэропорт. Такая практика сводила наше ведомство с ума. Наследники Гувера были непреклонны. Шла настоящая война. А как следствие, такой нормальный и рассудительный человек как Леон ни за что на свете не стал бы даже говорить с федералом.

– И такое положение дел сохраняется и сейчас?

Ричер кивнул.

– У государственных ведомств хорошая память. Для них все это было как будто только вчера. Ничего не прощать, ничего не забывать.

– Даже несмотря на то, что тем женщинам угрожает опасность?

Ричер пожал плечами.

– А никто и не говорил, что ведомственное мышление поддается рациональному объяснению.

– То есть, Бюро действительно нужна помощь?

– Если оно хочет получить результат.

– Но почему именно ты?

– По многим причинам. Я имел отношение к двум делам, меня удалось найти, я занимал достаточно высокое положение, чтобы знать, где что искать, достаточно высокое, чтобы нынешнее поколение по-прежнему было передо мной в долгу.

Джоди кивнула.

– Так что если сложить все вместе, скорее всего, они говорили это *серьезно*.

Ричер промолчал.

– Так что мы будем делать?

Он ответил не сразу.

– Можно начать искать решение совсем в другом месте.

– То есть?

– Ты могла бы переехать ко мне.

Джоди покачала головой.

– Мне не дадут. Да я и не могу. Ведь это может тянуться недели, так? А у меня полно работы. Сейчас как раз обсуждается вопрос о партнерстве.

Ричер кивнул.

– Можно подойти с другой стороны.

– Хорошо, с какой?

– Я могу завалить Петросяна.

Джоди молча уставилась на него.

– Тогда угрозы потеряют смысл. Мы побьем туза козырем.

Джоди подняла взгляд на потолок, затем снова медленно покачала головой.

– У нас на работе есть одно правило, – сказала она. – Мы называем его «закон чего-то еще». Предположим, мы разбираемся в делах какого-нибудь банкрота. Иногда нам удается раскопать, что у этого банкрота кое-где припрятаны капиталы, о которых он нам не говорит. Которые он от нас скрывает. Банкрот нас обманывает. Так вот, первым делом мы задаемся вопросом: «А что еще?» Что еще он делает? Что еще у него есть?

– Причем тут ваше правило?

– А притом. Чем на самом деле занимается Бюро? Быть может, все дело вовсе не в убитых женщинах. Быть может, главное – это как раз Петросян. Судя по всему, это хитрый, скользкий тип. Быть может, у Бюро на него ничего нет. Ни улик, ни свидетелей. Так что, возможно Козо пытается с помощью Блейка и Ламарр натравить тебя на Петросяна. Ведь они составили твой психологический портрет, так? Они представляют себе твои мысли. Они могут предвидеть твои поступки. Они понимают, что если будут запугивать тебя Петросяном, первой твоей мыслью будет расправиться с Петросяном. В этом случае он перестанет портить Бюро кровь, и можно будет обойтись без судебного процесса, который оно, скорее всего, все равно не выиграет. И ничего нельзя будет проследить к ФБР. Быть может, тебя решили использовать в качестве убийцы. Что-нибудь вроде управляемой ракеты. Тебя лишь навели в нужную сторону – а дальше ты сам найдешь цель.

Ричер промолчал.

– Или, быть может, дело совсем в другом, – продолжала Джоди. – Этот тип, который убивает женщин, он, судя по всему, тоже очень умный, так? Не оставляет никаких улик. Похоже, выстроить против него обвинение будет очень трудно. Так что, быть может, Бюро хочет, чтобы ты его убрал. Возможно, для суда доказательств окажется недостаточно, но для того, чтобы убедить тебя, их хватит. В этом случае ты устранишь негодяя, отомстив за знакомых женщин. Дело сделано, быстро и без особых затрат, и опять же к Бюро ничего проследить нельзя. Тебя используют в качестве волшебной пули: выстреливают ее в Нью-Йорке, а уж где и когда она попадет в цель – никто не знает.

Ричер продолжал молчать.

– Быть может, ты никогда и не был подозреваемым, – рассуждала вслух Джоди. – Быть может, Бюро и не искало убийцу. Быть может, оно с самого начала искало человека, который*убьет*убийцу.

В комнате наступила тишина. С улицы доносились звуки пробуждающегося города. За окном серел рассвет, машин становилось все больше.

– Возможно и то, и другое, – наконец сказал Ричер. – И Петросян, и тот, второй убийца.

– Оба они умные и хитрые, – повторила Джоди.

Ричер кивнул.

– Это уж точно, черт побери.

– Так что ты собираешься делать?

– Не знаю. Я знаю только то, что не смогу запереться в Квантико, оставив тебя в одном городе с Петросяном. Просто не смогу.

– А может быть, угрозы были пустыми. Неужели ФБР действительно способно на что-то подобное?

– Ты начинаешь ходить кругами. Ответ состоит в том, что мы ничего не знаем. И в этом вся беда. Именно этого и добивалось Бюро. Достаточно*одних* сомнений, разве не так?

– А если ты никуда не поедешь?

– В этом случае я останусь здесь и буду охранять тебя денно и нощно, не спуская с тебя глаз ни на минуту, до тех пор, пока мы оба не пресытимся этим настолько, что я пойду и прикончу Петросяна, больше не забивая себе голову тем, шутило или нет с нами Бюро.

– А если ты поедешь?

– В этом случае меня будут держать на привязи угрозой в отношении тебя. А что Бюро понимает под привязью? Смогу ли я остановиться после того, как найду этого типа? Или мне придется идти до конца и стирать его с лица земли?

– Здорово федералы тебя обложили.

– Почему им просто не спросить у меня прямо?

– Бюро не может этого сделать. Это будет на сто процентов незаконно. А ты в любом случае не должен идти у него на поводу.

– Не могу?

– Да. Ты не можешь расправиться ни с Петросяном, ни с убийцей. Ты не должен делать то, что от тебя хочет ФБР.

– Почему?

– Потому что в этом случае ты будешь принадлежать ему с потрохами, Ричер. Два убийства, совершенные с ведома Бюро? Прямо у него под носом? Ты до конца дней своих не отвяжешься от федералов.

Встав у окна, Ричер оперся на подоконник, глядя на улицу внизу.

– Ты попал в чертовский переплет, – тихо промолвила Джоди. – Точнее, мы оба попали.

Ричер ничего не ответил.

– Так что же ты собираешься делать? – спросила она.

– Думать. До восьми часов еще есть время.

Джоди кивнула.

– Что ж, думай хорошенько. Не предпринимай ничего такого, о чем нам пришлось бы потом пожалеть.

* * *

Джоди вернулась на работу. Предложение партнерства в фирме было слишком заманчивым. Оставшись в ее квартире один, Ричер тридцать минут напряженно думал, затем двадцать минут разговаривал по телефону. Блейк сказал: «Быть может, остались люди, которые вас помнят, которые перед вами в долгу.» Наконец без пяти минут восемь Ричер позвонил по телефону, который ему дала Ламарр. Она ответила после первого звонка.

– Я согласен, – сказал он. – Мне это не по душе, но я вам помогу.

Последовала короткая пауза. Ричер представил себе кривые зубы, обнажившиеся в довольной улыбке.

– Возвращайтесь домой и собирайте вещи, – сказала Ламарр. – Я заеду за вами ровно через два часа.

– Нет, я должен повидаться с Джоди. Встретимся в аэропорту.

– Мы не полетим самолетом.

– Вот как? Почему?

– Я никогда не летаю. Мы поедем на машине.

– В Вирджинию? И сколько времени это у нас займет?

– Часов пять – шесть.

– Шесть часов в машине вместе с вами? Черт возьми, я этого не вынесу.

– Ричер, вы будете делать то, что вам скажут. Итак, Гаррисон, ровно через два часа.

* * *

Контора Джоди находилась на сороковом этаже шестидесятичетырехэтажного небоскреба на Уолл-стрит. В вестибюле круглосуточно дежурила охрана, но Ричеру фирма, в которой работала Джоди, выписала пропуск, по которому его впускали в любое время суток. Джоди сидела в кабинете одна, изучая утренние сводки лондонских рынков.

– Как ты? – спросил Ричер.

– Устала, – призналась она.

– Тебе нужно поехать домой.

– Ну да, как будто я смогу заснуть.

Подойдя к окну, Ричер взглянул на серебряную полоску светлеющего неба.

– Расслабься, – сказал он. – Причин для тревоги нет.

Джоди ничего не ответила.

– Я решил, что делать, – сказал он.

Она покачала головой.

– Только не надо ничего мне говорить. Я ничего не хочу знать.

– Обещаю, все получится.

Какое-то время Джоди сидела неподвижно, затем встала и присоединилась к нему у окна. Уткнулась ему в грудь, крепко прижимаясь щекой к рубашке.

– Береги себя.

– Обязательно буду, – сказал Ричер. – Можешь не беспокоиться.

– И не делай глупости.

– Можешь не беспокоиться, – повторил он.

Джоди подняла лицо, и они поцеловались. Ричер задержал поцелуй как можно дольше, рассудив, что это чувство должно остаться с ним надолго, на ближайшее обозримое будущее.

* * *

Ричер ехал назад быстрее обычного и вернулся домой за десять минут до того, как истекли два часа, отведенные Ламарр. Захватив в ванной складную зубную щетку, он убрал ее во внутренний карман. Запер на засов дверь в подвал и поставил термостат системы отопления на минимум. Завернул все краны и запер входную дверь. Выдернул телефон из розетки и вышел из дома через кухню.

Пройдя сквозь деревья до конца дворика, Ричер посмотрел на реку. Серая и ленивая, она была прикрыта покрывалом утреннего тумана. На противоположном берегу листья уже начали менять цвет с усталого зеленого на бурый и бледно-оранжевый. Здания академии Уэст-Пойнта терялись в дымке.

Над крышей особняка появилось солнце, но оно было водянистым, лишенным тепла. Ричер вернулся к дому, обогнул гараж и прошел по дорожке. Укутался в плащ и вышел на улицу. Не оглядываясь назад. «С глаз долой – из сердца вон.» Он хотел, чтобы все было именно так. Ричер встал у почтового ящика и стал ждать, глядя на дорогу.

## Глава 7

Ламарр появилась точно в назначенное время в новом сверкающем «Бьюике» с номерами штата Вирджиния. В просторном салоне она была одна и казалась маленькой. Плавно затормозив, Ламарр нажала на кнопку, открывая крышку багажника. Захлопнув крышку, Ричер распахнул дверь и сел в машину.

– Где твоя сумка? – спросила Ламарр.

– Сумки у меня нет.

Мгновение она недоуменно смотрела на него. Затем отвернулась с таким видом, словно столкнулась с социальным уродом, и поехала назад к улице. На первом перекрестке Ламарр неуверенно остановилась.

– Как лучше всего добраться на юг? – спросила она.

– Самолетом.

Отвернувшись, Ламарр поехала налево, прочь от реки. После еще одного левого поворота она оказалась на федеральной магистрали номер девять, направляясь на север.

– В Фишкилле я сверну на шоссе И-84, – сказала она. – Поеду на запад до транзитной автострады, затем на юг до Пэлисейдс, и там мы попадем в «Штат садов»[2].

Ричер молчал. Ламарр вопросительно посмотрела на него.

– Как тебе будет угодно, – сказал он.

– Я просто пытаюсь завести разговор.

– Не трудись.

– Не слишком ты дружелюбный.

Ричер пожал плечами.

– Вы говорили, что мне предстоит налаживать контакты с армией. А не учить вас основам географии Соединенных Штатов.

Ламарр подняла брови и скривила рот, изображая недовольство, но в то же время показывая, что нисколько не удивлена. Ричер отвернулся и стал смотреть на мелькающий за окном пейзаж. В машине было тепло. Ламарр включила отопитель на максимум. Протянув руку, Ричер уменьшил подачу теплого воздуха в свою сторону.

– Жарко, – заметил он.

Ламарр никак на это не отреагировала. Продолжая молча вести машину. Шоссе И-84 вывело их через Гудзон в Ньюборо. Там Ламарр выехала на транзитную автостраду и повернула на юг. Она уселась поудобнее, словно готовясь к долгой дороге.

– Ты никогда не летаешь самолетами? – спросил Ричер.

– Раньше летала. Много лет назад. Но теперь не могу.

– Почему?

– Боюсь, – просто ответила она.

– Ты носишь оружие?

Оторвав руку от рулевого колеса, Ламарр отодвинула лацкан пиджака. Под ним блеснула твердая коричневая кожа ремней кобуры под мышкой, огибающих грудь.

– И ты готова им воспользоваться?

– Конечно, если возникнет необходимость.

– В таком случае, бояться летать очень глупо. Вероятность погибнуть в автокатастрофе или перестрелке в миллион раз выше.

Она кивнула.

– Умом я понимаю доводы статистики.

– Значит, твой страх иррационален, – заметил Ричер.

– Наверное, – согласилась Ламарр.

Они умолкли. Тишина нарушалась лишь ворчанием двигателя.

– В Бюро много иррациональных агентов? – спросил Ричер.

Ламарр ничего не ответила. Лишь немного залилась краской. Ричер снова умолк, уставившись на дорогу вперед. Ему стало стыдно. В конце концов, Ламарр прижали со всех сторон.

– Я очень сожалею по поводу твоей сестры, – сказал он.

– С чего бы это?

– Ну, я понимаю, как ты за нее переживаешь.

Ламарр не отрывала взгляда от дороги.

– Это тебе сказал Блейк? Пока я варила кофе?

– Ну, он упомянул об этом.

– На самом деле, она мне не родная сестра – сводная, – сказала Ламарр. – И все мои переживания носят исключительно профессиональный характер, договорились?

– Похоже, вы не очень-то ладите.

– Вот как? С чего ты взял? Мое отношение к делу должно измениться только потому, что я близка к одной из потенциальных жертв?

– От меня вы ждали именно этого. Вы решили, что я воспылаю желанием отомстить за Эми Каллан – только потому, что я ее знал и она мне нравилась.

Ламарр покачала головой.

– Это решил Блейк. Я же ожидала от тебя участия в любом случае, чисто человеческого. Правда, конкретно от тебя я ничего не ждала, потому что ты по всем статьям подходишь под портрет убийцы.

– С этим портретом ты ошиблась. И чем скорее вы признаетесь в этом себе, тем скорее поймаете убийцу.

– А что*ты*понимаешь в построении психологических портретов?

– Ровным счетом ничего. Но я не убивал этих женщин, и не стал бы их убивать. Следовательно, вы напрасно тратите время, ища такого человека как я, потому что я как раз не тот, кого надо искать. Резонно, правда? И факты на моей стороне.

– Ты любишь факты?

Ричер кивнул.

– Гораздо больше всякой бредятины.

– Хорошо, тогда как тебе понравятся вот эти факты? – спросила Ламарр. – Я только что помогла схватить убийцу в штате Колорадо, хотя сама даже никогда не была там. Одна женщина была изнасилована и убита в собственном доме. Она скончалась от множественных ударов тупым предметом по голове. Ее обнаружили лежащей на полу на спине, с лицом, закрытым простыней. Жестокое преступление, совершенное спонтанно, на входной двери и окнах никаких следов взлома, все в доме осталось на своем месте. Убитая женщина была умной, молодой и красивой. Я рассудила, что преступление совершил местный житель, зрелого возраста, живущий неподалеку, знавший жертву, неоднократно бывавший у нее дома, испытывавший к ней сексуальное влечение, однако слишком стеснительный или занимающий низшее социальное положение и поэтому не заявивший о своих чувствах надлежащим образом.

– И?

– Я составила этот психологический портрет, и местная полиция уже через час арестовала преступника. Он сразу же во всем сознался.

Ричер кивнул.

– Это оказался разнорабочий. Он убил жертву молотком.

Впервые за полчаса Ламарр оторвалась от дороги и удивленно посмотрела на него.

– Ты не можешь это знать. В здешних газетах об этом деле не писалось.

Он пожал плечами.

– Догадка, основанная на фактах. Закрытое простыней лицо означает, что жертва знала убийцу и убийца знал жертву, и он устыдился оставить ее лицо открытым. Возможно, испугался, что она будет смотреть на него из могилы. Подобное мышление указывает на низкий интеллект. Отсутствие следов взлома говорит о том, что убийца уже не раз бывал в доме. А все остальное очевидно.

– Почему?

– Что за тип с низким интеллектом может неоднократно бывать дома у умной, красивой женщины? Это или садовник, или разнорабочий. Скорее всего, садовник отпадает, потому что он в основном работает на улице. К тому же, садовники, как правило, работают парами. Поэтому я сделал выбор в пользу разнорабочего, которому, вероятно, не давало покоя, какая молодая и красивая его работодательница. Однажды он не смог больше терпеть, предпринял какой-то неуклюжий шаг, красавица

его отвергает, возможно, даже насмехается над ним, он срывается, насилует и убивает ее. Поскольку он рабочий, у него с собой сумка с инструментами. Он привык ими пользоваться и размозжил жертве голову молотком.

Ламарр ничего не сказала. Снова покраснела.

– И вы называете это построением психологического портрета? – презрительно спросил Ричер. – Да это же просто здравый смысл.

– Это дело оказалось очень простым, – едва слышно произнесла Ламарр.

Он рассмеялся.

– И вам за это платят деньги? Этому учат в колледжах?

Машина въехала в Нью-Джерси. Асфальтовое покрытие стало заметно лучше, вдоль обочины потянулись ухоженные лесопосадки. Каждый штат тратит огромные усилия на первую милю шоссе на своей территории, пытаясь убедить путешественника, что он оставил плохое позади и попал туда, где лучше. Ричер всегда недоумевал, почему никто не тратит силы на*последнюю*милю. В этом случае путник сожалел бы о том месте, с которым ему приходится расставаться.

– Нам нужно поговорить, – сказала Ламарр.

– Что ж, говори. Расскажи мне об университете.

– Мы не будем говорить об университете.

– Почему? Расскажи о своей учебе.

– Нам нужно обсудить убийства.

Ричер улыбнулся.

– Ты ведь училась в университете, так?

Она кивнула.

– В университете штата Индиана.

– На факультете психологии?

Ламарр покачала головой.

– Тогда на каком? Криминалистики?

– Если ты так хочешь знать, моя специализация – декоративное садоводство. А своей профессией я овладела в академии ФБР в Квантико.

– Декоративное садоводство? Неудивительно, что Бюро с радостью пригласило тебя на работу.

– На самом деле, университет мне тоже пригодился. Меня научили видеть за мелочами общую картину, а также терпению.

– А также тому, как выращивать разные цветочки. Это может очень пригодиться, чтобы убивать время, когда дурацкие психологические портреты заведут в тупик.

Ламарр снова умолкла.

– И много у вас в Квантико иррациональных садоводов, которые бояться летать на самолетах? Энтузиастов бонсай, пугающихся пауков? Любителей орхидей, которые ни за что не наступят на трещины на асфальте?

Ламарр побледнела.

– Ричер, ты самодовольно гордишься собой, а тем временем убивают убийца расправляется с женщинами.

Умолкнув, он отвернулся в окно. Ламарр вела машину быстро. Асфальт был мокрый, а впереди небо было затянуто черными тучами. «Бьюик» мчался за грозой, отступающей на юг.

– Ладно, расскажи мне об убийствах, – наконец сказал Ричер.

Крепко стиснув рулевое колесо, Ламарр уселась поудобнее.

– Ты уже знаешь, к какой группе принадлежат убитые женщины, – сказала она. – Согласись, она очень специфичная.

Ричер кивнул.

– Похоже на то.

– Места преступлений, похоже, никак не связаны. Убийца преследует определенную жертву и едет туда, где она находится. Пока что все убийства совершены в доме у жертвы. Во всех случаях речь идет об отдельных домах, но степень уединения разная.

– Все дома неплохие.

Ламарр недоуменно посмотрела на него. Ричер улыбнулся.

– Армия щедро расплатилась с этими женщинами, когда они увольнялись, так? Это называется «избегать скандала». Получив большую пачку денег и возможность обзавестись своим углом после нескольких лет скитаний, все женщины, наверное, купили себе неплохие особняки.

Ламарр кивнула, не отрываясь от дороги.

– Да, пока что мы имеем дело с домами в зажиточных кварталах.

– Разумно, – согласился Ричер. – Эти женщины хотели иметь соответствующее окружение. Что насчет мужей и прочих родственников?

– Каллан была разведена, без детей. У Кук был возлюбленный, детей тоже не было. Стэнли вела замкнутый образ жизни и не имела близких друзей.

– Вы проверили мужа Каллан?

– Естественно. Расследуя убийство, мы первым делом проверяем родственников. Если убита замужняя женщина, мы проверяем мужа. Но у него есть алиби, ничего подозрительного за ним не было. А после того, как была убита Кук, почерк стал ясен. Мы поняли, что мужья и возлюбленные тут ни при чем.

– Да, наверное.

– Первая проблема состоит в том, как убийце удается проникнуть в дом. Никаких следов взлома. Он просто входит в дверь.

– Как вы думаете, он перед этим ведет наблюдение за домом?

Ламарр пожала плечами.

– Три жертвы – это еще мало, так что я опасаюсь делать заключения. Но, скорее всего, убийца действительно вел наблюдение. Ему было необходимо застать жертв дома одних. Он досконально прорабатывает все детали. Не думаю, что он хоть в чем-то полагается на случай. Но не переоценивай значение наблюдения. Установить, что все трое весь день проводили дома в одиночестве, не составляло никакого труда.

– Какие-либо следы засады? Окурки и банки из-под содовой под соседним деревом?

Ламарр покачала головой.

– Этот тип не оставляет абсолютно никаких следов.

– Соседи ничего не видели?

– Ничего.

– Все три жертвы были убиты днем?

– Время различное, но все в светлое время суток.

– Никто из этих женщин не работал?

– Да, как и ты. Вы, бывшие военные, похоже, не стремитесь найти себе работу. Я обязательно учту эту особенность в будущем.

Кивнув, Ричер уставился в окно. По асфальту текли потоки воды. Гроза была в миле впереди.

– Почему вы нигде не работаете?

– *Мы?*– переспросил Ричер. – Могу сказать только про себя: я не нашел ничего такого, чем хотел бы заниматься. Я подумывал о декоративном садоводстве, но мне хочется настоящего дела. Меня не устраивает то, где все можно слепить за полторы секунды.

Ламарр снова умолкла, и машина, шелестя шинами, въехала в стену дождя. Ламарр включила щетки, зажгла фары и чуть сбавила скорость.

– Ты собираешься и дальше меня оскорблять? – спросила она.

– Мои подколки – это сущая мелочь по сравнению с тем, чем вы угрожаете моей подруге. И с тем, с какой готовностью вы поверили в то, что такой человек как я мог убить двух женщин.

– Так все же да или нет?

– Возможно. Думаю, извинение с твоей стороны превратит ответ в нет.

– Извинение? И не надейся, Ричер. Я по-прежнему верю в свой психологический портрет. Если убийства совершил не ты, то какой-то подонок, похожий на тебя.

Небо затянули сплошные черные тучи, дождь усилился. Впереди сквозь потоки воды по лобовому стеклу зажглись красные огни стоп-сигналов. Машины едва ползли. Ламарр резко нажала на тормоза.

– Проклятие!

Ричер улыбнулся.

– Забавно, правда? Сейчас, при такой погоде, вероятность погибнуть или получить увечья в автокатастрофе в десять тысяч раз выше, чем при полете на самолете.

Ламарр ничего не ответила. Она то и дело смотрела в зеркало заднего вида, опасаясь, что тот, кто едет следом, не успеет затормозить. Впереди огни стоп-сигналов красной цепочкой уходили вперед. Отыскав рычаг регулировки, Ричер опустил свое сиденье и уютно вытянулся.

– Я сосну чуток, – объявил он. – Разбудишь, когда мы куда-нибудь приедем.

– Мы еще не закончили говорить, – возразила Ламарр. – Ты не забыл, мы ведь договорились? Подумай о Петросяне. Интересно, чем он сейчас занимается?

Ричер посмотрел налево, через Ламарр в ее окно. В той стороне находился Манхэттен, но сейчас можно было лишь с трудом разглядеть обочину шоссе.

– Хорошо, будем говорить дальше.

Ламарр сосредоточила все внимание на дороге. Машина едва ползла по залитому дождем асфальту, то и дело останавливаясь.

– На чем мы остановились? – спросила она.

– Убийца следит за жертвами, выясняет, что они дома одни, все происходит среди бела дня, каким-то образом он заходит в дом. Что дальше?

– Затем он их убивает.

– В доме?

– Мы так думаем.

– *Думаете?*Разве вы не можете сказать точно?

– К сожалению, мы многое не можем сказать точно.

– Что ж, замечательно.

– Убийца не оставляет улик, – объяснила Ламарр. – Это главная проблема.

Ричер кивнул.

– В таком случае, опиши места преступлений. Начни с того, какие растения растут в садике перед окнами.

– Почему? Ты полагаешь, это имеет значение?

Ричер рассмеялся.

– Нет, я просто подумал, что тебе будет проще начать с чего-нибудь такого, в чем ты*разбираешься*.

– Сукин сын!

Машина медленно ползла вперед. Щетки неторопливо сновали по лобовому стеклу – туда-сюда, туда-сюда. Впереди показались мигающие красные и синие огни.

– Авария, – заметил Ричер.

– Убийца не оставляет никаких улик, – повторила Ламарр. – Абсолютно никаких. Ни отпечатков пальцев, ни волокон, ни крови, ни слюны, ни волос, ни ДНК – ничего.

Ричер зевнул, сплетая руки на затылке.

– Добиться этого весьма непросто.

Ламарр кивнула, не отрывая взгляда от дороги.

– Совершенно точно. В нашем распоряжении имеются такие средства, в существование которых ты даже не поверишь, но нашему другу удается перехитрить их все.

– Каким образом?

– Мы не можем понять. Сколько времени ты пробыл в этой машине?

Ричер пожал плечами.

– Мне кажется, всю жизнь.

– На самом деле, всего около часа. Но сейчас твои пальчики уже повсюду – на дверных ручках, приборной панели, защелке ремня безопасности, рычаге регулировки сиденья. На подголовнике не меньше десятка твоих волос. По всему сиденью куча волокон ткани брюк и пиджака. На коврике земля из двора дома в Гаррисоне. Быть может, даже ворс ковра.

Ричер кивнул.

– А я здесь лишь сижу.

– Вот именно. А при насильственном убийстве подобные улики должны были быть повсюду. Плюс, возможно, кровь и слюна.

– Так что, вероятно, он все-таки убивает женщин не дома.

– Трупы были обнаружены именно в домах.

– Значит, ему по крайней мере приходится перетаскивать их в дом.

Ламарр кивнула.

– Достоверно известно, что убийца проводит в доме какое-то время. На то есть убедительные доказательства.

– Где он оставляет трупы?

– В ванной комнате. В ванне.

«Бьюик» дюйм за дюймом проползал мимо места аварии. Старый автофургон на полной скорости врезался в зад джипу, абсолютно такому

же, какой был у Ричера. В лобовом стекле фургона были две вмятины, оставленные головами. Смятую дверь пришлось открывать домкратом. В разрыве разделительного барьера стояла карета скорой помощи. Выкрутив голову, Ричер уставился на джип. Это была не его машина. Впрочем, он и не ждал, что это окажется его джип. Джоди никуда не поедет. Если у нее есть хоть капля здравого смысла.

– В ванне? – переспросил Ричер.

Ламарр кивнула, не отрываясь от дороги.

– В ванне.

– Все три трупа?

Ламарр снова кивнула.

– Все три.

– Что-то вроде подписи?

– Верно, – подтвердила она.

– Откуда убийце известно, что у всех жертв были ванны?

– Когда человек живет в доме, у него обязательно есть ванна.

– Откуда ему известно, что все жертвы живут в домах? Он ведь выбирает их не по принципу жилья. Это ведь в определенном смысле случайность? Жертвы могли жить где угодно. Например, я живу в мотелях. А в некоторых есть только душ.

Ламарр мельком взглянула на него.

– Ты больше не живешь в мотелях. Ты живешь в собственном особняке в Гаррисоне.

Ричер смущенно отвел взгляд, как человек, который забыл.

– Ну, наверное, сейчас я действительно живу в собственном особняке, – признался он. – Но прежде мне пришлось попутешествовать. Откуда убийце известно, что у этих женщин есть постоянное жилье?

– Это «Уловка-22». Если бы они были бездомными, они бы не попали в его список. Я хочу сказать, для того, чтобы попасть в его список, они должны иметь постоянное место жительства – в противном случае убийца не сможет их найти.

– Но откуда ему известно, что у всех есть ванны?

Ламарр пожала плечами.

– В любом доме, в любой квартире есть ванны. Только в совсем крошечных квартирах-студиях имеется лишь душевая кабина.

Ричер кивнул. В этой области у него было совсем мало опыта. Недвижимость оставалась для него неизведанной территорией.

– Хорошо. Все жертвы лежат в ванной.

– Обнаженные. И их одежда отсутствует.

Проехав мимо места аварии, Ламарр надавила на газ, устремляясь в погоню за отступающей грозой. Она переключила щетки стеклоочистителя на максимальную скорость.

– Убийца забирает одежду жертв с собой? – спросил Ричер. – Почему?

– Вероятно, в качестве трофея. У таких серийных преступников захват трофеев – очень распространенное явление. Возможно, в этом есть какой-то символизм. Возможно, убийца считает, что жертвы должны по-прежнему носить военную форму, поэтому он отнимает у них гражданскую одежду. И жизнь.

– Больше он ничего не берет?

Ламарр покачала головой.

– По крайней мере, мы ничего не смогли установить. Все вещи вроде бы на своих местах. Нигде нет никаких «пробелов». Наличные и кредитные карточки на месте.

– Значит, убийца забирает одежду жертв и не оставляет никаких следов.

Ламарр ответила не сразу.

– Кое-что он оставляет, – сказала она. – Он оставляет краску.

– Краску?

– Армейскую, зеленую камуфляжную. В большом количестве.

– Где?

– В ванне. Убийца кладет туда обнаженное тело, после чего заполняет ванну краской.

Ричер всмотрелся сквозь бешено мечущиеся щетки в дождь.

– Он топит женщин? В краске?

Ламарр покачала головой.

– Нет, он их не топит. Он кладет их в ванну уже мертвыми. А потом просто закрывает их краской.

– Как? Раскрашивает?

Ламарр прибавила скорость, пытаясь наверстать упущенное время.

– Нет, он их не раскрашивает. Он просто заполняет ванну краской, по самый край. Естественно, при этом тело тоже оказывается покрыто краской.

– Значит, трупы плавают в ванне, заполненной зеленой краской?

Она кивнула.

– Именно в таком виде были обнаружены все три жертвы.

Ричер ничего не сказал. Отвернувшись, он уставился в окно и молчал довольно долго. На западе небо стало проясняться. Дождь заканчивался. Машина быстро неслась вперед. Покрышки шелестели по мокрому асфальту, дождевые капли барабанили по крыше. Уставившись вдаль на светлеющее небо на западе, глядя краем глаза на мелькающую бесконечную ленту шоссе, Ричер вдруг поймал себя на том, что он*счастлив*.Он куда-то направляется. Находится в движении. Кровь у него в жилах потекла быстрее, словно у животного в конце зимы. Старый демон странствий тихонько нашептывал ему на ухо: «Сейчас ты счастлив. Ты счастлив, разве не так? Ты ведь даже на время забыл о том, что привязан к Гаррисону, правда?»

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила Ламарр.

Повернувшись к ней, Ричер постарался сосредоточить внимание на ее бледном лице, жидких волосах, кривых зубах, обнажившихся в улыбке.

– Расскажи мне о краске, – тихо сказал он.

Ламарр недоуменно посмотрела на него.

– Обыкновенная армейская краска, – сказала она. – Зеленая, матовая. Производится в штате Иллинойс сотнями тысяч галлонов. Изготовлена в течение последних одиннадцати лет, потому что технологический процесс относительно новый. Помимо этого нам больше ничего не удалось установить.

Ричер рассеянно кивнул. Сам он никогда не использовал такую краску, но он видел миллионы квадратных ярдов, выкрашенных ей.

– Возиться с краской сложно, – задумчиво произнес он.

– Но места преступлений безукоризненно чистые. Нигде не пролито ни капли.

– Женщины уже мертвы, – заметил Ричер. – Никто не дерется. Так что проливать краску незачем. Однако, ее надо принести в дом. Сколько нужно для того, чтобы наполнить ванну до краев?

– От двадцати до тридцати галлонов.

– Это очень много. Должно быть, краска имеет для убийцы очень большое значение. Вы не пытались понять, какое именно?

Ламарр пожала плечами.

– Нет, если не брать в расчет очевидного. Краска-то армейская. Быть может, отнимая гражданскую одежду и покрывая трупы армейской краской, убийца как бы возвращает жертвы туда, где, по его мнению, они должны находиться. Понимаешь, краска сковывает трупы. Через пару часов на поверхности появляется пленка. Со временем она твердеет, а жидкая краска внутри превращается в желе. Полагаю, за достаточно большой срок она бы вся высохла и затвердела, а трупы оказался бы внутри. Знаешь, некоторые родители помещают первые пинетки своего малыша в плексиглас?

Ричер уставился перед собой. Горизонт впереди был чистым. Гроза осталась позади. Справа мелькала зеленая и солнечная Пенсильвания.

– Краска – это чертовски хлопотно, – заметил Ричер, рассуждая вслух. – Двадцать или тридцать галлонов? Солидный груз. То есть, у убийцы должна быть большая машина. Краску непросто раздобыть. Непросто даже внести ее в дом. Это могут заметить. Никто ничего не видел?

– Мы обошли всех соседей. Никто не заметил ничего странного.

Ричер медленно кивнул.

– Краска – это ключ к разгадке. Где убийца ее достает?

– Понятия не имеем. Армейское руководство не горит желанием нам помочь.

– Не удивляюсь. Армия вас ненавидит. Кроме того, она наверняка испугалась, что убийцей может оказаться кадровый военный. Кто еще может достать камуфляжную краску в таком количестве?

Ламарр ничего не ответила. «Бьюик» мчался на юг. Дождь давно кончился, и щетки со скрипом скребли сухое стекло. Ламарр выключила стеклоочиститель уверенным движением запястья. Ричер принялся размышлять о каком-то кадровом военном, загружающем галлонами зеленую краску. В его списке девяносто одна женщина, его извращенное сознание требует на каждую от двадцати до тридцати галлонов. Итого две – две с половиной тысячи галлонов. Огромное количество. Для того,

чтобы перевезти столько, понадобится много грузовиков. Быть может, этот человек – интендант.

– Как убийца расправляется с жертвами? – спросил Ричер.

Ламарр крепче стиснула рулевое колесо. Сглотнула комок в горле, не отрывая взгляда от дороги.

– Мы не знаем, – сказала она.

– Как это*не знаете?*– переспросил Ричер.

Ламарр покачала головой.

– Жертвы мертвы. Но мы не можем определить, как именно они умерли.

**Глава 8**

*Всего их было девяносто одна, а тебе необходимо разобраться с шестью из них, то есть, еще с тремя. Так что ты намереваешься делать дальше? Думать и прорабатывать мельчайшие подробности, вот что. Думать, думать и думать, вот что ты будешь делать. Потому что в этом – основа успеха. Тебе нужно перехитрить всех. И жертвы, и следователей. Много-много следователей. С каждым разом их становится все больше и больше. Местная полиция, полиция штата, ФБР, консультанты, приглашенные ФБР. Новые методы, новые подходы. Ты знаешь, что тебя ищут. Эти люди очень хотят тебя найти. Они будут стараться изо всех сил.*

*Обмануть следователей сложно, а вот женщин – легко. Проще простого. На этом строился весь твой расчет, и он оказался верен. Абсолютно верен. Жертвы шагают прямо в ловушку, как и предполагалось. Твои рассуждения были тщательными и всесторонними, и план оказался безупречным. Женщины отпирают дверь, впускают тебя в дом. Высунув языки, спешат навстречу собственной смерти. Они такие глупые, поэтому получают по заслугам. Твоя задача не составляет никакого труда. Абсолютно никакого. Она требует кропотливой работы, только и всего. Как и всё в этом мире. Если тщательно все продумать, все предусмотреть, досконально подготовиться, отрепетировать каждое действие, тогда задача не составит никакого труда. Превратится в вопрос техники, как и предполагалось. Все основывается на науке. Ты делаешь сначала это, затем это, потом это, а когда все остается позади, ты преспокойно возвращаешься домой. Все самое трудное остается позади. Но ты не перестаешь думать. Думать, думать и думать. У тебя получилось один раз, получилось два раза, три раза, но ты прекрасно знаешь, что в жизни нет ничего гарантированного. Ты знаешь это лучше кого бы то ни было. Поэтому ты не перестаешь*

*думать, потому что теперь твой единственный враг – твоя собственная самоуверенность.*

– Как это вы не знаете? – повторил Ричер.

Ламарр вздрогнула. Она смотрела прямо перед собой, уставшая, сосредоточив все внимание на дороге, судорожно стиснув руль, управляя «Бьюиком» словно автомат.

– Что мы не знаем?

– Как умерли жертвы.

Вздохнув, Ламарр покачала головой.

– Не знаем, и все тут.

Ричер пытливо посмотрел на нее.

– С тобой все в порядке?

– А что, я плохо выгляжу?

– Похоже, ты жутко устала.

Ламарр зевнула.

– Да, полагаю, есть немного. Ночка выдалась длинная.

– В таком случае, пожалуйста, будь поаккуратнее.

– Ты уже начал обо мне беспокоиться?

Он покачал головой.

– Нет, о себе. Если ты заснешь за рулем, мы очутимся в кювете.

Она снова зевнула.

– Такого еще ни разу не было.

Ричер отвернулся. Незаметно для себя принялся теребить ремень безопасности.

– Со мной все в порядке, – заверила его Ламарр. – Ни о чем не беспокойся.

– Почему вы не знаете, как умерли жертвы?

Она пожала плечами.

– Ты сам работал следователем. Ты видел мертвых.

– Ну и?

– Что ты искал в первую очередь?

– Раны, повреждения органов.

– Совершенно верно. И если человек продырявлен пулями, можно сделать вывод, что его расстреляли. Если у него раскроен череп, речь идет о травме, нанесенной тупым предметом.

– Но?

– Так вот, мы нашли три ванны, наполненные засыхающей краской, так? Трупы достали, патологоанатом их очистил. И ничего не нашел.

– Совсем ничего?

– По крайней мере, с первого взгляда ничего очевидного. Тогда, естественно, он начинает искать пристальнее. И по-прежнему ничего не находит. Делает вскрытие, не находит в легких ни воды, ни краски. Начинает искать микроскопические повреждения наружных органов. Но так ничего и не находит.

– Ни синяков? Ни следов от уколов?

Ламарр покачала головой.

– Абсолютно ничего. Но надо помнить, что жертвы были покрыты краской. А ваша армейская дрянь не пройдет ни одного санитарно-гигиенического теста. В ней полно едких химических соединений. Она разъедает кожу, уже после смерти. Можно предположить, краска уничтожает какие-то малозаметные следы. Тем не менее, женщин убивает что-то тонкое, неуловимое. Ничего грубого и прямолинейного.

– А что насчет внутренних органов?

Ламарр снова покачала головой.

– Ничего. Ни подкожных кровоподтеков, ни повреждений внутренних органов, ничего.

– Яд?

– Нет. В желудке все чисто. Жертвы не отравились краской. Заключение токсиколога однозначно отрицательное.

Ричер медленно кивнул.

– Насколько я понимаю, следов сексуального насилия также нет, поскольку Блейк обрадовался, услышав, что Каллан и Кук переспали бы со мной, если бы у меня возникло такое желание. То есть, преступник не чувствует себя сексуально отвергнутым и поэтому не насилует жертвы. В

противном случае вы стали бы искать мужчину, которого эти женщины отвергли.

Ламарр кивнула.

– Да, в нашем психологическом портрете для секса места нет. Мы считаем, что убийца раздевает жертвы, чтобы их унизить. Наказать. Вообще лейтмотив преступлений – наказание. Возмездие.

– Странно, – заметил Ричер. – Определенно этот человек – военный. Но военные убивают не так. Они стреляют в свои жертвы, пронзают их ножом, забивают до смерти или душат. Военные не любят тонких и неуловимых методов.

– Мы не знаем, как именно убийца расправляется с жертвами.

– Но ведь в его действиях нет*ярости*, правда? Если этот тип занят местью, где же ярость? А тут все получается клинически стерильно.

Ламарр зевнула и кивнула – одновременно.

– Меня это тоже беспокоит. Но давай взглянем на категорию, к которой относятся жертвы. Каким еще может быть мотив? А если мы приходим к согласию относительно мотива, кем еще может быть убийца кроме разъяренного солдата?

Они погрузились в молчание. Мимо мелькали дорожные указатели. Ламарр сжимала рулевое колесо так, что сухожилия на запястьях проступали натянутыми канатиками. Ричер смотрел на дорогу и старался особенно этому не радоваться. Затем Ламарр снова зевнула и перехватила его встревоженный взгляд.

– Со мной все в порядке, – поспешила заверить она.

Ричер долго смотрел на нее.

– Со мной все в порядке, – повторила она.

– Я сосну часок, – сказал он. – Постарайся меня не прикончить.

Когда Ричер проснулся, они все еще ехали по Нью-Джерси. В машине было тихо и уютно. Двигатель ровно ворчал где-то далеко, тихим тенором пели покрышки. Едва слышно шелестел ветер. Небо оставалось серым. Ламарр буквально окоченела от усталости. Стиснув рулевое колесо, она таращилась на дорогу немигающим взглядом красных глаз.

– Нам надо остановиться, чтобы перекусить, – предложил Ричер.

– Еще слишком рано.

Он сверился с часами. Времени уже было час дня.

– Не разыгрывай из себя героя, черт возьми. Тебе необходимо влить внутрь не меньше пинты кофе.

Ламарр собралась было возразить, но затем сдалась. Ее тело внезапно как-то обмякло, она снова зевнула.

– Ну хорошо, давай остановимся.

Проехав еще с милю, Ламарр свернула на площадку для отдыха, скрытую за деревьями. Поставив машину на стоянку, она заглушила двигатель. Некоторое время они сидели во внезапно наступившей тишине. Ричеру довелось уже повидать сотни подобных стоянок: дешевая архитектура, насаждаемая федеральным правительством в пятидесятые годы, оккупированная точками быстрого питания, устроившимися в скромных помещениях под яркими, кричащими вывесками.

Выбравшись на холодный, сырой воздух первым, Ричер потянулся, разминая затекшие члены. За спиной ревело оживленное шоссе. Ламарр неподвижно сидела в машине, и Ричер направился в туалет. Выйдя оттуда, он нигде ее не увидел. Войдя в здание, он занял очередь в буфет. Ламарр присоединилась к нему через минуту.

– Ты не должен был так поступать.

– Как так?

– Уходить от меня.

– Почему?

– Потому что у нас для таких, как ты, есть определенные правила.

Она произнесла это без намека на шутку. Ричер пожал плечами.

– Хорошо, когда я в следующий раз отправлюсь в сортир, я захвачу тебя с собой.

Ламарр даже не улыбнулась.

– Просто предупреди, и я буду ждать за дверью.

Пока очередь неспешно продвигалась вперед, Ричер переменил свой выбор с бутерброда с сыром на бутерброд с крабовым мясом. Он решил, что так будет дороже, а платить все равно не ему. К бутерброду Ричер добавил кружку черного кофе на двадцать унций и сдобную булочку. Пока Ламарр возилась с бумажником, он выбрал столик. Когда она присоединилась к нему, он насмешливо поднял кружку.

– Предлагаю выпить за несколько веселых дней, которые нам предстоит провести вместе.

– Не несколько дней, а столько, сколько потребуется, – поправила Ламарр.

Ричер пригубил кофе, думая о том же.

– Что означает трехнедельный цикл? – спросил он.

Ламарр остановила свой выбор на бутерброде из хлеба с отрубями и сыра. Услышав вопрос, она мизинцем смахнула с уголка губ крошку.

– Точно мы не знаем. Три недели – очень странный промежуток. Никак не связанный с луной. Трехнедельных циклов нет ни в одном календаре.

Ричер проделал в уме несложные арифметические расчеты.

– Девяносто одна цель, по три недели на каждую – чтобы расправиться со всеми, убийце потребуется пять с четвертью лет. Чертовски долгосрочный проект.

Ламарр кивнула.

– Мы рассматриваем это как доказательство того, что продолжительность цикла обусловлена какими-то внешними причинами. Предположительно, убийца работал бы быстрее, если бы у него была такая возможность. Поэтому мы считаем, что его работа связана с трехнедельным графиком. Вероятно, он две недели работает, затем неделю отдыхает. Эту неделю убийца тратит на то, чтобы выследить жертву, подготовиться и совершить преступление.

Ричер увидел открывшуюся перед ним возможность. Кивнул.

– Возможно.

– Итак, кто в армии работает по такому графику?

– Ну, различные дежурные части. Две недели боевой готовности, неделя отдыха.

– А кто находится на боевом дежурстве?

– Морская пехота, некоторые сухопутные части. – Помолчав, он сглотнул комок в горле. – И спецназ.

Интересно, клюнет ли Ламарр на приманку?

Она кивнула.

– Войска специального назначения знают, как убивать тонко и неуловимо.

Ричер недовольно посмотрел на свой бутерброд. Похоже, крабовое мясо было сделано из тунца.

– Не совсем. Бесшумно – да, без оружия – да, без предварительной подготовки – да. А вот о том, чтобы убивать тонко и неуловимо – я ничего не слышал. Наш приятель заботится о том, чтобы не оставить никаких следов, так? А спецназовцев действительно учат убивать, это точно, но им наплевать, будет ли кто-нибудь впоследствии ломать голову над тем, как именно они сделали свое дело.

– Что ты хочешь сказать?

Он положил бутерброд.

– А то, что я не знаю, кто что делает, почему и как. И не представляю себе, как я могу это узнать. Это ты у нас большой специалист. Ты изучала в университете декоративное садоводство.

Ламарр застыла с поднятым бутербродом.

– Ричер, нам не нужно твое нытье. Нам нужно от тебя дело, и ты знаешь, на что мы готовы пойти ради этого.

– Я знаю, на что вы*грозитесь*пойти.

– Ты готов рискнуть, понадеявшись на то, что мы не станем осуществлять свои угрозы?

– Если у Джоди хоть один волос упадет с головы, знаешь, что я с тобой сделаю?

Ламарр усмехнулась.

– Ричер, ты мне угрожаешь? Угрожаешь федеральному агенту? Ты только что снова нарушил закон. Глава 18, параграф А-3, раздел 4702. Ты сам громоздишь обвинения против себя.

Отвернувшись, он ничего не ответил.

– Помоги нам, и все будет в полном порядке, – продолжала она.

Допив кофе, Ричер посмотрел на нее поверх края кружки. Спокойно, бесстрастно.

– Тебя беспокоит вопрос морали? – спросила Ламарр.

– Причем тут мораль?

Вдруг ее лицо изменилось. По нему пробежала тень смущения. Оно чуть смягчилось. Ламарр кивнула.

– Понимаю, меня в свое время это тоже беспокоило. Окончив академию, я не могла поверить в то, что мне действительно придется заниматься всем этим. Но Бюро знает, что делает. Я уяснила это быстро, очень быстро. Тут главное – практическая целесообразность. Как сделать

лучше максимально большому количеству людей. Когда нам бывает нужна помощь, мы сначала обращаемся с просьбой, но можешь мне поверить, своего мы добиваемся обязательно.

Ричер молчал.

– Вот во что я теперь верю, – продолжала она. – Но я хочу, чтобы ты знал: не я предложила оказать на тебя давление, угрожая твоей девушке.

Ричер молчал.

– Это была мысль Блейка. Не стану ругать его методы, но лично я не пошла бы таким путем.

– Почему?

– Потому что у нас и без того хватает женщин, над которыми нависла опасность.

– В таком случае, почему ты не остановила Блейка?

– Не остановила? Но он ведь мой начальник. И мы работаем в правоохранительном ведомстве. Основное ударение на слове «правоохранительное». Однако, мне все же хотелось, чтобы ты знал: будь моя воля, все было бы иначе. Потому что нам с тобой нужно работать вместе.

– Это извинение?

Ламарр ничего не ответила.

– Да? Наконец-то?

Она скорчила гримасу.

– Наверное, это максимум из того, что ты хочешь от меня услышать.

Ричер пожал плечами.

– Ладно, и на том спасибо.

– Теперь мы друзья?

– Друзьями мы с тобой никогда не станем, – сказал Ричер. – Можешь забыть об этом.

– Ты меня не любишь.

– Хочешь, я буду с тобой искренним?

Она пожала плечами.

– Наверное, можно обойтись и без этого. Мне от тебя нужна лишь твоя помощь.

– Я готов стать посредником. Я согласился на это. Но ты должна сказать мне, чего ты хочешь.

Ламарр кивнула.

– Мысль о войсках специального назначения пришлась мне по вкусу. Первым делом тебе нужно будет заняться именно ими.

Отвернувшись, Ричер стиснул зубы, чтобы не улыбнуться. Пока что все шло хорошо.

Они провели на площадке для отдыха целый час. Только к концу этого срока Ламарр начала расслабляться. Когда время истекло, ей не хотелось возвращаться в машину.

– Хочешь, я сяду за руль? – предложил Ричер.

– Это машина Бюро. Ты не имеешь права ей управлять.

Однако вопрос вверг ее обратно в нервозность. Схватив сумочку, Ламарр резко встала. Ричер отнес грязные подносы и догнал ее у дверей. Они молча прошли к «Бьюику». Ламарр завела двигатель, выехала со стоянки и влилась в поток машин.

Вернулись ворчание двигателя, приглушенный шум дороги, негромкий свист ветра, и через минуту Ричеру уже казалось, что никакой остановки не было. Ламарр сидела в том же положении: прямая, напряженная. Ричер развалился справа от нее, глядя на мелькающий за окном пейзаж.

– Расскажи мне про свою сестру, – сказал он.

– Она мне сводная сестра.

– Как бы то ни было, расскажи о ней.

– Зачем?

Он пожал плечами.

– Ты хочешь, чтобы я вам помог. Для этого мне нужна какая-то отправная точка. Например, расскажи, где она служила, что с ней произошло и так далее.

– Моя сводная сестра была девочкой из богатой семьи, которой захотелось приключений.

– И она пошла в армию?

– Поверив рекламным объявлениям. Видел такие в журналах? Если судить по ним, служба в армии – это захватывающее, увлекательное приключение.

– Физически она крепкая?

Ламарр кивнула.

– Да, она очень спортивная, понимаешь? Обожает все экстремальные виды – альпинизм, горные лыжи, велосипед, виндсерфинг. Элисон думала, что в армии ей придется только лазать по скалам с ножом в зубах.

– Но это оказалось не так?

– Ты сам все прекрасно знаешь. По крайней мере, не в то время и не для женщины. Элисон отправили служить в транспортный батальон, посадили за руль грузовика.

– Почему она сразу же не уволилась, раз у нее есть деньги?

– Потому что не привыкла бросать дело, не доведя его до конца. Учебный центр она окончила с отличием. Ее не покидала надежда добиться лучшего.

– И?

– Элисон пять раз ходила на прием к какому-то болвану-полковнику, пытаясь сдвинуться с мертвой точки. Во время шестой встречи полковник предложил ей раздеться.

– И?

– Она его послала, после чего ей сразу же предложили то, о чем она мечтала. Перевод в подразделение непосредственной поддержки пехоты – ближе этого женщин к настоящему делу в армии не подпускают.

– Но?

– Ты ведь сам прекрасно знаешь, что бывает в таких случаях. Пошли слухи. Дыма ведь без огня не бывает. Понимаешь, все решили, что Элисон все-таки отдалась этому типу, даже несмотря на то, что она его послала, после чего его вышвырнули из армии, так что все получается совершенно нелогично. В конце концов Элисон не смогла больше терпеть перешептывания и уволилась.

– Чем она занимается сейчас?

– Ничем. Жалеет себя.

– Вы с ней близки?

Ламарр ответила не сразу.

– Если честно, не очень. Не так близки, как мне хотелось бы.

– Ты ее любишь?

Она состроила гримасу.

– А почему бы мне ее не любить? Моя сводная сестра – замечательный человек. Но я с самого начала допускала ошибки. Вела себя неправильно. Я была еще маленькая, мой отец умер, мы с мамой жили очень бедно, потом в нее влюбился богатый мужчина, и в конце концов меня удочерили. А я, наверное, так и не смогла принять то, что меня*спасли.*И поэтому решила, что не должна буду любить ее, поскольку она мне лишь*сводная*сестра.

– И ты так и не избавилась от этого?

Ламарр покачала головой.

– Полностью не избавилась. Признаю, это моя вина. Моя мать умерла рано и я осталась в неуютном одиночестве. Вела себя я неправильно. Сейчас моя сводная сестра, по сути дела, просто моя хорошая знакомая. Но когда мы с ней встречаемся, мы ладим друг с другом.

Ричер кивнул.

– Раз они с отцом богатые, у тебя тоже есть деньги, так?

Она отвела взгляд. Усмехнулась. На мгновение обнажив кривые зубы.

– А что? Ты любишь богатых женщин? Или ты считаешь, что богатые женщины не должны заниматься такой работой?

– Я просто пытался поддержать разговор.

Ламарр снова усмехнулась.

– Я богаче, чем ты думаешь. У моего отчима прорва денег. И он относится к нам очень справедливо, хотя я ему не родная дочь.

– Тебе повезло.

Она помолчала.

– А скоро мы с Элисон станем еще богаче. К несчастью. Отчим очень болен. Вот уже два года он сражается с раком. Старик оказался крепким, но сейчас все идет к концу. Так что на нас свалится огромное наследство.

– Прими мои соболезнования.

Ламарр кивнула.

– Мне его очень жалко. Все это так печально.

Наступила тишина. Нарушаемая лишь шелестом мелькающих под колесами миль.

– Ты предупредила свою сестру? – спросил Ричер.

– Сводную сестру.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Почему ты все время так это подчеркиваешь?

Ламарр пожала плечами.

– Потому что если Блейк решит, что я принимаю все слишком близко к сердцу, он отстранит меня от дела. А я этого не хочу.

– Не хочешь?

– Конечно, не хочу. Когда близкий человек в беде, хочется помочь ему самой, разве не так?

Ричер отвернулся.

– Надеюсь, ты сама веришь в это.

– К тому же, родственные отношения всегда доставляли мне неудобство, – продолжала она. – Ко мне возвращаются все мои прежние ошибки. Понимаешь, после смерти матери меня могли отрезать от семьи, но этого не произошло. Отчим и сводная сестра продолжали относиться ко мне хорошо, с любовью, щедро, справедливо, но чем больше они старались, тем больше я чувствовала себя виноватой в том, что с самого начала взяла на себя роль Золушки.

Ричер промолчал.

– Ты считаешь, я снова веду себя иррационально, – нахмурилась Ламарр.

Он ничего не сказал. Она уставилась на дорогу впереди.

– Золушка, – повторила Ламарр. – А ты, наверное, к тому же еще назовешь меня дурнушкой.

Ричер ничего не ответил на это.

– Так ты все-таки предупредила ее или нет? – снова спросил он.

Ламарр искоса взглянула на него, и Ричер почувствовал, что она заставляет себя вернуться в настоящее.

– Да, разумеется, предупредила. Как только убийство Кук поставило все на свои места, я ей позвонила. И продолжаю звонить. Но она в относительной безопасности. Большую часть времени проводит в больнице с отцом, а когда она бывает дома, я предупредила ее никого не впускать в дом. Абсолютно никого, кто бы это ни был.

– Она прислушается к твоим советам?

– Я об этом позаботилась.

Ричер кивнул.

– Ладно, будем считать, она в относительной безопасности. Остается тревожиться только за остальных восемьдесят семь женщин.

За Нью-Джерси последовали восемьдесят миль Мериленда, на которые ушли один час двадцать минут. Затем машина зацепила край округа Колумбия и, въехав в Вирджинию, преодолела по шоссе И-95 последние сорок миль до самого Квантико. Городок остался позади, и начались пологие лесистые холмы. Дождь прекратился. Небо прояснилось. Ламарр вела машину быстро и вдруг, резко сбавив скорость, свернула на никак не обозначенную дорогу, петляющую между деревьями. Асфальтовое покрытие было очень хорошее, но крутые повороты не позволяли развить скорость. Через полмили дорога привела на аккуратную поляну, заставленную военными машинами и темно-зелеными палатками.

– Морская пехота, – объяснила Ламарр. – Нам выделили шестьдесят акров под учебный центр.

Ричер улыбнулся.

– Армии это видится в другом свете. Военные считают, что вы эту землю украли.

Еще полмили поворотов, новая поляна. Такие же машины, такие же палатки, такая же темно-зеленая краска.

– Армейский камуфляж, – заметил Ричер.

Ламарр кивнула.

– Видеть его спокойно не могу.

Опять повороты, еще две поляны. Машина углубилась в лес мили на две. Подавшись вперед, Ричер внимательно смотрел по сторонам. Ему еще ни разу не приходилось бывать в Квантико. Его охватило любопытство. Сделав крутой поворот, машина выехала из леса и остановилась перед контрольно-пропускным пунктом. Дорогу перегораживал полосатый красно-белый шлагбаум. Сбоку стояла будка из пуленепробиваемого

стекла. К машине подошел вооруженный часовой. У него за спиной раскинулась горстка приземистых строений песчано-желтого цвета, среди которых возвышались два здания повыше. Просторные, безукоризненно ухоженные лужайки свидетельствовали о том, что архитектору не приходилось экономить место. В целом местечко выглядело совершенно мирно, словно студенческий городок или штаб-квартира крупной корпорации. Это впечатление нарушали лишь ограда из колючей проволоки и вооруженный часовой.

Опустив стекло, Ламарр достала из сумочки удостоверение. Часовой, несомненно, прекрасно ее знал, но правила есть правила. Он кивнул, как только закатанное в пластик удостоверение показалось из сумочки. Затем перевел взгляд на Ричера.

– Вам должны были принести бумаги на этого человека, – сказала Ламарр.

Часовой снова кивнул.

– Да, мистер Блейк обо всем позаботился.

Нырнув в будку, он вернулся с закатанной в пластик карточкой на шнурке. На карточке были фамилия Ричера и его старая фотография из армейского личного дела. Карточка была перечеркнута бледно-розовой галочкой.

– Это означает, что ты здесь гость, – объяснила Ламарр. – Ты должен постоянно носить ее на шее.

– Или? – поинтересовался Ричер.

– В противном случае тебя пристрелят без предупреждения. И я не шучу.

Вернувшись в будку, часовой открыл шлагбаум. Подняв стекло, Ламарр тронулась вперед. Дорога взобралась на холм, открыв вид на большую автостоянку. Откуда-то донеслись звуки перестрелки: отрывистый лай крупнокалиберного стрелкового оружия, ярдах в двухстах за деревьями.

– Огневая подготовка, – заметила Ламарр. – Занимаемся этим постоянно.

Она как-то вся посвежела и приободрилась, словно ей придала силы близость к родным местам. Ричер не находил в этом ничего странного. Учебный центр производил впечатление. Он разместился в естественной низине, посреди леса, за много миль от чего бы то ни было. От него веяло ощущением уединенности и тайны. Становилось понятно, как воспитывался воинственный, преданный дух в тех, кому посчастливилось сюда попасть.

Ламарр медленно проехала через «лежачие полицейские» к стоянке перед самым большим зданием. Взглянула на часы.

– Мы ехали шесть часов десять минут, – заметила она. – Очень медленно. Полагаю, все дело в плохой погоде. А также мы слишком много времени потратили на обед.

Они помолчали.

– И что теперь? – спросил Ричер.

– А теперь мы примемся за работу.

Открылись стеклянные двери, и из здания вышел Пултон. Песчано-желтый коротышка с усами. На нем был свежий костюм. Темно-синий, с белой рубашкой и серым галстуком. Новый цвет делал его менее неприметельным. Более официальным. Постояв, Пултон обвел взглядом стоянку и направился к «Бьюику». Ламарр вышла ему навстречу. Ричер остался сидеть в машине. Ламарр достала из багажника свой чемодан. Та же самая искусственная кожа, что и ее кейс. Пултон даже не предложил ей помочь.

– Пошли, Ричер, – сказала она.

Ричер надел на шею карточку со своей фотографией. Открыл дверь и вышел. На улице было холодно и ветрено. Ветер доносил шелест сухих листьев и звуки выстрелов.

– Бери свою сумку, – окликнул Пултон.

– У меня нет сумки, – ответил Ричер.

Пултон взглянул на Ламарр, та красноречивой гримасой показала: «Мне пришлось терпеть это целый день.» Повернувшись, агенты направились в здание. Взглянув на небо, Ричер последовал за ними. С каждым шагом вверх по склону ему открывался новый вид. Слева от строений почва понижалась, и Ричер увидел отряды новобранцев, сосредоточенно марширующих, бегающих и уходящих в сторону зарослей с оружием в руках. Все в темно-синих комбинезонах с ярко-желтыми буквами «ФБР» на груди и спине. На взгляд профессионального военного все это показалось Ричеру какой-то самодеятельностью. Затем он со стыдом заметил, что объяснялось это отчасти тем, что солидную долю тех, кто маршировал, бегал и стрелял, составляли женщины.

Открыв стеклянные двери, Ламарр прошла в здание. Пултон подождал Ричера на пороге.

– Я провожу тебя в твою комнату. Отнесешь туда свои вещи.

Вблизи, при свете дня он казался старше. Его лицо пересекали едва различимые морщины, словно сорокалетний мужчина натянул кожу двадцатилетнего юноши.

– Никаких вещей у меня нет, – заметил Ричер. – Я только что это сказал.

Пултон замялся. Судя по всему, ему приказали выполнить четко прописанный алгоритм.

– Все равно, я провожу тебя, – наконец сказал он.

Подхватив свой чемодан, Ламарр ушла. Пултон провел Ричера к лифту. Они поднялись на третий этаж и вышли в пустынный коридор, застеленный вытертым ковром. Пултон подошел к двери без надписей и, достав из кармана ключ, отпер ее. За дверью был стандартный гостиничный номер. Узкая прихожая, справа ванная и туалет, слева встроенный шкаф, кровать, стол и два стула. Всё в блеклых тонах.

Пултон остался в коридоре.

– У тебя есть десять минут.

Дверь бесшумно захлопнулась. Изнутри ручки не было. Не совсем стандартный гостиничный номер. Из окна открывался вид на лес, но само окно не открывалось. Рама была заварена, а ручка снята. На тумбочке стоял телефон. Сняв трубку, Ричер услышал гудок. Набрав девятку, он снова услышал гудок. Ричер набрал рабочий телефон Джоди. Подождав восемнадцать звонков, набрал домашний телефон. Включился автоответчик. Ричер позвонил на сотовый. Сотовый оказался отключен.

Повесив плащ в шкаф, Ричер достал из кармана зубную щетку и бросил ее в стакан, который стоял на полке под зеркалом в ванной. Сполоснул лицо холодной водой и попытался придать волосам какое-то подобие прически. Затем сел на край кровати и стал ждать.

## Глава 9

Через восемь минут послышался щелчок замка. Ричер поднял взгляд, ожидая увидеть Пултона. Но это был не Пултон. Это была девушка. На вид ей было не больше шестнадцати. Ее длинные светлые волосы были забраны в свободный хвостик. На открытом загорелом лице сверкала белоснежная улыбка. Ясные голубые глаза. Девушка была в мужском костюме, перешитом по фигуре. Белая рубашка и галстук. Аккуратные черные туфли на низком каблуке. Ее рост был больше шести футов. Стройная, изящная. И очень привлекательная. Девушка улыбнулась.

– Привет.

Ричер ничего не ответил. Просто молча смотрел на нее. По лицу девушки пробежала тучка. Улыбка стала смущенной.

– Вы хотите выпалить ЧЗВ прямо сейчас?

– Что?

– ЧЗВ. Часто задаваемые вопросы.

– Кажется, у меня нет никаких вопросов.

– О, все в порядке.

Девушка облегченно улыбнулась. Улыбка придала ее лицу открытое, простодушное выражение.

– И что же это за часто задаваемые вопросы? – поинтересовался Ричер.

– О, понимаете, это то, о чем меня в первую очередь спрашивают новенькие. Просто тоска берет.

Она говорила искренне. Ричер это видел. И все же спросил:

– Так о чем же вас спрашивают?

Девушка состроила обреченную гримасу.

– Меня зовут Лиза Харпер, – начала она. – Мне двадцать девять лет – да-да, честное слово. Я родом из Аспена, штат Колорадо. Во мне шесть футов один дюйм – да-да, честное слово. В Квантико я уже два года; да, я встречаюсь с парнями; нет, одеваюсь я так просто потому, что мне это нравится; нет, я не замужем; нет, в настоящее время у меня нет кавалера; и нет, я не хочу поужинать с вами сегодня вечером.

Закончив, девушка улыбнулась, и Ричер улыбнулся в ответ.

– Хорошо, а как насчет завтрашнего вечера?

Она покачала головой.

– Вам достаточно будет знать, что я – агент ФБР при исполнении обязанностей.

– Каких именно?

– Мне поручили присматривать за вами. Я буду повсюду ходить за вами. Вы причислены к неизвестной категории – то ли друг, то ли враг. Обычно это относится к членам преступных группировок, которые решили сдать своих хозяев. Нам они полезны, но веры им нет.

– Я не член преступной группировки.

– В деле, которое мы завели на вас, такая возможность не исключается.

– В таком случае, выбросьте это дело в помойку.

Кивнув, девушка снова улыбнулась.

– Я внимательно ознакомилась с делом Петросяна. Он сириец. Следовательно, его конкуренты – китайцы. А китайцы*никогда*не нанимают никого кроме китайцев. Совершенно невероятно, чтобы они воспользовались услугами белого американца.

– Вы обратили на это внимание своего начальства?

– Не сомневаюсь, оно уже это знает. Просто начальство хочет, чтобы вы серьезнее отнеслись к угрозе.

– А я должен отнестись к ней серьезно?

Девушка кивнула. Перестала улыбаться.

– Да, должны, – подтвердила она. – Вам нельзя забывать о Джоди.

– Джоди тоже есть в деле?

Она снова кивнула.

– В деле есть всё.

– В таком случае, почему на двери моей комнаты изнутри нет ручки? Из моего дела четко следует, что я не тот, кого вам следует опасаться.

– Потому что мы привыкли действовать очень осторожно, а ваш психологический портрет слишком плохой. Близок или даже совпадает с психологическим портретом убийцы.

– Вы тоже занимаетесь построением психологических портретов?

Девушка покачала головой, тряхнув хвостиком.

– Нет, я из оперативного отдела. Подписала контракт на новый срок. Но я внимательно слушаю. Слушаю и учусь, так? Ладно, пойдемте.

Она открыла дверь. Они с Ричером вышли в коридор и направились к другому лифту. Дверь бесшумно закрылась за ними. В этом лифте под кнопками с тремя надземными этажами выстроились пять кнопок подземных этажей. Лиза Харпер нажала самую нижнюю. Всю дорогу Ричер стоял рядом с ней, стараясь не вдыхать исходящий от нее аромат. Кабина остановилась с резким толчком. Двери открылись, показывая серый коридор, залитый ярким люминесцентным светом.

– Мы называем это место «бункером», – объяснила Харпер. – Раньше здесь было бомбоубежище. Теперь тут ОИП.

– Не сомневаюсь, черт побери.

– Отдел изучения поведения.

Она повела Ричера направо. Узкий коридор был чистым. Но не таким, как в общественных заведениях. Было видно, что здесь работают. В воздухе пахло потом, старым кофе и канцелярскими принадлежностями. На стенах висели доски объявлений, а в углах громоздились коробки. По левой стене шли двери.

– Сюда, – сказала Харпер.

Остановившись перед дверью, обозначенной цифрой, она постучала. Нажала ручку и открыла дверь.

– Я буду ждать за дверью.

Войдя в маленький, неопрятный кабинет, Ричер увидел Нельсона Блейка за захламленным письменным столом. Повсюду горы бумаги. Стула для посетителя нет. Блейк был чем-то разозлен. Его лицо было одновременно красным от прилива крови и бледным от напряжения. Он смотрел телевизор с приглушенным звуком. Настроенный на политический канал. Какой-то мужчина в рубашке с галстуком читал что-то какой-то комиссии. Подпись внизу экрана гласила: «Директор ФБР».

– Слушания по бюджету, – пробормотал Блейк. – Обсуждают, чем мы будем ужинать, черт побери.

Ричер промолчал. Блейк не отрывал взгляда от телевизора.

– Совещание по нашему делу начнется через две минуты, – продолжал он. – Так что выслушай правила. Считай себя здесь чем-то между гостем и пленником, понял?

Ричер кивнул.

– Харпер уже это объяснила.

– Отлично. Она будет постоянно находиться с тобой. Что бы ты ни делал, куда бы ни ходил, она будет за тобой присматривать. Но не пойми это превратно. Ты по-прежнему принадлежишь Ламарр, но она остается здесь, потому что не летает на самолетах. А тебе придется немного попутешествовать. Поскольку нам нужно приглядывать за тобой, Харпер будет повсюду тебя сопровождать. Один ты будешь оставаться только запертым в своей комнате. Ламарр объяснит тебе твои обязанности. Ты должен будешь постоянно носить карточку с удостоверением.

– Понял.

– И не строй планы насчет Харпер. Она производит впечатление милой девочки, но если ты начнешь с ней шутить, она станет адским псом. Ясно?

– Ясно.

– Вопросы есть?

– Мой телефон прослушивается?

– А то как же. – Блейк порылся в бумагах. Ткнул толстым пальцем в распечатку. – Ты только что звонил своей подруге. На работу, домой, на сотовый. Никто не ответил.

– Где она?

Блейк пожал плечами.

– Черт возьми, а я откуда знаю?

Снова порывшись в бумагах на столе, он достал большой конверт. Протянул его Ричеру.

– С пожеланиями всего лучшего от Козо.

Ричер взял конверт. Он оказался тяжелым. Внутри лежали фотографии. Восемь. Цветные, глянцевые, размер восемь на десять дюймов. Снимки, сделанные при осмотре места преступления. Все они напоминали вырезки из дешевых порножурналов, но только женщины были мертвы. Трупы были уложены в безжизненной имитации центральных разворотов. Обезображенные. В одних местах что-то было отрезано. В других в трупы было засунуто что-то лишнее.

– Работа Петросяна, – объяснил Блейк. – Жены, сестры и дочери тех, кто его обидел.

– Почему он до сих пор разгуливает на свободе?

Блейк ответил не сразу.

– Ты же знаешь, есть доказательства и есть*доказательства*, верно?

Ричер кивнул.

– Так где все-таки Джоди?

– Черт возьми, а я откуда знаю? – повторил Блейк. – До тех пор, пока ты ведешь честную игру, нам нет до нее никакого дела. Мы не ведем за ней слежку. Если дело дойдет до этого, Петросян сам ее отыщет. Мы ему помогать не станем. Это ведь было бы противозаконно, так?

– Как и то, если я сверну тебе шею.

Блейк кивнул.

– Ричер, прекрати мне угрожать. Ты не в том положении.

– Я знаю, что это все твоя затея.

Блейк покачал головой.

– Ричер, ты меня нисколько не беспокоишь. В глубине души ты считаешь себя порядочным человеком. Ты мне поможешь, а потом забудешь о моем существовании.

Ричер усмехнулся.

– А я полагал, ваши психологи лучше разбираются в людях.

*Три недели – это совершенно непонятный интервал. Именно поэтому он тобой и выбран. Он ни с чем не связан. Твои преследователи сходят с ума, пытаясь разгадать, чем он обусловлен. Им придется копнуть очень-очень глубоко, чтобы понять, что ты делаешь. Слишком глубоко, чтобы это могло быть практически осуществимо. Чем ближе они будут подбираться к истине, тем меньше будут видеть в ней смысла. Интервал ведет в тупик. Так что с этой стороны тебе ничего не угрожает.*

*Но нужно ли и дальше придерживаться его? Возможно. Четкий рисунок есть четкий рисунок. Все должно быть очень строго. Очень точно. Потому что именно этого от тебя ждут. Строгого следования рисунку. Для подобных преступлений это типично. Интервал тебя защищает. Это очень важно. Значит, его нужно придерживаться. Но, с другой стороны, может быть, и не нужно. Три недели – это очень большой срок. И очень нудный. Так что, возможно, нужно немного ускорить процесс. Но, учитывая, какую работу приходится проделывать, уплотнение интервала будет означать ужесточение графика работы. Как только окажется завершено одно дело, уже придется приниматься за следующее. Непрерывный конвейер. Работа трудная, расписание напряженное. Не каждый справится с этим. Но ты, разумеется, справишься.*

Совещание проходило в вытянутом зале с низким потолком, расположенном на этаж выше кабинета Блейка. Стены были обиты светло-коричневыми обоями, вытертыми в тех местах, где к ним прислонялись. По одной длинной стене располагались четыре ниши, закрытые занавесками и подсвеченные изнутри, которые должны были изображать окна, хотя помещение находилось на четвертом этаже под землей. На стене висел телевизор с выключенным звуком, но никто из присутствующих не следил за ходом слушаний по бюджету. Вдоль длинного стола из дорогих пород дерева были расставлены дешевые стулья, развернутые под углом сорок пять градусов так, чтобы сидящие

были обращены лицом к голове стола, где на торцевой стене висела доска. Доска была современная, словно ее позаимствовали из хорошо финансируемого колледжа. В помещении было душно и тихо. Оно напоминало университетскую аудиторию.

Харпер провела Ричера к противоположному от доски концу стола. В заднюю часть аудитории. Сама села ближе к доске, так что Ричеру пришлось смотреть через ее плечо. Блейк занял место у самой доски. Пултон и Ламарр пришли вместе, с пухлыми папками, поглощенные негромким разговором. Оба посмотрели только на Блейка. Тот, дождавшись, когда за ними закроется дверь, встал и перевернул доску.

В верхнем правом углу была закреплена большая карта Соединенных Штатов, утыканная лесом флажков. Всего девяносто один, предположил Ричер, даже не пытаясь их сосчитать. Большинство флажков были красные, но среди них были три черных. Слева от карты висела цветная фотография восемь на десять, переснятая и увеличенная с любительского снимка, сделанного через дешевый объектив на зернистую пленку. На ней была изображена женщина, улыбающаяся и прищурившаяся на солнце. Ей было под тридцать; симпатичное, пухленькое, счастливое лицо обрамляли темные вьющиеся волосы.

– Дамы и господа, перед вами Лорейн Стэнли, – сказал Блейк. – Недавно скончавшаяся в городе Сан-Диего, штат Калифорния.

Ниже снимка улыбающегося лица были еще несколько фотографий восемь на десять, расположенные в определенной последовательности. Место преступления. Четкие снимки. Сделанные профессионалом. Снимок небольшого бунгало в испанском стиле, сделанный длиннофокусным объективом с противоположной стороны улицы. Крупным планом входная дверь. Коридор, гостиная, спальня, снятые широкоугольным объективом. Ванная. Стена над двумя раковинами зеркальная. В ней отразился фотограф, крупный мужчина, одетый в белый нейлоновый комбинезон, на голове капюшон, на руках латексные перчатки, у глаза фотоаппарат, яркий нимб от вспышки. Справа душ, слева ванна. Низкая, широкая, наполненная зеленой краской.

– Она была жива три дня назад, – продолжал Блейк. – Соседи видели, как она выкатила мусорный контейнер за калитку, без пятнадцати девять утра по местному времени. Обнаружили ее вчера. Уборщица.

– Время смерти известно? – спросила Ламарр.

– Приблизительно, – сказал Блейк. – Она умерла где-то в течение второго дня.

– Соседи ничего не видели?

Блейк покачал головой.

– Вечером первого дня Лорейн Стэнли забрала пустой мусорный контейнер домой. После этого никто ничего не видел.

– Обстоятельства смерти?

– В точности такие же, как и в первых двух случаях.

– Улики?

– Пока что никаких, черт побери. Наши ребята продолжают искать, но я настроен не слишком оптимистически.

Ричер внимательно посмотрел на снимок коридора. Очень узкого, ведущего мимо гостиной к спальне. Слева на высоте пояса узенькая полочка, заставленная крошечными кактусами в крошечных глиняных горшочках. Справа снова узенькие полочки, развешанные на разной высоте с различными промежутками. Заставленные маленькими фарфоровыми статуэтками. В основном, куклами в национальных костюмах. То, что покупает женщина, мечтающая обзавестись своим домом.

– Что сделала уборщица? – спросил Ричер.

Обернувшись, Блейк посмотрел через весь стол.

– Полагаю, покричала немного, а затем вызвала полицию.

– Нет, перед этим. У нее был свой ключ?

– Очевидно.

– Она сразу прошла в ванную?

Блейк, пожав плечами, раскрыл папку. Полистал ее, нашел ксерокопию допроса уборщицы.

– Да. Она всегда начинала уборку с того, что заливала моющим раствором унитаз и оставляла его так, а сама занималась остальным домом и в ванную возвращалась в самую последнюю очередь.

– То есть, она обнаружила тело сразу же, до того, как приступила к уборке?

Блейк кивнул.

– Хорошо, – заметил Ричер.

– Что хорошо?

– Какова ширина коридора?

Блейк всмотрелся в снимок.

– Фута три? Дом маленький.

Ричер кивнул.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Где следы насилия? Где ярость? Жертва открывает дверь, убийца каким-то образом проталкивает ее по коридору, через гостиную до самой ванной, затем проносит следом тридцать галлонов краски, и при этом не роняет ничего с полок.

– Ну и?

Ричер пожал плечами.

– По-моему, все происходит чересчур уж спокойно. Лично мне бы, например, не удалось силой протолкнуть человека по такому узкому коридору, при этом ничего не задев. Ни за что бы не удалось. И никому из вас тоже.

Блейк покачал головой.

– Убийца не дерется с жертвами. Медицинский осмотр показывает, что к женщинам, вероятно, вообще не прикасались. Здесь все так спокойно, потому что никакого насилия нет.

– И вас это нисколько не смущает? Это полностью соответствует психологическому портрету? Разъяренный военный жаждет отмщения и возмездия, но при этом не поднимает шума?

– Ричер, он*убивает*этих женщин. Насколько я понимаю, в этом и заключается возмездие.

Наступила тишина. Ричер снова пожал плечами.

– Как скажете.

Блейк пристально посмотрел на него с противоположного конца стола.

– Ты бы вел себя иначе?

– Разумеется. Предположим, ты будешь и дальше портить мне нервы, и я решу с тобой расправиться. Не думаю, что я буду действовать излишне учтиво. Скорее всего, я тебя маленько побью. Быть может, даже здорово. Ведь если я на тебя зол, у меня будет такое право, так? Именно в этом и состоит злость.

– Ну и?

– А что насчет краски? Как убийца проносит ее в дом? Можете сходить в хозяйственный магазин и взглянуть, на что похожи тридцать галлонов. Убийца должен держать свою машину перед домом жертвы в течение по крайней мере двадцати – тридцати минут. Почему никто из соседей этого не заметил? Стоящую на улице машину, микроавтобус, грузовичок?

– Или джип, похожий на тот, что у тебя.

– Возможно, в точности такой же. Но почему его никто не замечает?

– Мы не знаем, – сказал Блейк.

– Как преступнику удается убивать жертвы, не оставляя никаких следов?

– Мы не знаем.

– Что-то многовато вы не знаете, а?

Блейк кивнул.

– Да, ты прав, умник. Но мы работаем. У нас есть еще восемнадцать дней. И раз нам согласился помочь такой гений как ты, уверен, все будет в порядке.

– Восемнадцать дней у вас будет только в том случае, если убийца будет выдерживать временной промежуток, – заметил Ричер. – А если он решит от него отойти?

– Он этого не сделает.

– Вы так надеетесь.

Опять наступила тишина. Блейк посмотрел на доску, затем повернулся к Ламарр.

– Джулия?

– Я продолжаю считать, что мой психологический портрет верен, – сказала она. – В настоящий момент меня интересуют войска специального назначения. Они две недели находятся на боевом дежурстве, затем одну отдыхают. Я отправлю Ричера что-нибудь разнюхать.

Блейк удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, куда?

Ламарр выжидательно посмотрела на Ричера. Тот взглянул на три черных флажка на карте.

– География убийств – вся территория Соединенных Штатов, – заметил он. – Убийца может находиться где угодно.

– Ну и?

– Так что лучше всего будет начать с Форт-Дикса. Там у меня есть один знакомый.

– Кто?

– Его зовут Джон Трент, – сказал Ричер. – Он полковник. Если кто-то и может мне помочь, то только он.

– Форт-Дикс? – спросил Блейк. – Это в штате Нью-Джерси, верно?

– По крайней мере, он находился в Нью-Джерси, когда я был там последний раз, – согласился Ричер.

– Ну хорошо, умник, – сказал Блейк, – мы позвоним этому полковнику Тренту и обо всем договоримся.

Ричер кивнул.

– Не забудьте громко и отчетливо упомянуть мою фамилию. Несколько раз. В противном случае Трент вряд ли будет с вами слишком любезен.

Блейк кивнул.

– Именно поэтому мы и вывели тебя на сцену. Завтра рано утром вы с Харпер тронетесь в путь.

Чтобы сдержать улыбку, Ричер уставился на красивое лицо Лорейн Стэнли.

*Да, возможно, пора выписать дугу. Например, сжать временной интервал, совсем чуть-чуть. А может быть, и не чуть-чуть. Может быть, вообще отказаться от строгого графика. Это обязательно собьет преследователей с толку. Продемонстрирует им, как мало им известно. Оставить все остальное как было, но изменить интервал. Сделать все чуть более непредсказуемым. Как насчет этого? Надо все хорошенько обдумать.*

*А может быть, проявить ярость. Потому что ведь все дело в ярости, правда? И в стремлении к справедливому возмездию. Быть может, настала пора показать это более отчетливо. Быть может, настала пора снять перчатки. Немного насилия никому не повредит. Зато следующее дельце станет чуть интереснее. А может быть, и не чуть. Надо подумать и об этом.*

*Так на чем же остановиться? Сократить интервал? Или добавить драматичности месту преступления? А может быть, и то и другое? Как насчет этого? Думай, думай, думай.*

В шесть часов вечера Лиза Харпер проводила Ричера на первый этаж и вышла вместе с ним на прохладу улицы. Провела его по безукоризненно ухоженной бетонной дорожке к следующему зданию. Вдоль дорожки по обе стороны стояли круглые фонари, на высоте колена, в ярде друг от друга. Начинало смеркаться, и фонари уже были зажжены. Харпер шла подчеркнуто широкими шагами. Ричер не знал, то ли она пытается подстроиться под него, то ли этому ее научили в школе ФБР. Так или иначе, в движении молодая женщина смотрелась замечательно. Ричер поймал себя на том, что ему хочется узнать, как она будет смотреться в беге. Или лежа, полностью обнаженная.

– Здесь столовая, – объяснила Харпер.

Шагнув вперед, она первой вошла в двустворчатые стеклянные двери. Остановилась и дождалась Ричера.

Из конца длинного коридора доносились шум столовых приборов и запахи предприятия общественного питания. Ричер пошел первым. Внутри было тепло. Ричер чувствовал, что Харпер следовала за ним, отстав всего на шаг.

– Так, выбирайте что хотите, – сказала она. – За все платит Бюро.

Столовая размещалась в просторном зале с высоким потолком, ярко освещенном. Стулья из гнутой фанеры, простые столы. Вдоль одной стены раздача. Очередь с подносами в руках. Большая группа новобранцев в темно-синих комбинезонах, с отдельными вкраплениями кадровых агентов в костюмах, стоящих по одиночке или по двое. Ричер занял место в конце очереди. Харпер встала рядом.

Очередь двигалась довольно быстро. Наконец жизнерадостный испанец с пластиковой карточкой на шее дал Ричеру бифштекс из вырезки размером с книгу в мягком переплете. Шагнув дальше, Ричер получил гарнир и овощной салат. Сам налил себе кофе. Взял салфетку и приборы и огляделся по сторонам в поисках свободного столика.

– У окошка, – предложила Харпер.

Она провела Ричера к пустому столику на четверых у самого окна. Яркий свет в зале превращал сумерки на улице в кромешную темноту. Харпер поставила поднос на стол и сняла пиджак. Повесила его на спинку стула. Худой она не была, но высокий рост делал ее очень стройной. На ней была тонкая хлопчатобумажная рубашка, а под ней ничего. Это было достаточно очевидно. Расстегнув манжеты, Харпер закатала рукава до локтей. Кожа на руках была гладкая и смуглая.

– Красивый загар, – заметил Ричер.

Харпер вздохнула.

– Опять ЧЗВ? Да, он по всему телу; нет, у меня нет особого желания это демонстрировать.

Ричер улыбнулся.

– Я просто пытался поддерживать беседу.

Она пристально посмотрела на него.

– Я бы предпочла поговорить о деле. Если вы хотите о чем-то говорить.

– Мне мало что известно о деле. А вам?

Харпер кивнула.

– Мне известно, что я очень хочу схватить этого подонка. Его жертвы были очень храбрые женщины – им пришлось пройти через такое.

– Похоже, вы говорите со знанием дела.

Отрезав кусок, Ричер попробовал бифштекс. Очень вкусно. В обычном ресторане за такое блюдо пришлось бы выложить сорок долларов.

– Это во мне говорит трусость, – возразила Харпер. – У меня ничего подобного не было. Еще не было.

– К вам приставали мужчины?

Она улыбнулась.

– Вы шутите? – И тут же покраснела. – То есть, я могу в этом признаться, не показавшись воображалой?

Ричер улыбнулся в ответ.

– Да, в вашем случае, думаю, можете.

– На самом деле, ничего серьезного не было, – продолжала Харпер. – Так, одни разговоры, понимаете? Многозначительные взгляды, двусмысленные вопросы. Никто не предлагал мне в открытую переспать с ним ради продвижения по службе. И все же мне тоже порой достается. Вот почему я так одеваюсь. Понимаете, я хочу показать, что я на самом деле просто одна из них.

Ричер снова улыбнулся.

– Но становится все хуже, так?

Она кивнула.

– Вы правы. Гораздо хуже.

Он промолчал.

– И я не понимаю, в чем дело, – закончила Харпер.

Ричер посмотрел на нее поверх края чашки. Белоснежная рубашка из египетского хлопка, воротник тринадцатого размера, аккуратно завязанный синий галстук, плавно огибающий небольшую, подвижную грудь. Мужские брюки с большими вытачками, чтобы не болтаться на тонкой талии. Загорелое лицо, белые зубы, высокие скулы, голубые глаза, длинные светлые волосы.

– В моей комнате есть камера? – спросил Ричер.

– Что?

– Камера, – повторил он. – Для видеонаблюдения.

– Зачем?

– Я просто подумал, не запасный ли это план. На тот случай, если с Петросяном ничего не выгорит.

– Что вы имеете в виду?

– Почему присматривать за мной не назначили Пултона? По-моему, у него масса свободного времени.

– Я вас не понимаю.

– Да нет, все ты прекрасно понимаешь. Вот почему Блейк приставил ко мне именно*тебя*,так? Чтобы ты смогла со мной сблизиться? Разыграв роль маленькой беззащитной девочки, которая заблудилась в темном лесу? Так что, возможно, если Блейку надоест пугать меня Петросяном, у него будет еще один способ выкрутить мне руку. Скажем, милая интимная сцена, ты и я в моей комнате, заснятая на видеокассету, которую Блейк пригрозит отослать Джоди.

Харпер вспыхнула.

– Я ни за что на свете не пойду на такое!

– Но Блейк ведь предлагал тебе, правда?

Она погрузилась в молчание. Ричер отвернулся к окну и допил кофе, разглядывая свое отражение.

– Блейк буквально бросил мне вызов, – сказал он. – Назвал тебя псом ада и посоветовал не шутить с тобой.

Харпер продолжала молчать.

– В любом случае, я не попался на удочку, – продолжал Ричер. – Потому что я не настолько глуп. Я не собираюсь дать в руки Блейку дополнительное оружие против себя.

Харпер помолчала. Затем посмотрела на Ричера и улыбнулась.

– Значит, мы можем расслабиться? Оставить все позади?

Он кивнул.

– Точно, давай расслабимся. Оставим все позади. Можешь надеть пиджак и перестать демонстрировать мне свою грудь.

Она снова вспыхнула.

– Я сняла пиджак потому, что здесь жарко. И только поэтому.

– Хорошо, я не жалуюсь.

Снова отвернувшись к окну, Ричер всмотрелся в темноту на улице.

– Десерт будешь? – спросила Харпер.

Повернувшись к ней, он кивнул.

– И еще кофе.

– Жди здесь. Я схожу принесу.

Она прошла к раздаче. В зале наступила тишина. Взгляды всех присутствующих были обращены на Харпер. Она вернулась с подносом с двумя морожеными и двумя чашками кофе. И все это время за ней следили сто пар глаз.

– Приношу свои извинения, – сказал Ричер.

Нагнувшись, Харпер поставила поднос на стол.

– За что?

Он пожал плечами.

– Наверное, за то, что так смотрел на тебя. Должно быть, тебя от этого уже тошнит. На тебя все постоянно пялятся.

Она улыбнулась.

– Смотри на меня так, как тебе нравится, и я тоже буду смотреть на тебя, потому что ты также не самый страшный урод на свете. Но дальше этого дело не пойдет, договорились?

Ричер улыбнулся в ответ.

– По рукам.

Мороженое оказалось восхитительным. Облитое сверху сливочной помадкой. Кофе был крепкий. Ричер подумал, что если прищуриться и отрезать остальных посетителей, столовая получит такую же высокую оценку, как и ресторан «У мостро».

– А чем здесь занимаются по вечерам? – спросил он.

– В основном, отправляются домой, – сказала Харпер. – Но к тебе это не относится. Ты вернешься к себе в комнату. Приказ Блейка.

– Мы снова начинаем выполнять приказы Блейка?

Харпер улыбнулась.

– Некоторые.

Ричер кивнул.

– Ну хорошо, тогда пошли.

Она оставила его за дверью без рукоятки. Ричер постоял, слушая затихающие звуки ее шагов по ковру. Затем открылись двери лифта. Кабина с воем стала опускаться вниз. Наконец наступила тишина. Подойдя к телефону, Ричер набрал номер домашнего телефона Джоди. Включился автоответчик. Он позвонил на работу. Никто не ответил. Позвонил на сотовый. Абонент был временно недоступен.

Ричер прошел в ванную. Кто-то добавил к зубной щетке тюбик зубной пасты, одноразовую бритву и банку пены для бритья. На краю ванны стоял флакон шампуня. В мыльнице лежал кусок мыла. На вешалке белые махровые полотенца. Раздевшись, Ричер повесил одежду на дверь. Включил душ и шагнул под струи горячей воды.

Постояв под душем десять минут, он выключил воду. Насухо вытерся.

Прошел голый к окну и задернул шторы. Лег на кровать и принялся внимательно изучать потолок. Отыскал видеокамеру. Объектив представлял себе черную трубку диаметром с десятицентовую монетку, заделанную глубоко в стык стены и потолка. Ричер снова взял телефон. Набрал те же три номера. Квартира. Ему ответил автоответчик. Работа. Тишина. Сотовый. Отключен или недоступен.

## Глава 10

Спал Ричер плохо. Проснувшись, когда еще не было шести, он перекатился к тумбочке. Включил ночник и взглянул на часы. Ему было холодно. Он мерз всю ночь. Постельное белье было накрахмалено, и хрустящая ткань отнимала тепло его тела.

Взяв телефон, Ричер набрал номер домашнего телефона Джоди. Услышал сообщение автоответчика. На работе никто не ответил. Сотовый телефон был отключен. Ричер долго держал трубку у уха, слушая, как компания мобильной связи снова и снова сообщает: «Абонент недоступен.» Наконец он положил трубку и встал с кровати.

Подойдя к окну, Ричер раздвинул шторы. Комната выходила на запад, и на улице все еще царила ночная темнота. Быть может, с противоположной стороны здания уже взошло солнце. Быть может, еще не взошло. С улицы доносился приглушенный шум сильного дождя по опавшей листве. Отвернувшись от окна, Ричер прошел в ванную.

Не спеша побрившись, он простоял пятнадцать минут под душем, под самой горячей водой, какую только мог вынести, согреваясь. Затем вымыл голову шампунем ФБР и насухо вытер волосы. Вышел из ванной и оделся, стоя рядом с кроватью. Застегнул рубашку и повесил на шею пропуск. Рассудив, что завтрак в комнату не подадут, Ричер сел на кровать и стал ждать.

Ему пришлось ждать сорок пять минут. Наконец раздался вежливый стук в дверь, и в замочной скважине зашерудил ключ. Дверь открылась, и Ричер увидел Лизу Харпер, стоявшую на фоне ярко освещенного коридора. Молодая женщина хитро улыбалась. Ричер не имел понятия, почему.

– Доброе утро, – сказала Харпер.

Он вместо ответа поднял руку. Ничего не сказал. На ней был другой костюм. Темно-серый, с белой рубашкой и красным галстуком. Полная пародия на неофициальную униформу Бюро, но только от костюма пришлось отрезать большие куски ткани, чтобы он сидел на женской фигуре. Волосы Харпер распустила. Длинные и слегка вьющиеся, они ниспадали ниже плеч. В ярком свете, проникающем из коридора, волосы казались золотистыми.

– Нам пора идти, – сказала она. – Совещание за завтраком.

Проходя мимо шкафчика, Ричер захватил свой плащ. На улице шел сильный дождь. Подняв воротник, Ричер вышел вслед за Харпер за дверь. Ночная темнота сменилась серыми предрассветными сумерками. Дождь был холодный. Харпер побежала, перепрыгивая через лужи, и Ричер последовал за ней на каком-то расстоянии, наслаждаясь тем, как красиво она смотрелась в движении.

Ламарр, Блейк и Пултон уже сидели в столовой. Вокруг столика на четверых у окна сгрудились пять стульев. Агенты встретили подошедшего Ричера настороженными взглядами. Посреди столика стоял белый кофейник, окруженный перевернутыми чашками.

Корзинка с пакетиками сахара и вазочки со сливками. Горка ложек. Салфетки. Корзина с пончиками. Стопка утренних газет. Харпер села за стол, и Ричер втиснулся рядом с ней. Ламарр не отрывала от него взгляда. Пултон отвернулся. Блейк, похоже, был чем-то развеселен.

– Готов приняться за работу? – спросил он.

Ричер кивнул.

– Да, но только после кофе.

Пултон перевернул чашки, и Харпер разлила кофе.

– Вчера вечером мы связались с Форт-Диксом, – продолжал Блейк. – Переговорили с полковником Трентом. Он сказал, что уделит тебе сегодня весь день.

– Отлично.

– Кажется, он тебя очень любит.

– Нет, Трент передо мной в долгу, а это совсем не одно и то же.

Ламарр кивнула.

– Хорошо. Ты должен максимально использовать это. Ты знаешь, что искать, так? Сосредоточь внимание на датах. Найди тех, чей график дежурств совпадает с расписанием убийцы. Лично я считаю, что он делает это в конце недели отдыха. Возможно, не в самый последний день, потому что ему нужно еще вернуться на базу и прийти в себя.

Ричер улыбнулся.

– Замечательный пример дедукции, Ламарр. И вот за это тебе платят деньги?

Она в ответ лишь усмехнулась, словно ей было известно нечто такое, о чем он не подозревал.

– В чем дело? – спросил Ричер.

– Повежливее, – заметил Блейк. – Ты в чем-то не согласен с Джулией?

Ричер пожал плечами.

– Если отталкиваться только от дат, мы получим не меньше тысячи фамилий.

– В таком случае, сузь круг поисков. Попроси Трента проверить женщин. Найди тех, кто служил с кем-то из них.

– Или служил с кем-то из тех, кого выгнали из армии, – добавил Пултон.

Ричер снова улыбнулся.

– Вижу, за этим столом собрались поразительно мозговитые люди. Мне даже как-то стало не по себе.

– Умник, а ты можешь предложить что-нибудь получше? – спросил Блейк.

– Я знаю, чем буду заниматься.

– Что ж, только не забывай, что поставлено на кон, хорошо? Смертельная опасность угрожает многим женщинам, в том числе, и твоей.

– Я позабочусь об этом.

– Тогда в путь.

Поняв намек, Харпер встала. Поднявшись с места, Ричер последовал за ней. Трое агентов за столом проводили их загадочными взглядами. Задержавшись в дверях, Харпер обернулась и улыбнулась Ричеру. Тот остановился рядом.

– Почему все смотрят на меня так странно? – спросил он.

– Мы просмотрели кассету, – объяснила Харпер. – Ну, из камеры видеонаблюдения.

– И что?

Она не ответила. Ричер мысленно прокрутил свое пребывание в комнате. Он принял душ, походил из угла в угол, задернул шторы, лег спать, раздвинул шторы, снова принял душ, опять походил по комнате. И все.

– Я ничего не делал, – сказал он.

Улыбка Харпер стала еще шире.

– Да, не делал.

– Я все-таки чего-то не понимаю.

– Ну, видишь ли, как выяснилось, ты не захватил с собой пижаму.

* * *

Водитель подогнал машину к дверям и оставил ее с работающим двигателем. Харпер подождала, когда Ричер устроится в салоне, после чего села за руль сама. Машина проехала под дождем через

контрольно-пропускной пункт, мимо базы морской пехоты и выехала на шоссе И-95. Харпер быстро понеслась на север по мокрому асфальту и уже сорок минут спустя подъехала к южным окраинам Вашингтона. Еще десять минут – и машина резко свернула направо в северные ворота базы ВВС Эндрюс.

– Нам выделили специальный самолет, – заметила Харпер.

Пройдя две тщательные проверки, они оказались у трапа перед маленьким реактивным «Лиром» без эмблемы авиакомпании. Оставив машину на рулежной дорожке, они поднялись в салон. Самолет покатил по взлетной полосе, прежде чем они успели пристегнуть ремни.

– До Форт-Дикса лететь около получаса, – заметила Харпер.

– До Макгуайра, – поправил Ричер. – Форт-Дикс – это база морской пехоты. Мы же приземлимся на базе ВВС Макгуайр.

Харпер встревожилась.

– А мне сказали, мы летим в Форт-Дикс.

– Совершенно верно. Это одно и то же место, просто у него разные названия.

Она скорчила гримасу.

– Чертовщина какая-то. Наверное, я никогда не смогу понять армию.

– Ну, ты особо не расстраивайся. Мы вас тоже не понимаем.

Через тридцать минут маленький самолет начал делать резкие развороты, заходя на посадку. Снижаться пришлось почти до самого конца в сплошной облачности, затем внезапно совсем близко показалась земля. В Нью-Джерси тоже шел дождь. Пасмурно, уныло. Авиабаза сама по себе не слишком жизнерадостное место, а погода лишь все усугубила. Широкая и длинная взлетно-посадочная полоса предназначалась для огромных транспортных самолетов, с трудом поднимавшихся в воздух, и крошечный «Лир» остановился, не пробежав и четверти ее длины, словно колибри, усевшаяся на автостраду. Развернувшись, самолет покатил по рулежной дорожке и наконец остановился снова в дальнем углу аэродрома. К нему под проливным дождем уже несся зеленый «Шевроле». Водитель стоял у трапа, когда тот еще не коснулся земли. Это был лейтенант морской пехоты лет двадцати пяти, быстро промокший под дождем.

– Майор Ричер? – спросил он.

Ричер кивнул.

– А это агент Харпер из ФБР.

Лейтенант даже не посмотрел на молодую женщину, как и предполагал Ричер.

– Сэр, полковник вас ждет, – сказал он.

– В таком случае, в путь. Нельзя же заставлять полковника ждать, правда?

Ричер сел спереди вместе с лейтенантом, а Харпер пришлось устраиваться сзади. «Шевроле» выехал с Макгуайра в Форт-Дикс по узкой дороге с выкрашенными белой краской бордюрами, вдоль которой тянулись ряды складов и бараков. Машина остановилась у кучки кирпичных строений в миле от взлетно-посадочной полосы Макгуайра.

– Дверь налево, сэр, – сказал лейтенант.

Он остался ждать в машине, как и рассчитывал Ричер. Ричер вышел из машины, Харпер последовала за ним, стараясь не отстать, съежившись, спасаясь от непогоды. Порывы сильного ветра заставляли струи дождя падать почти горизонтально. В административное здание вели с улицы три двери без табличек. Ричер открыл левую. Они с Харпер вошли в просторную приемную, заставленную металлическими столами и шкафами. В приемной царили стерильная чистота и абсолютный порядок. Горел яркий свет, боровшийся с полумраком за окном. За тремя отдельными столами работали три сержанта. Один из них, подняв взгляд, нажал кнопку телефона внутренней связи.

– Сэр, майор Ричер прибыл, – сказал он в трубку.

После непродолжительной паузы внутренняя дверь отворилась, и из кабинета вышел мужчина. Высокий, поджарый словно гончая, коротко остриженные темные волосы, тронутые на висках серебром. Мужчина протянул худую руку.

– Здравствуйте, Ричер, – сказал Джон Трент.

Кивнув, Ричер крепко пожал протянутую руку. Второй половиной своей карьеры полковник Трент был обязан абзацу, который десять лет назад изъял из официального доклада Ричер. Трент полагал, что абзац остался в докладе и отправился начальству. Он пришел к Ричеру не для того, чтобы умолять, просить, торговаться, подкупать, а просто чтобы объяснить, как офицер офицеру, почему он совершил эту ошибку. Трент просто хотел, чтобы Ричер понял: это*действительно*была ошибка, а не халатность и тем более не злой умысел. Он ушел, так ни о чем и не попросив, и стал молча ждать, когда обрушится топор. Этого так и не произошло. Через какое-то время доклад был опубликован, и абзац в

нем отсутствовал. Трент так и не узнал, что Ричер даже не писал этот абзац. Прошли десять лет, в течение которых два офицера даже не имели возможности поговорить друг с другом. По крайней мере, до прошлого утра, когда Ричер позвонил из квартиры Джоди с просьбой о помощи.

– Здравствуйте, полковник, – сказал Ричер. – Это агент Харпер из ФБР.

Трент обошелся с молодой женщиной чуть более вежливо, чем его подчиненный. А может быть, он был неравнодушен к высоким блондинкам, одевающимся как мужчины. Так или иначе, он обменялся с Харпер рукопожатием. И, возможно, задержал ее руку в своей чуть дольше необходимого. И, возможно, даже улыбнулся, едва заметно.

– Рада познакомиться с вами, полковник, – сказала Харпер. – И заранее благодарю за содействие.

– Пока что я еще ничего не сделал, – заметил Трент.

– Сэр, мы рады встречать понимание везде где только можно.

Трент отпустил ее руку.

– Боюсь, это можно сказать про строго ограниченное число мест.

– Согласна, нам бы хотелось большего. Особенно если учесть, что все мы делаем одно дело.

Трент снова улыбнулся.

– Очень любопытная концепция, – сказал он. – Я сделаю все что в моих силах, однако сотрудничество будет носить ограниченный характер. О чем вы, не сомневаюсь, и сами догадываетесь. Мы изучим личные дела и графики дежурств, во что я посвящать вас не собираюсь. Мы с Ричером займемся этим вдвоем. Речь идет о сведениях, составляющих государственную и служебную тайны. Вам придется подождать здесь.

– Весь день? – спросила Харпер.

Трент кивнул.

– Столько времени, сколько потребуется. Вас это устраивает?

Не вызывало сомнений, что ее это не устраивало. Она молчала, опустив взгляд.

– Вы бы не позволили мне ознакомиться с конфиденциальными документами ФБР, – продолжал Трент. – Я хочу сказать, вы любите нас не больше чем мы вас, разве не так?

Харпер обвела взглядом приемную.

– Я должна присматривать за ним.

– Понимаю. Ваш мистер Блейк объяснил мне вашу роль. Но вы будете находиться прямо здесь, перед дверью моего кабинета. Из него только один выход. Сержант освободит для вас стол.

Один из сержантов, не дожидаясь особого распоряжения, встал и указал Харпер на пустой стол, откуда просматривалась дверь кабинета. Молодая женщина медленно, неуверенно опустилась на стул.

– Здесь вам будет удобно, – сказал Трент. – Возможно, нам придется поработать достаточно долго. Дело сложное. Не сомневаюсь, вам приходилось работать с бумагами.

С этими словами он провел Ричера во внутренний кабинет и закрыл дверь. Помещение было просторным: окна на две стены, книжные шкафы, сейфы, большой деревянный письменный стол, удобные кожаные кресла. Ричер сел в одно из них за стол и откинулся назад.

– Дайте мне две минуты, хорошо?

Трент кивнул.

– Читайте вот это. Изобразите сосредоточенное внимание.

Он протянул толстый скоросшиватель в выцветшем зеленом переплете. Раскрыв скоросшиватель, Ричер сделал вид, что погрузился в чтение. В папке содержались подробные данные о предполагаемых расходах горюче-смазочных материалов на ближайшие полгода. Трент вернулся к двери. Широко распахнул ее.

– Мисс Харпер! – окликнул он. – Не желаете чашку кофе?

Украдкой взглянув через плечо, Ричер увидел, что Харпер пристально смотрит на него, оценивает кабинет, стол, кресла, шкафы.

– Спасибо, я хорошо устроилась.

– Отлично, – сказал Трент. – Если вам что-то понадобится, просто скажите сержанту.

Он закрыл дверь. Подошел к окну. Ричер снял с шеи закатанное в пластик удостоверение и положил его на стол. Встал. Трент отпер окно и распахнул его как можно шире.

– Времени у нас было в обрез, – прошептал он. – Но, надеюсь, мы все устроили.

– Бюро сразу же купилось, – прошептал в ответ Ричер. – Я боялся, мне придется их долго уговаривать.

– Но откуда вы знали, что к вам будет приставлено сопровождение?

– Надеясь на лучшее, надо быть готовым к худшему. Сами прекрасно знаете.

Трент кивнул. Высунулся в окно и огляделся вокруг.

– Хорошо, идите. И удачи вам, друг.

– Мне нужен пистолет, – шепнул Ричер.

Трент решительно покачал головой.

– Нет, на это я пойти не могу.

– Очень нужен. Мне без него не обойтись.

Трент помолчал. Думая.

– Черт побери, ну хорошо, пистолет я вам дам, – наконец сказал он. – Но без патронов. Я и так уже подставил свою задницу под удар.

Открыв ящик стола, Трент достал «беретту». М-9. Такой же пистолет, какие были у ребят Петросяна, только Ричер сразу заметил, что на этом серийный номер сохранился нетронутым. Вытащив обойму, Трент один за другим вытащил из нее патроны и бросил их в ящик.

– Потише! – испуганно прошептал Ричер.

Кивнув, Трент вставил пустую обойму в пистолет. Протянул его Ричеру рукояткой вперед. Тот убрал «беретту» в карман плаща. Сел на подоконник. Развернулся и перекинул ноги наружу.

– Желаю приятно провести день, – прошептал он.

– И вам того же, – шепнул в ответ Трент. – Берегите себя.

Повиснув на руках, Ричер спрыгнул на землю. Он оказался на узкой дорожке. Дождь не прекращался ни на минуту. Лейтенант ждал в «Шевроле» с работающим двигателем. Ричер подбежал к машине и запрыгнул внутрь. «Шевроле» рванул с места еще до того, как за ним захлопнулась дверь. Миля до Макгуайра заняла меньше минуты. Машина выскочила прямо на бетон взлетно-посадочной полосы и подлетела к вертолету морской пехоты. Люк вертолета был открыт, несущий винт быстро вращался, рассекая спиралями дождевые капли.

– Спасибо, малыш, – бросил Ричер.

Выскочив из машины, он подбежал к вертолету и нырнул в темноту. Люк захлопнулся за ним, двигатель взревел, набирая обороты. Крылатая машина оторвалась от земли. Две пары рук подхватили Ричера и усадили его в кресло. Он застегнул ремни, ему на голову водрузили

шлем. Ожило переговорное устройство, и одновременно в кабине зажегся свет. Ричер разглядел, что сидит в складном кресле между двумя бортинженерами.

– Мы летим на аэродром береговой охраны в Бруклине, – окликнул пилот. – Как только можно близко к цели без того, чтобы заполнять полетный план, а полетный план сегодня в повестке дня не значится, так?

Ричер прижал большим пальцем ларингофон к горлу.

– Меня это устраивает. И большое спасибо, ребята.

– Должно быть, полковник перед вами в неоплатном долгу, – заметил пилот.

– Нет, он просто меня любит, – поправил Ричер.

Пилот рассмеялся, и вертолет, развернувшись, лег на курс.

## Глава 11

Аэродром береговой охраны в Бруклине находится на восточной окраине парка Флойда Беннета, на берегу Ямайкского залива напротив острова Раффл-Бар, ровно в шестидесяти милях к северо-востоку от авиабазы Макгуайр. Пилот вертолета не «убирал ногу с педали газа» и совершил перелет за тридцать семь минут. Совершив посадку в центре круга с огромной буквой "H" в середине, он перевел двигатель на холостой режим.

– У вас есть четыре часа, – сказал он. – Ждать не будем. Если задержитесь, вам придется рассчитывать только на себя. Все понятно?

– Все.

Отстегнув ремни, Ричер снял шлемофон и сбежал по трапу, пока тот еще не успел опуститься до конца. На бетонке стоял темно-синий седан с номерами военно-морского флота. Двигатель работал, правая передняя дверь была открыта.

– Вы Ричер? – крикнул водитель.

Кивнув, Ричер сел в машину. Водитель нажал на газ.

– Я из флотского резерва, – сказал он. – Помогаем полковнику Тренту. Так сказать, взаимодействие родов войск.

– Спасибо за помощь.

– Не стоит благодарности. Так куда мы направляемся?

– В Манхэттен. В Чайнатаун. Знаете, где это?

– Знаю ли я? Да я там ужинаю три раза в неделю.

Он свернул на Флэтбуш-авеню и проехал по Манхэттенскому мосту. Машин на дорогах было мало, но все равно после реактивного «Лира» и вертолета наземный транспорт казался Ричеру ужасно медленным. Прошло целых тридцать минут, прежде чем он наконец очутился там, куда хотел попасть. Моряк свернул под мостом и остановился у пожарного гидранта.

– Я буду ждать вот здесь, – сказал он. – Развернувшись в противоположную сторону, ровно через три часа. Так что не опаздывайте, хорошо?

Ричер кивнул.

– Постараюсь.

Выйдя из машины, он дважды стукнул по крыше. Перешел улицу и направился на юг. В Нью-Йорке было холодно и сыро, но дождя не было. Солнца тоже. Лишь смутное светлое пятно на небе там, где оно должно было быть. Остановившись, Ричер постоял на месте. Отсюда было двадцать минут пешком до работы Джоди. Ричер двинулся дальше. Это займет лишних двадцать минут, которых у него не было. «Сперва то, что должно быть в первую очередь.» Это непреложный закон. Кроме того, возможно, за конторой Джоди установлено наблюдение. А он ни в коем случае не должен сегодня показываться никому на глаза в Нью-Йорке. Покачав головой, Ричер пошел дальше. Заставил себя сосредоточиться. Взглянул на часы. До обеда было далеко, и он забеспокоился, не прибыл ли он сюда слишком рано. С другой стороны, быть может, наоборот, сейчас как раз самое время. Определить заранее невозможно. А опыта у него никакого не было.

Через пять минут Ричер снова остановился. Если где-то ему и повезет, то на этой самой улице. По обеим сторонам которой сгрудились китайские рестораны, яркие кричащие вывески в красных и желтых тонах. Море вывесок, написанных иероглифами. Повсюду крыши в духе пагод. Вдоль тротуаров машины в два ряда: легковые и маленькие грузовички. У стен домов корзины с овощами и рыбой. Ричер дважды прошел вдоль улицы, туда и обратно, внимательно оглядывая место, изучая его. Заглядывая в переулки. Ощупав пистолет в кармане, он снова принялся разгуливать по улице, выискивая тех, кто был ему нужен. Они должны быть где-то здесь. Если он не пришел слишком рано. Прислонившись к стене, Ричер стал ждать. Их будет двое. Двое мужчин, идущих рядом. Он внимательно разглядывал прохожих. Пары встречались часто, но это были не те, кого он искал. Нет, тех, кто был ему нужен, не было. Он пришел слишком рано.

Сверяясь с часами, Ричер видел, как неумолимо идет время. Оторвавшись от стены, он снова прошелся по улице. Глядя на двери, мимо которых проходил. Ничего. Заглядывая в переулки. Ничего. Время шло. Ричер прошел квартал на юг и квартал на запад и попытал счастья на другой улице. Ничего. Постоял на перекрестке. По-прежнему ничего. Прошел еще один квартал на юг и один на запад. Ничего. Прислонившись к чахлому деревцу, Ричер стал ждать, а часы на руке громко отстукивали время, словно машина. Ничего. Ричер вернулся в исходную точку. Улицы заполнились народом, спешащим на обеденный перерыв. Затем стали снова пустеть. Из ресторанов вытекало больше людей, чем втекало внутрь. И вместе с ними истекало его время. Ричер дошел до конца улицы. Снова взглянул на часы. Он прождал уже целых два часа. У него остался всего час.

Ничего. Толпа обеденного перерыва схлынула, и улица снова стала пустынной. Подъезжали грузовички, останавливались, разгружались, отъезжали. По небу неслись низкие серые тучи. Время шло. Ричер прошел на восток и на юг. Там ничего. Вернулся назад, поднялся по одной стороне улицы и возвратился по противоположной. Постоял на углу. Постоянно сверяясь с часами. Осталось сорок минут. Полчаса. Двадцать минут.

И наконец он их увидел. И вдруг понял, почему они появились только сейчас, а не раньше. Они ждали, чтобы кассы ресторанов наполнились деньгами пообедавших. Их было двое. Естественно, китайцы, молодые; длинные черные прямые волосы до воротника. Темные брюки и светлые куртки, шеи повязаны шарфами, словно своего рода форма.

Они не скрывались. Один нес сумку на молнии, другой тетрадь с ручкой, вставленной в спиральную пружину. Парочка заходила по очереди в каждый ресторан, неторопливо, нагло. Выходили на улицу, один закрывал сумку, другой что-то заносил в тетрадь. Один ресторан, два, три, четыре. Прошло пятнадцать минут. Ричер следил за парочкой. Пересек улицу, пошел впереди них. Подождал у двери ресторана. Проследил, как они зашли внутрь. Подошли к старику за кассой. Молча. Не сказав ни слова. Старик сунул руку в кассу и достал пачку денег. Оговоренная сумма, подготовленная заранее. Тип с тетрадью взял деньги и протянул их своему напарнику. Записал что-то в тетрадь. Пачка исчезла в сумке.

Пройдя вперед, Ричер свернул в узкий переулок, разделяющий два соседних здания. Затаился и стал ждать, прижимаясь к стене, так, что заметить его можно было только слишком поздно. Взглянул на часы. У него оставалось меньше пяти минут. Ричер попытался просчитать, сколько ему еще ждать. Мысленно представил себе ленивую, самодовольную поступь китайцев. Просчитывая ее в голове шаг за шагом. Надо подождать еще немного. Еще. Наконец он резко шагнул из

переулка и столкнулся с парочкой лицом к лицу. Китайцы буквально налетели на него. Схватив за шиворот, одного правой рукой, другого левой, Ричер развернул их и со всего размаха толкнул лицом в стену. Тот, которого он схватил правой рукой, описал дугу большего радиуса и поэтому ударился сильнее. Когда китаец отлетел от стены, Ричер с силой врезал ему локтем в солнечное сплетение, и тот сполз на асфальт. Больше он не поднялся. Это был тип с сумкой.

Второй, выронив тетрадь, потянулся к карману, но Ричер достал «Беретту» Трента быстрее. Шагнув вперед, он направил пистолет вниз, пряча его в полах своего плаща, целясь китайцу в колено.

– Будь умницей, хорошо?

Опустив левую руку, Ричер передернул затвор. Звук был приглушен полой плаща, но для его опытного слуха затвор отчетливо стукнул по пустому патроннику. Без щелчка патрона, досланного на место. Однако китаец ничего не заметил. Не пришел в себя после удара. Не оправился от неожиданности. Он просто вжался спиной в стену с такой силой, словно хотел протиснуться сквозь нее. Перенес всю тяжесть тела на одну ногу, бессознательно приготовившись получить пулю, которая разнесет ему колено.

– Приятель, ты совершаешь большую ошибку, – прошептал он.

Ричер покачал головой.

– Нет, козел, мы шагнули вперед.

– Кто «мы»?

– Петросян, – ответил Ричер.

– Петросян? Ты меня за дурака принимаешь?

– Я не шучу. Нисколько не шучу. Теперь эта улица принадлежит Петросяну. С этого дня. С этой минуты. Вся улица. От начала до конца. Ты понял?

– Это наша улица.

– Была ваша. Теперь она принадлежит Петросяну. Он забирает ее себе. Ты хочешь лишиться ноги, препекаясь по этому поводу?

– Петросяну? – недоверчиво повторил китаец.

– Ты не ослышался, – подтвердил Ричер и врезал ему левой в солнечное сплетение.

Китаец согнулся пополам, и Ричер обрушил ему на ухо рукоятку пистолета. Громила аккуратно улегся на своего напарника. Ричер нажал

на спусковой крючок, освобождая затвор, и убрал пистолет в карман. Подобрал сумку и сунул ее под мышку. Вышел из переулка и повернул на север.

Он уже опаздывал. Если его часы отстают на минуту, а часы парня с флота на минуту спешат, тогда встреча уже сорвалась. Но Ричер не побежал. В большом городе бегущий человек привлекает ненужное внимание. Ричер шел как можно быстрее, вынужденный на каждые три шага вперед делать шаг в сторону, обходя лотки уличных торговцев. Завернув за угол, он увидел синюю машину с номерным знаком ВМФ США. У него на глазах машина тронулась, отъехала от тротуара и влилась в транспортный поток. Ричер побежал.

Он оказался на том месте, где стояла машина, через четыре секунды после того, как она отъехала. Теперь синий седан был футах в пятидесяти впереди. Он набирал скорость, чтобы успеть проскочить перекресток на зеленый свет. Ричер проводил его взглядом. Светофор зажегся красным. Машина прибавила скорость. Затем водитель все же передумал и резко нажал на тормоз. Седан остановился, заехав на фут на пешеходную «зебру». На улицу высыпали пешеходы. Набрав полные легкие воздуха, Ричер подбежал к перекрестку и распахнул переднюю правую дверь. Задыхаясь, плюхнулся на сиденье. Водитель кивнул. Не сказав ни слова. Не извинившись за то, что не подождал. Впрочем, Ричер это предвидел. Если военно-морской флот говорит «три часа», значит, речь идет именно о трех часах. О ста восьмидесяти минутах, ни секундой больше, ни секундой меньше. «Время и приливы никого не ждут.» Именно на таких глупостях и зиждется военно-морской флот.

* * *

Дорога обратно в кабинет полковника Трента на базе Форт-Дикс была точной копией наоборот дороги в Нью-Йорк. Тридцать минут на машине через Бруклин, ждущий вертолет, перелет до Макгуайра, лейтенант в штабном «Шевроле» на рулежной полосе. Коротая время в полете, Ричер пересчитал деньги в сумке. Тысяча двести долларов, шесть пачек по две сотни. Ричер отдал деньги бортинженерам на следующую вечеринку части. Разорвав сумку по швам, он выбросил куски из люка на высоте две тысячи футов над Лейквудом, штат Нью-Джерси.

В Форт-Диксе по-прежнему шел дождь. Лейтенант подвез Ричера к зданию, он подошел к окну и тихо постучал в стекло. Трент открыл створку, Ричер залез в кабинет.

– У нас все тихо? – спросил он.

Трент кивнул.

– Она просидела весь день тихо словно мышка. Наверное, наша целеустремленность произвела на нее впечатление. Мы с вами даже не прервались на обед.

Кивнув, Ричер протянул разряженный пистолет. Снял плащ. Уселся в кресло. Надел на шею удостоверение и раскрыл папку. Трент переложил стопку бумаг с правого края стола на левый, как будто их внимательно изучили.

– Удачно? – спросил Трент.

– Надеюсь. Время покажет, точно?

Кивнув, Трент выглянул в окно. Было видно, что он беспокоится. Ему пришлось провести у себя в кабинете весь день.

– Если хотите, впустите ее, – сказал Ричер. – Спектакль закончен.

– Вы весь промокли, – возразил Трент. – Спектакль будет продолжаться до тех пор, пока вы не высохнете.

На это ушло двадцать минут. Воспользовавшись телефоном Трента, Ричер позвонил Джоди по всем трем номерам. На работу, домой, на сотовый. Длинные гудки, длинные гудки, абонент недоступен. Он посидел, уставившись в стену. От нечего делать прочитал правила доставки почты морским пехотинцам, которые проходят службу в Индийском океане. При этом Ричер сполз вниз по креслу, а его глаза остекленели. Когда Трент наконец открыл дверь и Харпер второй раз заглянула в кабинет, Ричер сидел обмякший и рассеянный. Именно таким должен был быть человек, который целый день напряженно рылся в бумагах.

– Как успехи? – окликнула его Харпер.

Оторвавшись от чтения, Ричер потянулся и вздохнул.

– Возможно.

– Вы копались в бумагах шесть часов подряд. Должно же быть что-то.

– Возможно, – повторил он.

Они помолчали.

– Ладно, возвращаемся назад, – сказала Харпер.

Встав из-за стола, она потянулась. Подняла руки над головой. Что-то вроде йоги. Затем выгнула спину и закинула голову назад, и ее волосы каскадом упали назад. Три сержанта и один полковник не отрывали от нее взгляда.

– Хорошо, поехали, – согласился Ричер.

– Не забудьте свои заметки, – напомнил Трент.

Он протянул лист бумаги с напечатанным списком из тридцати с лишним фамилий. Возможно, школьных одноклассников Трента. Убрав список в карман, Ричер надел плащ и пожал Тренту руку. Прошел через приемную и вышел на улицу под дождь, где постоял, вдыхая полной грудью свежий воздух как человек, весь день просидевший в помещении. Харпер подтолкнула его к ждущему в машине лейтенанту, и они поехали назад к «Лиру».

* * *

Блейк, Пултон и Ламарр ждали их за тем же самым столиком в столовой. За окном было уже также темно, но теперь на столе был накрыт не завтрак, а ужин. Кувшин с водой, пять стаканов, солонка и перечница, бутылочка с кетчупом. Не обращая внимания на Ричера, Блейк повернулся к Харпер. Та обнадеживающе кивнула. Блейк, похоже, был удовлетворен.

– Итак, ты нашел того, кто нам нужен? – спросил он.

– Возможно, – ответил Ричер. – У меня есть тридцать фамилий. Возможно, он один из них.

– Давай присмотримся ко всем тридцати.

– Пока что рано. Мне нужна дополнительная информация.

Блейк недоуменно уставился на него.

– Черт побери, ему нужна дополнительная информация! Нам нужно немедленно приставить хвост ко всем тридцати.

Ричер покачал головой.

– Не получится. Эти люди находятся в таких местах, куда вас не пустят. Для того, чтобы получить ордер на любого из них, вам придется после визита к судье отправиться в министерство обороны. А оттуда вас отправят прямиком к верховному главнокомандующему, которым, насколько мне помнится, является президент. Так что вам нужно гораздо больше, чем я могу пока что предоставить.

– И что ты предлагаешь?

– Дайте мне поварить еще немного.

– Как?

Ричер пожал плечами.

– Я хочу встретиться с сестрой Ламарр.

– С моей сводной сестрой, – поправила Ламарр.

– Зачем? – спросил Блейк.

Ричеру захотелось сказать: «Я просто убиваю время, осел, и уж лучше убивать его в дороге, чем сидя здесь», но он придал лицу серьезное выражение и снова пожал плечами.

– Потому что нам нужно думать шире, – сказал он. – Если этот человек выбирает свои жертвы из какой-то категории, нам нужно узнать, почему. Не может же он просто так злиться на всю*категорию*. Какая-то из этих женщин, если так можно выразиться, чиркнула спичкой. После чего он перенес свою злость с личности на категорию, верно? Так кто же он? И начать можно как раз с сестры Ламарр. Ее переводили из одного рода войск в другой. То есть, служила в двух совершенно разных частях. Это удваивает количество потенциальных контактов.

Прозвучало все достаточно правдоподобно. Блейк кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Договорились. Поедете завтра же.

– Где она живет?

– В штате Вашингтон, – сказала Ламарр. – Кажется, неподалеку от Спокана.

– Кажется? Точно ты не знаешь?

– Я там никогда не была, – огрызнулась она. – Черт побери, я не собираюсь терять весь отпуск, мотаясь на машине туда и обратно.

Ричер кивнул. Повернулся к Блейку.

– Вы должны приставить к женщинам охрану, – сказал Ричер.

Блейк тяжело вздохнул.

– Ради бога, займись арифметикой. Восемьдесят восемь женщин, мы не знаем, какая из них будет следующей, осталось семнадцать дней – *если* убийца и даже будет придерживаться цикла, три агента на каждые двадцать четыре часа, итого свыше ста тысяч человеко-часов, места разбросаны по всей стране. Мы просто физически не сможем это сделать. У нас не хватит агентов. Конечно, можно предупредить местные отделения полиции, но чем они смогут нам помочь? Так, например, в этом Спокане, штат Вашингтон, полицейское управление наверняка состоит из одного начальника и немецкой овчарки. Время от времени он объезжает свой участок, проверяя, все ли в порядке, но и только.

– Вы предупредили этих женщин?

Блейк смущенно покачал головой.

– Нельзя. Раз мы не можем их охранять, предупреждать их нельзя. Ибо что мы им скажем? «Девочки, вам угрожает опасность, но, извините, вам придется полагаться только на самих себя.» Так?

– Нам нужно схватить убийцу, – сказал Пултон. – Это единственный надежный способ обезопасить всех женщин.

Ламарр кивнула.

– Он где-то там. Нам надо очертить круг.

Ричер по очереди посмотрел на всех трех психологов. Они дергают за нужные веревочки, пытаются не оставить его равнодушным. Он усмехнулся.

– Я все понял.

– Отлично, завтра же отправляйся в Спокан, – сказала Ламарр. – А я тем временем еще поработаю с бумагами. С результатами я ознакомлю тебя послезавтра. То есть, у тебя будет информация, полученная от Трента, информация, которую ты добудешь в Спокане, плюс все то, что у нас уже есть. И тогда мы уже будем вправе требовать от тебя настоящего прогресса.

Ричер снова усмехнулся.

– Как скажешь, Ламарр.

– Так что ужинай и отправляйся спать, – сказал Блейк. – До Спокана путь неблизкий. Старт завтра рано утром. Разумеется, Харпер отправится вместе с тобой.

– В постель?

Блейк снова смутился.

– В Спокан, осел.

Ричер кивнул.

– Как скажешь, Блейк.

* * *

Проблема заключалась в том, что Ричер действительно не мог оставаться равнодушным. Запертый в комнате, он лежал на кровати, уставившись на слепой глаз скрытой видеокамеры. Не видя ее. Перед глазами у него все расплылось, превратившись в нечеткое пятно. В*зеленое*пятно, как будто вся Америка исчезла, превратившись обратно в леса и поля. Нет ни домов, ни дорог, стоит полная тишина, и люди

тоже исчезли – все кроме одного, который где-то скрывается. Ричер пристально смотрел на расплывающееся зеленое пятно, продвигаясь по нему взглядом на сто миль, на тысячу миль, на три тысячи, с севера на юг, с востока на запад, пытаясь найти бледную тень, едва уловимое движение. «Он где-то там. Нам нужно его схватить.» В эту самую минуту он ходит, или спит, или строит планы, или готовится, и при этом считает себя самым хитрым и ловким человеком на всем континенте.

«Ну, положим, это мы еще посмотрим,» – подумал Ричер. Он переменил позу. Ему нужно заняться делом серьезно. А может быть, и не нужно. Необходимо принять решение. Это будет очень важное решение, но пока что Ричер еще не сделал выбор. Перевернувшись на бок, он закрыл глаза. Об этом можно будет подумать позже. Решение можно будет принять завтра. Или послезавтра. Или еще когда-нибудь.

*Решение принято. Насчет временного интервала. Интервал уходит в прошлое. Пора ускорить ход событий. Три недели – это слишком большой срок. Мысль приходит в голову, ты присматриваешься к ней внимательнее, оцениваешь ее плюсы и минусы, и в конце концов принимаешь решение, не так ли? После того, как джинн выпущен из бутылки, вернуть его обратно уже нельзя. А этот джинн уже выпущен из бутылки. Вырвался на свободу. Теперь его уже не остановить. Так что тебе остается лишь следовать за ним.*

## Глава 12

На следующее утро завтрак прошел без совещаний. День начался слишком рано. Харпер открыла дверь, когда Ричер еще не успел полностью одеться. Натянув штаны, он ладонью разглаживал мятую рубашку, разложив ее на матрасе.

– Мне нравятся твои шрамы, – заметила Харпер.

Подойдя к Ричеру, молодая женщина с неприкрытым любопытством уставилась на его грудь.

– Откуда вот этот? – спросила она, указывая на правый бок.

Ричер посмотрел вниз. Справа красовалось сплетение хирургических швов, напоминающее перекошенную звезду. Белые и сердитые, швы выпячивались, раздвигаемые спрятанными под ними мышцами.

– Этот след оставила на мне моя мать.

– Твоя*мать?*

– Да. Меня воспитали медведи-гризли. На Аляске.

Закатив глаза, Харпер обошла его с другой стороны. Слева красовалось отверстие от пули 38-го калибра, задевшей грудную мышцу. Вокруг не

росли волосы. Отверстие было большим. Харпер смогла бы засунуть в него свой мизинец, по первый сустав.

– Исследовательская хирургия, – объяснил Ричер. – Врачи проверяли, есть ли у меня сердце.

– Сегодня утром ты в хорошем настроении, – заметила Харпер.

Он кивнул.

– Я всегда в хорошем настроении.

– Ты дозвонился до Джоди?

Ричер покачал головой.

– Даже не пробовал со вчерашнего дня.

– Почему?

– Потому что это пустая трата времени. Ее нет в Нью-Йорке.

– Ты беспокоишься?

Он пожал плечами.

– Она уже взрослая девочка.

– Если я что-нибудь услышу, я обязательно скажу тебе.

Ричер кивнул.

– Буду очень признателен.

– А если честно, откуда они? – спросила Харпер. – Шрамы?

Он застегнул рубашку.

– Справа следы от осколочной гранаты. Слева – в меня стреляли.

– Какая у тебя богатая приключениями жизнь!

Ричер достал из шкафа пиджак.

– Да нет – жизнь как жизнь. Жизнь обычного солдата. Для солдата рисковать собой – все равно что для бухгалтера складывать цифры.

– Именно поэтому тебя не волнует судьба этих женщин?

Он удивленно посмотрел на нее.

– Кто сказал, что она меня не волнует?

– Мне казалось, ты относишься ко всему чересчур хладнокровно.

– Напрасные переживания все равно ни к чему не приведут.

Харпер помолчала.

– А что приведет?

– Как всегда, изучение улик.

– Но улик нет. Убийца их не оставляет.

Ричер усмехнулся.

– А это уже само по себе улика, ты не находишь?

Молодая женщина ключом отперла дверь изнутри.

– Ты говоришь загадками, – заметила она.

Он пожал плечами.

– Это лучше, чем говорить *чушь,* как те, что сидят внизу.

* * *

Тот же самый водитель подогнал к дверям ту же самую машину. На этот раз он остался за рулем, молчаливый и сосредоточенный, словно наемный шофер. Он отвез Харпер и Ричера по шоссе И-95 до Национального аэропорта. Солнце еще не взошло. В небе милях в трехстах к востоку, где-то над Атлантическим океаном, бледно розовела заря. Кроме нее, ночную темноту нарушали лишь огни тысяч фар, спешащие на север на работу. Машины были преимущественно старые. Старые, следовательно, дешевые, следовательно, принадлежащие младшим сотрудникам, которые торопятся успеть приехать на работу на час раньше начальства, чтобы на них обратили внимание и повысили в должности, чтобы они смогли на новых дорогих машинах приезжать на работу на час позже. Ричер сидел неподвижно, откинувшись назад, и смотрел на лица водителей встречных машин, которые выхватывали на мгновение из темноты фары машины Бюро.

В аэропорту царило оживление. Мужчины и женщины в мокрых плащах быстро переходили из одного места в другое. Харпер взяла два билета в салон бизнес-класса и направилась к регистрации.

– Простор нам не помешает, – объяснила она.

Вместо документа молодая женщина протянула удостоверение ФБР. Она бросила его на стол словно игрок в покер, открывающий королевский флэш. Сотрудник аэропорта нажал несколько клавиш и получил одобрение. Харпер улыбнулась, как будто была искренне удивлена.

Салон бизнес-класса оказался наполовину пуст. Харпер заняла место у прохода, блокировав Ричера у окна словно преступника. Удобно

вытянулась. Сейчас на ней был уже третий костюм, серый в мелкую клетку. Под расстегнутым пиджаком сквозь рубашку проглядывал сосок. Кобуры под мышкой не было.

– Оставила пистолет дома? – спросил Ричер.

Харпер кивнула.

– Слишком много возни. Авиакомпании требуют кучу бумаг. В Сиэттле нас встретит человек из местного отделения Бюро. Согласно правилам, он обязательно захватит с собой запасный пистолет на тот случай, если нам понадобится оружие. Однако сегодня оно нам не понадобится.

– По крайней мере, ты на это надеешься.

Она снова кивнула.

– Да, надеюсь.

Самолет оторвался от земли на одну минуту раньше графика. Ричер принялся листать журнал. Харпер раскрыла перед собой столик, приготовившись завтракать.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что отсутствие улик – это само по себе улика? – спросила она.

Ричер вернулся на час назад, пытаясь сообразить, о чем она говорит.

– Наверное, я просто размышлял вслух, – сказал он.

– О чем?

Он пожал плечами. Надо же как-то убить время.

– Об истории криминалистики.

– Это имеет какое-то отношение к нашему делу?

– Я думал об отпечатках пальцев. Как давно их научились идентифицировать?

Харпер наморщила лоб.

– Думаю, очень давно.

– В начале века?

Она кивнула.

– Вероятно.

– Хорошо, сто лет назад. Это стало первым крупным криминалистическим анализом, так? Наверное, приблизительно в то же

время стали широко применяться микроскопы. А с тех пор придумали много всего. ДНК, масспектрометры, хроматографию. Ламарр сказала, у вас есть тесты, в которые я не поверю. Готов поспорить, ваши спецы по одной ворсинке могут определить, где и когда был куплен ковер, из которого эта ворсинка, какая блоха сидела на этом ковре и какая собака принесла эту блоху. А может быть, вдобавок еще и кличку собаки и то, какой корм она ела на завтрак.

– И?

– Поразительные тесты, правда?

Харпер молча кивнула.

– Прямо научная фантастика, правда?

Она снова кивнула.

– Хорошо. Поразительные тесты, прямо научная фантастика. Но тот тип, который убил Эми Каллан, обманул*все*эти тесты, так?

– Так.

– Значит, как мы его назовем?

– Как?

– Очень умным, вот как.

Харпер скорчила гримасу.

– Помимо всего прочего.

– Совершенно верно, помимо всего прочего. Но каким бы еще он ни был, одно про него можно сказать точно: он очень умен. Затем убийца нанес второй удар, расправился с Кук. Как мы назовем его теперь?

– Как?

– Очень–очень умным. Один раз все еще можно было списать на везение. Два раза – это значит, он чертовски хорошо знает свое дело.

– И?

– Затем убийца нанес*третий*удар – Стэнли. Как мы назовем его теперь?

– Очень-очень-очень умным?

Ричер кивнул.

– Совершенно точно.

– И?

– Вот и первая улика. Мы ищем очень-очень-очень умного человека.

– По-моему, это уже *давно* известно.

Ричер покачал головой.

– А мне так не кажется. Вы никак не принимаете в расчет это обстоятельство.

– Как мы должны его принимать в расчет?

– Сами думайте. Я лишь мальчик на побегушках. А вам в Бюро по плечу самая сложная работа.

Появилась стюардесса с тележкой и подносами с завтраком. Поскольку это был салон бизнес-класса, еда оказалась терпимой. Ричер уловил запах яичницы с беконом и хорошей колбасы. И крепкого кофе. Он откинул столик. Салон был полупустой, поэтому ему удалось уговорить стюардессу отдать ему две порции. Двух завтраков Ричеру хватило, чтобы приятно заполнить желудок. Стюардесса оказалась сообразительной и постоянно подливала ему кофе.

– С чего ты решил, что мы не принимаем в расчет это обстоятельство? – спросила Харпер.

– А ты сама подумай, – буркнул Ричер. – Я сейчас не в том настроении, чтобы разжевывать прописные истины.

– Ты хочешь сказать, что убийца не военный?

Повернувшись, он пристально посмотрел на нее.

– Замечательно. Мы только что согласились, что имеем дело с человеком незаурядным, и ты сразу же торопишься сказать: «Что ж, в таком случае, разумеется, он не может быть военным.» Огромное спасибо, Харпер.

Она смущенно отвела взгляд.

– Извини. Я имела в виду совсем другое. Я просто никак не могу взять в толк, как нам нужно принимать в расчет это обстоятельство.

Ричер ничего не ответил. Молча допил кофе и перелез через ноги Харпер, чтобы сходить в туалет. Когда он вернулся, она все еще была в недоумении.

– Скажи же.

– Нет.

– Не молчи, Ричер. Блейк обязательно спросит меня, как ты относишься к делу.

– Как? Скажи ему, что если с головы Джоди упадет хотя бы один волосок, я оторву ему ноги и забью ими его до смерти.

Харпер кивнула.

– Ты говоришь это серьезно, так?

– Можешь не сомневаться.

– Вот это-то я никак и не могу понять. Почему ты не испытываешь хоть капельку тех же самых чувств в отношении остальных женщин? Тебе ведь нравилась Эми Каллан, правда? Конечно, не так как Джоди, но все же нравилась.

– Я тебя тоже не понимаю. Блейк хотел использовать тебя как шлюху, а ты по-прежнему ведешь себя так, словно он твой лучший друг.

Она пожала плечом.

– Он на грани отчаяния. На него постоянно давит стресс. Столкнувшись с таким делом, он может думать только о том, как его раскрыть.

– И ты этим восхищаешься?

Харпер кивнула.

– Разумеется. Я восторгаюсь целеустремленностью.

– Но не разделяешь ее. Иначе ты бы не сказала Блейку «нет». Соблазнила бы меня перед объективом видеокамеры – ради пользы дела. Так что, возможно, именно тебе наплевать на этих женщин.

Она ответила не сразу.

– То, что предлагал Блейк, аморально. Это меня задело.

Ричер кивнул.

– Но угрожать Джоди тоже аморально. Это задело уже*меня*.

– Однако я не позволяю своим чувствам мешать свершению правосудия.

– А я вот позволяю. И если тебе это не нравится, молчи.

* * *

Они больше не разговаривали друг с другом до самого Сиэттла. Ни одного слова за пять часов. Ричера это вполне устраивало. Он терпеть не мог общаться по необходимости. Ему было приятнее*молчать*. Он не находил в этом ничего странного. Ему не приходилось делать над собой никаких усилий. Он просто сидел и молчал, как будто путешествовал в одиночку.

Харпер молчание не давало покоя. Ричер видел, как она мается. В этом она походила на большинство людей. Если оставить ее вдвоем с человеком, которого она знает, она будет чувствовать себя обязанной поддерживать разговор. Для нее молчание было неестественным. Но Ричер оставался неумолим. Ни одного слова за пять часов.

Западное поясное время уменьшило эти пять часов до двух. Когда самолет приземлился в Сиэттле, там еще не закончилось время завтрака. Зал прилетов был полон встречающих с табличками в руках, на которых были написаны фамилии. Один мужчина с короткой прической в темном костюме и галстуке в полоску не держал в руках ничего, но он с таким же успехом мог написать себе огромными буквами на лбу: «ФБР».

– Лиза Харпер? – спросил мужчина. – Я из оперативного отделения Сиэттла.

Они пожали друг другу руки.

– Это Ричер, – сказала Харпер.

Агент из Сиэттла не обратил на Ричера никакого внимания. Ричер мысленно улыбнулся. «Не в бровь, а в глаз,» – подумал он. Прочем, возможно, местный агент не обратил бы на него никакого внимания даже в том случае, если бы они были лучшими друзьями, потому что все его внимание было приковано к тому, что проглядывало у Харпер сквозь рубашку.

– В Спокан мы добираемся по воздуху, – объяснил агент. – У компании частных авиаперевозок перед нами небольшой должок.

На рулежной дорожке стояла служебная машина. Агент проехал на ней милю до аэродрома общего пользования – обнесенного забором летного поля площадью пять акров, заставленного крошечными одно– и двухмоторными самолетами. На приземистых строениях красовались дешевые вывески, предлагавшие услуги летных инструкторов и воздушные перевозки. У одного из строений машину встретил мужчина в летной форме. Он провел их к чистенькой белой шестиместной «Сессне». На северо-западе осень была не такой хмурой, как в Вашингтоне, но воздух был холодный.

Пассажирский салон самолета был приблизительно такого же размера, как и салон «Бьюика» Ламарр, но только обстановка была гораздо более спартанской. Все выглядело чистым и ухоженным, и двигатели завелись после первого же нажатия на кнопку. Самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу. У Ричера возникло то же самое ощущение чего-то крошечного, как и в «Лире» на авиабазе Макгуайр. В сравнении с «Боингом-747», готовым вылететь в Токио, «Сессна» выглядела словно

мышка рядом со слоном. Совершив короткий разбег, маленький самолет оторвался от земли и, поднявшись на высоту тысяча футов, лег на курс строго на восток.

Указатель скорости показывал больше ста двадцати узлов, и самолет летел два с лишним часа. Кресло оказалось жестким и неуютным, и Ричер начал жалеть о том, что не придумал какой-нибудь более лучший способ убить время. Ему предстояло провести в воздухе четырнадцать часов, и все в течение одного дня. Быть может, стоило остаться на земле и вместе с Ламарр работать с бумагами. Ричер представил себе тихую комнату, похожую на читальный зал библиотеки, кожаное кресло, стопки пухлых папок. Затем представил себе Ламарр, взглянул на сидящую рядом Харпер и пришел к выводу, что, наверное, он все же принял верное решение.

Аэродром в Спокане оказался скромным и современным, более крупным, чем ожидал Ричер. На рулежной дорожке ждала машина Бюро, которую можно было безошибочно узнать даже с высоты тысячи футов: чистый темный седан и мужчина в костюме, прислонившийся к капоту.

– Из отделения охраны станции спутниковой связи в Спокане, – объяснил агент из Сиэттла.

Машина подъехала прямо к остановившемуся самолету, и через двадцать секунд после того, как пилот заглушил двигатели, Ричер уже снова был в пути. Местный агент с помощью резиновой присоски прилепил бумажку с адресом к лобовому стеклу. Похоже, это место было ему знакомо. Он проехал десять миль на восток к тонкому выступу штата Айдахо, затем повернул на север. Узкая дорога петляла среди холмов, а вдалеке темнели высокие горы. На вершинах сверкал снег. Вдоль дороги на расстоянии около мили друг от друга стояли одинокие дома, разделенные густыми рощами и просторными лугами. Плотность населения оставляла желать лучшего.

По указанному адресу находился дом, в котором, судя по всему, когда-то жил владелец ранчо, разводивший коров. Давным-давно дом купил и переделал человек, жаждавший воплотить свою мечту о жизни в сельской местности, при этом не пожелавший забыть эстетику большого города. Дом был как бы втиснут в тесную ограду, за которой начинались пастбища. Внутри ограды та же самая трава была аккуратно подстрижена и превращена в ухоженную лужайку. По периметру росли деревья, искривленные ветром. В дальнем конце стоял небольшой сарай с воротами, а от шоссе к крыльцу извивалась тропинка. Здание стояло близко от шоссе и от ограды, словно зажатое соседями, но только никаких соседей поблизости не было. До ближайшего творения рук

человеческих на север и на юг была по крайней мере целая миля, а на запад и на восток вообще не меньше двадцати миль.

Местные агенты остались в машине, а Харпер и Ричер вышли на обочину и потянулись, разминая затекшие мышцы. Агенты заглушили двигатель, и полная тишина пустынной сельской местности обрушилась тяжелым весом.

– Мне было бы спокойнее, если бы сестра Ламарр жила в городской квартире, – заметил Ричер.

Харпер кивнула.

– В доме с консьержкой.

Ворот не было; ограда просто обрывалась по обе стороны от дорожки. Харпер и Ричер прошли к дому. Дорожка была вымощена щебнем. По крайней мере, шаги прозвучали достаточно громко – хорошо уж хотя бы это. Дул слабый ветерок, певший в проводах высоковольтной линии. Харпер остановилась у входной двери. Звонка не было. Лишь большой бронзовый молоток в виде львиной головы с массивным кольцом в пасти. Над ним глазок. Новый. Следы свежерасщепленного дерева, оставленные дрелью. Схватив кольцо, Харпер дважды постучала. Кольцо глухо ударилось о дерево. Громкий и глухой звук раскатился над безмолвной травой. Через несколько секунд вернулся, отразившись от холмов.

Ответа не последовало. Харпер постучала снова. Казалось, низко загудел весь дом. Наконец внутри скрипнули половицы. Послышались шаги. Невидимый звук приблизился и замер перед дверью.

– Кто там? – окликнул голос.

Женский. Настороженный.

Сунув руку в карман, Харпер достала значок. В кожаном чехле, такой же, какой в свое время прижала к стеклу машины Ричера Ламарр. На щите орел, склонивший голову влево. Харпер подержала значок в шести дюймах перед глазком.

– ФБР, мэм, – ответила она. – Мы вчера звонили вам и договорились о встрече.

Дверь отворилась, скрипя старыми петлями, открыв прихожую и стоявшую за ней женщину. Не выпуская из руки дверную ручку, женщина облегченно улыбнулась.

– Звонок Джулии сделал меня такой дерганной, – виновато призналась она.

Сочувственно улыбнувшись, Харпер представилась и представила Ричера. Женщина пожала обоим руки.

– Элисон Ламарр, – представилась она. – Очень рада с вами познакомиться.

Она пригласила их в дом. Прихожая оказалась квадратной и просторной. Стены и пол были обшиты старыми сосновыми досками, заново оструганными и покрытыми морилкой цветом чуть темнее золота на значке Харпер. На окнах простенькие желтые занавески в клетку. Диваны с подушками, набитыми пером. Старинные керосиновые светильники, переделанные под электрические лампы.

– Кофе хотите? – предложила Элисон Ламарр.

– Я бы не хотела терять времени, – сказала Харпер.

– А вот я не откажусь, – сказал Ричер.

– Сливки, сахар?

– Нет, просто черный.

Элисон Ламарр провела гостей на кухню, занимавшую всю заднюю часть первого этажа. Здесь было очень приятно: начищенный до блеска пол, новая деревянная мебель, большая плита, выстроившиеся в ряд посудомоечная и стиральная машины, мелкая бытовая техника на столе, на окнах желтые клетчатые занавески. Хозяйка вложила в обстановку большие деньги, но только для того, чтобы производить впечатление лишь на саму себя.

Элисон Ламарр была темноволосая, среднего роста; в ее движениях чувствовалась упругость накаченных мышц. Лицо у нее было открытое и дружелюбное, загорелое от частого нахождения на открытом воздухе; заскорузлые руки свидетельствовали о любви к труду. Ричер предположил, что Элисон ставила ограду сама. От нее пахло лимонным шампунем; она была одета в тщательно наглаженный джинсовый костюм. На ногах остроносые ковбойские сапоги на тонкой подошве. Судя по всему, хозяйка специально переоделась к приему гостей.

Включив кофеварку, она налила чашку и с улыбкой протянула ее Ричеру.

В этой улыбке сквозила смесь различных чувств. Вероятно, Элисон было одиноко. Но в первую очередь улыбка показывала, что между ней и ее сводной сестрой нет родственных отношений. Приятная, дружелюбная, открытая – Джулия Ламарр понятия не имела о том, что можно так улыбаться. Улыбка затронула глаза Элисон, темные и с поволокой.

Ричер считал себя знатоком глаз, и эту пару он нашел более чем приятной.

– Можно, я осмотрюсь? – спросил он.

– Проверка мер безопасности?

Он кивнул.

– Да, наверное.

– Чувствуйте себя как дома.

Ричер захватил с собой чашку с кофе. Женщины остались на кухне. На первом этаже было четыре комнаты: прихожая, кухня, две гостиных. Дом был построен из крепких бревен. Переделка была выполнена высококачественно. Во всех окнах были вставлены новые, прочные рамы. На улице уже было достаточно холодно, поэтому сетки с окон были сняты. Все окна запирались изнутри на ключ. Входная дверь была из старых сосновых досок в два дюйма толщиной, прочных как сталь. Массивные петли, сложный замок. Из кухни дверь черного входа, дерево такое же выдержанное и прочное. Такой же замок.

На улице росли густые колючие кусты, предназначенные, вероятно, для защиты от ветра, но также прекрасно подходящие для того, чтобы не позволять случайным прохожим заглядывать в окна. Стальная дверь в подвал запиралась на большой висячий замок, просунутый в ручки. Сарай, в котором размещался гараж, был не такой ухоженный, как сам дом, но все же не грозил развалиться в ближайшее время. Внутри стоял новый джип «Чероки». В углу куча картонных коробок, свидетельствующих о том, что ремонт закончился совсем недавно. В закрытой и запечатанной коробке стояла новая стиральная машина. Над ней верстак с аккуратно разложенным электроинструментом.

Вернувшись в дом, Ричер поднялся наверх. В окнах такие же рамы, как внизу. Четыре спальни. Несомненно, Элисон жила в той, что слева и сзади, окнами на запад, на уходящую до самого горизонта степь. По утрам здесь бывает темно, зато закаты должны быть впечатляющими. Новая ванная украла кусок у соседней спальни. Унитаз, раковина, душ. И ванна.

Ричер вернулся на кухню. Харпер стояла у окна, наслаждаясь пейзажем. Элисон Ламарр сидела за столом.

– Ну как? – спросила она.

– По моему, все в порядке, – ответил Ричер. – Двери вы всегда запираете?

– Теперь да. Джулия так меня запугала. Я запираю окна, запираю двери, всех посетителей разглядываю в глазок, а телефон службы спасения я ввела в память, чтобы набирать быстрее.

– В таком случае, вам нечего опасаться, – заметил Ричер. – Судя по всему, убийца предпочитает не взламывать двери. Никому не открывайте, и все будет в порядке.

Она кивнула.

– Я тоже так подумала. Наверное, теперь вы зададите мне какие-то вопросы?

– За этим меня сюда и прислали.

Ричер сел напротив. Уставился на сверкающую бытовую технику вдоль стены, судорожно пытаясь придумать какие-нибудь подходящие вопросы.

– Как дела у вашего отца? – наконец спросил он.

– Именно это вы и хотели узнать?

Ричер пожал плечами.

– Джулия упомянула о том, что он серьезно болен.

Элисон удивленно кивнула.

– Болезнь длится уже два года. Рак. Сейчас отец умирает. Надежды уже никакой, все будет кончено со дня на день. Он лежит в больнице в Спокане. Я навещаю его каждый день.

– Я сожалею.

– Джулия тоже должна была бы его навестить. Но только они не слишком ладят.

– Она не летает на самолетах.

Элисон скорчила гримасу.

– Один раз за столько лет Джулия могла бы и переступить через себя. Но она так уперлась в то, что он ей не родной отец, как будто это имеет какое-то значение. Лично я считаю ее своей сестрой – все так просто и ясно. А сестры должны заботиться друг о друге, правда? И Джулия должна это понимать. Кроме нее, у меня на всем свете больше нет родных. Черт возьми, она моя ближайшая родственница.

– Я очень сожалею.

Элисон пожала плечами.

– Но сейчас это второстепенно. Чем еще я могу вам помочь?

– У вас нет никаких мыслей по поводу того, кто это может быть?

Она улыбнулась.

– Это весьма общий вопрос.

– И тем не менее, интуиция вам ничего не подсказывает?

– По-моему, этот тип считает, что нет ничего страшного в том, что женщина подверглась насилию. А может быть, он так не думает. А просто считает, что недопустимо выносить сор из избы.

– А вы больше к чему склоняетесь? – спросила Харпер, подсаживаясь к Ричеру.

Элисон перевела взгляд на нее.

– Право, не знаю. На мой взгляд, середины нет. Или женщина глотает позор молча, или поднимает страшный шум.

– Вы не пытались найти середину?

Она покачала головой.

– Я живое доказательство того, что середины быть не может. Я просто взорвалась. У меня середины не было. По крайней мере, я ее не видела.

– Кто это был? – спросил Ричер.

– Один полковник по фамилии Гаскойн, – сказала Элисон. – Он неизменно начинал вонять, если к нему обращались по личному делу. Я обратилась к нему по поводу перевода на другое место. Я была у него пять раз. Я не проповедовала идеи феминизма. И политика тут была ни при чем. Мне просто хотелось заниматься чем-нибудь более интересным. И, по правде говоря, я считала, что армия растрачивает без пользы хорошего солдата. Потому что я была хорошим солдатом.

Ричер кивнул.

– И чем кончилась история с Гаскойном?

Элисон вздохнула.

– Я оказалась застигнута врасплох. Сперва мне казалось, что он просто шутит.

Она помолчала. Отвела взгляд.

– Он предложил мне в следующий раз прийти без формы. Я решила, он просто хочет пригласить меня в город, в бар, в штатской одежде. Но

затем Гаскойн дал ясно понять: нет, я должна снять форму прямо сейчас, у него в кабинете.

Ричер кивнул.

– Не очень приятное предложение.

Элисон снова скорчила гримасу.

– Ну, Гаскойн подошел к этому окольными путями. Сначала он все обращал в шутку, как будто заигрывал со мной. Я даже не обратила на это особого внимания. Понимаете, он мужчина, я женщина, чему тут удивляться? Но затем Гаскойн решил, что я слишком непонятливая, и вдруг он скатился в *мерзость*.Красочно описал мне, что я должна делать. Понимаете? Поставить правую ногу к одной ножке стола, левую к другой, заложить руки за голову и простоять так без движения полчаса. Согнувшись пополам, понимаете? Как в порнофильме. И тут мне в голову ударила такая злость, что в долю секунды я взорвалась атомной бомбой.

Ричер снова кивнул.

– И вы ему хорошенько врезали?

– Разумеется.

– Как Гаскойн на это отреагировал?

Элисон улыбнулась.

– В первую очередь, растерялся. Не сомневаюсь, он делал это уже не первый раз, и до этого ему все сходило с рук. Думаю, он удивился, увидев, что правила игры переменились.

– А не может ли этот Гаскойн быть тем самым убийцей?

Она решительно покачала головой.

– Нет. Мы имеем дело с человеком*смертельно опасным*, так? Про Гаскойна этого никак не скажешь. Он был старым, уставшим, бесполезным, разочарованным. Джулия сказала, убийца умен и изобретателен. А Гаскойн неспособен проявить инициативу, понимаете?

Ричер снова кивнул.

– Если психологический портрет, составленный вашей сестрой, верен, скорее всего, речь идет о человеке, который держался в тени.

– Совершенно верно, – согласилась Элисон. – Возможно, сам он не был ни в чем замешан. Лишь наблюдал со стороны, а затем в нем вскипел праведный гнев.

– Если психологический портрет, составленный Джулией, верен, – повторил Ричер.

Последовала короткая пауза.

– Очень большое «если», – заметила Элисон.

– У вас есть сомнения?

– Вы же прекрасно это знаете. Как и я знаю, что у вас тоже есть сомнения. Потому что мы с вами мыслим одинаково.

Харпер подалась вперед.

– О чем это вы?

Элисон ответила не сразу.

– Я просто не могу себе представить, что военный пойдет на такие *труды*– по крайней мере, только не в данном случае. В армии все обстоит не так. Правила меняются*постоянно.*И тому миллион примеров. Так, пятьдесят лет назад считалось нормальным издеваться над чернокожими, но сейчас это не так. Сотни, тысячи человек изгонялись из армии за какие-то только что придуманные провинности. Президент Трумен покончил с расовой сегрегацией в армии, но никто не начал отстреливать негров, подававших жалобы на белых командиров. Но тут что-то не так. Я не могу понять эту странную реакцию.

– Быть может, противостояние мужчин и женщин является более фундаментальным.

Элисон кивнула.

– Возможно. Я не знаю. Но, подытожив все, все жертвы относятся к одной очень специфической категории, так что это*обязан*быть военный. Кто еще мог идентифицировать всех нас? Вот только военный этот чертовски странный, это точно. Мне таких встречать не доводилось.

– Вот как? – спросила Харпер. – Пока шел процесс, вам никто не угрожал, никто не делал никаких замечаний?

– Ничего существенного не было. Так, обычный мелочный вздор. Я ничего не могу вспомнить. Я даже летала в Квантико и дала Джулии загипнотизировать меня на тот случай, если у меня в подсознании что-то осталось, но, как она сказала, я так ничего и не вспомнила.

Снова наступило молчание. Смахнув со стола воображаемые крошки, Харпер кивнула.

– Хорошо. Значит, мы напрасно сюда приехали, так?

– Извините, – развела руками Элисон.

– Ничто не бывает напрасным, – возразил Ричер. – Отрицательный результат тоже может оказаться полезным. А кофе был замечательный.

– Еще хотите?

– Нет, не хочет, – ответила за Ричера Харпер. – Нам пора трогаться в обратный путь.

– Как скажете.

Встав, Элисон проводила гостей из кухни. Прошла по коридору и отперла входную дверь.

– Никого не впускайте в дом, – предупредил ее на прощание Ричер.

Элисон улыбнулась.

– Я и не собираюсь.

– Я говорю совершенно серьезно, – продолжал Ричер. – Судя по всему, все обходится без капли насилия. Убийца просто заходит в дом. Так что вы, возможно, с ним знакомы. Или он великолепный актер и придумывает какой-нибудь правдоподобный предлог. Не дайте себя провести.

– Я и не собираюсь, – повторила Элисон. – Не беспокойтесь обо мне. И если что-нибудь понадобится, звоните. Днем я езжу к отцу в больницу, а в остальное время бываю дома. Желаю вам удачи.

Ричер вышел следом за Харпер на улицу, на дорожку, мощенную щебнем. У них за спиной послышался звук закрывшейся двери и громкий щелчок повернувшегося замка.

* * *

Сотрудник местного отделения Бюро помог им сэкономить два часа, сказав, что можно прямым рейсом добраться из Спокана в Чикаго, а уже оттуда перелететь в Вашингтон. Взяв билеты, Харпер обнаружила, что так дорога получилась дороже: вероятно, именно поэтому от нее отказались в Квантико. Молодая женщина взяла на себя ответственность истратить лишние деньги, решив объяснения отложить на потом. Ричеру это пришлось по душе. Ему не хотелось еще два часа трястись в крохотной «Сессне». Поэтому Харпер отправила агента из Сиэттла на запад одного, а сама вместе с Ричером села в «Боинг», вылетающий в Чикаго. Правда, на этот раз в самолете имелся только салон эконом-класса. Им всю дорогу пришлось просидеть рядом, соприкасаясь локтями и бедрами.

– Ну, что ты думаешь по этому поводу? – спросила Харпер.

– Мне не платят за то, чтобы я думал, – пробурчал Ричер. – Больше того, мне вообще ничего не платят. Я консультант. Так что задавай мне вопросы, и я буду на них отвечать.

– Я задала тебе вопрос. Спросила, что ты думаешь по этому поводу.

Ричер пожал плечами.

– Я думаю, группа потенциальных жертв очень большая, и три женщины уже мертвы. Приставить охрану ко всем вы не можете, но если остальные восемьдесят восемь женщин будут вести себя так, как Элисон Ламарр, все будет в порядке.

– Ты считаешь, запертых дверей достаточно, чтобы остановить убийцу?

– Он выбрал себе достаточно странный способ расправляться с жертвами. Судя по всему, он ни к чему не прикасается. Если ему не откроют дверь, как он поступит?

– Возможно, переменит свою тактику.

– И вы в этом случае его обязательно возьмете, потому что ему придется начать оставлять улики.

Ричер отвернулся к иллюминатору.

– Только и всего? – спросила Харпер. – Нам нужно посоветовать всем этим женщинам держать двери запертыми?

Он кивнул.

– Да, я считаю, вы должны их предупредить.

– Это никак не поможет нам схватить убийцу.

– А вы его и так не схватите.

– Почему?

– Потому что ваш психологический портрет – это полная чушь. Вы никак не учитываете то, что убийца чрезвычайно умен.

Харпер покачала головой.

– Нет, учитываем. Я ознакомилась с психологическим портретом убийцы. В нем говорится, что он очень умен. И метод психологических портретов позволяет добиться небывалых результатов, Ричер. Ты даже не представляешь себе, сколько побед на счету Ламарр.

– На какое количество поражений?

– Что ты хочешь сказать?

Ричер снова повернулся к ней.

– Предположим, я был бы на месте Блейка. Он ведь занимается расследованием убийств, соединенных на всей территории Соединенных Штатов, правильно? Он узнаёт обо всем. Так что предположим, я на его месте, и меня извещают о каждом убийстве, совершенном в Америке. Предположим дальше, что каждый раз я отвечаю, что подозреваемый – белый мужчина в возрасте тридцати с половиной лет, у него вместо одной ноги протез, родители в разводе, он ездит на синем «Феррари». Каждый раз, без исключений. Рано или поздно мое предсказание сбудется. Это вытекает из закона больших чисел. И тогда я смогу кричать в полный голос: «Эй, смотрите, я был прав!» Надо будет только молчать о тех десяти тысячах случаев, когда я ошибался. И я буду выглядеть весьма неплохо, разве не так? Поразительная дедукция!

– Блейк этим не занимается.

– Разве? Ты читала о деятельности его подразделения?

Харпер кивнула.

– Разумеется, читала. Именно поэтому я и попросилась к нему. Я читала разные книги и статьи.

– Я тоже читал. Первая глава: успешно раскрытое дело. Вторая глава: другое успешно раскрытое дело. И так далее. И ни одной главы о неудачах. Так что сразу же напрашивается вопрос, а как часто случаются неудачи. Лично я считаю, достаточно часто. Слишком часто, чтобы возникло желание их описывать.

– Так что же ты все-таки хочешь сказать?

– А то, что такой «пулеметный» подход будет неизменно выглядеть эффективным, если поднимать шумиху по поводу каждого успеха, а провалы прятать под ковер.

– Подразделение Блейка этим не занимается.

Ричер кивнул.

– Ну да. Они действуют не настолько примитивно. Они не просто гадают на кофейной гуще. Пытаются работать. Но только то, чем они занимаются, не является точной наукой. Которая дает четкие ответы. И они – лишь одно подразделение из многих, стремящихся набить себе цену и получить финансирование. Ты же знаешь, как работает бюрократическая машина. Как раз сейчас проходят парламентские слушания по бюджету. Первая, вторая и третья задачи Блейка состоят в том, чтобы прикрыть свою задницу, громко раструбив о своих успехах и скрыв неудачи.

– Значит, ты считаешь, что составлять психологические портреты преступников бесполезно?

Ричер кивнул.

– Уверен в этом. Во всем этом есть внутренний изъян. Сама посуди, из рассуждений Блейка вытекают два взаимоисключающих вывода.

– Каких?

Он покачал головой.

– Не скажу. По крайней мере, до тех пор, пока Блейк не извинится за то, что угрожал Джоди, и не отстранит Джулию Ламарр от дела.

– Вот этого он точно не сделает. Она его лучший специалист.

– Совершенно верно.

* * *

В Национальном аэропорту Вашингтона их встретили. В Квантико они вернулись лишь поздно вечером. Там их ждала Джулия Ламарр, одна. Блейк был на слушаниях по бюджету, а Пултон уехал домой отдыхать.

– Ну, как она? – спросила Ламарр.

– Твоя сестра?

– Моя сводная сестра.

– С ней все в порядке, – ответил Ричер.

– Каким тебе показался ее дом?

– Надежным. Попасть в него не проще, чем в Форт-Нокс[3].

– Но он расположен уединенно, да?

– Очень уединенно, – подтвердил Ричер.

Ламарр кивнула. Он молчал, ожидая, что она скажет дальше.

– Так значит, с Элисон все в порядке? – наконец сказала Ламарр.

– Она хочет, чтобы ты приехала к ней.

Она покачала головой.

– Не могу. На это уйдет целая неделя.

– Твой отец при смерти.

– Мой отчим.

– Как бы то ни было. Элисон считает, что ты должна приехать.

– Я не могу, – повторила Ламарр. – Она все такая же?

Ричер пожал плечами.

– Я понятия не имею, какой она была раньше. Впервые я увидел ее только сегодня.

– Одета как ковбой, загорелая, симпатичная, в хорошей спортивной форме?

– В самую точку.

Ламарр снова рассеянно кивнула.

– Совсем не похожа на меня.

Он оглядел ее с ног до головы. Дешевый черный костюм помят и покрыт пылью. Кожа бледная, тонкая, сухая. Рот недовольно искривлен. Глаза пустые.

– Да, вы совсем непохожи, – подтвердил он.

– Я же говорила, что из нас двоих я всегда была дурнушкой.

Ламарр ушла, не сказав больше ни слова. Харпер провела Ричера в столовую, и они поужинали вдвоем. Затем она проводила его в комнату. Молча заперла за ним дверь. Дождавшись, когда ее шаги затихнут в коридоре, Ричер разделся и залез под душ. Затем вытянулся на кровати и стал думать и надеяться. И ждать. В первую очередь, ждать. Ждать утра.

## Глава 13

Наступило утро, но оно не принесло ничего хорошего. Ричер понял это, как только вошел в столовую. Он проснулся рано и был готов к выходу за полчаса до того, как появилась Харпер. Отперев дверь, молодая женщина впорхнула в комнату, изящная и отдохнувшая, одетая в тот костюм, который был на ней в самый первый день. Судя по всему, у нее было ровно три костюма, и она сменяла их в строгой последовательности. Ричер прикинул, что три костюма как раз соответствовали ее жалованию. Это было ровно на три костюма больше, чем имел он сам, поскольку в отличие от Харпер он не получал твердой зарплаты.

Они вместе спустились в лифте и прошли в соседнее здание. Во всем лагере царила непривычная тишина. Какая бывает в выходные. Только сейчас до Ричера дошло, что сегодня воскресенье. Погода улучшилась. Теплее не стало, но дождь прекратился, и выглянуло солнце. У Ричера

мелькнула надежда, что этот благоприятный знак свидетельствует как раз о том, что это будет его день. Однако его ждало разочарование. Он понял это, как только вошел в столовую.

Блейк сидел аз столиком у окна. Один. На столе кофейник, три перевернутые чашки, вазочка со сливками, сахарница, корзина с пончиками и печеньем. Плохой новостью была пачка воскресных газет, развернутых, прочитанных и отложенных в сторону. «Вашингтон пост», «Ю-Эс-Эй тудей» и, что хуже всего, «Нью-Йорк таймс», лежащая на самом виду. То есть, из Нью-Йорка никаких новостей. Из чего следовало, что его план еще не сработал, из чего, в свою очередь, следовало, что ему придется ждать дальше.

Троим за столиком было гораздо просторнее, чем пятерым. Харпер села напротив Блейка, а место напротив Ричера осталось свободным. Блейк казался осунувшимся, усталым и очень измученным. Как будто он был болен. Как будто с ним с минуты на минуту должен был случиться сердечный приступ. Но Ричеру было нисколько его не жалко. Блейк нарушил правила.

– Сегодня ты будешь работать с делами, – сказал Блейк.

– Как тебе угодно.

– Добавился материал о Лорейн Стэнли. Так что сегодня ты весь день будешь изучать дела, а завтра утром представишь нам свои заключения. Все ясно?

Ричер кивнул.

– Кристально ясно.

– Предварительные у тебя есть?

– Что предварительные?

– Заключения. У тебя уже есть какие-нибудь мысли?

Ричер взглянул на Харпер. Как раз в этом месте верный подчиненный должен был бы сообщить своему начальнику о том, что у Ричера есть возражения. Но молодая женщина промолчала. Лишь опустила взгляд и принялась сосредоточенно размешивать кофе.

– Дайте сначала ознакомиться с делами, – сказал Ричер. – Пока что слишком рано что-либо говорить.

Блейк кивнул.

– У нас есть шестнадцать дней. Пора уже добиться определенного прогресса.

– Я все понял, – сказал Ричер. – Быть может, завтра будут хорошие новости.

Блейк и Харпер посмотрели на него так, как будто он сморозил глупость. Затем все налили себе кофе, взяли печенье и разобрали газеты, словно приготовившись убить время. Сегодня было воскресенье. И расследование застопорилось. Это было очевидно. Ричеру были знакомы все признаки этого. Каким бы срочным ни бывает дело, рано или поздно наступает момент, когда идти больше некуда. Боевой запал сгорает, и ты сидишь сложа руки, как будто во всем мире у тебя нет никаких дел. А весь мир вокруг бушует, требуя от тебя результатов.

* * *

После завтрака Харпер проводила Ричера в комнату, очень похожую на ту, которую он представлял себе, трясясь в «Сессне». На верхнем этаже, тихая, заставленная светлыми дубовыми столами и уютными мягкими стульями. За стеной из сплошных окон сияло солнце. Единственным отрицательным моментом была стопка папок высотой в фут. Темно-синие корочки с золотыми тиснеными буквами «ФБР».

Стопка была разделена на три части, каждая их которых была перетянута толстой резинкой. Ричер разложил их на столе в один ряд. Эми Каллан, Каролина Кук, Лорейн Стэнли. Три жертвы, три стопки. Ричер взглянул на часы. Десять часов двадцать пять минут. Запоздалый старт. Солнечные лучи прогрели комнату. Ричера потянуло в сон.

– Ты не пытался связаться с Джоди, – заметила Харпер.

Покачав головой, он промолчал.

– Почему?

– Бессмысленно. Судя по всему, она куда-то уехала.

– Может быть, она перебралась к тебе. В дом, где раньше жил ее отец.

– Может быть, но я в этом сомневаюсь. Джоди там не нравилось. Слишком уединенно.

– Но ты пробовал звонить туда?

Ричер покачал головой.

– Нет.

– Беспокоишься?

– Бессмысленно беспокоиться по поводу того, что ты все равно не в силах изменить.

Харпер ничего не ответила. Наступила тишина. Ричер пододвинул к себе папку.

– Ты это уже читала?

Молодая женщина кивнула.

– Я каждый вечер перечитываю дела и знакомлюсь с заключениями.

– И как, есть тут что-нибудь?

Харпер посмотрела на стопки, каждая из которых имела дюйма четыре в толщину.

– Есть, и немало.

– Что-нибудь существенное?

– А это уж тебе решать.

Неохотно кивнув, Ричер стащил резинку с дела Каллан. Открыл папку. Сняв пиджак, Харпер устроилась напротив. Закатала рукава рубашки. Солнце светило ей прямо в спину, просвечивая рубашку насквозь. Ричеру были видны плавные линии упругой груди. Мягко огибавшей ремень кобуры под мышкой и обрывавшейся к плоскому животу. Колыхавшейся в такт дыханию.

– Принимайся за работу, Ричер, – сказала Харпер.

*Это самый напряженный момент. Ты проезжаешь мимо, не быстро, но и не медленно. Тщательно все осмотрев, ты проезжаешь чуть дальше, останавливаешься, разворачиваешься и едешь назад. Останавливаешься у тротуара, так, чтобы машина смотрела именно туда, куда нужно. Заглушаешь двигатель. Вынимаешь ключ из замка зажигания и убираешь его в карман. Надеваешь перчатки. На улице прохладно, так что перчатки не вызывают никаких подозрений.*

*Ты выходишь из машины. Задерживаешься на мгновение, прислушиваясь, затем медленно разворачиваешься и снова оглядываешься по сторонам. Это самый напряженный момент. Именно сейчас тебе нужно принять решение, продолжать дальше или отказаться. Думай, думай, думай. Необходимо сохранять хладнокровие. Требуется лишь объективно оценить обстановку. Тебе помогает профессиональный опыт.*

*Ты решаешь продолжать дальше. Закрываешь дверь машины, тихо. Возвращаешься к дому. Подходишь к двери. Стучишь. Стоишь и ждешь. Дверь открывается. Женщина впускает тебя в дом. Она рада тебя видеть. Сначала удивлена, немного смущена, но вскоре остается*

*одна радость. Женщина не видела тебя целую вечность, с прошлой жизни. Некоторое время вы беседуете. Ты говоришь, выжидая нужный момент. Ты сразу поймешь, когда он наступит. А пока ты говоришь.*

*Момент наступает. Ты делаешь небольшую паузу, убеждаясь, что это действительно так. Затем начинаешь действовать. Ты объясняешь женщине, что она должна будет сделать все именно так, как ты скажешь. Разумеется, она соглашается, потому что у нее нет выбора. Ты говоришь ей, что она должна притворяться, будто это доставляет ей удовольствие. Объясняешь, что так тебе будет гораздо приятнее. Она радостно кивает, готовая услужить. Улыбается. Улыбка получается натянутой и фальшивой, что несколько портит общее впечатление, но тут уж ничего не поделаешь. Лучше что-то, чем ничего.*

*Ты просишь женщину показать ванную комнату. Она проводит тебя туда словно риелтер, демонстрирующий недвижимость. Ванна тебе очень нравится. Тебе уже доводилось видеть не одну такую ванну. Ты приказываешь женщине принести краску. При этом тывнимательно следишь за ней. Женщине приходится ходить пять раз, на улицу и обратно в дом, вверх и вниз по лестнице. Ей предстоит перенести большой груз. Она учащенно дышит от усталости. Начинает потеть, хотя на улице прохладная осенняя погода. Ты напоминаешь ей об улыбке. Женщина послушно натягивает ее на лицо. Теперь улыбка больше похожа на гримасу.*

*Ты приказываешь женщине найти что-нибудь, чтобы открыть банки с краской. Она радостно кивает и говорит, что в ящике на кухне есть отвертка. Ты идешь вместе с ней. Она открывает ящик и достает отвертку. Вы возвращаетесь в ванную. Ты просишь женщину открыть банки. Она сохраняет полное спокойствие. Опускается на корточки рядом с первой банкой. Подсовывает кончик отвертки под крышку и поднимает ее вверх. Крышка отрывается. Воздух наполняется запахом краски.*

*Женщина принимается за следующую банку. Еще за одну. Она работает быстро. Ты предупреждаешь ее быть аккуратной. Объясняешь, что за малейшую оплошность она будет наказана. Напоминаешь, что она должна улыбаться. Женщина улыбается. Работает. Наконец открыта последняя банка.*

*Ты достаешь из кармана полиэтиленовый мешок для мусора. Приказываешь женщине сложить в него свою одежду. Она сбита с толку. Какую одежду? «Ту, которая на тебе,» – объясняешь ты. Она кивает и улыбается. Скидывает туфли. Свернутый мешок распрямляется под их тяжестью. Женщина стягивает с себя носки. Бросает их в мешок. Расстегивает джинсы. Прыгает на одной ноге,*

*стаскивая их. Джинсы тоже отправляются в мешок. Женщина расстегивает рубашку. Сбрасывает ее с плеч. Бросает в мешок. Заводит руку за спину и возится с застежкой лифчика. Снимает его. Ее освобожденная грудь падает вниз. Женщина снимает трусики, комкает их вместе с лифчиком и роняет в мешок. Она полностью раздета. Ты приказываешь ей продолжать улыбаться.*

*Ты заставляешь ее отнести мешок к входной двери. Провожаешь ее туда. Она прислоняет мешок к двери. Вы возвращаетесь в ванную. Ты приказываешь женщине вылить краску из банок в ванну, медленно, аккуратно. Она работает сосредоточенно, закусив губу. Банки тяжелые и неудобные. Краска густая. От нее исходит сильный запах. Она вытекает из банок медленно. Уровень маслянистой зеленой жидкости повышается.*

*Ты хвалишь женщину. Говоришь, что она поработала хорошо. Вся краска вылита в ванну, нигде не пролито ни капли. Женщина улыбается, обрадованная похвалой. Затем ты объясняешь ей, что самое сложное еще впереди. Она должна отнести пустые банки туда, откуда их брала. Но теперь она раздета донага. Ей нужно следить за тем, чтобы ее никто не увидел. Поэтому ей придется двигаться бегом. Женщина кивает. Ты объясняешь ей, что пустые банки весят меньше, поэтому она за один прием может захватить их больше. Женщина снова кивает. Она все поняла. Она просовывает растопыренные пальцы в отверстия банок и захватывает в каждую руку по пять банок. Спускается вниз. Ты приказываешь ей подождать. Открываешь входную дверь и выглядываешь на улицу. Слушаешь и смотришь. Наконец выпускаешь женщину. Она движется бегом. Убирает банки. Бегом возвращается назад, при этом ее грудь дергается в такт шагам. На улице холодно.*

*Ты приказываешь ей постоять спокойно и отдышаться. Напоминаешь об улыбке. Она виновато трясет головой и снова натягивает на лицо гримасу. Ты отводишь ее в ванную. Отвертка лежит на полу. Ты просишь женщину поднять ее. Приказываешь ей оставить отверткой отметины на лице. Она ничего не понимает. Ты все объясняешь. Говоришь, что достаточно будет глубоких царапин. Трех или четырех. Таких, чтобы пошла кровь. Женщина улыбается и кивает. Проводит отверткой по левой щеке. Появляется алая полоса длиной пять дюймов. Ты говоришь, что надо нажимать сильнее. Женщина кивает. И следующей царапины вступает кровь. Ты ее хвалишь. Приказываешь продолжать. Женщина проделывает еще одну царапину. И еще одну. Ты ее благодаришь. И приказываешь нажать еще сильнее. Женщина кивает и улыбается. Со всей силы нажимает на отвертку. Кожа лопается. Появляется много крови. Ты говоришь: «Хорошо поработала, девочка.»*

*Женщина по-прежнему держит в руке отвертку. Ты приказываешь ей залезть в ванну, медленно и осторожно. Она ставит туда сначала правую ногу. Затем левую. Она стоит в краске, которая доходит ей до лодыжек. Ты приказываешь ей медленно садиться. Она повинуется. Краска доходит ей до талии. Поднимается до груди. Ты приказываешь женщине улечься в ванной, медленно и осторожно. Она опускается в краску. Уровень густой зеленой жидкости поднимается. До края ванны остается всего два дюйма. Теперь и ты улыбаешься. Все сделано прекрасно.*

*Ты объясняешь женщине, что она должна сделать. Она сначала не понимает, потому что ты обращаешься к ней с очень странной просьбой. Ты все тщательно разъясняешь. Женщина кивает. Ее волосы уже липкие от краски. Она погружается в ванну. Теперь над поверхностью остается только ее лицо. Женщина запрокидывает голову назад. Ее волосы плавают в зеленой краске. Женщина помогает себе пальцами. Они скользкие и липкие от краски. Она делает все так, как ты приказываешь. У нее получается с первого раза. Ее глаза вылезают из орбит, и она умирает.*

*Ты выжидаешь пять минут. Стоя около ванны, ни к чему не прикасаясь. Затем ты выполняешь единственное действие, которое женщина не может сделать сама. При этом перчатка на твоей правой руке пачкается в краске. Затем ты нажимаешь пальцем женщине на лоб, и она уходит с головой под краску. Ты стягиваешь с правой руки перчатку, выворачивая ее наизнанку. Проверяешь перчатку на левой руке. Все в порядке. Для предосторожности ты убираешь правую руку в карман и не вынимаешь ее. Это единственный момент, когда ты можешь оставить отпечатки пальцев.*

*Держа грязную перчатку в левой руке, ты молча спускаешься вниз по лестнице. Бросаешь перчатку в мешок с одеждой женщины. Открываешь дверь. Прислушиваешься и оглядываешься по сторонам. Выносишь мешок из дома. Оборачиваешься и закрываешь за собой дверь. Проходишь по дорожке к шоссе. Останавливаешься перед машиной и бросаешь в мешок и чистую перчатку. Открываешь крышку багажника и убираешь туда мешок. Открываешь дверь и садишься за руль. Достаешь из кармана ключ и заводишь двигатель. Пристегиваешь ремень безопасности и поправляешь зеркало заднего вида. Уезжаешь, держа скорость не слишком большой и не слишком маленькой.*

Дело Каллан начиналось с краткой выжимки из ее карьеры в армии. Карьера продолжалась четыре года, а выжимка заняла сорок восемь строчек печатного текста. В них один раз упоминалась фамилия Ричера, в самом конце, в связи со скандалом. Ричер поймал себя на том, что

прекрасно помнит Эми Каллан. Невысокую, пухленькую женщину, веселую и счастливую. В свое время ему показалось, что она пошла в армию, сама точно не представляя,*зачем*. Это свойственно определенному типу людей. Тем, кто вырос в больших семьях, привык делиться с окружающими, в школе занимался спортом, неплохо учился, но не мечтал о карьере ученого, – этих людей как бы само собой сносит в армию. Они воспринимают ее как продолжение того, что им уже известно. Возможно, самих себя они не считают бойцами, но они знают, что в армии на каждого человека с винтовкой приходится сотня тех, кто занимается совершенно мирными профессиями.

Пройдя курс начальной подготовки, Каллан сразу же попала в управление боеприпасами. Через двадцать месяцев ее уже произвели в сержанты. Она перебирала бумаги и рассылала партии товаров по всему свету, совсем как ее коллеги, оставшиеся дома, но только товарами ее были не помидоры, туфли и автомобили, а пушки и снаряды. Каллан работала в Форт-Уайте рядом с Чикаго на оружейном складе, пропахшем оружейной смазкой и наполненном оглушительным грохотом погрузчиков. Первое время работа ее устраивала. Затем безобидные шуточки закончились, и капитан и майор начали все чаще переступать черту грязными намеками и непристойными жестами. Каллан ни в коей мере не была стыдливой фиалкой, и все же постоянные издевки и чересчур смелые мужские руки, лезущие туда, куда не следовало, привели ее в кабинет Ричера.

Уволившись из армии, Каллан уехала во Флориду, в небольшой городок на побережье Атлантики в сорока милях севернее того места, где цены начинают круто задираться вверх. Там она вышла замуж, там она развелась, там прожила еще год и умерла. В папке была масса записей и фотографий, объясняющих «где», но почти ничего относительно «как». Каллан жила в современном одноэтажном доме, спрятавшемся под крышей, крытой оранжевой черепицей. На снимках, сделанных на месте преступления, не было видно никаких следов взлома ни окон, ни дверей, никакого беспорядка внутри. Лишь ванная комната, выложенная белой плиткой, ванна, наполненная зеленой краской, и плавающее в ней обмякшее тело.

Вскрытие не дало абсолютно никаких результатов. Краска, прочная и износостойкая, обладала молекулярной структурой, специально разработанной для того, чтобы цепко хвататься и глубоко проникать во все поверхности, на которые ее нанесут. Краской были покрыты все сто процентов наружной поверхности тела; она также просочилась в глаза, нос, рот и горло. Удаляя краску, патологоанатомы вынуждены были удалить и кожные покровы. Никаких признаков внешних телесных повреждений обнаружено не было. Токсикологический анализ дал отрицательный результат. В сердце не было найдено следов инъекции

фенола. Кровеносные сосуды не закупорены. Существует множество хитроумных способов лишить человека жизни, и флоридским патологоанатомам все они были известны, но тем не менее они не смогли обнаружить никаких признаков ни одного из них.

– Ну? – спросила Харпер.

Ричер пожал плечами.

– Насколько я помню, у нее были веснушки. После года, проведенного под солнцем Флориды, она должна была выглядеть очень хорошо.

– Она тебе нравилась.

Он кивнул.

– Она была отличной девчонкой.

Последняя треть папки была посвящена самым дотошным криминалистическим экспертизам, о которых Ричер когда-либо слышал. Анализы были в буквальном смысле микроскопические. Каждая пылинка, каждый волосок, бывшие в доме, были собраны с помощью пылесоса и подвергнуты доскональному исследованию. Однако никаких следов постороннего найти так и не удалось. Абсолютно никаких.

– Очень умный человек, – заметил Ричер.

Харпер ничего не ответила. Отодвинув папку с делом Каллан, Ричер раскрыл дело Кук. То же самое сжатое повествование. Единственное отличие заключалось в том, что Кук, судя по всему, с раннего детства была нацелена на армию. Ее отец и дед были военными, что, по мнению некоторых семейств, создает что-то вроде армейской аристократии. Кук очень быстро убедилась в том, что ее пол сильно мешает мечтам о карьере. В деле имелись указания на то, что ей неоднократно пришлось подавать заявления с просьбой зачислить ее в школу подготовки офицерского состава. Кук вынуждена была добиваться своего с боем.

В конце концов ей все же удалось закончить военное училище, и она начала службу вторым лейтенантом. Кук попала сразу же в управление стратегического планирования, где мозговитые люди просиживают штаны, рассчитывая на то, что когда наступит час испытаний, друзья останутся друзьями, а враги – врагами. Кук была произведена в первые лейтенанты и перевелась в штаб-квартиру НАТО в Брюссель, где завязала чересчур близкие отношения с одним полковником, своим начальником. Решив, что ее слишком долго не производят в капитаны, она пожаловалась на полковника.

Ричер очень хорошо помнил это дело. Никаких домогательств, по крайней мере, таких, которые пришлось вытерпеть Каллан, не было и в помине. Никто не щипал Кук за попку и не делал непристойных жестов промасленными стволами пистолетов. Но правила изменились, начальству запретили спать со своими подчиненными, поэтому полковника, начальника Кука, с позором выгнали из армии, и он размозжил себе голову выстрелом в рот. Кук также рассталась с армией и, вернувшись из Бельгии домой, поселилась в коттедже на берегу озера в Нью-Гемпшире, где ее в конце концов и обнаружили мертвой в ванне, заполненной застывающей краской.

Патологоанатомы и криминалисты Нью-Гемпшира рассказали приблизительно то же самое, что их коллеги из Флориды, – то есть, совершенно ничего. Фотографии и протоколы были другие, и в то же время такие же. Серый бревенчатый дом, окруженный деревьями, входная дверь без следов взлома, внутри никакого беспорядка, непритязательная ванная комната, в которой господствующее положение занимало густеющее зеленое содержимое ванны. Пролистав папку, Ричер закрыл и отодвинул ее.

– Что ты думаешь? – спросила Харпер.

– Я нахожу, что краска – это очень странно, – ответил Ричер.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Палка о двух концах, ты согласна? Краска уничтожает улики на трупе, что уменьшает риск, но ее транспортировка, напротив, существенно риск увеличивает.

– И еще краска – это очень характерная улика, – заметила Харпер. – Она выпячивает мотив убийства. И кричит о том, что убийца связан с армией. Краска является своеобразной перчаткой вызова.

– Ламарр утверждает, краска имеет большое значение с точки зрения психологии. По ее словам, убийца с ее помощью заявляет права армии на этих женщин.

Харпер кивнула.

– Да, именно для этого он заставляет жертвы снять штатскую одежду.

– Но если убийца настолько ненавидит этих женщин, что лишает их жизни, зачем ему предъявлять на них свои права?

– Не знаю. Проникнуть в мысли подобного маньяка очень трудно.

– Однако Ламарр считает, что она проникла в мысли убийцы, – возразил Ричер.

В последней из трех папок было дело Лорейн Стэнли. Ее судьба напоминала судьбу Каллан, но только все произошло совсем недавно. Стэнли была моложе. Она имела звание сержанта и занимала самую нижнюю ступень служебной лестницы на огромном военном складе в Юте. Стэнли была там единственной женщиной. Нападкам и издевательствам она стала подвергаться с самого первого дня. Ее профессиональная пригодность постоянно ставилась под вопрос. Однажды кто-то проник в ее комнату в казарме и похитил все форменные брюки. На следующее утро Стэнли пришлось явиться на службу в форменной юбке. Еще через день у нее украли все нижнее белье. Стэнли пришла на службу в юбке, под которой ничего не было надето. Лейтенант вызвал ее к себе в кабинет, заставил встать, широко раздвинув ноги, над зеркалом, положенным на пол, и учинил ей разнос за какую-то неразбериху в бумагах. Тем временем весь личный состав склада заглядывал якобы по каким-то делам в кабинет и любовался отражением в зеркале. Лейтенант отправился в тюрьму, а Стэнли, отслужив еще год, прожила некоторое время в полном одиночестве и умерла также в одиночестве в Сан-Диего, в маленьком бунгало, сфотографированном полицейскими фотографами со всех сторон, в котором калифорнийские патологоанатомы и криминалисты также не нашли абсолютно ничего.

– Сколько тебе лет? – вдруг спросил Ричер.

– Мне? – удивилась Харпер. – Двадцать девять. Я же тебе уже говорила. Это один из ЧЗВ.

– Ты из Колорадо, так?

– Из Аспена.

– Семья большая?

– Две сестры, брат.

– Старше или младше тебя?

– Все старше. Я в семье младшая.

– Родители?

– Папа фармацевт, мама ему помогает.

– Когда ты была маленькой, вы выезжали в отпуск всей семьей?

Харпер кивнула.

– Ну конечно. Большой каньон, пустыня Пейнтед и все такое. Однажды мы жили в палатках в Йеллоустоунском национальном парке.

– И вы всюду добирались сами, так?

Она снова кивнула.

– Разумеется. Микроавтобус, набитый детьми и вещами, счастливая фамилия. А зачем ты все это спрашиваешь?

– И что тебе запомнилось о дорогах?

Молодая женщина скорчила гримасу.

– Они были бесконечными.

– Вот именно.

– Что вот именно?

– Мы живем в очень большой стране.

– Ну и?

– Каролину Кук убили в Нью-Гемпшире, три недели спустя Лорейн Стэнли была убита в Сан-Диего. На самом противоположном конце страны, верно? По шоссе три с половиной тысячи миль, может быть, и больше.

– Разве убийца ездит на машине?

Ричер кивнул.

– Ему нужно возить сотни галлонов краски.

– А может быть, у него где-то склад.

– Это лишь еще больше все ухудшит. Если только этот склад не находится на прямой, соединяющей Нью-Гемпшир, то место, где находится убийца,*и*южную Калифорнию, ему еще придется делать крюк. Так что расстояние увеличится. Значительно.

– Ну и?

– Итого, ему пришлось проехать три, а то и четыре тысячи миль, и потом еще наблюдать за домом Лорейн Стэнли. Можно было это сделать за одну неделю?

Харпер нахмурилась.

– То есть, семьдесят часов в пути со скоростью пятьдесят пять миль в час.

– Но он не сможет держать такую скорость. Ему придется проезжать через города. Где-то ремонтируют дороги, где-то пробки. А максимальную скорость он не может нарушать. Такой предусмотрительный преступник не может рисковать тем, что какой-нибудь дорожный полицейский начнет обнюхивать его машину. В наши дни сотни галлонов камуфляжной краски обязательно вызовут подозрение, ты согласна?

– Ну тогда сто часов в пути.

– Не меньше. Плюс день или два на то, чтобы следить за домом. То есть, если добавить на сон, на отдых и на еду, получается больше недели. Дней десять – одиннадцать. А то и двенадцать.

– Ну и?

– А ты сама скажи.

– Значит, убийца не работает по графику две недели через одну.

Ричер кивнул.

– Не работает.

* * *

Выйдя на улицу, они обошли здание, в котором размещалась столовая. Погода наконец установилась той, какой должна быть осенью. Воздух стал теплее на десять градусов, но все равно оставался прохладным. Под ясным голубым небом зеленели лужайки. Сырость исчезла, и деревья на соседних деревьях казались сухими и более светлыми.

– Мне хочется остаться на улице, – заметил Ричер.

– Тебя ждет работа, – возразила Харпер.

– Я уже прочитал все эти чертовы папки. Перечитывать их заново бессмысленно. Мне нужно хорошенько все осмыслить.

– На улице тебе думается лучше?

– Как правило.

– Ну хорошо, пошли в тир. Мне нужно подготовиться к зачету по стрельбе из пистолета.

– Разве ты его до сих пор не сдала?

Она улыбнулась.

– Разумеется, сдала. Но нам нужно пересдавать зачет каждый месяц. Таковы правила.

По дороге они доели захваченные в столовой бутерброды. В открытом тире было по-воскресному тихо. Тир представлял из себя пространство размером с хоккейную площадку, с трех сторон окруженное высокими земляными валами. Железобетонные заборы высотой по плечо разбивали тир на шесть отдельных огневых полос, которые заканчивались стендами с мишенями. Мишени из плотной бумаги были натянуты на железные рамки. На каждой мишени был изображен пригнувшийся преступник, вокруг сердца которого расходились концентрические окружности. Харпер заглянула к ответственному за тир, и он выдал ей пистолет с шестью патронами в обойме и две пары наушников.

– Ваша огневая полоса номер три.

Третья полоса находилась в центре. По бетонному полу проходила жирная черная полоса.

– Семьдесят пять футов, – объяснила Харпер.

Встав у полосы, она надела наушники. Взяла пистолет обеими руками и подняла его. Расставила ноги, чуть согнула колени. Подала бедра вперед, отвела плечи назад. Харпер выпустила все шесть пуль одним непрерывным потоком, выдерживая между выстрелами паузу в полсекунды. Ричер следил за напрягшимися сухожилиями на ее руках. При каждом нажатии на спусковой крючок дуло пистолета чуть дергалось вверх.

– Готово, – объявила молодая женщина.

Ричер вопросительно посмотрел на нее.

– Это означает, что ты можешь идти за мишенью, – объяснила она.

Ричер ожидал увидеть все шесть пуль расположенными на одной вертикальной линии длиной приблизительно в фут, и, дойдя до конца огневой полосы, именно это он и обнаружил. Два отверстия были прямо в сердце, два в следующем круге, и еще два в круге, соединяющем горло и живот. Сняв мишень с рамки, Ричер вернулся к черте.

– Две пятерки, две четверки и две тройки, – сказала Харпер. – Двадцать четыре очка. Зачет я сдала бы, но на самой грани.

– Тебе надо больше использовать левую руку, – сказал Ричер.

– Как?

– Полностью перенеси на нее вес пистолета, а правой только нажимай на спусковой крючок.

Она посмотрела на него.

– Покажи.

Ричер подошел к ней сзади вплотную и вытянул левую руку. Харпер подняла пистолет одной правой рукой, и Ричер обхватил ее пальцы своими.

– Расслабь руку, – сказал он. – пистолет буду держать я.

У него были длинные руки, но и у нее тоже. Харпер отпрянула назад, прижимаясь спиной ему к груди. Ричер подался вперед. Положил подбородок ей на плечо. От ее волос пахло очень хорошо.

– Так, пусть пистолет плавает у меня в руке.

Харпер пару раз щелкнула курком по пустому патроннику. Пистолет оставался неподвижным как скала.

– А так лучше, – заметила она.

– Сходи за патронами.

Оторвавшись от него, молодая женщина сходила к кабинке ответственного и вернулась с новой обоймой, в которой также было шесть патронов. Ричер перешел на следующую огневую полосу, где висела свежая мишень. Присоединившись к нему, Харпер оперлась на него спиной и подняла пистолет. Ричер взял его левой рукой, принимая на себя весь его вес. Харпер откинулась на него. Выстрелила дважды. На мишени появились два отверстия, где-то в дюйме друг от друга, оба в центральном круге.

– Вот видишь? Всю работу должна делать левая.

– Похоже на политическое заявление.

Она оставалась в том же положении, откинувшись назад на Ричера. Он чувствовал, как расширяется и сжимается в такт дыханию ее грудная клетка. Наконец Ричер отступил назад, и Харпер попробовала обойтись без его помощи. Два выстрела, один за другим. Стреляные гильзы со звоном упали на бетон. В центральном круге появились еще два отверстия. Итого четыре отверстия, плотной кучкой, которую можно было бы накрыть визитной карточкой.

Харпер кивнула.

– Хочешь два последних патрона?

Она протянула ему пистолет, рукояткой вперед. Это был «ЗИГ-зауэр», такой же, какой Ламарр держала приставленным к виску Ричера всю дорогу до Манхэттена. Ричер отвернулся спиной к мишени, взвешивая

пистолет в руке. Затем вдруг резко развернулся и выпустил две пули, по одной в каждый глаз мишени.

– Вот как это сделал бы я, – сказал он. – Если бы я был бы на кого-нибудь очень зол, я поступил бы именно так. Я не стал бы возиться с ванными и двадцатью галлонами краски.

* * *

На обратном пути в библиотеку они встретили Блейка. Тот выглядел одновременно рассеянным и взволнованным. У него на лице было написано беспокойство. Судя по всему, возникли новые проблемы.

– Отец Ламарр умер, – сказал Блейк.

– Отчим, – поправил Ричер.

– Как бы то ни было. Он умер, сегодня рано утром. Сюда звонили из больницы Спокана. Сейчас буду звонить Джулии домой.

– Передайте наши соболезнования, – сказала Харпер.

Рассеянно кивнув, Блейк пошел дальше.

– Ему следовало бы отстранить ее от дела, – сказал Ричер.

Харпер кивнула.

– Возможно, и следовало бы, но он на это не пойдет. Впрочем, и Джулия не согласится. Работа для нее все.

Ричер ничего не ответил. Харпер открыла дверь и провела его обратно в помещение с дубовыми столами, кожаными креслами и папками. Сев за стол, Ричер взглянул на часы. Двадцать минут четвертого. Если повезет, еще два часа дремоты – и он поужинает и ускользнет в уединение своей комнаты.

* * *

Как оказалось, ему все же пришлось провести в библиотеке три часа. Причем Ричер не дремал. Сначала он сидел, уставившись в пустоту, и напряженно думал. Харпер обеспокоенно следила за ним. Затем Ричер разложил папки на столе – дело Каллан в правый нижний угол, дело Стэнли в левый нижний, дело Кук в правый верхний, и долго разглядывал их, снова анализируя вопрос географии.

– Ну как, есть прогресс? – не выдержав, спросила Харпер.

– Мне нужен список этих девяносто одной женщины.

– Хорошо.

Она ушла. Ричер закрыл глаза, наслаждаясь теплом и тишиной. Наконец Харпер вернулась. Открыв глаза, он увидел, что она стоит рядом с ним, протягивая еще одну толстую синюю папку.

– Карандаш, – сказал Ричер.

Порывшись в ящике стола, Харпер нашла карандаш. Катнула его Ричеру. Тот раскрыл новую папку и погрузился в чтение. Первой в нем была распечатка из министерства обороны, четыре скрепленных листа. Девяносто одна фамилия, в алфавитном порядке. Некоторые из них были Ричеру знакомы. Он нашел в списке Риту Симеку, ту женщину, о которой он говорил Блейку. Она шла непосредственно перед Лорейн Стэнли. Далее шел список адресов, полученных через управление медицинского страхования. Как оказалось, Симека жила в Орегоне. Затем следовала пухлая стопка дополнительной информации: послужные списки, сведения о деятельности после увольнения из армии. В одних случаях данные были подробными, в других самыми общими, однако, все же достаточными для предварительных заключений. Листая папку взад и вперед, Ричер погрузился в работу, и через двадцать минут подсчитал, сколько отметок он поставил.

– Женщин было всего одиннадцать, – сказал он. – Не девяносто одна.

– Да? – удивилась Харпер.

Он кивнул.

– Одиннадцать. То есть, осталось восемь, а не восемьдесят восемь.

– Почему ты так решил?

– Причин много. Во-первых, девяносто одна жертва – это абсурд. Кто может всерьез поставить перед собой такую цель? Пять лет с четвертью. В это нельзя поверить. Такой умный человек сократит список до какого-нибудь разумного значения, например, до одиннадцати.

– Но каким образом?

– Ограничившись только тем, что осуществимо. Выделив подкатегорию. Что еще общего у Каллан, Кук и Стэнли?

– Что?

– Все они были одинокими. Определенно и бесспорно одинокими. Не замужем или разведены, жили в отдельных домах в пригородах или за городом.

– А это так важно?

– Ну конечно же! Только задумайся о способе убийства. Преступнику требуется тихое, уединенное, изолированное место. Где никто ему не помешает. Где не будет случайных свидетелей. Начнем с того, что ему нужно пронести в дом такое количество краски. А теперь посмотри на список. В нем есть женщины замужние, имеющие маленьких детей, живущие с семьей, с родителями, живущие в многоквартирных домах и кондоминиумах, на фермах, женщины, которые учатся в колледжах. Но убийце нужны только те, кто живет один, в отдельном доме.

Харпер покачала головой.

– На самом деле, таких женщин гораздо больше одиннадцати. Мы провели исследование. Кажется, таких больше тридцати. Около трети.

– Но, как ты сама признала, вам для этого пришлось проводить исследования. А я имею в виду тех женщин, про которых можно сказать*сразу*, что они живут одни, в уединенном месте. Потому что мы должны исходить из того, что для убийцы никто исследования проводить не будет. Он работает в одиночку, тайно. И ему приходится принимать решения, исходя только из этого списка.

– Но это же*наш*список.

– Необязательно. У убийцы есть такой же. Вся эта информация поступила к вам прямиком из военного ведомства, так? Убийца получил этот список раньше вас.

* * *

В сорока трех милях к северо-востоку от центра ФБР в точности такой же список лежал на полированном столе в небольшом кабинете без окон, спрятавшемся в полумраке внутренних помещений Пентагона. Список был выполнен с помощью более новой модели «Ксерокса», но в остальном он был полностью идентичен тому, которым располагал Ричер. В нем присутствовали все те же страницы. И в списке было одиннадцать отметок, против одиннадцати фамилий. Но только не торопливых пометок карандашом, какие нацарапал Ричер, а аккуратных линий, проведенных под фамилиями чернильной ручкой по линейке со специальной вставкой, чтобы чернила не затекали под линейку.

Три из подчеркнутых фамилий были перечеркнуты второй линией.

Список удерживали на столе руки хозяина кабинета, облаченные в форменный мундир. Левая держала линейку. В правой была ручка. Левая уложила линейку строго на горизонтальную линию, которой была подчеркнута четвертая фамилия. Затем передвинула ее чуть выше, на саму фамилию. Правая рука провела ручкой, перечеркивая фамилию жирной линией. Перо оторвалось от бумаги.

* * *

– Так что же нам делать? – спросила Харпер.

Откинувшись назад, Ричер снова закрыл глаза.

– По-моему, вы должны рискнуть, – сказал он. – Установить за оставшимися восемью женщинами круглосуточное наблюдение, и, думаю, через шестнадцать дней убийца сам шагнет вам в руки.

– Чертовски большой риск, – неуверенно произнесла Харпер. – Все чересчур натянуто. Ты строишь догадки о том, что подумает убийца, изучив этот список.

– Считается, что я должен думать так, как он. Так что ему должны прийти в голову те же самые мысли, правильно?

– А если ты ошибаешься?

– Ну а вы что предлагаете? У вас есть какой-либо прогресс?

Молодая женщина продолжала колебаться.

– Ну хорошо. Согласна, что твоя теория достаточно обоснованная. И стоит присмотреться к ней поближе. Но, может быть, об этом уже подумали?

– Волков бояться – в лес не ходить, так?

Харпер ответила не сразу.

– Ну хорошо, завтра же утром надо будет переговорить с Ламарр.

Ричер открыл глаза.

– Ты думаешь, она еще будет здесь?

Харпер кивнула.

– Будет.

– Разве она не уедет на похороны отца?

Харпер снова кивнула.

– Похороны, разумеется, будут. Но Джулия на них не поедет. Ради такого дела она пропустит*свои собственные*похороны.

– Хорошо, но говорить будешь ты. И говори с Блейком. Не втягивай Ламарр.

– Почему?

– Потому что ее сестра живет уединенно, ты забыла? Так что теперь риск для нее увеличился до одного к восьми. Блейк должен будет отстранить ее от дела.

– Если он согласится с тобой.

– Должен будет.

– Возможно, он и согласится. Но Джулию он не отстранит.

– Должен будет.

– Возможно, но он этого не сделает.

Ричер пожал плечами.

– В таком случае можешь не трудиться и ни о чем ему не говорить. Я здесь лишь напрасно трачу время. Ваш Блейк идиот.

– Не говори так. Ты должен нам помогать. Подумай о Джоди.

Снова закрыв глаза, Ричер подумал о Джоди. Он думал о ней долго.

– Пошли ужинать, – наконец сказала Харпер. – А потом я пойду разговаривать с Блейком.

* * *

В сорока трех милях к северо-востоку от них мужчина в форме долго смотрел на список. У него на лице было выражение человека, который медленно продвигается вперед в решении сложной задачи. Вдруг раздался стук в дверь.

– Подождите, – ответил мужчина.

Положив линейку на стол, он закрыл ручку колпачком и убрал ее в карман. Закрыл список, убрал его в ящик стола и придавил книгой. Библией в переводе короля Иакова, в черном кожаном переплете. Положив на библию линейку, мужчина задвинул ящик. Достал из кармана ключ и запер его. Убрал ключ в карман, уселся поудобнее и поправил китель.

– Войдите, – окликнул он.

Открылась дверь. Капрал вошел в кабинет и козырнул.

– Господин полковник, машина подана.

– Благодарю вас, капрал, – ответил полковник.

* * *

Небо над Квантико оставалось чистым, но вечерняя свежесть стремительно сменялась ночным холодом. С востока, из-за зданий

наползала темнота. Ричер и Харпер быстро шли к столовой, и вслед на ними вдоль дорожки зажигались фонари, словно они замыкали контакты. Они поужинали вдвоем, за столиком на двоих в другом конце зала. Затем вышли на улицу и в кромешной темноте вернулись к главному зданию. Поднялись на лифте, и молодая женщина своим ключом отперла дверь.

– Благодарю за совет, – сказала она.

Ричер ничего не ответил.

– И спасибо за наставление по стрельбе.

Он кивнул.

– Всегда пожалуйста.

– Очень хорошая техника.

– Ее мне показал один старый главный сержант.

Харпер улыбнулась.

– Нет, я имела в виду не технику стрельбы. Технику наставления.

Ричер снова кивнул, вспоминая прикосновение ее спины к своей груди, ее ягодицы, прижатые к своим бедрам, ее волосы, запах.

– По-моему, показывать всегда лучше, чем просто объяснять, – сказал он.

– Ничего не могу возразить, – ответила Харпер.

Она закрыла дверь. Ричер услышал, как ее шаги затихли в коридоре.

## Глава 14

Он проснулся рано, когда еще не рассвело. Постоял у окна, завернутый в полотенце, уставившись в темноту. Снова похолодало. Ричер побрился и принял душ. Бутылочка шампуня, которую выделило ему Бюро, уже была наполовину пустая. Он оделся, стоя рядом с кроватью. Достал из шкафчика плащ и надел его. Заглянул в ванную и убрал зубную щетку во внутренний карман. На тот случай, если сегодня будет тот самый день.

Усевшись на кровать, Ричер укутался в плащ, спасаясь от холода, и стал ждать Харпер. Но когда ключ повернулся в замочной скважине и дверь распахнулась, за ней стоял не Харпер, а Пултон. Он старался сохранить на своем лице совершенно равнодушное выражение, и в душе у Ричера шевельнулась торжествующая надежда.

– Где Харпер? – спросил он.

– Ее отстранили от дела.

– Она говорила с Блейком?

– Да, вчера вечером.

– И?

Пултон пожал плечами.

– И ничего.

– Вы не придаете никакого значения моей теории?

– Ты здесь не для того, чтобы выдвигать теории.

Ричер кивнул.

– Ну хорошо. Завтрак готов?

Пултон тоже кивнул.

– Естественно.

Поднимающееся на востоке солнце окрасило небо. Облаков не было. Сырости тоже. Ветер утих. Ричер насладился прогулкой в предрассветном полумраке. В лагере снова царило оживление. Утро понедельника, начало новой недели. Блейк сидел на обычном месте, за столиком у окна. Рядом с ним сидела Ламарр. Вместо обычной кремовой на ней была черная блузка. Чуть выцветшая, словно ее неоднократно стирали. На столе были кофейник, кружки, молочник и сахарница, и вазочка с пончиками. Но газет не было.

– Я узнал печальную новость, пришедшую из Спокана, – сказал Ричер. – Прими мои соболезнования.

Ламарр молча кивнула.

– Я предложил ей взять небольшой отпуск, – вставил Блейк. – Она имеет полное право.

Ричер посмотрел на него.

– Передо мной можешь не объясняться.

– В разгар жизни мы на пороге смерти, – грустно произнесла Ламарр. – Здесь эту истину постигаешь особенно быстро.

– Ты не поедешь на похороны?

Взяв ложечку, Ламарр уравновесила ее на пальце. Посмотрела на нее.

– Элисон мне не звонила, – сказала она. – Я даже не знаю, когда похороны.

– А ты сама ей не звонила?

Она пожала плечами.

– Мне показалось, этим я вторглась бы в ее горе.

– По-моему, Элисон с этим не согласилась бы.

Ламарр пристально посмотрела на него.

– Но мне просто так показалось.

Наступила тишина. Перевернув чашку, Ричер налил кофе.

– Пора приниматься за работу, – сказал Блейк.

– Моя теория тебе не понравилась? – спросил Ричер.

– Это не теория, а лишь предположение, – возразил Блейк. – Догадки можно строить сколько угодно. Но мы не можем отвернуться от восьмидесяти женщин только потому, что нам нравится гадать на кофейной гуще.

– А разве для них будет какая-то разница? – спросил Ричер.

Отпив кофе, он недоверчиво посмотрел на пончики. Они были сморщенными и черствыми. Вероятно, остались с субботы.

– Значит, вы не придаете моим словам никакого значения? – снова спросил Ричер.

Блейк пожал плечами.

– Я над ними подумал.

– Подумай еще. Потому что следующая убитая женщина окажется из того списка, который составил я, и это ляжет на твои плечи.

Блейк ничего не ответил. Ричер отодвинул стул.

– Мне эти пончики совсем не нравятся, – сказал он. – Пойду схожу за оладьями.

Прежде чем кто-либо успел возразить, Ричер встал из-за стола и направился через зал. Остановился у первого же столика, на котором лежала «Нью-Йорк таймс». Одинокий мужчина, сидевший за столиком, читал раздел спорта. Отложив первую часть газеты. Ричер ее взял. Заметка, которую он ждал, была на первой странице, сразу под сгибом.

– Вы ничего не имеете против? – спросил он.

Мужчина, поглощенный спортом, кивнул, не поднимая голову. Сунув газету под мышку, Ричер прошел к раздаче. Наложил себе стопку оладий и восемь ломтей бекона. Обильно полил оладьи вареньем. Ему нужно набраться сил. Впереди долгий путь, и, скорее всего, по крайней мере первую его часть предстоит идти пешком.

Вернувшись к столику у окна, Ричер неловко присел, чтобы поставить тарелку, не пролив сироп, и не выронить газету. Бросив газету перед собой на стол, он принялся за еду. Затем притворился, что заметил заголовок.

– О, вы только посмотрите! – воскликнул Ричер с набитым ртом.

Статья была озаглавлена «Вспышка бандитских разборок в Нижнем Манхэттене оставила шесть убитых». В ней рассказывалось о коротком и жестоком столкновении в борьбе за сферы влияния между двумя группировками рэкетиров, китайской и сирийской. Обе стороны применили огнестрельное оружие и ножи. Счет трупов оказался четыре на два в пользу китайцев. Среди четверых убитых с сирийской стороны был предполагаемый предводитель группировки, некий Алмар Петросян. В статье приводились выдержки из официальных заявлений полиции и ФБР, а также краткий рассказ о столетней истории нью-йоркского рэкета и противостоянии различных этнических преступных группировок, зарабатывающих на этом виде деятельности миллиарды долларов.

– Вы только посмотрите! – повторил Ричер.

Блейк и его подручные уже знали обо всем. Это было очевидно. Они отвернулись. Блейк уставился в окно на разрастающуюся полоску рассвета. Пултон не отрывал взгляда от глухой стены. Ламарр по-прежнему внимательно изучала ложечку.

– Козо уже все подтвердил? – спросил Ричер.

Никто ему не ответил, что было равносильно «да». Ричер улыбнулся.

– Жизнь – стервозная штучка, вы не согласны? – спросил он. – Вы держали меня на крючке, и вдруг этого крючка больше нет. Судьба выкидывает забавные фокусы, правда?

– Судьба, – повторил Блейк.

– Так что давайте выложим все начистоту, – продолжал Ричер. – Харпер отказалась играть роль роковой женщины, а теперь, после смерти старика Петросяна, у вас больше не осталось карт. К тому же, вы все равно упорно не желаете прислушиваться к моим словам, так что нет никаких причин, которые помешали бы мне просто встать и уйти отсюда, верно?

– На самом деле, таких причин масса, – буркнул Блейк.

Наступила тишина.

– Ни одна из них не является достаточно убедительной, – сказал Ричер.

Он снова встал из-за стола. Никто не попытался его остановить. Ричер вышел из столовой, распахнул стеклянные двери и шагнул на утреннюю прохладу. Направился к контрольно-пропускному пункту.

* * *

Он дошел до будки часового. Поднырнул под шлагбаум и бросил свое удостоверение на дорогу. Направился в сторону лагеря морской пехоты. Ричер шел прямо по разделительной линии и через полмили дошел до первой поляны. Скопище армейских машин и несколько притихших людей, выжидательно следящих за ним. Ричер прошел мимо. Никто его не остановил. Пешком здесь не ходили, однако это не было запрещено. Через тридцать минут после того, как Ричер вышел из столовой, он дошел до второй поляны. Прошел мимо и направился дальше.

Еще через пять минут он услышал за спиной шум машины. Остановился, развернулся и стал ждать. Машина остановилась рядом с ним, так, чтобы не слепить фарами. Ричер разглядел за рулем Харпер, как и ожидал. Она была одна. Поравнявшись с ним, она опустила стекло.

– Привет, Ричер, – сказала Харпер.

Он молча кивнул.

– Хочешь, подвезу?

– Вперед или обратно?

– Куда скажешь.

– Если ничего не имеешь против, до шоссе И-95. В сторону севера.

– Поедешь на попутных?

Ричер кивнул.

– У меня нет денег на самолет.

Он сел в машину. Харпер плавно тронулась с места. Она была во втором костюме, с распущенными волосами. Рассыпавшимися по плечам.

– Тебе приказали вернуть меня? – спросил Ричер.

Она покачала головой.

– Блейк решил, что от тебя все равно нет никакого толка. «Никакого полезного участия» – вот его слова.

Ричер усмехнулся.

– Полагается, что теперь я должен вскипеть в негодовании, ракетой вернуться назад и доказать, как Блейк ошибался?

Молодая женщина улыбнулась.

– Что-то в таком духе. Они минут десять обсуждали, как к тебе лучше подойти. Наконец Ламарр предложила воззвать к твоему самолюбию.

– Только такие мысли и могут прийти в голову психологу, который в колледже обучался декоративному садоводству.

– Наверное.

Они проехали по петляющей дороге через лес, затем мимо последней поляны морской пехоты.

– Но Блейк прав, – сказал Ричер. – Я ничем не могу вам помочь. Этого типа никто никогда не поймает. Он слишком умен. По крайней мере, слишком умен для меня, черт побери.

Харпер снова улыбнулась.

– Настал твой черед заняться психологией? Ты хочешь уехать отсюда с чистой совестью?

Он покачал головой.

– У меня совесть всегда чиста.

– И насчет Петросяна тоже чиста?

– А при чем тут Петросян?

– Чертовское совпадение, ты не находишь? Тебе угрожают Петросяном, и через три дня его нет в живых.

– Судьба.

– Да, судьба. Знаешь, я ведь никому не говорила о том, что весь тот день просидела*рядом*с кабинетом полковника Трента?

– Почему?

– Прикрывала свою задницу.

Ричер пристально посмотрел на нее.

– А какое отношение имеет к этому кабинет Трента?

Харпер пожала плечами.

– Не знаю. Но мне очень не нравятся совпадения.

– Знаешь, время от времени они все же происходят.

– В Бюро никому не нравятся совпадения.

– И?

Она снова пожала плечами.

– Так что Блейк и Ламарр будут копать. И, возможно, в конечном счете тебе же будет хуже.

Ричер усмехнулся.

– Начинается вторая фаза подхода ко мне?

Харпер улыбнулась, и тотчас же ее улыбка взорвалась в смех.

– Да, вторая фаза. Всего их еще осталось около десяти. Среди них есть весьма неплохие. Хочешь услышать обо всех?

– Да нет. Я все равно не вернусь. Меня никто не слушает.

Кивнув, Харпер поехала дальше. Остановившись на пересечении с автомагистралью, она поднялась по развязке и повернула на север.

– Я довезу тебя до следующего перекрестка, – объяснила Харпер. – Здесь не ездит никто кроме наших, а они тебя не подвезут.

Ричер кивнул.

– Спасибо.

– Джоди вернулась домой, – продолжала она. – Я звонила Козо. Судя по всему, его люди наблюдали за ее квартирой. Джоди была в отъезде. Вернулась сегодня утром, приехала на такси. Скорее всего, из аэропорта. Похоже, сегодня она весь день проведет дома.

Ричер улыбнулся.

– Отлично. Теперь я уже точно сюда не вернусь.

– Знаешь, нам правда нужна твоя помощь.

– Меня никто не хочет слушать.

– А ты должен заставить себя слушать.

– Это третья фаза?

– Нет, это уже я говорю от себя.

Ричер долго молчал. Наконец кивнул.

– Так почему же меня не хотят слушать?

– Быть может, гордость? – предположила Харпер.

– Без помощи Блейку не обойтись, – продолжал он. – Это точно. Но только я ему ничем не помогу. Это не в моих силах. И у меня нет полномочий.

– Каких?

– Чтобы отобрать у него дело. Блейк и Ламарр только даром теряют время на эту чушь с психологическими портретами. Она их никуда не приведет. Им надо заняться уликами.

– Никаких улик нет.

– Нет, есть. Во-первых, то обстоятельство, что убийца чрезвычайно умен. Далее, краска, география, то, как бесшумно совершаются преступления. Это всё улики. И надо над ними работать. Они должны что-то означать. Нельзя начинать с мотива.

– Я это передам.

Свернув с шоссе, Харпер остановилась на перекрестке.

– У тебя никаких неприятностей не будет? – спросил Ричер.

– За то, что я тебя подбросила? Возможно, будут.

Он промолчал. Харпер улыбнулась.

– Это была десятая фаза. Не беспокойся, со мной все будет в порядке.

– Надеюсь, – сказал Ричер и вышел из машины.

Оставшись на месте, он проводил взглядом, как Харпер нырнула под мост, разворачиваясь, и поехала на юг.

* * *

Мужчина шести футов пяти дюймов роста и двухсот тридцати фунтов веса, голосующий на обочине, едва ли может рассчитывать на то, что его согласится подвезти первая же машина. Женщины просто не останавливались, поскольку его вид внушал им страх. Мужчины были ненамного храбрее. Но Ричер принял душ и побрился, и его одежда была скромной. Это несколько улучшило его шансы. На шоссе было достаточно рослых, уверенных в своих силах водителей-дальнобойщиков, поэтому уже через семь часов он был в Нью-Йорке.

Большую часть этих семи часов Ричер молчал, отчасти потому, что в кабинах грузовиков слишком шумно для разговора, отчасти потому, что

у него не было настроения болтать. Старый демон скитаний снова нашептывал ему на ухо: «И куда ты направляешься? – Назад к Джоди, разумеется. – Ну да, умник, но что тебя ждет кроме нее? Что, черт побери? Работа в садике за домом? Покраска стен и ремонт электропроводки?» Ричер сидел рядом с водителями, чувствуя, как улетучивается мимолетное ощущение свободы. Усилием воли он заставлял себя не думать об этом, и в конце концов ему это вроде бы удалось. Из Нью-Джерси до Гринвич-Вилледжа его подвозил грузовик с овощами. Прогрохотав по тоннелю Холланд, машина остановилась. Ричер вышел и последнюю милю прошел по Бродвею пешком, до самого дома Джоди, сосредоточившись только на своем страстном желании снова увидеть ее.

У него был собственный ключ от подъезда. Поднявшись на лифте, Ричер постучал в дверь. Глазок на мгновение потемнел, затем снова стал светлым, и дверь распахнулась. В прихожей стояла Джоди, в джинсах и рубашке, высокая, стройная и полная жизненных сил. Ричер никогда в жизни не видел более прекрасной женщины. Однако сейчас Джоди не улыбалась.

– Привет, Джоди, – сказал он.

– На кухне сидит агент ФБР, – ответила она.

– Что он там делает?

– Что он там делает? – переспросила Джоди. – Это я у тебя хотела спросить.

Ричер прошел следом за ней на кухню. Сотрудник Бюро оказался невысоким молодым парнем с бычьей шеей. Синий костюм, белая рубашка, галстук в полоску. Он держал в руке сотовый телефон и кому-то докладывал о появлении Ричера.

– Что вам нужно? – спросил тот.

– Сэр, я хочу, чтобы вы подождали здесь, – ответил агент. – Минут десять, пожалуйста.

– Что все это значит?

– Вы все скоро узнаете. Десять минут, не больше.

Ричеру захотелось уйти, просто из чувства противоречия, но Джоди села. У нее на лице появилось что-то среднее между беспокойством и раздражением. На столе валялась раскрытая «Нью-Йорк таймс». Ричер взглянул на газету.

– Ну хорошо, – сказал он. – Десять минут.

Он тоже сел. Все ждали молча. Ждать пришлось не десять, а, скорее, пятнадцать минут. Затем зазвонил домофон, и агент ФБР снял трубку. Открыв дверь в подъезд, он вышел в прихожую. Джоди продолжала сидеть, неподвижная и равнодушная, гостья в своей собственной квартире. Послышался вой лифта. Кабина остановилась. Открылась входная дверь квартиры. Раздались шаги по кленовому паркету.

На кухню вошел Алан Дирфильд. Он был в темном плаще с поднятым воротником. Его движения были резкими; грязные ботинки громко скрипели.

– В моем городе убиты шесть человек, – начал Дирфильд. Увидев на столе «Таймс», он подошел к нему и сложил газету так, чтобы стал виден заголовок на первой полосе. – Поэтому, естественно, у меня есть пара вопросов.

Ричер спокойно посмотрел ему в лицо.

– Каких же?

Дирфильд спокойно выдержал взгляд.

– Деликатных.

– Так задавайте их.

Дирфильд кивнул.

– Первый вопрос у меня к мисс Джекоб.

Джоди неуютно заерзала. Не поднимая головы.

– Какой вопрос?

– Где вы были в течение последних нескольких дней?

– Я уезжала из города, – сказала она. – По делам.

– Уезжали из города?

– В Лондон. На встречу с клиентом.

– Лондон – это в Англии?

– А какие еще бывают Лондоны?

Дирфильд пожал плечами.

– Лондон, штат Кентукки. Лондон, штат Огайо. Кажется, еще один Лондон есть где-то в Канаде. По-моему, в провинции Онтарио.

– Я была в том Лондоне, что в Англии, – уточнила Джоди.

– У вас есть клиенты в Англии?

Джоди продолжала упрямо смотреть в пол.

– Клиенты У нас есть везде. В первую очередь, в Лондоне, в Англии.

Дирфильд кивнул.

– Вы летали на «Конкорде»?

Джоди подняла взгляд.

– Раз уж об этом зашла речь – да.

– Быстро получается, да?

Джоди кивнула.

– Очень быстро.

– Но дорого.

– Наверное.

– Однако партнер процветающей фирмы может себе это позволить.

Джоди посмотрела на него.

– Я не партнер.

Дирфильд усмехнулся.

– Еще лучше, правда? «Конкордом» летит простой сотрудник, это что-то значит. Наверное, то, что вас любят. То, что очень скоро вы станете полноправным партнером. Если, конечно, не случится ничего непредвиденного.

Джоди ничего не ответила.

– Итак, вы были в Лондоне, – продолжал Дирфильд. – Ричер знал о том, что вы улетали в Англию, так?

Она покачала головой.

– Нет, я ему ничего не говорила.

Наступила пауза.

– Поездка была запланированной? – спросил Дирфильд.

Джоди снова покачала головой.

– Все решилось в последнюю минуту.

– И Ричер ничего не знал?

– Я вам только что это сказала.

– Отлично, – заключил Дирфильд. – Информация – великая сила.

– Я не обязана отчитываться перед ним в том, куда езжу.

Дирфильд усмехнулся.

– Я имел в виду не ту информацию, которую вы выдаете Ричеру. Я говорю о том, что я извлек из всего этого. Вот сейчас я выяснил, что Ричер понятия не имел, где вы находитесь.

– И что с того?

– Это должно было бы его беспокоить. И это действительно его беспокоило. Попав в Квантико, Ричер сразу же попытался связаться с вами по телефону. Позвонил на работу, домой, на сотовый. Вечером снова проделал то же самое. Он звонил, звонил, звонил, и никак не мог вас застать. Он очень беспокоился.

Джоди взглянула на Ричера. У нее на лице мелькнуло выражение тревоги, даже вины.

– Наверное, мне следовало обо всем его предупредить.

– Ну, это уже вам решать. Я не собираюсь учить вас, как налаживать взаимоотношения. Но вот что любопытно: затем Ричер перестал беспокоиться. Перестал вам звонить. Почему же? Ему стало известно, что вы находитесь в полной безопасности в Лондоне, в Англии?

Джоди начала было отвечать, но остановилась.

– Принимаю ваше молчание за отрицательный ответ, – продолжал Дирфильд. – Вы тревожились по поводу Петросяна, поэтому предупредили всех на работе молчать о том, где вы. Так что у Ричера были все основания считать, что вы по-прежнему находитесь в городе. Но внезапно он перестал беспокоиться. Ричер понятия не имеет, что вы в полной безопасности, потому что находитесь в Лондоне, в Англии; но, может быть, он знает, что вы в полной безопасности по какой-то другой причине, например, потому что ему известно: Петросяну недолго оставаться помехой.

Джоди снова уставилась в пол.

– Ричер человек умный, – сказал Дирфильд. – Я думаю, он свистнул какому-то своему дружку, чтобы тот выпустил в Чайнатауне лису в курятник, а сам стал спокойно ждать, пока китайские банды сделают то, что они обычно делают, когда кто-то лезет в их дела. И Ричер считает, что он остался в стороне. Он уверен, что мы никогда не отыщем его дружка, он не сомневается, что китайцы не побегут жаловаться к нам на

то, что их притесняют. И еще Ричер знает, что в тот момент, когда старина Петросян помимо своей воли чересчур близко познакомится с мачете, сам он будет сидеть взаперти в своей комнате в Квантико. Вот какой он умный.

Джоди молчала.

– Но Ричер чересчур самоуверен, – продолжал Дирфильд. – Он перестал пытаться связаться с вами за два дня до того, как Петросян сыграл в ящик.

На кухне наступила тишина. Дирфильд повернулся к Ричеру.

– Ну как, я попал в самую точку?

Ричер пожал плечами.

– Почему кто-то должен беспокоиться насчет Петросяна?

Дирфильд улыбнулся.

– О, разумеется, мы не можем ни о чем говорить вслух. Мы никогда не признаемся в том, что Блейк хоть словом обмолвился с вами об этом. Но, как я уже сказал мисс Джекоб, информация – великая сила. Я просто хочу быть на все сто процентов уверен в том, что именно произошло. Если это вы разворошили осиное гнездо, просто признайтесь в этом, и, возможно, я лишь похлопаю вас по плечу за отлично выполненную работу. Но если на самом деле все произошло совершенно случайно, нам необходимо об этом знать.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – сказал Ричер.

– Итак, почему вы перестали звонить мисс Джекоб?

– Это касается только меня.

– Нет, это касается всех, – возразил Дирфильд. – В первую очередь, это касается мисс Джекоб, я прав? И меня тоже. Так что расскажите мне все. И не спешите радоваться, Ричер, что вы уже выбрались из глухого леса. Несомненно, Петросян был тем еще мерзавцем, но его смерть по-прежнему остается убийством, и мы можем повесить на вас очень убедительный мотив, на основании того, что в тот вечер вас видели в переулке два заслуживающих доверия свидетеля. Можно будет предъявить обвинение в сговоре с неизвестными лицами. Если вести дело аккуратно, вы проведете в тюрьме два года, лишь дожидаясь судебного разбирательства. Быть может, присяжные в конце концов вас все же оправдают, но кто может знать наперед, что придет в голову присяжным?

Ричер ничего не ответил. Джоди встала.

– Мистер Дирфильд, немедленно покиньте эту квартиру, – сказала она. – Я все еще представляю интересы мистера Ричера, и здесь не место для подобных разговоров.

Медленно кивнув, Дирфильд огляделся вокруг, словно впервые заметив обстановку кухни.

– Да, разумеется, мисс Джекоб. Так что, вероятно, нам придется продолжить этот разговор в более подходящем месте. Возможно, завтра, возможно, на следующей неделе, возможно, в следующем году. Как правильно заметил мистер Блейк, нам известно, где вы живете.

Он развернулся. Песок на его ботинках громко захрустел в тишине. Его шаги удалились через гостиную; входная дверь открылась и захлопнулась.

– Значит, ты убрал Петросяна, – сказала Джоди.

– Я его даже пальцем не тронул, – возразил Ричер.

Она покачала головой.

– Эти отговорки оставь для ФБР, хорошо? Ты подстроил, организовал, спровоцировал его смерть – не знаю, как правильнее это назвать. Ты его убрал – это верно так же, как если бы ты сам выстрелил в него.

Ричер промолчал.

– А я предупреждала тебя не делать этого, – продолжала Джоди.

– Бюро ничего не сможет доказать.

– Неважно. Разве ты не понимаешь? Оно может*попробовать*доказать. И Дирфильд не шутил насчет двух лет за решеткой. Обвинение в бандитских разборках? Любой суд поддержит его обеими руками. Никаких освобождений под залог, постоянные переносы рассмотрения дела, прокурор будет потирать руки от радости. Это не пустая угроза. Ты у ФБР в руках. О чем я тебе уже говорила.

Ричер молчал.

– Зачем ты это сделал?

Он пожал плечами.

– По многим причинам. Сделать это нужно было обязательно.

Наступило длительное молчание.

– А мой отец согласился бы с тобой? – наконец спросила Джоди.

– Леон? – сказал Ричер. Его мысли вернулись к фотографиям из папки Козо. Свидетельствам творчества Петросяна. Снимки убитых женщин, уложенных в позы фотомоделей из модных журналов. Изувеченных, растерзанных. – Ты шутишь? Леон поддержал бы меня, не раздумывая ни секунды.

– И сделал бы то, что сделал ты?

– Скорее всего.

Джоди кивнула.

– Да, вероятно, ты прав. Но посмотри вокруг, хорошо?

– Что я должен увидеть?

– А что ты видишь?

Ричер огляделся.

– Квартиру.

– Мою квартиру, – кивнула она.

– Ну и?

– Я здесь родилась и выросла?

– Разумеется, нет.

– А где я выросла?

Он пожал плечами.

– Как и я, на военных базах, разбросанных по всему свету.

Где мы с тобой познакомились?

– Ты сама прекрасно это знаешь. В Маниле. На военной базе.

– Помнишь то бунгало?

– Конечно, помню.

Джоди кивнула.

– И я тоже помню. Крохотное, пропитанное вонью, и с тучами тараканов размером с ладонь. И знаешь что? Это было лучшее место, где я жила в детстве.

– И?

Она указала на свой кожаный чемоданчик, набитый юридическими бумагами.

– Что это?

– Твой чемоданчик.

– Совершенно верно. Не винтовка, не карабин, не огнемет.

– И что?

– А то, что теперь я живу в квартире в Манхэттене, а не на военной базе, и вместо стрелкового оружия ношу чемоданчик.

Ричер кивнул.

– Мне это прекрасно известно.

– А знаешь, почему?

– Полагаю, потому, что ты этого хочешь.

– Вот именно.*Потому что я этого хочу.*Я сделала сознательный выбор. Сама. Я выросла в армии, как и ты, и если бы захотела, могла, как и ты, стать военным. Но я не захотела. Я захотела учиться в университете, на юридическом факультете. Я захотела устроиться на работу в крупную фирму и со временем стать партнером. И почему?

– Почему?

– Потому что я хотела жить в мире, где правят законы.

– В армии законов предостаточно, – заметил Ричер.

– Это не те законы. Я мечтала о гражданских законах, Ричер. *Цивилизованных*законах.

– И что ты всем этим хочешь сказать?

– А то, что я много лет назад навсегда рассталась с армией и не хочу в нее возвращаться.

– Никто и не предлагает тебе вернуться в армию.

– Но с тобой мне начинает казаться, что я снова в армии. И даже*хуже*. Ты расправился с Петросяном? Я не желаю жить в мире, где действуют такие законы. И тебе это прекрасно известно.

– Так как же я должен был поступить?

– В первую очередь, ты не должен был ни во что вмешиваться. В тот самый первый вечер в ресторане ты должен был спокойно уйти и вызвать полицию. Вот как поступают здесь.

– Где здесь?

– В цивилизованном мире.

Ричер сел на табурет и положил руки на стол. Растопырил пальцы и прижал ладони. Крышка стола была холодной. Что-то вроде гранита, серого и блестящего, отшлифованного так, чтобы на поверхности сверкали крошечные искорки кварца. Углы аккуратно скруглены. Крышка имела в толщину около дюйма и, вероятно, стоила очень дорого. Ее место здесь, в цивилизованном мире, где человек готов работать сорок часов, сто, двести часов, а затем обменивать полученное за труд вознаграждение на предметы, которые, как ему кажется, сделают более красивой его кухню в дорогих отреставрированных зданиях на Бродвее.

– Почему ты перестал мне звонить? – спросила Джоди.

Ричер уставился на свои руки. Они лежали на полированном граните, словно обнажившиеся корни какого-то молодого деревца.

– Я решил, что ты в безопасности, – сказал он. – Где-то скрываешься.

– Ты решил, – повторила Джоди. – Но наверняка ты не знал.

– Я предположил. Я позаботился о Петросяне и решил, что ты позаботилась о себе. Я считал, мы достаточно хорошо знаем друг друга.

– Боевые товарищи, – тихо произнесла она. – Однополчане, майор и капитан, которым поручено ответственное и опасное задание, полностью полагаются на то, что каждый сделает свое дело до конца.

Он кивнул.

– Совершенно точно.

– Но я не капитан. Я нигде не служу. Я адвокат. Адвокат из Нью-Йорка, я одна и мне страшно, потому что я оказалась вовлечена в то, что мне совершенно чуждо.

– Извини.

– И ты тоже не майор, – продолжала Джоди. – Ты больше не майор. Ты гражданское лицо. Ты должен жить по гражданским законам.

Ричер снова кивнул. Ничего не ответив.

– И в этом главная проблема, так? – сказала Джоди. – Мы оба столкнулись с одной и той же проблемой. Ты втянул меня в то, что мне чуждо, и я втянула тебя в то, что чуждо тебе. Я имею в виду цивилизованный мир. Дом, машина, жизнь на одном месте, занятие обычными делами.

Ричер молчал.

– Наверное, это я во всем виновата, – продолжала она. – Я *так* стремилась ко всему этому. Господи, как я к этому стремилась! И мне очень нелегко признать, что тебе, возможно, все это*не нужно*.

– Мне нужна ты, – сказал Ричер.

Джоди кивнула.

– Знаю. А мне нужен ты. И тебе это тоже известно. Но нужна ли мне та жизнь, которую ведешь ты, и наоборот?

Демон скитаний в душе Ричера торжествующе завопил, словно болельщик, радующийся забитому мячу. «Она сказала это! Сама сказала это! Так что теперь вы можете говорить начистоту! Не тяни! Не упусти возможность! Высказывай все, что у тебя на душе!»

– Не знаю, – сказал он.

– Нам нужно это обсудить.

Но разговоры пришлось отложить на потом, потому что настойчиво запел звонок двери в подъезд, словно кто-то надавил на кнопку, не собираясь ее отпускать. Встав, Джоди прошла к домофону, открыла дверь и осталась ждать в гостиной. Ричер сидел на табурете за столом с гранитной столешницей, разглядывая сквозь растопыренные пальцы искрящиеся зерна кварца. Лифт остановился на этаже, открылась входная дверь. Послышались голоса, быстрые шаги по коридору. Джоди вернулась на кухню. Рядом с ней стояла Лиза Харпер.

**Глава 15**

Харпер по-прежнему была в своем втором костюме, ее волосы по-прежнему свободно ниспадали на плечи, но это было единственное сходство с тем, что видел Ричер при предыдущей встрече. От медлительного спокойствия не осталось и следа; оно уступило место лихорадочному напряжению. Глаза молодой женщины были красными и опухшими.

– В чем дело? – спросил Ричер.

– Убийца нанес новый удар.

– Где?

– В Спокане.

– Не может быть!

– Да. Убита Элисон Ламарр.

Наступило молчание.

– Полное дерьмо! – наконец прошептал Ричер.

Харпер кивнула.

– Да, полное дерьмо.

– Когда?

– Вчера, когда именно, пока неизвестно. Убийца ускорил шаг. Перестал выдерживать временной интервал. Следующее преступление должно было произойти только через две недели.

– Как это случилось?

– Так же, как и в предыдущие разы. Элисон долго звонили из больницы, чтобы сообщить о смерти отца, но никто так и не ответил. В конце концов вызвали полицию, полиция отправилась к ней домой и обнаружила ее. Мертвую, в ванне, в краске, как и всех остальных.

Снова молчание.

– Черт побери, но каким образом убийце удалось проникнуть в дом?

Харпер покачала головой.

– Он просто вошел в дверь.

– Проклятие, я не могу в это поверить.

– Место оцеплено. Туда направляется специальная бригада криминалистов из Квантико.

– Они ничего не найдут.

Опять молчание. Харпер возбужденно обвела взглядом кухню.

– Блейк хочет, чтобы ты вернулся, – сказала она. – Теперь он обеими руками поддерживает твою теорию. Верит, что женщин всего одиннадцать, а не девяносто одна.

Ричер пристально посмотрел ей в лицо.

– И что я должен на это ответить? Лучше поздно, чем никогда?

– Блейк хочет, чтобы ты вернулся, – повторила Харпер. – Дело зашло слишком далеко. Нам нужно как можно скорее установить тесные контакты с военными. А Блейк считает, что ты продемонстрировал мастерское умение устанавливать тесные контакты.

Фраза прозвучала очень нехорошо. Она придавила кухню тяжелым грузом. Отвернувшись от Харпер, Джоди уставилась на холодильник.

– Ричер, ты должен ехать, – сказала она.

Он ничего не ответил.

– Отправляйся устанавливать тесные контакты, – продолжала Джоди. – Поезжай заниматься тем, что у тебя хорошо получается.

* * *

Ричер согласился вернуться. Харпер оставила машину на углу Бродвея. Это была машина Бюро, позаимствованная в нью-йоркском отделении. За рулем сидел тот самый агент, который сопровождал Ричера по дороге из Гаррисона, приставив к виску пистолет. Но если он и смутился по поводу резкой перемены статуса Ричера, то не подал вида. Просто включил красную мигалку и помчался на запад в сторону «Ньюарка».

Аэропорт был забит людьми. Харпер и Ричер протолкались к кассам. Им пришлось немного подождать, пока придет запрос из Квантико. Два места эконом-класса. Они бежали бегом от регистрации до выхода на летное поле и оказались последними пассажирами, поднявшимися на борт самолета. Встретив у трапа, стюардесса проводила их в салон первого класса. Остановившись рядом с ними, взяла микрофон и приветствовала всех, кто вылетает рейсом на Сиэттл и Такому.

– Сиэттл? – переспросил Ричер. – Я полагал, мы отправляемся в Квантико.

Застегнув ремень безопасности, Харпер покачала головой.

– Первым делом мы отправимся на место преступления. Блейк считает, это может оказаться полезным. Мы были там два дня назад. И сможем сравнить то, что было, с тем, что есть. Блейк считает, игра стоит свеч. Он на грани отчаяния.

Ричер кивнул.

– Как приняла это известие Ламарр?

Харпер пожала плечами.

– На части не рассыпалась. Но ей очень тяжело. Она хочет держать все в своих руках, но не присоединится к нам. По-прежнему наотрез отказывается летать.

Описав широкий круг по рулежной дорожке, самолет покатился к взлетно-посадочной полосе. Двигатели взвыли, набирая обороты. Салон завибрировал.

– В том, чтобы летать, нет ничего страшного, – заметил Ричер.

Харпер кивнула.

– Знаю. Плохо разбиваться.

– С точки зрения статистики это почти не происходит.

– То же самое можно сказать про лотерею. Но счастливый билет обязательно кому-то достанется.

– Нежелание летать самолетом – жуткая штука. В нашей необъятной стране это накладывает определенные ограничения, не так ли? Особенно на агента Федерального бюро расследований. Удивлен, как Ламарр терпят в вашем ведомстве.

Харпер снова пожала плечами.

– Это воспринимается как данная величина. С которой приходится считаться.

Вырулив за взлетно-посадочную полосу, самолет резко затормозил. Рев двигателей стал еще громче, и самолет покатился вперед, сначала плавно, затем все набирая скорость. Наконец он мягко оторвался от бетонной полосы, убрались шасси, и земля за иллюминатором резко накренилась.

– До Сиэттла пять часов, – сказала Харпер. – Все начинается сначала.

– Ты думала насчет географии? – спросил Ричер. – Спокан – это ведь четвертый угол, верно?

Она кивнула.

– Одиннадцать точек, случайно разбросанных по всей территории страны, и убийца выбирает каждую следующую на максимальном удалении от предыдущих.

– Но почему?

Харпер нахмурилась.

– Демонстрирует свои возможности?

Ричер кивнул.

– И, полагаю, свою скорость. Возможно, именно поэтому он отказался выдерживать временной интервал. Чтобы продемонстрировать свою эффективность. Вот он в Сан-Диего, а через пару дней он уже в Спокане, следит за очередной жертвой.

– Хладнокровный тип.

Ричер задумчиво кивнул.

– Это точно. Он оставляет без единой улики место преступления в Сан-Диего, затем как сумасшедший несется на север и оставляет, не сомневаюсь, также без единой улики, место преступления в Спокане.

Очень, очень хладнокровный тип. Мне хочется узнать, кто это такой, черт побери?

Харпер мрачно усмехнулась.

– Нам всем хочется это узнать, Ричер. Вся загвоздка состоит в том, чтобы придумать, как это сделать.

*Ты гений, вот ты кто. Абсолютный гений, кладезь сверхчеловеческих способностей. Готовы уже четверо! Раз, два, три, четыре. И четвертая была лучше всех. Сама Элисон Ламарр! Ты снова и снова перебираешь случившееся в памяти, мысленно прокручивая, словно видеофильм, проверяя, оценивая, изучая. И наслаждаясь. Потому что на данный момент это лучшее. Больше всего удовлетворения, больше всего радости. И самое сильное воздействие. Выражение ее лица, когда она открыла дверь! Смутное озарение, удивление, радушная улыбка!*

*И ни одной ошибки. Ни одной. Все выполнено безукоризненно, от начала и до конца. Ты проигрываешь заново каждое свое действие в мельчайших подробностях. Никаких отпечатков пальцев, никаких следов. Никаких признаков твоего присутствия. Разумеется, помогло расположение дома. Никого на многие мили вокруг. Операция была совершенно безопасной. Возможно, надо было повеселиться чуть больше. Например, заставить Ламарр спеть. Или потанцевать! Можно было провести с ней чуть больше времени. Все равно никто бы ничего не услышал.*

*Однако этого не было, потому что очень важно придерживаться строгого рисунка. Рисунок тебя оберегает. Ты мысленно оттачиваешь все мелочи, полагаясь на знакомое. Рисунок был составлен на самый худший случай, каковым, вероятно, была та сучка Стэнли в Сан-Диего. Повсюду соседи! Маленькие картонные домики, громоздящиеся друг на друге! Придерживаться рисунка – вот ключ к успеху. Думать, думать, думать. Просчитывать все заранее. И строить планы на будущее. Да, уже покончено с номером четвертым, и ты имеешь полное право снова и снова мысленно повторять случившееся, наслаждаться своей гениальностью, но затем надо будет перестать думать о прошлом, закрыть за ним дверь и начать готовиться к номеру пять.*

Еду на борту самолета предложили как раз такой, какой и можно было ожидать в полете, который начался между обедом и ужином и пересек все часовые пояса, имеющиеся на континенте. С уверенностью можно было сказать только то, что это был не завтрак. Еда состояла в основном из булочек из сдобного теста с запеченными ветчиной и сыром. Харпер есть отказалась, поэтому Ричер поглотил две порции. Затем подкрепил силы кофе и погрузился в размышления. В основном он думал о Джоди. «Но нужна ли мне та жизнь, которую ведешь ты, и наоборот?»

Во-первых, каждому надо определить свою жизнь. Ричер прикинул, что с Джоди все понятно. Юрист, владелец собственности, житель большого города, любит джаз, любит современное искусство. Человек, стремящийся к определенности, в первую очередь потому, что ему слишком хорошо известно, что такое неприкаянность. Если кто-то и имел право жить на четвертом этаже старинного здания на Бродвее в окружении музеев, галерей искусств и музыкальных клубов в подвальчиках, то именно Джоди.

Ну а он? Что доставляет ему счастье? Конечно, быть рядом с Джоди. Тут никаких сомнений. Ричер вспомнил тот июньский день, когда он снова вернулся в ее жизнь. Заново пережил то мгновение, когда увидел Джоди и понял, кто она такая. Тогда он ощутил потрясение, сравнимое с тем, как если бы получил мощный разряд тока. Разлившийся по всему его телу. И сейчас Ричер пережил то же самое, и только потому, что просто подумал об этом. В своей жизни ему редко доводилось испытывать что-то подобное.

Редко, но все же доводилось. То же самое он испытывал время от времени с тех пор, как уволился из армии. Ричер вспомнил, как выходил из автобусов в городках, о которых никогда не слышал, в штатах, в которых никогда не бывал. Вспомнил ощущение солнечного тепла на затылке и асфальта под ногами, вспомнил дороги, расстилающиеся перед ним до самого горизонта. Вспомнил, как он отсчитывал мятые доллары администраторам забытых богом мотелей, как получал взамен старые бронзовые ключи, вспомнил пахнущие сыростью номера в дешевых гостиницах, скрип пружин незнакомых кроватей. Жизнерадостных официанток в маленьких столовых. Длящиеся минут десять разговоры с водителями, согласившимися его подвезти, – мимолетные контакты двух из нескольких миллиардов обитателей нашей планеты. Это была жизнь бродяги. Ее очарование значило для Ричера многое, и он скучал по этому с тех самых пор, как вынужден был безотлучно торчать в Гаррисоне и дома у Джоди. Очень скучал. Ему было плохо. Так же плохо, как сейчас, когда он скучал по Джоди.

– Ну как, есть прогресс? – спросила Харпер.

– Что? – встрепенулся Ричер.

– Ты погрузился в раздумья. Перестал замечать окружающую действительность.

– Да?

– Так о чем же ты думал?

Он пожал плечами.

– О скалах и твердых поверхностях.

Харпер удивленно посмотрела на него.

– Ну, это нас никуда не приведет. Так что думай о чем-нибудь другом, хорошо?

– Хорошо.

Отвернувшись, Ричер попытался прогнать из мыслей Джоди. Попытался думать о чем-нибудь другом.

– Наблюдение, – вдруг произнес он.

– Что ты хочешь сказать?

– Мы предполагаем, что убийца сначала наблюдает за домом, так? По крайней мере, целые сутки. Возможно, он уже прятался где-то рядом как раз тогда, когда мы там были.

Харпер поежилась.

– Мурашки по коже бегут. Но что с того?

– А то, что вам нужно проверить регистрационные книги всех мотелей, прочесать окрестности. Искать следы. Только так можно будет добиться результатов. Бесполезно пытаться творить чудеса, сидя на пятом этаже под землей в Вирджинии.

– Там никаких окрестностей нет. Ты сам все видел. Так что нам не с чем работать. Я уже устала повторять это.

– А я устал повторять, что работать всегда есть с чем.

– Да-да, убийца чрезвычайно умен, краска, география, уединенные места.

– Именно. Я не шучу. Эти четыре обстоятельства обязательно выведут вас на него. Блейк тоже вылетел в Спокан?

Харпер кивнула.

– Мы встречаемся на месте преступления.

– В таком случае, он должен будет сделать то, что я ему скажу, в противном случае я разворачиваюсь и ухожу.

– Не перегибай палку, Ричер. Ты лишь обеспечиваешь связь с армией, следователем тебя никто не назначал. А Блейк в отчаянном положении. Он может заставить тебя остаться силой.

– Все его угрозы иссякли.

Харпер нахмурилась.

– И не надейся на это. Дирфильд и Козо работают над тем, чтобы заставить тех китайцев дать показания против тебя. Они попросят иммиграционную службу проверить всех нарушителей, и та найдет около тысячи нелегалов среди одной только ресторанной прислуги. Начнутся разговоры о депортации, но большим шишкам в китайском землячестве также намекнут о том, что готовность к сотрудничеству в одном маленьком деле поможет полностью решить эту проблему. И те заставят своих ребят вывалить все то, что мы от них ждем. Максимум пользы для максимума людей, верно?

Ричер ничего не ответил.

– Бюро всегда добивается того, что хочет, – подвела итог Харпер.

*Однако есть одна проблема в том, чтобы снова и снова прокручивать случившееся словно видеозапись: постепенно начинают закрадываться сомнения. Ты в который раз перебираешь в памяти то, что произошло, и начинаешь сомневаться, действительно ли было сделано все то, что нужно было сделать. Ты сидишь в полном одиночестве и думаешь, думаешь, думаешь, и воспоминания начинают расплываться; чем больше вопросов ты задаешь, тем меньше в тебе уверенности. Одна пустяковая мелочь. Была ли она сделана? Была ли она сказана? Ты помнишь, что у Каллан это было сделано. Помнишь наверняка. И у Каролины Кук. Да, определенно. Ты тоже это помнишь. И у Лорейн Стэнли в Сан-Диего. А что насчет Элисон Ламарр? Было ли это сделано? Или по твоему приказу это сделала она сама? Было ли это? Ты сомневаешься.*

*Нет, вернулась твердая уверенность, что все было сделано так как надо. А может быть, это лишь следствие бесконечных прокруток в памяти? Быть может, вступает в дело рисунок, заставляя тебя предположить, что событие случилось, так как до этого оно случалось всегда? Однако, быть может, на этот раз произошло упущение. И это тебя страшно пугает. Ты начинаешь со страхом копаться в памяти, и чем больше копаешься, тем больше убеждаешься в мысли, что на этот раз произошел прокол. Эта мелочь вылетела у тебя из головы. Были ли сказаны нужные слова? Получила ли Ламарр приказ? Возможно, не получила. И что тогда?*

*Ты заставляешь себя встряхнуться, успокоиться. Ты обладаешь сверхчеловеческим талантом, поэтому сомнение, тревога – это не для тебя. Вздор. Нелепость! Поэтому ты выбрасываешь все это из головы. Но беспокойство не желает расставаться с тобой. Оно усиливается, становится все громче, громче. И в конце концов ты остаешься сидеть в полном одиночестве, зная наверняка, что наконец допущена первая маленькая ошибка.*

Собственный реактивный «Лир» Бюро переправил Блейка и бригаду криминалистов прямиком с авиабазы Эндрюс в Спокан, после чего Блейк послал самолет в аэропорт Сиэттла-Такомы забрать Харпер и Ричера. Маленький реактивный самолет уже ждал на бетонной полосе у здания аэровокзала, и прилетевших встретил тот же самый агент из сиэттлского отделения. Накрапывал дождик, было холодно, поэтому Харпер и Ричер торопливо взбежали по трапу «Лира», укрываясь от непогоды. Через четыре минуты они уже снова были в воздухе.

Перелет до Спокана на «Лире» получился гораздо быстрее, чем на «Сессне». На аэродроме Харпер и Ричера ждал тот же самый агент местного отделения в машине. Как и в прошлый раз, адрес Элисон Ламарр был записан на бумажке, закрепленной на лобовом стекле. Агент проехал десять миль на восток к Айдахо, затем повернул на север, на узкую дорогу, уходящую в сторону гор. Через пятьдесят ярдов после поворота дорога была перегорожена двумя машинами и желтой лентой, натянутой поперек между деревьями. Вдалеке за деревьями виднелись горы. Западные склоны были затянуты дождевыми тучами, а на восточных в косых лучах солнца, пробивающегося сквозь облачность, сверкали узкие полоски ледников.

Полицейский снял ленту с дерева, и машина медленно проползла за ограждение. Проехав мимо уединенных домов, отстоящих друг от друга не меньше чем на милю, агент остановился у поворота к дому Ламарр.

– Дальше придется идти пешком.

Он остался в машине, а Харпер и Ричер направились к дому. В сыром воздухе висела изморось, которую еще нельзя было назвать дождем, но и сухой погодой она тоже уже не была. Слева показался дом, полускрытый оградой и чахлыми деревцами, сгорбленными ветрами; дорога, извиваясь, проходила справа от него. Она была перегорожена скоплением машин. Черная с белым машина местной полиции с бессмысленно мигающими на крыше красным и синим огоньками. Два седана и черный джип с тонированными стеклами. Микроавтобус передвижной криминалистической лаборатории с открытыми дверьми. На всех машинах блестели бисеринки дождевых капель.

Когда Харпер и Ричер подошли ближе, правая передняя дверь джипа открылась, и им навстречу вышел Нельсон Блейк. Он был в темном костюме, воротник поднят для защиты от промозглой сырости. Лицо его было не столько красным, сколько серым, словно прямым следствием шока стало снижение давления. Блейк сразу перешел к делу. Никаких приветствий. Ни извинений, ни обмена любезностями. Никаких заявлений типа «я ошибался, а ты оказался прав».

– До сумерок осталось не больше часа, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы провели меня тем же маршрутом, что ходили позавчера, и рассказали обо всех отличиях.

Ричер кивнул. Внезапно ему очень захотелось что-нибудь обнаружить. Что-нибудь важное. Что-нибудь, имеющее решающее значение. И не ради Блейка. Ради Элисон. Ричер стоял, разглядывая ограду, деревья и лужайку. Везде чувствовались заботливые руки, уход. Казалось бы, всего лишь небольшие изменения, затронувшие крошечный участок поверхности планеты, однако ими двигали хороший вкус и энтузиазм женщины, которой уже не было в живых. И осуществлены они были ее личным трудом.

– Кто уже побывал в доме? – спросил Ричер.

– Только местный полицейский, – сказал Ричер. – Тот, который обнаружил тело.

– И больше никого?

– Никого.

– И даже никого из ваших?

Блейк покачал головой.

– Я хотел сначала услышать ваши впечатления.

– То есть, она по-прежнему в ванне?

– Боюсь, да.

Вокруг стояла полная тишина. Лишь свист ветра в проводах линии электропередач. Красные и синие отблески мигалок на крыше полицейской машины поочередно окрашивали спину костюма Блейка, ритмичные и бесполезные.

– Хорошо, – наконец сказал Ричер. – Местный полицейский что-нибудь трогал?

Блейк снова покачал головой.

– Он открыл дверь, обошел первый этаж, поднялся наверх, заглянул в ванную и сразу же связался со своим диспетчером. А у того хватило ума приказать ему немедленно покинуть дом.

– Входная дверь была не заперта?

– Закрыта, но не заперта.

– Полицейский стучал?

– Наверное.

– Значит, его отпечатки пальцев будут на дверном молотке. И на ручках внутренних дверей.

Блейк пожал плечами.

– Это не имеет значения. Он все равно не мог стереть отпечатки пальцев убийцы, потому что тот их не оставляет.

Ричер кивнул.

– Хорошо.

Он прошел вдоль машин, мимо поворота на дорожку, ведущую к дому. Прошел ярдов двадцать дальше по дороге.

– Куда она ведет? – окликнул он Блейка.

Тот следовал за ним на удалении десяти ярдов.

– По-моему, в никуда.

– Узкая, да?

– Ну, бывают и пошире, – согласился Блейк.

Ричер вернулся назад.

– Поэтому вам следует осмотреть почву на обочинах, скорее всего, там, где дорога делает следующий поворот.

– Зачем?

– Наиболее вероятно, убийца приехал из Спокана. Проехал мимо дома и поехал дальше, затем сделал разворот и вернулся назад. Ему нужно было оставить машину развернутой в нужную сторону, еще до того, как он войдет в дом и приступит к делу. Такой человек обязательно должен предусмотреть пути отхода.

Блейк кивнул.

– Хорошо, я поручу кому-нибудь заняться этим. А вы тем временем проведите меня по дому.

Крикнув распоряжения бригаде криминалистов, он присоединился к Ричеру и Харпер у поворота на дорожку, ведущую к дому. Те стояли, дожидаясь его.

– Итак, ведите.

– Мы задержались здесь, – начала Харпер. – Стояла жуткая тишина. Затем мы подошли к двери и постучали молотком.

– Погода была сырая или сухая? – спросил Блейк.

Харпер переглянулась с Ричером.

– Кажется, сухая. Редкие облака, солнце. Нежарко. Но дождя точно не было.

– Дорожка была сухой, – добавил Ричер. – Не высохшей до пыли, но гравий был сухой.

– Значит, вы не испачкали в грязи обувь?

– Сомневаюсь.

– Хорошо.

Они подошли к входной двери.

– Наденьте на ноги вот это, – сказал Блейк, доставая из кармана рулон полиэтиленовых пакетов большого размера.

Все натянули на обувь пакеты и заткнули края полиэтилена в ботинки.

– Элисон Ламарр открыла только после того, как мы постучали дважды, – сказала Харпер. – Я показала свой значок в глазок.

– Она была на взводе, – добавил Ричер. – Сказала нам, что Джулия ее обо всем предупредила.

Угрюмо кивнув, Блейк толкнул дверь обернутым в полиэтилен ботинком. Дверь распахнулась с тем же скрипом старых петель, который запомнился Ричеру по предыдущему разу.

– Мы задержались здесь, в прихожей, – сказала Харпер. – Затем Элисон предложила нам кофе, и мы прошли на кухню.

– Здесь что-нибудь изменилось? – спросил Блейк.

Ричер огляделся вокруг. Стены, обшитые сосновыми досками, сосновые половицы, желтые занавески, старые диваны, переоборудованные масляные светильники.

– Все как было в тот раз, – сказал он.

– Хорошо, идем на кухню.

Они прошли на кухню. Пол по-прежнему оставался начищенным до блеска. Те же самые шкафчики, пустая и остывшая плита, посудомоечная и стиральная машины на своем месте. В мойке лежала грязная посуда, а один из ящиков кухонного стола был чуть выдвинут.

– Выглядит все по-другому, – заметила Харпер, остановившаяся у окна. – Сегодня все кажется каким-то серым и унылым.

– В мойке посуда, – сказал Ричер. – А вот этот ящик был задвинут.

Они столпились около мойки. Одна тарелка, стакан, чашка, нож и вилка. На тарелке остатки яйца и хлебные крошки; в чашке кофейная гуща.

– Завтрак? – предположил Блейк.

– Или ужин, – добавила Харпер. – Яйцо всмятку и тост – для одинокой женщины это может быть и ужин.

Блейк кончиком пальца выдвинул ящик. Внутри дешевые столовые приборы, а также пестрая коллекция инструментов: маленькие отвертки, пассатижи, моток изоленты, предохранители.

– Хорошо, дальше что? – спросил Блейк.

– Я осталась с Элисон здесь, – сказала Харпер. – Ричер осмотрел дом.

– Проводи меня, – сказал Блейк.

Он вернулся следом за Ричером назад в прихожую.

– Я проверил коридор и гостиную, – сказал Ричер. – Осмотрел окна. Пришел к выводу, что они запираются надежно.

Блейк кивнул.

– Убийца попал в дом не через окно.

– Затем я вышел на улицу, осмотрел двор и сарай.

– Сначала мы поднимемся наверх, – сказал Блейк.

– Хорошо.

Ричер пошел первым. Он прекрасно понимал, куда направляется. Понимал, что часов тридцать назад убийца двигался тем же путем.

– Я проверил спальни. В спальню Элисон заглянул в последнюю очередь.

– Пошли.

Они вошли в спальню. Остановились у двери в ванную комнату.

– Пошли, – снова сказал Блейк.

Они заглянули внутрь. В ванной царила безукоризненная чистота. Никаких указаний на то, что здесь что-то случилось, – кроме самой ванны. Она была на семь восьмых наполнена зеленой краской, сквозь

которую проступало миниатюрное, поджарое женское тело, плавающее у самой поверхности. Сверху краска засохла тонким, скользким слоем, замуровавшим тело внутри. Были видны все линии, все изгибы. Бедра, живот, грудь. Голова, запрокинутая назад. Подбородок, лоб. Рот, чуть приоткрытый в страшной гримасе.

– Проклятие! – выругался Ричер.

– Ты совершенно прав, – согласился Блейк.

Ричер стоял в ванной, пытаясь прочесть смысл увиденного. Пытаясь *увидеть*хоть что-то. Но ничего не было. Ванная оставалась в точности такой, какой была раньше.

– Что-нибудь нашел? – спросил Блейк.

Ричер покачал головой.

– Нет.

– Хорошо, выходим на улицу.

Они молча спустились вниз. Харпер ждала в прихожей. Она вопросительно посмотрела на Блейка. Тот лишь покачал головой, словно отвечая: «наверху ничего». А может быть, он сказал: «не поднимайся наверх». Ричер провел его через дверь черного входа во двор.

– Я проверил окна снаружи, – сказал он.

– Убийца не лез в окно, черт побери, – раздраженно повторил Блейк. – Он вошел в дверь.

– Но как, черт возьми? – спросил Ричер. – Когда мы были здесь, вы предварительно предупредили Элисон по телефону, Харпер показала свой значок и сказала: «ФБР!», и все равно Элисон долго не хотела нас впускать. А когда, наконец, она открыла дверь, она дрожала словно осиновый лист. Так каким же образом убийце удалось заставить ее впустить его в дом?

Блейк пожал плечами.

– Как я уже говорил тебе в самом начале, все женщины его*знают*. Доверяют ему. Он для них что-то вроде старинного друга. Он стучит в дверь, они смотрят в глазок, натягивают на лицо широченную улыбку и отпирают дверь.

Дверь в погреб была заперта. Массивный висячий замок был на месте. Ворота гаража были закрыты, но не заперты. Ричер вошел внутрь и остановился в полумраке. Новый джип стоял на месте, как и ряды

картонных коробок. У стены большая коробка из-под стиральной машины, чуть приоткрытая, с содранной клейкой лентой. Верстак с аккуратно разложенным инструментом. На полках полный порядок.

– Здесь что-то не так, – сказал Ричер.

– Что?

– Дай подумать.

Он стоял, открывая и закрывая глаза, сопоставляя то, что было перед ним, с картиной в памяти, словно сравнивая две лежащие рядом фотографии.

– Машина стояла по-другому, – наконец сказал Ричер.

Блейк разочарованно вздохнул.

– Иначе и быть не могло. После вашего ухода Элисон ездила в больницу.

Ричер кивнул.

– Что-то еще.

– Что?

– Дай подумать.

И тут он увидел.

– Черт!

– В чем дело?

– Я это пропустил. Извини, Блейк, я это пропустил.

– Что?

– Коробка из-под стиральной машины. У Элисон уже есть стиральная машина. На вид совершенно новая. Она стоит на кухне, рядом со столом.

– Ну и что? Несомненно, ее достали вот из этой коробки. Когда устанавливали.

Ричер покачал головой.

– Нет. Два дня назад эта коробка была закрыта и запечатана. А сейчас она вскрыта.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Та же самая коробка, то же самое место. Но только тогда она была запечатана, а сейчас она вскрыта.

Блейк шагнул к коробке. Достал из кармана фонарик и его кончиком приподнял край. Заглянул внутрь.

– Эта коробка уже была здесь?

Ричер кивнул.

– Запечатанная.

– Как будто ее только что привезли?

– Да.

– Отлично, – сказал Блейк. – Теперь нам известно, как убийца перевозит краску. Он доставляет ее заранее в коробках из-под стиральных машин.

*Ты сидишь целый час, обливаясь холодным потом, и наконец приходишь к выводу, что на этот раз коробка осталась незапечатанной. Этого не сделал никто – ни ты, ни Ламарр. Это факт, его бесполезно отрицать. Необходимо думать, как исправить эту ошибку.*

Заново запечатанные коробки гарантировали определенную передышку. Тебе известно, как работают следователи. Только что доставленная бытовая техника, в заводской упаковке, убранная в гараж или в погреб, не привлечет ничьего внимания. В списке приоритетов она займет одно из самых последних мест. Такое можно увидеть повсюду. Поэтому коробка как бы становится невидимой. В хитрости никто не сравнится с тобой. Ты знаешь, как работают эти люди. Скорее всего, криминалисты вообще не вскроют коробку. Твое предположение полностью подтвердилось все три предыдущих раза. Во Флориде, в Нью-Гемпшире, в Калифорнии. Коробки были внесены в перечень улик, но их никто не вскрывал. Быть может, значительно позднее, когда наследники пришли быт наводить порядок в доме, они открыли бы коробки и обнаружили бы пустые банки из-под краски. Вот тогда поднялся бы большой шум, но тогда было бы уже слишком поздно. Гарантированная передышка – несколько недель, а то и месяцев.

*Но на этот раз все будет по-другому. Следователи войдут в гараж и увидят вскрытую коробку. В сыром воздухе картон поднимется. Загнется. Следователи заглянут внутрь и увидят совсем не пенопластовую упаковку и сверкающие эмалированные поверхности, да?*

Из микроавтобуса принесли портативные софиты и расставили их вокруг коробки из-под стиральной машины, словно это был образец грунта с Марса. Все стояли на некотором расстоянии, согнувшись в

поясе, будто коробка была радиоактивной. Таращились на нее, пытаясь расшифровать ее тайны.

Это была обычная коробка из-под бытовой техники, сделанная из прочного бурого картона, согнутого и скрепленного металлическими скрепками. На стенках надписи черным шрифтом. Крупный логотип изготовителя. Известная фирма. Ниже номер модели и грубый рисунок самой стиральной машины.

Коробка была заклеена коричневым скотчем. Сверху скотч был разрезан. А внутри коробки ничего кроме десяти трехгаллонных банок из-под краски. Расставленных в два ряда по пять банок. Банки прикрыты крышками, но не плотно. На крышках по кругу вмятины, оставленные инструментом, которым их открывали. На верхних доньях банок аккуратные языкообразные подтеки краски.

Сами банки были без этикеток. Ни названия изготовителя, ни логотипа, ни хвалебных заявлений о прочности и долговечности покрытия. Лишь небольшая бумажка с длинным отпечатанным номером и словами «защитная зеленая».

– Обычная упаковка? – спросил Блейк.

– Стандартная для полевого ремонта, – кивнул Ричер.

– Кто использует такую краску?

– Любая воинская часть, имеющая боевую технику. Такие банки постоянно возят с собой для мелкого ремонта в полевых условиях. В стационарных мастерских используются большие банки, из которых краску наносят распылителями.

– Значит, в армии это не редкость?

Ричер покачал головой.

– Как раз наоборот.

В гараже наступила тишина.

– Хорошо, вынимайте, – наконец сказал Блейк.

Один из криминалистов в резиновых перчатках на руках достал одну за другой банки из коробки. Расставил их на верстаке. Отогнул края крышки коробки. Посветил внутрь фонариком. На дне остались пять круглых глубоких вмятин.

– Когда коробку доставили сюда, банки были полные, – заметил криминалист.

Блейк отступил назад, из пятна ослепительного света в тень. Повернувшись к коробке спиной, он уставился на стену.

– Так каким же образом она попала сюда? – спросил он.

Ричер пожал плечами.

– Как ты совершенно верно заметил, ее доставили заблаговременно.

– Но не сам убийца.

– Да. Он побывал здесь только один раз.

– Тогда кто же?

– Компания, занимающаяся доставкой товаров. Убийца отправил краску заранее. Через Фед-Экс, Ю-пи-эс или какую-нибудь другую компанию.

– Но ведь крупную бытовую технику доставляет на дом магазин, в которой она куплена. На своем грузовике.

– Только не эту стиральную машину, – возразил Ричер. – Она попала сюда не из магазина.

Блейк вздохнул, словно весь мир вокруг обезумел. Затем, развернувшись, снова шагнул в свет. Уставился на коробку. Обошел вокруг нее. С одной стороны картон был ободран. Большое пятно прямоугольной формы. Внешний гладкий слой был содран, под ним проглядывал обнажившийся внутренний гофрированный. Ровные волны были отчетливо видны в ярком свете софитов.

– Транспортная бирка, – заметил Блейк.

– Возможно, пластиковый пакет, – добавил Ричер. – Знаешь, такой, в который складывают все документы.

– Так где же он? Кто его оторвал? Только не компания, осуществившая доставку. Они ничего не трогают.

– Это оторвал убийца, – предположил Ричер. – Потом. Чтобы мы не смогли ничего проследить.

Он осекся. Только что у него вырвалось «мы». Не «вы». «Чтобы мы не смогли ничего проследить.» А не «чтобы вы не смогли ничего проследить.» Блейк тоже обратил на это внимание. Он посмотрел на Ричера.

– Но как это могло произойти? Начнем с этого. Представь себя на месте Элисон Ламарр. Ты сидишь дома, вдруг приезжает машина Фед-Экс, Ю-пи-эс или какой другой службы доставки и привозит тебе стиральную

машину, которую ты никогда не заказывал. Ты ведь откажешься ее принять, так?

– А может быть, машину привезли, когда Элисон не было дома, – заметил Ричер. – Например, тогда, когда она навещала отца в больнице. Быть может, водитель просто закатил коробку в гараж и уехал.

– А разве ему не нужно было получить расписку?

Ричер снова пожал плечами.

– Не знаю. Мне самому никогда не доставляли на дом стиральную машину. Наверное, иногда расписка не нужна. Полагаю, тот, кто прислал эту коробку, особо обговорил, что расписка не требуется.

– Но Элисон обнаружила бы коробку, как только вошла в гараж. Как только загнала сюда машину, вернувшись домой.

Ричер кивнул.

– Обнаружила бы. Коробка большая.

– И что тогда?

– Она связалась бы с Ю-пи-эс, Фед-Экс или кем там еще. Возможно, именно она и оторвала конверт. Забрала его с собой в дом, чтобы позвонить, сообщить подробности.

– А почему она не вскрыла упаковку?

Ричер скорчил гримасу.

– Она решила, что коробку доставили ей по ошибке. В таком случае, зачем ее вскрывать? Ей надо было возвратить упаковку нетронутой.

– Элисон ничего не говорила об этом вам с Харпер? О том, что ей привозили вещи, которые она не заказывала?

– Нет. Но, возможно, она просто не придала этому значения. Подобные ошибки происходят постоянно, так? Это ведь жизнь.

Блейк кивнул.

– Ну, если этот пакет находится дома, мы его обязательно найдем. Как только коронер закончит осмотр, наши криминалисты приступят к работе.

– Коронер ничего не найдет, – заметил Ричер.

Блейк помрачнел еще больше.

– На этот раз он должен будет что-нибудь найти.

– Для этого вам нужно подойти к делу по-другому, – сказал Ричер, сделав ударение на слове «вам». – Заберите всю ванну целиком. Отвезите ее в какую-нибудь крупную лабораторию в Сиэттле. А может быть, прямо в Квантико.

– Черт побери, как мы можем извлечь ванну целиком?

– Разломайте стену. Разберите крышу. Вытащите ее краном.

Блейк задумался.

– Полагаю, мы сможем это осуществить. Разумеется, нам надо будет получить разрешение. Но теперь дом, наверное, принадлежит Джулии, так? Насколько мне известно, она ближайшая наследница.

Ричер кивнул.

– Так что свяжитесь с ней. Попросите ее дать разрешение. И пусть она проверяет отчеты об осмотре мест преступлений трех предыдущих убийств. Возможно, убийца доставил краску заранее только сюда, но если это не так, рушится вся картина.

– Каким образом?

– А таким, что теперь убийце не нужно разъезжать по всей стране с грузовиком, набитым банками с краской. Он может быть кем угодно и быстро пересекать Штаты из конца в конец на самолете.

* * *

Блейк отправился в джип звонить по телефону, а Харпер, разыскав Ричера, провела его пятьдесят ярдов дальше по дороге туда, где сотрудники споканскиго отделения обнаружили на обочине следы колес. Уже стемнело, и им пришлось пользоваться фонариками. На пыльной обочине было четыре отдельных отпечатка. Не вызывало сомнения, что именно произошло. Кто-то съехал на левую обочину, выкрутил руль, сдал задом на дорогу, выехав задними колесами на правую обочину, и уехал в ту сторону, откуда приехал. Следы передних колес были размазаны веером, но задние отпечатались отчетливо. Шины были не узкие и не широкие.

– Судя по всему, седан средних размеров, – предположил один из споканских агентов. – Относительно новые радиальные шины, размер 195 на 70, четырнадцать дюймов. По рисунку протектора мы установим точный тип шин. А измерив расстояние между шинами, можно будет определить марку машины.

– Ты думаешь, это убийца? – спросила Харпер.

Ричер кивнул.

– Должен быть он. Только подумай. Любой другой человек, разыскивающий незнакомый адрес, сбавит скорость, как только увидит впереди дом, чтобы посмотреть на почтовый ящик. В крайнем случае, проскочит пару ярдов и просто сдаст назад. Никто не проедет вперед пятьдесят ярдов, чтобы развернуться за поворотом, где его уже не будет видно. Это именно убийца осматривал место будущего преступления, проверял, все ли спокойно. Это он, можешь не сомневаться.

Ребята из Спокана раскрыли над следами колес миниатюрные водонепроницаемые палатки, а Харпер и Ричер тем временем вернулись назад в дом. Блейк ждал их рядом с джипом, освещенный сзади лампой в салоне.

– Во всех трех предыдущих случаях на месте преступления были коробки со стиральными машинами. Никому не пришло в голову в них заглянуть. Мы уже направили агентов местных отделений все проверить. На это уйдет около часа. А Джулия дала добро выламывать ванну. Думаю, нам придется позвать на помощь строителей.

Ричер рассеянно кивнул, захваченный новым озарением.

– Вам надо проверить еще кое-что, – сказал он. – Возьмите список одиннадцати женщин и позвоните тем семерым, с которыми еще не успел расправиться убийца. И спросите у них.

Блейк недоуменно посмотрел на него.

– Что спросить? «Привет, вы еще живы?»

– Нет, спросите у них, не получали ли они то, что не заказывали. Крупную бытовую технику. Потому что если убийца решил ускорить темп, возможно, у него уже все подготовлено для того, чтобы расправиться со следующей жертвой.

Внимательно посмотрев на него, Блейк кивнул и, нырнув в джип, сорвал трубку с телефона.

– Пусть этим займется Пултон, – окликнул его Ричер. – Ламарр может не справиться с эмоциями.

Блейк лишь молча посмотрел на него, однако по телефону он попросил Пултона. За одну минуту объяснил ему задачу и положил трубку.

– А теперь будем ждать.

* * *

– Сэр? – встревоженно спросил капрал.

Список лежал в ящике, ящик был заперт. Полковник неподвижно сидел в залитом светом люминесцентных ламп кабинете без окон, за

письменным столом, уставившись в никуда, напряженно размышляя, пытаясь прийти в себя. Разумеется, лучший способ прийти в себя заключался в том, чтобы высказаться перед кем-нибудь. Полковник это прекрасно понимал. «Проблема, которой с кем-либо поделился, становится легче наполовину.» Так обстоят дела в таком огромном учреждении как армия. Однако об*этом*, разумеется, полковник не мог поговорить ни с кем. Он горько усмехнулся. И продолжал размышлять, уставившись в стену. Верить в себя – вот что ему поможет. Полковник настолько глубоко погрузился в собственные мысли, что не услышал стук в дверь. Оглядываясь назад, он пришел к выводу, что стучали, скорее всего, не один раз. Оставалось только радоваться тому, что список уже был убран в ящик стола, потому что когда капрал вошел в кабинет, прятать его было бы слишком поздно. Полковник словно оцепенел. Он сидел неподвижно, и у него на лице застыло непроницаемое выражение. Увидев его, капрал сразу же встревожился.

– Сэр? – повторил он.

Полковник не отвечал. Не отрывал взгляд от стены.

– Господин полковник! – окликнул капрал.

Полковник повернул голову так, словно та весила целую тонну. Ничего не сказал.

– Ваша машина подана, сэр, – доложил капрал.

* * *

Набившись в джип, они ждали полтора часа. Вечер плавно перешел в ночь, и очень похолодало. За окнами машины сгустился туман. Изнутри стекла запотели от дыхания. Все молчали. Окружающий мир тоже затих. Изредка издалека доносился крик какого-то животного – тоскливый вой, далеко разносящийся в разреженном горном воздухе; но в остальном стояла полная тишина.

– Жуткое место, чтобы здесь жить, – пробормотал Блейк.

– Или умереть, – добавила Харпер.

*В конце концов тебе удается совладать с собой, и ты расслабляешься. Твой талант убивать безграничен. Все продумано, продублировано два, три раза. Система безопасности выстроена в несколько уровней. Тебе известно, как работают следователи. Известно, что они не смогут обнаружить ничего, кроме очевидного. Они не смогут узнать, откуда поступила краска. Кто ее достал. Кто ее доставил по назначению. Тебе это известно наверняка. Ты знаешь, как работают следователи. Им не раскусить твои уловки. Твой гений превосходит их во много-много раз. Так что ты можешь расслабиться и успокоиться.*

*Но тебя не покидает разочарование. Допущена первая ошибка. Краска – это было так здорово. А теперь, наверное, придется от нее отказаться. Но ты придумаешь что-нибудь получше. Потому что в одном нет никаких сомнений: теперь останавливаться нельзя.*

В джипе зазвонил телефон. Пронзительный звук разорвал тишину. Блейк сорвал трубку с рычажков. Ричер услышал быструю, неразборчивую речь. Голос мужской, не женский. Пултон, не Ламарр. Блейк внимательно слушал, уставившись в пустоту. Затем молча положил трубку и отвернулся к окну.

– Ну? – спросила Харпер.

– Наши люди вернулись на места преступления и проверили коробки, – сказал Блейк. – Все коробки были запечатаны, но их все равно вскрыли. В каждой десять банок из-под краски. Десять пустых банок. Таких же, как те, что нашли мы.

– Но коробки были запечатаны? – спросил Ричер.

– Повторно запечатаны, – поправил Блейк. – При внимательном осмотре это стало заметно. Убийца заклеил коробки после того, как израсходовал краску.

– Он умен, – сказала Харпер. – Он знал, что запечатанная коробка не привлечет внимания.

Блейк кивнул.

– *Очень*умен. Он знаком с нашими методами.

– Но не абсолютно умен, – заметил Ричер. – Иначе он не забыл бы запечатать эту коробку, так? Он совершил первую ошибку.

– Все равно он выбивает около девятисот очков, – возразил Блейк. – По мне он достаточно умен.

– Квитанций на коробках не было? – спросила Харпер.

Блейк покачал головой.

– Все оторваны.

– Я так и думала.

– Вот как? – спросил Ричер. – Объясните мне, почему убийца вспомнил, что ему надо оторвать наклейку, но забыл запечатать коробку?

– Быть может, ему помешали, – предположила Харпер.

– Кто? – возразил Ричер. – Здесь не самое людное место.

– Так что же ты хочешь сказать? Ты уже больше не настаиваешь на том, что убийца умен? Кажется, еще совсем недавно для тебя это имело огромное значение. Ты доказывал нам, что убийца дьявольски умен, а мы глупцы, раз не обращаем на это внимания.

Повернувшись к ней, Ричер кивнул.

– Да, вы глупцы. – Он снова посмотрел на Блейка. – Нам нужно понять, какой у этого типа мотив.

– Позже, – отмахнулся Блейк.

– Нет, сейчас. Это очень важно.

– Позже, – повторил Блейк. – Ты еще не слышал хорошую новость.

– Какую?

– Та другая мысль, которая пришла тебе в голову.

В машине наступила тишина.

– Черт! – бросил Ричер. – Одной из семерых женщин доставили коробку, правильно?

Блейк покачал головой.

– Неправильно. Коробки доставили всем*семерым*.

**Глава 16**

– Поэтому вы отправляетесь в Портленд, штат Орегон, – сказал Блейк. – Ты и Харпер.

– Зачем? – спросил Ричер.

– Навестить свою старую знакомую Риту Симеку. Помнишь, ты рассказывал про нее? Ее изнасиловали в Джорджии. Она живет неподалеку от Портленда. В небольшом поселке к востоку от города. Она одна из одиннадцати женщин из твоего списка. Вы отправитесь туда и загляните к ней в подвал. Мисс Симека сказала, что там стоит совершенно новая стиральная машина. В упаковке.

– Она ее вскрывала? – спросил Ричер.

Блейк покачал головой.

– Нет. Портлендский агент связался с ней по телефону. Попросил ничего не трогать. К ней уже едут наши люди.

– Если убийца все еще в здешних краях, возможно, следующим местом станет Портленд. Это совсем рядом.

– Совершенно верно, – согласился Блейк. – Вот почему мы направили к мисс Симеке наших людей.

Ричер кивнул.

– Значит, вы все же решили взять женщин под охрану? Это не напоминает тебе пословицу про конюшню, которую заперли после того, когда из нее украли коней?

Блейк пожал плечами.

– Ну, теперь, когда в живых осталось только семеро, выделить каждой людей будет гораздо проще.

Эта грубая полицейская шутка прозвучала среди людей, имеющих то или иное отношение к полиции, но все равно она оказалась чересчур плоской. Покраснев, Блейк отвернулся.

– Гибель Элисон задела меня за живое, – сказал он. – Это все равно, что потерять члена семьи.

– Полагаю, особенно тяжело ее сестре, – заметил Ричер.

– Можешь мне не объяснять. Когда пришло известие о трагедии, с Джулией едва не случился нервный срыв. Она была сама не своя. Я никогда не видел ее такой возбужденной.

– Тебе следовало бы отстранить ее от дела.

Блейк покачал головой.

– Она мне нужна.

– Кое-что тебе определенно нужно.

– Можешь не объяснять.

* * *

От Спокана до маленького поселка к востоку от Портленда по карте, которую дал Блейк, было около трехсот шестидесяти миль. Харпер и Ричер взяли машину агента местного отделения Бюро, на которой тот привез их из аэропорта. В блокноте на приборной панели до сих пор оставался листок с написанным от руки адресом Элисон Ламарр. Ричер мгновение смотрел на него. Затем, оторвав листок, скомкал его и зашвырнул в кювет. Нашел в бардачке ручку и написал на следующем листке маршрут: «90 З – 395 Ю – 84 З – 35 Ю – 26 З». Написал крупным почерком, чтобы буквы и цифры были видны в темноте, когда они с Харпер устанут. Под этой надписью все равно просматривался адрес Элисон Ламарр, выдавленный шариковой ручкой.

– Скажем, часов шесть, – прикинула вслух Харпер. – Три часа машину ведешь ты, три – я.

Ричер кивнул, заводя машину. К этому времени уже полностью стемнело. Ричер развернулся на узком шоссе, выехав сначала на одну, затем на другую обочину, как это сделал убийца, но только два дня назад и в двухстах ярдах к югу. Спустился по извилистой дороге к шоссе номер 90 и повернул направо. Как только огни города остались позади, плотность транспортного потока заметно уменьшилась, и Ричер, развив приличную скорость, помчался на запад. Это был новый «Бьюик», поменьше и попроще, чем дредноут Ламарр, но, вероятно, как раз поэтому чуть пошустрее. Судя по всему, в этом году Федеральное бюро расследований закупало машины корпорации «Дженерал моторс». В армии все обстояло так же. Штабные машины поочередно в строгой последовательности закупались у Дж-Эм, «Форда» и «Крайслера», чтобы ни один из отечественных производителей не оказался обойден вниманием правительства.

Дорога вела по холмистой местности прямо на юго-запад. Переключив фары на дальний свет, Ричер увеличил скорость. Откинув спинку сиденья назад, Харпер растянулась справа от него, склонив голову влево. Ее рассыпавшиеся волосы сияли в свете приборной панели красными и оранжевыми тонами. Ричер держал одну руку на рулевом колесе, а вторая отдыхала на колене. В зеркале заднего вида появились фары. Галогеновые лампы, дальний свет, ныряющие вверх и вниз вслед за профилем дороги в миле позади. Свет фар быстро приближался. Ричер увеличил скорость до семидесяти миль в час.

– Так быстро ездить тебя научили в армии? – спросила Харпер.

Он ничего не ответил. Они проехали через городок с названием Спрейг, и шоссе выпрямилось. По карте Блейка оно должно было идти абсолютно прямо до Ритцвилля, городка, до которого оставалось еще двадцать с чем-то миль. Ричер плавно разогнал «Бьюик» до восьмидесяти миль в час, но свет фар сзади продолжал упрямо приближаться. Еще через какое-то время мимо пронеслась машина, длинный приземистый седан: широкая дуга по пустынному дорожному полотну, турбулентные завихрения, выезд на встречную полосу. Затем седан снова вильнул вправо и умчался вперед так, словно казенный «Бьюик» полз по стоянке.

– Вот*это*действительно быстро, – заметил Ричер.

– Быть может, это как раз тот, кого мы ищем, – сонным голосом произнесла Харпер. – Быть может, он тоже направляется в Портленд. Быть может, сегодня ночью мы его возьмем.

– Я передумал, – ответил Ричер. – Я больше не считаю, что убийца ездит на машине. Теперь я уверен, что он летает самолетами.

Но тем не менее он все равно чуть увеличил скорость, чтобы не выпускать из виду мелькающие вдали красные габаритные огни.

– А что потом? – спросила Харпер. – Убийца берет машину напрокат в аэропорту?

Ричер кивнул, хотя в темноте этот жест остался незамеченным.

– Таково мое предположение. Помнишь следы шин, которые обнаружили сегодня? Совершенно стандартные размеры и рисунок. Скорее всего, безликий седан, каких в фирмах проката миллионы.

– Рискованно, – заметила Харпер. – Для того, чтобы взять напрокат машину, потребуется оставить след из всяких бумаг.

Ричер снова кивнул.

– То же самое можно сказать про билет на самолет. Но убийца прекрасно подготовлен. Не сомневаюсь, у него первоклассные фальшивые документы. Так что бумажный след никуда не приведет.

– Ну, полагаю, мы все же займемся им. Кроме того, это означает, что убийце приходится сталкиваться лицом к лицу с сотрудниками агентств проката.

– Необязательно. Возможно, он бронирует машину заранее и потом просто забирает ее со стоянки.

Харпер кивнула.

– Но его все равно должен будет видеть сотрудник, принимающий машину обратно.

– Да, но лишь мельком.

Дорога оставалась настолько прямой, что в миле впереди до сих пор была видна машина любителя быстрой езды. Ричер как-то незаметно для самого себя подобрался к девяноста милям в час, затем перешагнул этот рубеж.

– Сколько времени требуется для того, чтобы убить человека? – спросила Харпер.

– Все зависит от того, каким образом это делать, – ответил Ричер.

– А мы до сих пор не знаем, как это делает убийца.

– Не знаем. Это еще предстоит выяснить. Но, как бы то ни было, убийца действует очень спокойно и тщательно. Везде полный порядок, нигде ни

капли пролитой краски. По моим прикидкам, у него уходит на это минут двадцать – тридцать минимум.

Кивнув, Харпер вытянулась во всю длину. Ричер уловил запах ее духов.

– Давай подумаем о Спокане, – сказала она. – Убийца сходит с самолета, забирает машину, за полчаса доезжает до дома Элисон, полчаса проводит там, полчаса едет обратно и убирается ко всем чертям. Он ведь не стал бы задерживаться здесь, так?

– Ну, по крайней мере, он постарался как можно быстрее покинуть место преступления, – согласился Ричер.

– Значит, взятая напрокат машина была возвращена меньше чем через два часа. Надо будет проверить во всех аэропортах рядом с местами преступлений машины, которые брали напрокат на короткий срок. Выяснить, нет ли какой-нибудь закономерности.

Ричер кивнул.

– Да, проверьте. Только так и делается дело – долгой, кропотливой работой.

Харпер снова зашевелилась. Повернулась боком на сиденье.

– Иногда ты говоришь «мы», а иногда «вы». Знаешь, ты еще не принял окончательное решение, но твоя позиция стала мягче.

– Думаю, все дело в том, что мне понравилась Элисон, даже после единственной встречи.

– И?

– И мне нравится Рита Симека, по крайней мере, та, которую я запомнил. И я бы не хотел, чтобы с ней что-то случилось.

Вытянув шею, Харпер посмотрела на габаритные огни в миле впереди.

– Так что не выпускай из виду этого типа.

– Убийца летает самолетами, – возразил Ричер. – Это не тот, кто нам нужен.

* * *

Это действительно оказался не тот, кто был им нужен. На окраине Ритцвилля приземистый седан, оставаясь на шоссе номер 90, свернул на запад в сторону Сиэттла. Ричер же свернул на юг, на шоссе номер 395, и направился прямиком в Орегон. Дорога по-прежнему оставалась пустынной, но теперь она стала более узкой и извилистой, поэтому Ричер, не чувствуя больше необходимости гнать во весь опор, несколько сбавил скорость.

– Расскажи мне о Рите Симеке, – сказала Харпер.

Ричер пожал плечами.

– Думаю, она была чем-то похожа на Элисон Ламарр. Не внешне, но они производили одинаковое впечатление. Симека была крепкой, спортивной, уверенной в себе. Насколько я помню, ее было очень трудно вывести из себя. Она дослужилась до звания второй лейтенант. Блестящая карьера. Курсы офицерской подготовки она закончила лучшей в группе.

Он умолк. Представил себе Риту Симеку, мысленно поставил ее плечом к плечу рядом с Элисон Ламарр. Две замечательные женщины, лучшее, на что может рассчитывать армия.

– Вот тебе еще одна загадка, – задумчиво произнес Ричер. – Как убийца контролирует свои жертвы?

– Контролирует? – переспросила Харпер.

Ричер кивнул.

– Задумайся хорошенько. Он входит к ним в дом, и через тридцать минут они лежат мертвые в ванне, полностью обнаженные, без следов насилия на теле. Ни борьбы, ни сопротивления. Как убийце это удается?

– Полагаю, он угрожает жертвам пистолетом.

Ричер покачал головой.

– Два обстоятельства против этого. Если убийца прилетает на самолете, пистолета у него с собой нет. Пистолет на самолет не пронесешь. Тебе это хорошо известно. Ты ведь не взяла с собой пистолет, так?

– Если убийца прилетает на самолете. Но пока что это только предположение.

– Ну хорошо. Но я только что подумал о Рите Симеке. Она была очень крепким орешком. Ее изнасиловали, именно так она и попала в список убийцы, потому что три человека отправились в тюрьму и вылетели из армии. Но в ту ночь к Симеке пришли*пять*мужчин. И только трое из них ее изнасиловали, потому что одному она сломала таз, а другому обе руки. Другими словами, Симека дралась как одержимая.

– И что?

– А то, разве Элисон Ламарр поступила бы не так же? Даже если бы у убийцы был пистолет, разве Элисон Ламарр оставалась бы безвольной и покорной на протяжении целых тридцати минут?

– Не знаю, – сказала Харпер.

– Ты ее видела. Ее никак нельзя было назвать хрупким цветком. Она служила в армии. Прошла подготовку в пехоте. Элисон должна была или сразу же вспыхнуть и броситься в драку, или же выжидать удобного момента, чтобы застать убийцу врасплох. Однако, не произошло ни первое, ни второе. Почему?

– Не знаю, – повторила Харпер.

– И я не знаю, – сказал Ричер, откидываясь назад.

– Мы должны найти убийцу.

Ричер покачал головой.

– Вы его не найдете.

– Почему?

– Потому что вы настолько ослеплены всем этим вздором насчет психологического портрета, что начисто ошибаетесь насчет мотива, вот почему.

Отвернувшись, Харпер уставилась в мелькающую за окном темноту.

– Ты не собираешься развить свою точку зрения?

– Собираюсь, но только тогда, когда Блейк и Ламарр соизволят прислушаться к моим словам. Повторять дважды я не буду.

* * *

Они остановились, чтобы заправиться, сразу после моста через Колумбию у Ричленда. Пока Ричер заливал бак, Харпер сходила в туалет. Вернувшись, она заняла место за рулем, готовая вести машину в течение следующих трех часов. Харпер пришлось пододвинуть сиденье вперед; Ричер, сев справа, отодвинул свое назад. Закинув волосы за плечи, молодая женщина поправила зеркало заднего вида. Повернула ключ и завела двигатель. Выехала на шоссе и повернула на юг.

Они снова пересекли Колумбию, делавшую в этих местах петлю на запад, и очутились в Орегоне. Шоссе И-64 шло вдоль реки, по границе штата. Дорога была широкая и пустынная. Впереди во мраке высились невидимые хребты Каскадных гор. Звезды казались холодными и крошечными. Откинувшись назад, Ричер разглядывал их через изгиб бокового стекла, в том месте, где оно встречается с крышей. Времени было уже за полночь.

– Ты должен говорить со мной, – предупредила Харпер. – Иначе я засну за рулем.

– Ты ничем не лучше Ламарр, – проворчал Ричер.

Харпер усмехнулась.

– Лучше.

– Да, пожалуй, лучше, – согласился Ричер.

– Но все равно, говори со мной. Почему ты ушел из армии?

– Ты именно об этом хочешь говорить?

– Ну, это просто одна из тем для разговора.

– Почему все спрашивают меня именно об этом?

Харпер пожала плечами.

– Наверное, людям любопытно.

– Почему? Почему я не должен был уходить из армии?

– Потому что, как мне кажется, тебе нравилась служба в армии. Как мне нравится работа в ФБР.

– В армии есть масса своих минусов.

Харпер кивнула.

– Естественно. И в Бюро тоже есть масса своих минусов. Это то же самое, что отношения между супругами. У каждого есть свои плюсы и минусы, но это *мои*плюсы и минусы, ты меня понимаешь? И никто не подает на развод из-за каких-то неприятных мелочей.

– Я попал под сокращение, – сказал Ричер.

– Нет. Мы ознакомились с твоим личным делом. Сокращали общую *численность*, но персонально тебя никто не сокращал. Ты сам вызвался уйти.

Ричер молчал милю – две. Затем кивнул.

– Я испугался.

Харпер удивленно посмотрела на него.

– Чего?

– Мне нравилось все так, как было. Я не хотел, чтобы что-либо менялось.

– Менялось как?

– Ну, превращалось в нечто меньшее. Армия была огромной, очень огромной. Ты даже не можешь себе представить. Она простиралась по

всему миру. И вот ее собрались сократить. Я должен был бы получить повышение, то есть, занял бы более высокое положение в меньшей организации.

– И что в этом плохого? Большая рыбина в маленьком пруду, так?

– Я не хотел становиться большой рыбиной, – сказал Ричер. – Мне нравилось быть маленькой рыбкой.

– Ты был совсем не маленькой рыбкой, – возразила Харпер. – Майор – это совсем не маленькая рыбка.

– Ну хорошо, – кивнул Ричер, – мне нравилось быть средней рыбой. Так очень удобно. Почти полная безликость.

Харпер покачала головой.

– Все равно это недостаточная причина для того, чтобы увольняться.

Ричер снова посмотрел на звезды, застывшие на небе в многих миллиардах миль над ним.

– Большой рыбине в маленьком пруду негде плавать, – сказал он. – Мне пришлось бы сидеть на одном месте по несколько лет. Пять лет за одним большим столом, затем пять лет за другим, бóльшим столом где-нибудь в другом месте. Такой человек как я, не владеющий мастерством политика, не привыкший к светскому общению, дослужился бы до полковника и на этом остановился бы. И еще пятнадцать – двадцать лет торчал бы на одном месте.

– Но?

– Но мне хотелось быть в постоянном движении. Всю свою жизнь я провел в движении, в самом прямом смысле. Я боялся остановиться. Я не знал, что почувствую, застряв на одном месте, но у меня было предчувствие, что я возненавижу такую жизнь.

– И?

Он пожал плечами.

– И вот я застрял на одном месте.

– И? – снова спросила Харпер.

Пожав плечами, Ричер промолчал. В машине было тепло. Тепло и уютно.

– Говори, Ричер, – не отставала от него Харпер. – Высказывайся до конца. Ты застрял на одном месте, и что?

– А ничего.

– Не криви душой. И что?

Он шумно вздохнул.

– И у меня возникли с этим проблемы.

В машине стало тихо. Харпер понимающе кивнула.

– Полагаю, твоя Джоди не хочет болтаться по всему земному шару.

– А ты бы захотела?

– Не знаю.

Ричер кивнул.

– Вся беда в том, что Джоди*знает*.У нас с ней было одинаковое детство, мы были в непрерывном движении, с одной базы на другую, по всему миру, месяц здесь, полгода там. И вот сейчас Джоди живет такой жизнью, потому что сама создала ее такую для себя, потому что именно этого хочет. Она знает, чего хочет, потому что ей прекрасно известна альтернатива.

– Она тоже может переезжать с места на место. Она ведь адвокат. И может время от времени менять работу.

Ричер покачал головой.

– Так не получается. Тут все дело в карьере. В самое ближайшее время Джоди станет младшим партнером, и после этого, скорее всего, уже не уйдет из этой фирмы до конца жизни. И, к тому же, я имел в виду не пару лет тут, три года там, купить дом, продать дом. Я имел в виду, что если я завтра проснусь в Орегоне и мне захочется отправиться в Оклахому, Техас или еще куда-нибудь, я просто отправлюсь туда. Не имея понятия о том, куда поеду послезавтра.

– Скиталец.

– Для меня это имеет большое значение.

– Насколько большое?

Он пожал плечами.

– Я точно не знаю.

– И как ты собираешься узнать?

– Вся беда в том, что я как раз сейчас это и выясняю.

– И что ты намереваешься сделать?

Ричер молчал на протяжении еще одной мили.

– Не знаю, – наконец сказал он.

– Возможно, ты к этому привыкнешь.

– Возможно. А может быть, и не привыкну. Это у меня в крови. Вот например сейчас мы с тобой едем в разгар ночи куда-то туда, где я не был ни разу в жизни, и мне очень хорошо. Я даже не могу объяснить, насколько хорошо.

Харпер улыбнулась.

– Может быть, все дело в попутчике.

Ричер улыбнулся в ответ.

– Может быть.

– Скажи мне еще одну вещь.

– Какую?

– Почему мы ошибаемся насчет мотива убийства?

Ричер покачал головой.

– Подожди до тех пор, пока мы не приедем в Портленд.

– А что мы увидим в Портленде?

– Я думаю, картонную коробку, наполненную банками с краской, и абсолютно никаких намеков на то, откуда она появилась и кто ее прислал.

– И?

– И тогда мы сложим два и два и получим четыре. А так, как считаете вы, четыре у вас не получается. У вас получается какое-то большое необъяснимое число, которое совсем не похоже на четыре.

* * *

Отодвинув сиденье еще дальше назад, Ричер продремал почти весь последний час, проведенный Харпер за рулем. Предпоследний этап привел их к северо-восточным предгорьям горы Маунт-Худ. «Бьюик» переключился на третью передачу, готовясь преодолеть подъем, и резкий толчок разбудил Ричера. Открыв глаза, он посмотрел на шоссе номер 35, взбирающееся серпантином на гору. Отыскав шоссе номер 26, Харпер свернула на запад, вниз в долину, к Портленду.

Ночная панорама города была очень живописной. Высоко в небе висели рваные облака, ярко светила полная луна. В высокогорных ущельях белел снег. Раскинувшийся внизу мир казался сияющей гравюрой на серой стали.

– Красотища какая! – восторженно промолвила Харпер. – Теперь я понимаю привлекательность скитаний.

Ричер кивнул.

– Мы живем на очень-очень большой планете.

Проехав через сонный городок с красивым названием Рододендрон, они увидели впереди дорожный знак, указывающий в сторону поселка, в котором жила Рита Симека, расположенного в пяти милях дальше по склону. Когда они добрались туда, было уже почти три часа ночи. На главной улице была заправка и магазин товаров первой необходимости. Оба заведения были наглухо закрыты. На север отходила поперечная улочка. Харпер свернула на нее. Улочку пересекали переулки. Дом Симеки стоял в третьем из них, ведущем на восток вверх по склону.

Найти дом Симеки оказалось очень просто. Он был единственным в переулке, в котором горел свет. И единственным, перед которым стоял седан Бюро. Остановив машину рядом с седаном, Харпер погасила фары. Двигатель, дернувшись, заглох, и наступила полная тишина. Заднее стекло «Бьюика» запотело от дыхания; за ним виднелась одинокая голова. Голова пошевелилась, открылась дверь, и из машины вышел молодой мужчина в темном костюме. Ричер и Харпер, потянувшись, отстегнули ремни безопасности и открыли двери. Вышли из машины и остановились в прохладном воздухе, выпуская с выдохами облачка пара.

– Она дома, жива и здорова, в полной безопасности, – доложил сотрудник местного отделения. – Мне было приказано дождаться вас.

Харпер кивнула.

– А что потом?

– Потом я останусь здесь, – сказал парень. – Говорить будете вы. Я отвечаю только за охрану до тех пор, пока в восемь утра меня не сменит местная полиция.

– Полиция будет дежурить двадцать четыре часа в сутки? – спросил Ричер.

– Только двенадцать, – уныло ответил парень. – Ночи останутся за мной.

Ричер кивнул. Неплохо. Дом представлял собой большое квадратное сооружение, обшитое вагонкой, развернутое к переулку боком, так, что фасадом оно смотрело на запад. Перед входом просторное крыльцо с резными перилами. Склон горы позволил разместить спереди под домом гараж. Ворота гаража смотрели в бок, в край крыльца. К ним вела короткая дорожка. Затем местность круто уходила вверх, поэтому

подвал, судя по всему, был врыт в землю. Крошечный участок был обнесен высокой изгородью, защищающей от ураганов. Дворик был ухоженный; повсюду росли цветы, лишенные красок серебряным лунным светом.

– Она не спит? – спросила Харпер.

Сотрудник местного отделения кивнул.

– Она ждет вас.

**Глава 17**

От дороги влево отходила тропинка, она петляла в темноте между обложенными камнями клумбами и вела к широкой деревянной лестнице, которая поднималась к крыльцу. Харпер бесшумно взлетела по ступеням, но под весом Ричера они заскрипели в ночной тишине. Не успело отраженное эхо вернуться от склонов гор, как входная дверь открылась, и на крыльцо вышла Рита Симека. Одну руку она держала на дверной ручке; у нее на лице было написано недоумение.

– Привет, Ричер.

– Рад видеть тебя, Симека. Как поживаешь?

Свободной рукой она смахнула волосы со лба.

– Удовлетворительно, если учесть, что времени сейчас три часа ночи, и ФБР только что известило меня о том, что я попала в список какого-то маньяка вместе со своими десятью сестрами, четверо из которых уже мертвы.

– Как можешь убедиться, ты не зря платишь налоги, – заметил Ричер.

– А какого черта ты болтаешься вместе с федералами?

Он пожал плечами.

– Обстоятельства не оставили мне выбора.

Симека задумчиво посмотрела на него. На улице было холодно. Ночная роса усеяла каплями крашеные доски крыльца. В воздухе низко висел туман. За плечом Симеки в доме горел теплый желтый свет. Молодая женщина задержала взгляд на Ричере.

– Обстоятельства? – повторила она.

Он кивнул.

– Выбора у меня не осталось.

Симека тоже кивнула.

– Ну, как бы то ни было, я рада снова видеть тебя.

– И я тоже.

Она была высокая. Ниже ростом, чем Харпер, но это можно было сказать про большинство женщин. Накаченная мускулатура, не компактная, как у Элисон Ламарр, а скорее поджарая, как у бегуна-марафонца. На Симеке были чистые джинсы и бесформенный свитер. На ногах теплые тапки. У нее были довольно длинные каштановые волосы, челкой спускающиеся к карим глазам. Вокруг губ залегли глубокие складки. Прошло уже почти четыре года с тех пор, как Ричер видел Симеку в последний раз, и за это время она постарела на целых четыре года.

– Это специальный агент Лиза Харпер, – представил свою спутницу Ричер.

Симека поздоровалась сдержанным кивком. Ричер следил за ее глазами. Агента-мужчину Симека спустила бы с лестницы.

– Здравствуйте, – сказала Харпер.

– Что ж, пожалуй, заходите, – пригласила Симека.

Она по-прежнему не выпускала дверную ручку. Стоя на пороге, подавшись вперед, не желая выходить на крыльцо. Харпер вошла в дом, Ричер последовал за ней. Входная дверь закрылась. Они оказались в прихожей, затем прошли в дом, свежевыкрашенный, обставленный со вкусом. Вокруг чистота и порядок. Везде чувствовался домашний уют. Самое сокровенное, что есть у человека. На полу ковры из натуральной шерсти. Антикварная мебель из сверкающего полированного красного дерева. На стенах картины. Повсюду вазы с цветами.

– Хризантемы, – сказала Симека. – Я сама их выращиваю. Нравится?

Ричер кивнул.

– Очень. Хотя я так и не научился писать это слово правильно.

– Разведение цветов – мое новое увлечение, – продолжала Симека. – Я занимаюсь этим серьезно.

Она указала на гостиную.

– И еще музыка. Проходите, смотрите.

Стены были оклеены обоями спокойных тонов, деревянный пол был начищен до блеска. Сзади в углу стоял рояль. Сверкающая черная полировка. Немецкая фамилия, инкрустированная бронзой. Перед роялем большой стул, черная кожа, прошитая мебельными гвоздями.

Крышка рояля была поднята, на пюпитре стояли раскрытие ноты: густая масса черных завитков на плотной бумаге кремового цвета.

– Хотите чего-нибудь послушать? – спросила Симека.

– Конечно, – ответил Ричер.

Проскользнув за клавиатуру, она села на стул. Положила руки на клавиши, помедлила секунду, и комната наполнилась звуками печального минорного аккорда. Рояль звучал тепло, мягко. Пробежавшись по клавишам, Симека перешла на траурный марш.

– А повеселее ничего не знаешь? – спросил Ричер.

– Настроение у меня невеселое.

И все же она заиграла Лунную сонату.

– Бетховен, – объявила Симека.

Комната наполнилась серебристыми арпеджио. Симека держала ногу на левой педали, и звук был тихий, приглушенный. Отвернувшись к окну, Ричер уставился на цветы во дворе, серые в лунном свете. Где-то за западе, в девяноста милях, начинался океан, бескрайний и молчаливый.

– Вот так лучше, – сказал Ричер.

Симека доиграла сонату до конца первой части, судя по всему, по памяти, поскольку на раскрытых нотах было написано «Шопен». После того, как замер последний аккорд, она не стала убирать руки с клавиш.

– Замечательно, – похвалил Ричер. – Значит, у тебя все в порядке?

Отвернувшись от рояля, Симека посмотрела ему прямо в глаза.

– Ты хочешь сказать, я уже оправилась от того, что меня изнасиловали три подонка, которым я должна была доверить свою жизнь?

Ричер кивнул.

– Ну, что-то в таком духе.

– Наверное, оправилась, – сказала Симека. – По крайней мере, в такой степени, в какой когда-либо смогу оправиться. Но вот сейчас я узнала, что какой-то маньяк собирается убить меня за то, что я тогда пожаловалась. Согласись, это несколько выбило меня из колеи.

– Мы его обязательно схватим, – в наступившей тишине заявила Харпер.

Симека молча смерила ее взглядом.

– Ладно, мы сейчас можем посмотреть на новую стиральную машину в подвале? – спросил Ричер.

– На самом деле, это совсем не стиральная машина, да? – спросила Симека. – Но никто мне ничего не говорит.

– Скорее всего, это краска, – сказал Ричер. – В банках. Зеленая защитная, армейского образца.

– Для чего она?

– Убийца запихнет тебя в ванну и зальет сверху краской.

– Зачем?

Ричер пожал плечами.

– Хороший вопрос. Сейчас как раз над ним бьются лучшие головы Бюро.

Кивнув, Симека повернулась к Харпер.

– Вы одна из лучших голов?

– Нет, мэм. Я простой агент, – сказала та.

– А вас когда-нибудь насиловали?

Харпер покачала головой.

– Нет, мэм, ни разу.

– Ну, постарайтесь, чтобы этого никогда не случилось, – кивнула Симека. – Это вам мой совет.

Наступило молчание.

– Это меняет всю жизнь, – снова заговорила Симека. – По крайней мере, мою изменило, это уж точно. Цветы в саду и музыка, только это мне сейчас и осталось.

– Хорошие увлечения, – заметила Харпер.

– Домашние увлечения, – поправила Симека. – Я постоянно нахожусь или вот в этой комнате, или во дворе у крыльца. Из дома я почти не выхожу, ни с кем не встречаюсь. Так что послушайтесь моего совета, постарайтесь, чтобы это с вами никогда не случилось.

Харпер кивнула.

– Постараюсь.

– Пошли в подвал, – предложила Симека.

Она прошла к дверце, втиснутой под лестницу. Дверь была старая, из сосновых досок, перекрашенная много раз. За ней начиналась узкая лестница, ведущая в холод, наполненный слабыми запахами бензина и автомобильных покрышек.

– Нам придется пройти через гараж, – объяснила Симека.

Все пространство занимала новая машина, длинный золотистый «Крайслер». Симека, Ричер и Харпер один за другим протиснулись вдоль бока, и Симека открыла дверцу в стене. Из дверцы пахнуло сыростью подвала. Симека дернула за шнурок, и вспыхнул горячий желтый свет.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала она.

В подвале было тепло от котельной. Это было просторное квадратное помещение с широкими стеллажами вдоль всех стен. Сквозь балки потолка проглядывало теплоизоляционное покрытие. По полу извивались отопительные трубы. Посреди помещения на полу стояла одинокая картонная коробка. Стояла под углом к стенам, неопрятное пятно, нарушающее безукоризненный порядок окружающих стеллажей. Такая же в точности коробка. Тот же самый размер, тот же самый коричневый картон, надпись черными буквами, картинка, логотип производителя. Коробка была заклеена блестящим коричневым скотчем и с виду казалась абсолютно новой.

– Нож есть? – спросил Ричер.

Симека кивнула на верстак. Над ним на доске аккуратными рядами были развешаны инструменты. Ричер снял нож для разрезания линолеума, осторожно, потому что согласно его опыту крепеж, на котором висел инструмент, обычно отваливался вместе с инструментом. Но только не в данном случае. Ричер отметил, что каждое гнездо прикреплено к доске аккуратной пластмассовой защелкой.

Вернувшись к коробке, он разрезал скотч. Перевернул нож и рукояткой поднял крышку. Увидел внутри пять металлических кружков, отливающих желтизной. Крышки пяти банок с краской, в которых отражался свет лампочки накаливания. Отодрав металлические скрепки, Ричер достал одну банку и поднес ее к глазам. Покрутил ее. Простая жестяная банка, украшенная лишь маленькой белой полоской с отпечатанными длинным номером и словами «защитная зеленая».

– В свое время нам пришлось достаточно насмотреться на такие, – заметила Симека. – Верно, Ричер?

Он кивнул.

– Верно.

Ричер опустил банку обратно в коробку. Закрыл крышку. Сходил к верстаку и повесил нож на стену. Взглянул на Симеку.

– Когда ее доставили?

– Не помню.

– Ну хотя бы приблизительно?

– Не знаю. Где-то месяца два назад.

– Два*месяца*назад? – переспросила Харпер.

Симека кивнула.

– По-моему. Честное слово, точно я не помню.

– Ты ничего не заказывала, да? – спросил Ричер.

Симека покачала головой.

– У меня уже есть стиральная машина. Вот она.

Она показала в угол. Там была оборудована мини-прачечная. Стиральная машина, сушка, мойка. Белые пластмассовые корзины и бутылки с жидким моющим средством, аккуратно выстроившиеся на столе.

– Такую вещь ты должна была бы запомнить, – сказал Ричер. – Ты согласна?

– Наверное, я решила, что это для моей соседки, – сказала Симека.

– Ты живешь с соседкой?

– Жила раньше. Она съехала пару недель назад.

– И ты решила, стиральная машина предназначалась для нее?

– Ну, по-моему, это было разумное объяснение.

– Но соседку ты ни о чем не спрашивала?

– А зачем? Я решила, что раз это не для меня, то для кого еще?

– В таком случае, почему соседка оставила коробку здесь?

– Потому что она слишком тяжелая. Наверное, одна она с ней не смогла справиться. В конце концов, прошло лишь две недели.

– А больше соседка ничего не оставила?

Симека покачала головой.

– Нет, остальные вещи она уже забрала.

Ричер обошел вокруг коробки. Увидел прямоугольное пятно, где были наклеены документы на транспортировку.

– А бумаги соседка оторвала, – заметил он.

Симека снова кивнула.

– Наверное. У нее все было в строгом порядке.

Они молча стояли, три человека вокруг высокой картонной коробки, в ярком желтом свете, резкие тени.

– Я устала, – сказала Симека. – Мы закончили? Я хочу, чтобы вы ушли.

– Один последний момент, – сказал Ричер.

– Что еще?

– Расскажи агенту Харпер, чем ты занималась в армии.

– Зачем? Какое это имеет отношение к маньяку?

– Я просто хочу, чтобы она знала.

Симека озадаченно пожала плечами.

– Я работала в службе проверки вооружения.

– Объясни, что это такое.

– Мы испытывали новое оружие, поступавшее от производителя.

– И?

– И если оно удовлетворяло требованиям, передавали его на склады.

Молчание. Харпер посмотрела на Ричера, также озадаченная.

– Ну хорошо, – сказал тот, – теперь можно уходить.

Симека провела их до двери гаража. Дернула за шнурок и погасила свет. Они снова гуськом прошли мимо машины. Поднялись в прихожую. Симека выглянула в глазок. Открыла входную дверь. На улице стало еще более сыро и холодно.

– До свидания, Ричер, – сказала Симека. – Было приятно снова увидеться с тобой.

Затем она повернулась к Харпер.

– Вы должны ему верить. Знаете, я до сих пор ему верю. А это является чертовски весомой рекомендацией.

Входная дверь закрылась у них за спиной. Они прошли по тропинке. Услышали, как позади в двадцати футах щелкнул замок. Агент местного отделения проводил взглядом, как они сели в машину. В салоне было все еще тепло. Харпер завела двигатель и включила отопитель на полную мощность, чтобы поддержать тепло.

– У Симеки была соседка, – заметила она.

Ричер кивнул.

– Значит, твоя теория неверна. Симека вроде бы жила одна, а на самом деле вместе с ней жила подруга. Так что мы вернулись на первую клетку.

– Ну, наверное, все же на вторую. Я по-прежнему утверждаю, что речь идет о какой-то подкатегории. Никому не придет в голову нацелиться сразу на девяносто одну жертву. Это чистейшей воды безумие.

– Смотря с чем это сравнивать? – возразила Харпер. – А топить мертвых женщин в ванне, заполненной краской, это не безумие?

Ричер снова кивнул.

– И что дальше?

– Возвращаемся в Квантико, – сказала Харпер.

* * *

Дорога заняла почти девять часов. Сначала на машине до Портленда, оттуда маленький турбовинтовой самолет до Сиэттла, лайнер до аэропорта «Ньюарк», еще один лайнер до Вашингтона, где Харпер и Ричера встретил человек из Бюро, отвезший их на юг, в Вирджинию. Ричер почти все это время проспал, уступив накопившейся усталости. Когда машина въехала в центр подготовки морской пехоты, Ричер усилием воли заставил себя проснуться. Охранник у ворот базы ФБР снова выдал ему удостоверение гостя. Машина подъехала к главному зданию. Харпер первой вошла внутрь, и они спустились на лифте на четвертый этаж под землей, в комнату для совещаний, со сверкающими стенами, бутафорскими окнами и фотографиями Лорейн Стэнли на доске. По телевизору с выключенным звуком шел репортаж о прошедшем дне заседаний Палаты представителей. Блейк, Пултон и Ламарр сидели за столом, заваленным бумагами. Блейк и Пултон выглядели уставшими, но сосредоточенно крепились. Ламарр была белой словно листы бумаги, лежавшие перед ней. Глаза у нее ввалились, она дергалась от напряжения.

– Так, сначала дайте высказать догадку, – остановил Блейк Ричера и Харпер. – Симека получила коробку пару месяцев назад и не может точно вспомнить, при каких обстоятельствах. И сопроводительные бумаги отсутствуют.

– Она предположила, стиральная машина предназначалась для ее соседки, – сказала Харпер. – Она в то время жила не одна. Так что список из одиннадцати женщин не соответствует действительности.

Но Блейк покачал головой.

– Нет, с этим ничего не изменилось, – сказал он. – Человеку, который отбирал женщин только по бумагам, показалось бы, что все они живут одиноко. Мы связались по телефону со всеми остальными. Восемьдесят звонков. Представились сотрудниками службы доставки. На это ушло несколько часов. Но никто ничего не знал ни о каких картонных коробках. Так что восемьдесят женщин можно исключить; остаются только одиннадцать. Значит, теория Ричера по-прежнему верна. Если известие о соседке удивило его, оно должно будет удивить и убийцу.

Ричер взглянул на него с одобрением. И с удивлением.

– Эй, я никогда не скуплюсь на похвалу, чтобы воздать человеку должное, – заметил Блейк.

Кивнув, Ламарр дописала что-то в конец длинного списка.

– Я очень сожалею по поводу Элисон, – сказал Ричер.

– Возможно, этого можно было бы избежать, – ответила Ламарр. – Понимаешь, если бы ты помог нам с самого начала.

Наступила тишина.

– Значит, семь из семи, – сказал Блейк. – Никаких документов об отправке, никто из женщин не может сказать определенно, когда были доставлены эти коробки.

– Из семи женщин еще одна, помимо Симеки, думала на свою соседку, – добавил Пултон. – Трем женщинам регулярно доставляют что-то по ошибке, так что они вообще не придали коробкам никакого значения. И, наконец, еще две просто ничего не могут вспомнить.

– Симека тоже ничего не могла вспомнить, – сказала Харпер.

– Она перенесла психологическую травму, – напомнил Ричер. – Рита и так делает все, чтобы забыть о случившемся.

Ламарр кивнула. Сочувственно опустила голову.

– Так или иначе, Симека нас никуда не привела.

– А что насчет компаний по доставке? – спросил Ричер. – Вы их проверяете?

– Мы не знаем, о какой именно компании идет речь, – заметил Пултон. – На всех семи коробках документы об отправке отсутствуют.

– Возможных вариантов не так уж и много, – сказал Ричер.

– Ты думаешь? Ю-пи-эс, Фед-Экс, Ди-эйч-эл, «Эрборн экспресс», федеральная почта, черт бы ее побрал, да плюс еще куча региональных компаний.

– Проверьте все, – предложил Ричер.

Пултон пожал плечами.

– И что у них спросить? «Не можете ли вы вспомнить, не приходилось ли вам за последние два месяца в числе десяти миллиардов миллионов посылок доставить ту, которая нас интересует?»

– И все равно, вы должны попробовать, – настаивал Ричер. – Начните со Спокана. Такая глушь – возможно, водитель запомнил.

Подавшись вперед, Блейк кивнул.

– Хорошо, Спокан мы проверим. Но и только. В остальных местах сделать это невозможно.

– Почему все женщины ничего не помнят? – спросила Харпер.

– Причины разные, – ответила Ламарр. – Как верно заметил Ричер, все женщины перенесли психологическую травму. Крупная посылка, непрошенной попавшая на их личную территорию, является для них вторжением в святая святых. Я ожидала столкнуться с чем-то подобным.

Ее голос прозвучал тихо, сдавленно. Жилистые руки, лежавшие на столе, судорожно стиснули друг друга.

– Все равно, по-моему, это странно, – не сдавалась Харпер.

Взглянув на нее, Ламарр терпеливо покачала головой, словно учитель.

– Нет, я именно это и ожидала. Не пытайся взглянуть на все со своей колокольни. Эти женщины подверглись насилию, в прямом и в переносном смысле. Это оказывает на человека очень сильное воздействие.

– И теперь все женщины охвачены страхом, – добавил Ричер. – Раз вы установили за ними наблюдение, вам пришлось их предупредить. Определенно, Симека напугана. Это и неудивительно. Она живет очень уединенно. На месте убийцы я избрал бы ее следующей жертвой. Не сомневаюсь, что и она пришла к такому же заключению.

– Необходимо как можно скорее схватить этого ублюдка, – сказала Ламарр.

Блейк кивнул.

– Однако теперь сделать это будет непросто. Разумеется, мы будем осуществлять круглосуточную охрану всех семи женщин, получивших коробки с краской, вот только убийца заметит это издалека, так что с поличным мы его не схватим.

– Он исчезнет на какое-то время, – предположила Ламарр. – Подождет, пока мы не снимем охрану.

– Как долго мы собираемся вести наблюдение за женщинами? – спросила Харпер.

Наступила тишина.

– Три недели, – наконец ответил Блейк. – А дальше это уже будет безумием.

Харпер удивленно посмотрела на него.

– Должен же быть какой-то предел, – пояснил он. – Что ты хочешь? Круглосуточное наблюдение за всеми семерыми до конца жизни?

Снова тишина. Пултон сложил бумаги в аккуратную стопку.

– То есть, у нас есть три недели на то, чтобы схватить убийцу, – сказал он.

Кивнув, Блейк положил руки на стол.

– Значит, нам придется вкалывать непрерывно двадцать четыре часа в сутки, три недели начиная с сегодняшнего дня. Один отдыхает, а остальные тем временем работают. Джулия, ты отдыхаешь первой. Двенадцать часов, начиная прямо сейчас.

– Я не хочу отдыхать.

Блейк смутился.

– Ну, хочешь ты или нет, отдыхать тебе придется.

Ламарр покачала головой.

– Нет. Я должна быть в курсе. Пусть первым отдыхает Пултон.

– Джулия, никакие возражения не принимаются. Нам нужен строгий порядок.

– Но я нисколько не устала. Я хочу работать. К тому же, сейчас я все равно не смогу заснуть.

– Джулия, двенадцать часов отдыха, – настаивал Блейк. – И не забывай, у тебя семейное горе.

– Я никуда не уйду.

– Ты должна.

– Я не могу. Пойми, как раз сейчас мне нужно заняться делом.

У нее на лице застыла непоколебимая решимость. Вздохнув, Блейк отвел взгляд.

– Как раз сейчас ты должна отдохнуть.

– Почему?

Блейк снова посмотрел ей в лицо.

– Потому что только что сюда самолетом доставили для вскрытия тело твоей сестры. А участвовать в этом я тебе не позволю.

Ламарр попыталась было ответить ему. Она дважды беззвучно открыла и закрыла рот. Затем, заморгав, отвела взгляд.

– Итак, двенадцать часов, – сказал Блейк.

– Я смогу ознакомиться с результатами вскрытия? – тихо спросила Ламарр, не глядя на него.

Блейк кивнул.

– Да. Боюсь, без этого не обойтись.

## Глава 18

Спеканское отделение Бюро напряженно работало всю ночь. Удалось связаться со строителями, компанией проката строительной техники, авто– и авиаперевозчиками. Строители разломали стены ванной и отсоединили трубы. Криминалисты Бюро обернули ванну плотным полиэтиленом. Строители тем временем вынули окно и разобрали дальнюю стену до уровня пола. Затем стропальщики пропустили брезентовые рукава под укутанную ванну и вытащили ее на улицу. Покачавшись на стропах в прохладном ночном воздухе, ванна медленно опустилась в деревянный контейнер, установленный на платформе грузовика. Контейнер доверху засыпали пенопластом и заколотили крышкой, после чего отвезли прямиком в аэропорт Спокана. Там его загрузили в грузовой отсек готового к вылету самолета и переправили по воздуху на авиабазу Эндрюс, откуда вертолет доставил контейнер к

месту назначения в Квантико. Там погрузчик аккуратно поставил его на транспортер криминалистической лаборатории. Контейнер простоял на транспортере целый час, в течение которого эксперты решали, что делать дальше.

– В настоящий момент мне нужно знать лишь причину смерти, – распорядился Блейк.

Он сидел за длинным столом в зале заседаний в подвале морга, расположенного неподалеку от отделения изучения психологии преступников. Рядом с Блейком сидела Харпер, следом за ней Пултон, а Ричер замыкал ряд. Напротив сидел старший патологоанатом Квантико, врач по фамилии Стейвли. Ричер никак не мог избавиться от ощущения, что где-то уже слышал эту фамилию. Определенно, доктор Стейвли был хорошо известен в своих кругах. С ним обращались уважительно. Это был крупный краснолицый мужчина, чересчур веселый для своей профессии. У него были большие красные руки, с виду очень неуклюжие, хотя на самом деле это, очевидно, было не так. Рядом со Стейвли сидел его старший специалист, молчаливый худой мужчина.

– Мы ознакомились с материалами предыдущих дел, – сказал Стейвли и умолк.

– То есть? – спросил Блейк.

– То есть, особого оптимизма я не испытываю. Согласен, в Нью-Гемпшире ребята несколько отстали от жизни, но во Флориде и Калифорнии у моих коллег работы хоть отбавляй. Подозреваю, если что-то и можно было бы обнаружить, они бы это обнаружили. Там работают хорошие специалисты.

– Но лучшие все равно здесь, – заметил Блейк.

Стейвли улыбнулся.

– Лестью вы ничего не добьетесь, договорились?

– Это вовсе не лесть.

Стейвли продолжал улыбаться.

– Если искать нечего, то что мы сможем с этим поделать?

– Что-то обязательно должно быть, – решительно заявил Блейк. – На этот раз убийца совершил первую ошибку – не закрыл коробку.

– И что?

– А то, что, возможно, он совершил еще одну ошибку, оставив что-нибудь и для вас.

Стейвли задумался.

– Ну хорошо, я только хотел предупредить, чтобы вы не питали особых надежд.

Резко поднявшись с места, он сплел толстые пальцы и вытянул руки. Повернулся к помощнику.

– Ну как, мы готовы?

Тот кивнул.

– Предположительно на поверхности краски образовался затвердевший слой толщиной дюйм – полтора. Если отрезать его по кругу от эмалированной поверхности ванны, можно будет подсунуть под тело конверт и извлечь его.

– Хорошо, – заметил Стейвли. – Оставьте как можно больше краски. Я хочу, чтобы воздействия на тело были минимальными.

Помощник поспешно удалился, и Стейвли вышел следом, справедливо предположив, что остальные четверо последуют за ним. Так оно и произошло; шествие замыкал Ричер.

* * *

Патологоанатомичесая лаборотория ничем не отличалась от других, которые пришлось повидать Ричеру. Просторное помещение, низко нависший потолок, яркое освещение люминесцентными лампами. Стены и пол были выложены белым кафелем. Посреди лаборатории стоял большой операционный стол из сверкающей нержавеющей стали. В центре стола имелась дренажная трубка. Трубка вела в стальную трубу, проходящую по полу. Стол был окружен тележками на колесах, на которых лежали медицинские инструменты. С потолка свисали шланги. Видеокамеры на штативах, весы, щипцы для удаления инородных предметов. Тихо гудела вентиляция; в прохладном, неподвижном воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств.

– Халаты и перчатки, – распорядился Стейвли.

Он указал на стальной столик, на котором лежали сложенные нейлоновые халаты и стояла коробка с одноразовыми латексными перчатками. Харпер принесла на всех.

– Скорее всего, маски нам не понадобятся, – продолжал Стейвли. – Полагаю, кроме запаха краски мы ничего не почувствуем.

Краской запахло сразу, как только в лабораторию вкатили носилки на колесах. На носилках лежал конверт для транспортировки трупов, перепачканный зеленой краской. Краска просачивалась через молнию, стекала по стальным ножкам до колес и оставляла два параллельных

следа на белом кафеле. Помощник Стейвли наступал между следами. Колеса стучали на стыках плитки, и конверт колыхался и трепетал, словно огромный надувной шар, залитый маслом. Руки помощника были испачканы в краске по самые локти.

– Первым делом рентген, – сказал Стейвли.

Помощник покатил носилки в отдельное закрытое помещение. Ричер распахнул перед ним дверь. Казалось, дверь весила не меньше тонны.

– Обшита свинцовыми пластинами, – объяснил Стейвли. – Наших пациентов мы не жалеем. Просвечиваем их насквозь очень мощными дозами, чтобы видеть все. Нам ведь не приходится заботиться о воздействии рентгеновского облучения на здоровье, вы согласны?

Побыв в комнате, помощник вернулся в лабораторию и закрыл за собой массивную дверь. Послышалось приглушенное жужжание излучателя, продолжавшееся около секунды. Сходив в комнату, помощник возвратился, толкая носилки. Колеса по-прежнему оставляли следы на кафеле. Помощник поставил носилки рядом с операционным столом.

– Перекати тело на стол, – распорядился Стейвли. – Мне нужно, чтобы оно лежало лицом вниз.

Перегнувшись над столом, помощник взялся обеими руками за край конверта и перетащил его с носилок на стол. Затем обошел стол, взял конверт за другой край и перевернул его. Конверт упал молнией вниз, чавкая болтающейся внутри густой массой. На полированную сталь вытекли струйки краски. Стейвли печально посмотрел на исчерченный зелеными полосами пол.

– Ребята, всем надеть бахилы. Краска будет повсюду.

Харпер нашла в ящике столика пластиковые бахилы и раздала их всем. Натянув бахилы на ноги, Ричер вернулся к операционному столу и стал смотреть на краску, густой струей вытекавшую через молнию.

– Давай снимки, – сказал Стейвли.

Сходив в рентгеновскую лабораторию, помощник вернулся с несколькими большими серыми квадратами фотопленки, на которых было заснято тело Элисон Ламарр. Он протянул снимки Стейвли. Тот поочередно изучил их, поднося к свету ламп.

– Мгновенная обработка, – заметил Стейвли. – Как «Поляроид». Преимущества научного прогресса.

Порывшись в снимках словно картежник, он выбрал один из них и снова поднес его к свету. Шагнул к матовому экрану на стене, зажег в нем свет и прижал фотопленку к экрану большим пальцем.

– Взгляните вот на это.

Это был снимок центральной части тела от грудины до лобка. Ричер различил размытые очертания серых костей, ребер, позвоночника, таза, лежащей под углом кисти руки. И еще один силуэт, четкий и настолько светлый, что лампа ярко светилась через него. Металл. Тонкая, заостренная полоска, длиной с кисть руки.

– Это какой-то инструмент, – заметил Стейвли.

– У остальных убитых женщин ничего подобного не было, – заметил Пултон.

– Доктор, нам нужно как можно скорее увидеть, что это такое, – сказал Блейк. – Это очень важно.

Стейвли покачал головой.

– В настоящий момент этот предмет находится прямо под телом убитой, потому что она лежит на животе. Мы до него доберемся, только нескоро.

– Сколько времени понадобится на это?

– Столько, сколько понадобится, – уклончиво ответил Стейвли. – Придется повозиться.

Он последовательно закрепил серые фотографии на световом экране. Прошел вдоль жуткого изображения, изучая его.

– Скелет без видимых повреждений. На левом запястье был перелом, сросшийся, – заметил Стейвли, указывая на второй снимок. – Это случилось лет десять назад.

– Убитая занималась спортом, – сказал Ричер. – Об этом рассказывала ее сестра.

Стейвли кивнул.

– Проверим ключицы.

Шагнув влево, он изучил первый снимок. На нем были череп, шея и плечи. Светлые ключицы сходились к грудине.

– Маленькая трещина, – указал на снимок Стейвли. – Что я и ожидал. Ломая запястье, спортсмен, как правило, ломает и ключицу. Обычно это происходит, когда он падает с велосипеда, с роликовой доски или еще откуда-нибудь, выставляет вперед руку, чтобы смягчить падение, а в результате ее ломает.

– Но свежих повреждений нет? – спросил Блейк.

Стейвли покачал головой.

– Этим трещинам уже лет десять, а то и больше. Если вы хотите знать, умерла ли она вследствие физической травмы, мой ответ отрицательный.

Он щелкнул выключателем, погасив свет за рентгеновскими снимками. Затем прошел к операционному столу и снова сплел пальцы. В полной тишине захрустели суставы.

– Ну хорошо, принимаемся за работу.

Сняв шланг, ведущий от потолка, Стейвли открыл маленький краник на сопле. Послышалось шипение, затем хлынула струя прозрачной жидкости. Воздух сразу же наполнился сильным, резким запахом.

– Ацетон, – объяснил Стейвли. – Первым делом надо смыть эту чертову краску.

Он направил струю ацетона на конверт и на стальной стол. Его помощник принялся вытирать конверт полотенцем, сгоняя зеленое месиво в дренажную трубку. Запах сильного растворителя стал невыносимым.

– Вентилятор! – бросил Стейвли.

Метнувшись к стене, помощник щелкнул выключателем, и шум вентиляторов на потолке сменился с приглушенного гула на громкий рев. Стейвли приблизил сопло шланга к конверту, и его цвет стал меняться с мокрого зеленого на мокрый черный. Затем он опустил шланг к самому столу, сгоняя растворенную краску прямо в дренажное отверстие.

– Хорошо, теперь ножницы.

Взяв со столика ножницы, помощник вспорол угол конверта. Оттуда хлынула зеленая краска. Подхваченная струей ацетона, краска нехотя устремилась в дренажное отверстие. Она вытекала две минуты, три минуты, пять минут. Освобождаясь от нее, конверт сдувался, оседал. Тишина нарушалась только ревом вентиляторов и свистом струи ацетона.

– Так, теперь начинается самое веселое, – объявил Стейвли.

Передав шланг помощнику, он взял со столика скальпель и вспорол весь конверт снизу доверху. Сделал боковые разрезы вверху и внизу и медленно откинул резину. Она с чавкающим звуком отлепилась от кожи. Стейвли свернул ее двумя большими кусками. Открылось тело Элисон Ламарр, лежащие лицом вниз, липкое и скользкое от краски.

Снова взяв скальпель, Стейвли разрезал резину вокруг ступней, вдоль ног, повторил обводы бедер, поднялся вдоль талии, обогнул локти,

прошел вокруг плеч и головы. Убрал всю лишнюю резину, и от конверта осталась только передняя сторона, зажатая между слоем засохшей краски и стальным столом.

Поскольку тело лежало лицом вниз, корка краски была перевернута. Верхний слой представлял собой желеобразные пузыри. Напоминающие поверхность далекой планеты. Стейвли принялся осторожно смывать струей ацетона его края, в тех местах, где краска прилипла к коже.

– Это не повредит коже? – спросил Блейк.

Стейвли покачал головой.

– Это то же самое, что жидкость для снятия лака с ногтей.

Под смытой краской стала проступать зеленовато-белая кожа. Стейвли обеими руками в перчатках оторвал корку краски. При этом тело приподнялось над столом, затем упало. Стейвли направил струю под него, борясь с упрямой, цепкой краской. Помощник поднял ноги. Стейвли срезал краску вместе с резиной, отрывая ее от бедер. Ацетон продолжал хлестать из шланга, смывая зеленоватое месиво в дренажное отверстие.

Стейвли перешел к голове. Направил струю на затылок. Волосы убитой представляли собой страшное зрелище. Они были спутанными, слипшимися от краски. Волосы плавали вокруг лица жесткой паутиной.

– Придется их отрезать, – заметил Стейвли.

Блейк угрюмо кивнул.

– У нее были замечательные волосы, – заметила Харпер.

Ее голос был едва слышен за шумом вентиляторов. Отвернувшись от стола, она отступила назад. Коснувшись плечом груди Ричера. При этом она задержалась так на секунду дольше, чем должна была бы.

Взяв со столика новый скальпель, Стейвли прошелся по волосам, стараясь добраться как можно ближе к засохшей краске. Затем, просунув руку под плечи, приподнял тело. Голова освободилась, оставив спутанные волосы в краске, словно корни мангровых деревьев, переплетенные в болоте. Разрезав краску и резину, Стейвли освободил еще один кусок.

– Надеюсь, вы поймаете этого ублюдка, – мрачно заметил он.

– Для того мы и делаем все это, – угрюмо пробурчал Блейк.

– Переворачиваем ее, – сказал Стейвли.

Тело перевернулось без труда. Ацетон, смешанный со скользкой краской, стал своеобразной смазкой. Жуткое лицо Элисон Ламарр предстало в ярком свете люминесцентных ламп. Зеленовато-белая кожа была покрыта морщинками и подтеками краски. Глаза были открыты, веки покрылись зеленой каемкой. Последний кусок конверта оставался прилипшим к телу от груди до бедер, словно старомодный купальник, скрывающий срамные места.

Пошарив рукой, Стейвли нащупал под слоем резины металлический предмет. Сделав в резине надрез, он осторожно пропустил туда пальцы и, словно в гротескной пародии на хирургическую операцию, извлек этот предмет.

– Отвертка, – объявил патологоанатом.

Помощник обмыл ее в ванночке с ацетоном. Это оказался качественный инструмент с тяжелой пластмассовой рукояткой и наконечником из хромированной стали.

– Из набора инструмента в ящике кухонного стола, помните? – сказал Ричер.

– У нее на лице царапины, – вдруг произнес Стейвли.

Он обмывал струей ацетона лицо. На левой щеке от глаза к подбородку проходили четыре параллельные раны.

– Раньше это у нее было? – спросил Блейк.

– Нет, – хором ответили Харпер и Ричер.

– Так что это значит? – спросил Блейк.

– Она была правшой? – вдруг спросил Стейвли.

– Не знаю, – ответил Пултон.

Харпер кивнула.

– По-моему, да.

Закрыв глаза, Ричер мысленно вернулся на кухню Элисон Ламарр, увидел, как она разливает кофе.

– Да, правшой, – уверенно заявил он.

– Согласен, – сказал Стейвли, осмотрев руки и пальцы убитой. – Правая рука чуть больше левой. И тяжелее.

– И что? – спросил Блейк, склонившись над изуродованным лицом.

– Я считаю, убитая сама нанесла эти царапины, – сказал Стейвли.

– Вы в этом уверены?

Стейвли обошел несколько раз вокруг головы убитой, ища лучшее освещение. Свежие раны распухли от попавшей в них краски. Стали зелеными, хотя должны были быть алыми.

– Дать однозначный ответ я не могу. Вы это понимаете. Но с высокой долей вероятности все произошло именно так. Если бы раны нанес убийца, каковы шансы, что он нанес бы их в единственном месте, где убитая могла нанести их сама?

– Он заставил ее, – сказал Ричер.

– Как? – спросил Блейк.

– Не знаю. Но он заставляет убитых делать многое. Например, я уверен, что он заставляет их самих выливать краску в ванну.

– Почему?

– Отвертка. С ее помощью открывались банки. А мысль о царапинах пришла уже позже. Если бы убийца сразу подумал о царапинах, он заставил бы убитую захватить с кухни не отвертку, а нож. Или и то, и другое.

Блейк отвернулся к стене.

– Где сейчас банки?

– Здесь, в криминалистической лаборатории, – ответил Пултон. – С ними работают эксперты.

– Отнеси им отвертку. Пусть проверят, соответствуют ли следы.

Помощник Стейвли убрал отвертку в чистый полиэтиленовый пакет. Пултон снял халат, сбросил бахилы и поспешно вышел.

– Но зачем? – спросил Блейк. – Зачем заставлять убитую царапать себе лицо?

– Гнев? – предположил Ричер. – Желание наказать? Унизить? Меня с самого начала мучил вопрос, где следы жестокости.

– Раны поверхностные, – сказал Стейвли. – Полагаю, они немного кровоточили, но не были болезненными. Их глубина одинакова на всем протяжении. То есть, убитая не дрожала.

– Быть может, это что-то ритуальное, – предположил Блейк. – Имеет какой-то символический смысл. Четыре параллельные линии ничего не означают?

– По крайней мере, для меня ничего, – покачал головой Ричер.

– Как она была убита? – спросил Блейк. – Вот что нам необходимо узнать в первую очередь.

– Быть может, убийца заколол ее отверткой, – предположила Харпер.

– Никаких следов этого, – возразил Стейвли. – Нигде нет колотых ран, которые могли бы стать смертельными.

Он уже оторвал от тела последний кусок резины и смывал краску с живота, помогая струе ацетона затянутыми в перчатку пальцами. Помощник убрал кусок резины, и тело осталось обнаженным под ярким светом, обмякшее и совершенно безжизненное. Ричер смотрел на него и вспоминал красивую, жизнерадостную женщину, улыбавшуюся и излучавшую энергию подобно крохотному солнцу.

– Можно ли убить человека так, чтобы это не мог определить патологоанатом? – спросил он.

Стейвли покачал головой.

– Нет, если этот патологоанатом – я.

Перекрыв струю ацетона, он отпустил шланг, и тот втянулся в отверстие в потолке. Подойдя к стене, Стейвли переключил вентиляцию в нормальный режим. В помещении снова стало тихо. Тело лежало на столе, по возможности отмытое от краски. В порах и складках кожи остались зеленые подтеки, сама кожа была мертвенно-бледной и одутловатой, словно кожа существа, живущего на дне моря. Слипшиеся остатки грубо отрезанных волос, обрамляющие мертвое лицо, топорщились от краски.

– Существует всего два способа лишить человека жизни, – сказал Стейвли. – Можно или остановить сердце, или прекратить подачу кислорода к мозгу. Но сделать одно или другое, не оставив никаких следов, чертовски сложно.

– Как можно остановить сердце? – спросил Блейк.

– Если речь не идет о том, чтобы продырявить его пулей? Лучший способ – закупорка артерии воздухом. В кровяной поток вводится достаточно большой пузырек воздуха. Кровь перемещается по телу поразительно быстро, и пузырек воздуха ударит по внутренней стенке сердца словно камень, словно крошечная пуля, выстреленная изнутри. Как правило, это приводит к летальному исходу. Вот почему медсестра поднимает шприц, ударяет по нему ногтем и выпускает через иголку немного жидкости. Для того, чтобы убедиться, что внутри не осталось воздуха.

– Но след от укола будет виден, разве не так?

– Может быть, и не виден. Определенно, на таком трупе его не обнаружить. Кожные покровы испорчены краской. Но можно будет обнаружить внутренние повреждения, причиненные сердцу. Разумеется, я проверю это во время вскрытия, однако особой надежды нет. В предыдущих трех случаях ничего похожего не было. А ведь мы исходим из предположения, что убийца действует одним и тем же способом, верно?

Блейк кивнул.

– А что насчет перекрытия подачи кислорода мозгу?

– Говоря простым языком, это удушение, – сказал Стейвли. – Удушить человека можно, практически не оставляя следов. Классический случай – старику, слабому и беспомощному, зажимают лицо подушкой. Доказать что-либо практически невозможно. Но в данном случае речь идет не о беспомощном старике. Убитая была молода и сильна.

Ричер кивнул. В своей долгой и бурной карьере ему однажды, давным-давно пришлось задушить человека. Для этого ему пришлось приложить все свои силы, чтобы прижать его лицом к матрасу, пока тот вырывался и бился в предсмертных судорогах.

– Элисон Ламарр оказала бы отчаянное сопротивление, – сказал он.

– Да, согласен с вами, – подтвердил Стейвли. – Но взгляните на нее. Взгляните на ее мускулатуру. Справиться с ней было бы очень непросто.

Ричер наоборот отвел взгляд. В помещении было прохладно и тихо. Жуткая зеленая краска была повсюду.

– Я считаю, она ложилась в ванну еще живая, – сказал он.

– Основания? – спросил Стейвли.

– Никаких следов, – ответил Ричер. – Абсолютно никаких. В ванной царила безукоризненная чистота. Сколько весила Элисон Ламарр? Сто двадцать фунтов? Сто двадцать пять? Слишком большая тяжесть, чтобы опустить ее в ванну и не оставить никаких следов.

– А может быть, краска была вылита потом, – предположил Блейк. – Уже на тело.

Ричер покачал головой.

– В таком случае оно неизбежно бы всплыло. Нет, судя по всему, Элисон Ламарр сама погрузилась в краску, как обычно погружаются в ванну. Понимаете, да: сначала попробовать воду пальцами ноги, затем опуститься.

– Надо будет провести эксперимент, – сказал Стейвли. – Но я склонен согласиться, что убитая умерла уже в ванне. В предыдущих трех случаях не было никаких указаний на то, что к убитым вообще прикасались. Ни шрамов, ни ссадин, ни посмертных повреждений. При перемещении трупа обычно повреждаются связки в суставах, потому что их уже не оберегает напряжение мышц. Пока что я считаю, что убитые делали все сами.

– За исключением того, что они не убивали сами себя, – заметила Харпер.

Стейвли кивнул.

– Смерть без посторонней помощи в ванной ограничивается утоплением в состоянии алкогольного или наркотического опьянения или вскрытием вен в теплой воде. Очевидно, в данном случае речь о самоубийстве не идет.

– И никто из женщин не утонул, – добавил Блейк.

Стейвли снова кивнул.

– По крайней мере, три первые жертвы не утонули. В легких никаких посторонних жидкостей. Мы узнаем это, как только осуществим вскрытие, но я опять-таки не склонен к оптимизму.

– Черт побери, так как же она умерла? – спросил Блейк.

Стейвли посмотрел на мертвое тело, и у него на лице появилось что-то вроде сострадания.

– Пока что у меня нет никаких мыслей. Дайте мне часа два, три, возможно, я что-нибудь найду.

– Никаких мыслей?

– Ну, у меня была одна теория, – сказал Стейвли. – Я построил ее на основании предыдущих трех случаев. Вся беда в том, что сейчас я считаю свою теорию абсурдной.

– Что за теория?

Стейвли покачал головой.

– Позже, договорились? И сейчас вам надо будет уйти. Я буду ее резать, и мне бы не хотелось, чтобы вы при этом присутствовали. Полагаю, бедняжка имеет на это право.

**Глава 19**

Халаты и бахилы свалили у двери. Затем, попетляв по коридорам здания центра судебной медицины, все вышли на улицу. К основному зданию они направились кружным путем через автостоянку, словно быстрая ходьба на прохладном осеннем воздухе могла избавить от запаха краски и смерти. Потом все молча спустились на лифте на четвертый этаж под землей. Прошли по узкому коридору, высыпали в зал совещаний и застали там Джулию Ламарр, сидевшую в одиночестве за столом перед молчаливым экраном телевизора.

– Ты не должна быть здесь, – с упреком произнес Блейк.

– Стейвли вынес какие-нибудь заключения? – тихо спросила Ламарр.

Блейк покачал головой.

– Позже. А тебе нужно отправляться домой.

Она пожала плечами.

– Я же говорила, что не могу уехать домой. Я должна находиться в курсе всего происходящего.

– Но ты устала.

– Ты хочешь сказать, что я не справляюсь с работой?

Блейк вздохнул.

– Джулия, не трожь меня. Мне нужно организовать работу. Если ты свалишься с ног от усталости, от тебя не будет никакого толка.

– Этого не произойдет.

– Ты не понимаешь, это был приказ!

Ламарр махнула рукой. Харпер удивленно посмотрела на нее.

– Это был приказ, – повторил Блейк.

– А я его не выполнила, – сказала Ламарр. – И что ты будешь делать по этому поводу? Нам предстоит напряженная работа. У нас три недели на то, чтобы найти убийцу. Времени очень мало.

Ричер покачал головой.

– Времени больше чем достаточно.

Все повернулись к нему.

– Надо только прямо сейчас разобраться с мотивом преступления, – продолжал он.

Последовало молчание. Ламарр напряглась.

– По-моему, с мотивом все очевидно, – сказала она.

В ее голосе прозвучал лед. Повернувшись к ней, Ричер постарался смягчить выражение своего лица, делая поправку на то, что меньше чем за два дня она лишилась всех своих родных.

– Только не для меня, – сказал он.

Ламарр повернулась к Блейку, ища у него поддержки.

– Нельзя снова начинать этот бессмысленный спор. Только не сейчас.

– Мы должны это сделать, – настойчиво произнес Ричер.

– Мы уже проделали всю необходимую работу, – отрезала Ламарр.

– Успокойтесь, – остановил их Блейк. – Успокойтесь. У нас есть три недели, и мы не будем терять ни минуты на бесполезные споры.

– Вы потеряете все три недели, если будете упираться в своем заблуждении, – заметил Ричер.

Атмосфера в зале стала напряженной. Ламарр не отрывала взгляда от стола. Блейк молчал. Наконец он кивнул.

– Ну хорошо, Ричер, у тебя есть три минуты. Объясни, что у тебя на уме.

– Вы ошибаетесь насчет мотива, – сказал Ричер. – Вот что у меня на уме. И эта ошибка мешает вам искать в нужном направлении.

– Мы уже проделали всю необходимую работу, – повторила Ламарр.

– Что ж, значит, придется переделать ее заново, – мягко возразил Ричер. – Потому что мы никогда не найдем убийцу, если будем искать его не в том месте. С этим все согласны, так?

– Неужели никак нельзя обойтись без всего этого? – воскликнула Ламарр.

– Ричер, у тебя осталось две минуты тридцать секунд, – напомнил Блейк. – Говори, что у тебя.

Ричер набрал полную грудь воздуха.

– Мы имеем дело с очень умным человеком, так? С очень-очень умным. Причем ум его направлен в одну определенную сторону. Этот человек совершил четыре убийства, придерживаясь сложного, тщательно расписанного сценария, и при этом не оставил ни малейшей улики. Пока что он совершил лишь одну ошибку, оставил незапечатанной коробку с краской. Но и эта ошибка простительна, потому что она нас никуда не привела. Итак, мы имеем дело с человеком, который успешно оценивает тысячу факторов, принимая правильные решения, и все это в

напряженной обстановке. Он убил четверых женщин, а мы до сих пор даже не знаем,*как*.

– Ну и? – спросил Блейк. – К чему ты клонишь?

– Задумайтесь, какой у него интеллект, – продолжал Ричер. – Очень специфический. Направленный в практическое русло, максимально приближенный к реальной жизни. Убийца твердо стоит обеими ногами на земле. Он прагматик, он тщательно продумывает каждый свой шаг. Он находит решение любой проблемы. У него исключительно рациональный подход. Он имеет дело с *реальностью*.

– Ну и? – снова спросил Блейк.

– А теперь разреши задать тебе один вопрос. У тебя есть какие-нибудь проблемы с чернокожими?

– Что?

– Не удивляйся, просто ответь на мой вопрос.

– Нет, никаких.

– Они могут быть как плохими, так и хорошими, причем это не зависит от цвета кожи, так?

– Естественно. Совершенно не зависит.

– Ну а с женщинами? Они тоже могут быть как плохими, так и хорошими, верно?

Блейк кивнул.

– Разумеется.

– А если кто-нибудь утверждает, что все чернокожие плохие, или что все женщины плохие?

– Ну, я отвечу, что этот человек неправ.

– Ты *ответишь*, что он неправ, и ты *знаешь*, что он неправ, потому что у тебя в сознании глубоко засела правда.

Блейк снова кивнул.

– Ну да. И что с того?

– Мой опыт говорит то же самое. Расисты фундаментально неправы. Как и женоненавистники. Тут нечего спорить. То есть, их позиция иррациональна в своей основе. А вот теперь подумай вот над чем. Человек, поднявший столько шума из-за проблемы сексуальных домогательств,*неправ*.Человек, который винит во всем

жертвы,*неправ.*Человек, который жаждет отомстить жертвам, *неправ.*То есть, у него в голове раскрутился какой-то винтик. Его мозг не может функционировать правильно. Он не может мыслить рационально. Он живет не в реальном мире. По сути своей, он психически ненормальный.

– Ну и?

– Но наш убийца совершенно нормальный человек. Мы только что сошлись во мнении, что он чрезвычайно умен. Он не эксцентрик, не лунатик, а прагматик, практик, человек рациональный и приземленный. Он живет в реальном мире. Мы только что договорились об этом.

– Ну и?

– То есть, им движет не чувство ненависти в отношении всех этих женщин. Этого просто не может быть. Это невозможно. Нельзя быть одновременно чрезвычайно умным в проблемах реальной жизни и психически ненормальным. Нельзя быть рациональным*и*иррациональным. Нельзя жить в реальном мире и*не жить*в нем.

Последовала тишина.

– Мы*знаем*мотив убийцы, – решительно заявила Ламарр. – Тут нечего даже голову ломать. Категория жертв слишком специфическая.

Ричер покачал головой.

– Нравится вам или нет, то, как вы описываете мотив, делает убийцу человеком с умственными расстройствами. Но человек с умственными расстройствами не смог бы совершить все эти преступления.

– Ну хорошо, в таком случае, просвети нас, умник, каков его настоящий мотив? – тихо произнесла Ламарр.

– Не знаю, – сказал Ричер.

– Не знаешь? Ты что, шутишь? Ты ставишь под сомнение мой опыт, мои знания, а потом говоришь, что*не знаешь?*

– Это должно быть что-то очень простое. В конечном счете все всегда сводится к чему-то простому, верно? В девяноста девяти случаях из ста простое объяснение является правильным. Быть может, у вас, мозговедов, все обстоит по-другому, однако в реальном мире все именно так.

Никто не произнес ни слова. Дверь открылась, и в зал заседаний молча вошел Пултон, маленький, песчано-коричневый, с бледной улыбкой, витающей под усами. Улыбка исчезла, как только он проникся царящей

в зале атмосферой. Тихо присев рядом с Ламарр, Пултон пододвинул к себе стопку бумаг.

– Что тут у вас происходит? – спросил он.

Блейк кивком указал на Ричера.

– Вот этот умник утверждает, что Джулия неправильно определила мотив.

– И в чем мы неправы?

– Вот умник как раз и пытается нам объяснить. Ты успел как раз вовремя к началу лекции.

– Что насчет отвертки? – спросил Ричер. – Каково заключение экспертов?

Улыбка вернулась на лицо Пултона.

– Банки с краской были открыты или этой отверткой, или другой, абсолютно идентичной. Следы полностью соответствуют. Но все же, что с мотивом?

Вздохнув, Ричер обвел взглядом лица присутствующих. Лицо Блейка, враждебное. Лицо Ламарр, бледное и напряженное. Лицо Харпер, горящее любопытством. Лицо Пултона, недоуменное.

– Итак, умник, мы слушаем, – сказал Блейк.

– Это должно быть что-то простое, – повторил Ричер. – Что-то простое и очевидное. И обычное. И еще достаточно доходное, чтобы это имело смысл оберегать.

– Убийца что-то оберегает?

Ричер кивнул.

– Я так думаю. На мой взгляд, он устраняет свидетелей.

– Свидетелей чего?

– Полагаю, какого-то преступления.

– Какого преступления?

Ричер пожал плечами.

– Судя по всему, чего-то крупного, систематического.

Наступила тишина.

– Это связано с армией? – спросила Ламарр.

– Естественно, – ответил Ричер.

Блейк кивнул.

– Ну хорошо, какая-то систематическая преступная деятельность в армии. Какая же?

– Не знаю, – сказал Ричер.

Снова наступила тишина. Вдруг Ламарр уронила лицо в руки. У нее затряслись плечи. Она принялась раскачиваться на стуле. Ричер удивленно посмотрел на нее. Ламарр рыдала так, будто у нее разрывалось сердце. Ричер понял это не сразу, потому что она плакала совершенно беззвучно.

– Джулия! – окликнул ее Блейк. – Что с тобой?

Ламарр отняла руки от лица. Беспомощно махнула рукой, показывая: «Подождите, дайте прийти в себя.» Ее бледное как полотно лицо было искажено от страданий. Глаза были закрыты. В зале наступила полная тишина. Нарушаемая лишь шелестом дыхания.

– Простите меня, – наконец промолвила Ламарр.

– Ничего страшного, – успокоил ее Блейк. – Это стресс.

Она лихорадочно затрясла головой.

– Нет, я совершила ужасную ошибку. Ибо я считаю, что Ричер прав. Иначе быть не может. А я все это время ошибалась. Я все испортила. Упустила самое главное. Я должна была понять это гораздо раньше.

– Не кори себя напрасно, – заметил Блейк.

Подняв лицо, Ламарр ошеломленно посмотрела на него.

– Не корить себя? Разве ты не понимаешь? Мы потеряли столько времени!

– Это неважно, – вяло возразил Блейк.

Она смотрела ему в лицо.

– Нет,*важно*. Разве ты не понимаешь? Я потеряла столько времени, и из-за этого погибла моя сестра. Это я во всем виновата.*Я убила ее*. Потому что я ошибалась.

Снова молчание. Блейк беспомощно смотрел на Ламарр.

Та покачала головой. Вытерла глаза.

– Нет-нет, я должна работать. Я и так уже потеряла слишком много времени. Поэтому сейчас мне нужно думать. Я должна наверстать упущенное.

– Тебе нужно отправиться домой. Отдохнуть пару дней.

Ричер не отрывал взгляда от Ламарр. Она бессильно обмякла на стуле, словно только что подверглась жестокому избиению. Ее бледное лицо покрылось красными пятнами. Дыхание стало прерывистым, взгляд стал отсутствующим.

– Тебе нужно отдохнуть, – повторил Блейк.

Словно очнувшись, Ламарр затрясла головой.

– Быть может, позже.

Снова наступило молчание. Наконец Ламарр выпрямилась на стуле и шумно вздохнула.

– Возможно, попозже я отдохну. Но сначала я буду*работать*.Сначала мы все будем работать. Думать. Думать об армии. Что это может быть за преступная деятельность?

– Я не знаю, – снова произнес Ричер.

– Думай же, думай! – воскликнула Ламарр. – Что может защищать убийца?

– Ричер, выкладывай нам все, что у тебя на уме, – приказал Блейк. – Раз ты начал этот разговор, у тебя есть какие-то мысли.

Ричер пожал плечами.

– Ну, разве что только половинка мысли.

– Выкладывай все, что у тебя есть, – повторил Блейк.

– Ну хорошо. Чем занималась в армии Эми Каллан?

Блейк недоуменно перевел взгляд на Пултона.

– Работала в службе снабжения боеприпасами, – ответил тот.

– Лорейн Стэнли? – продолжал Ричер.

– Сержант интендантской службы.

Ричер помолчал.

– Элисон?

– Подразделение непосредственной поддержки пехоты, – безучастным голосом ответила Ламарр.

– Нет, до того.

– Транспортный батальон.

Ричер кивнул.

– Ну а Рита Симека?

– Служба проверки вооружения.

– Ну и что? – спросил Блейк.

– Что связывает сотрудника службы снабжения боеприпасами, сержанта интендантской службы, водителя транспортного батальона и сотрудника службы проверки вооружения?

– Объясни.

– Что я отнял у тех двоих типов из ресторана?

Блейк пожал плечами.

– Не знаю. Этим занимается Джеймс Козо из Нью-Йорка. Мне только известно, что ты украл у них деньги.

– У них были пистолеты. «Беретты» М-9, со спиленными серийными номерами. Что это означает?

– То, что оружие было добыто незаконно.

Ричер кивнул.

– В армии. «Беретта» М-9 – это армейский пистолет.

Блейк по-прежнему ничего не понимал.

– И что с того?

– А то, что если кто-то в армии защищает преступную деятельность, это деятельность скорее всего связана с кражей, а раз ставки настолько высоки, что из-за этого убивают свидетелей, то крадется, скорее всего, оружие, ибо именно здесь сосредоточены деньги. А все убитые женщины по долгу службы могли быть свидетелями кражи оружия. Все они находились в цепочке от транспортировки до испытания и хранения.

Последовало молчание. Наконец Блейк покачал головой.

– Ты сошел с ума. Все совпадения слишком случайные. Твое предположение бредовое. Какова вероятность того, что все свидетели преступлений также стали жертвами сексуальных домогательств?

– Это лишь предположение, – сказал Ричер. – Однако, как мне видится, шансы весьма высоки. Единственной женщиной,*действительно*подвергшейся насилию, была сестра Джулии. Каролина Кук в счет не идет, потому что на самом деле она просто выгодно использовала новые порядки.

– А как же насчет Каллан и Стэнли? – спросил Пултон. – Это, по-твоему, тоже не сексуальные домогательства?

Ричер молча покачал головой. Помощь ему пришла оттуда, откуда он ее совсем не ожидал. Подавшись вперед, Ламарр забарабанила пальцами по столу. У нее в глазах снова вспыхнул огонь жизни.

– Нет, ребята, подумайте обо всем вот с какой стороны, – сказала она. – Подойдите*шире*.Эти женщины не жертвы сексуальных домогательств*и* свидетели. Они стали жертвами сексуальных домогательств,*потому что*были свидетелями. Предположим, вы служите в армии и занимаетесь какой-либо преступной деятельностью, и у вас в части есть женщина, которая не желает молчать о том, что происходит у нее на глазах. Что вам остается делать? Избавиться от нее, вот что. А какой самый быстрый способ добиться этого? Сделать так, чтобы этой женщине стало неуютно, с сексуальной точки зрения.

Наступила тишина. Наконец Блейк снова покачал головой.

– Нет, Джулия. Ричер увидел призраков, только и всего. Все это не более чем случайные совпадения. Вероятность того, что Ричер однажды вечером случайно оказался в переулке за рестораном и наткнулся там на другой конец преступления, из-за которого убивают наших женщин, не более одной миллионной.

– Одной миллиардной, – поправил Пултон.

Ламарр сверкнула глазами.

– *Думайте же*, во имя всего святого! – воскликнула она. – Разумеется, Ричер не говорит, что стал свидетелем*того самого*преступления, из-за которого погибли наши женщины. Скорее всего, он наткнулся на что-то совершенно другое. Потому что в армии сотни преступных группировок похищают оружие. Правильно, Ричер?

Тот кивнул.

– Правильно. Просто случай в ресторане натолкнул меня на эту мысль, только и всего.

Снова наступило молчание. Блейк залился краской.

– Сотни преступных группировок, да? И как это нам поможет? Сотни преступных группировок, тысячи людей, вовлеченных в это, и как найти

именно того, кто нам нужен? Треклятая иголка в стогу сена. На это потребуется три года. А у нас есть всего три недели.

– А что насчет краски? – спросил Пултон. – Если преступнику нужно было устранить нежелательных свидетелей, он просто выстрелил бы им в голову из пистолета 22-го калибра с глушителем. И не стал бы возиться с краской и ванными. Весь этот ритуал является классическим атрибутом серийного маньяка.

Ричер смерил его взглядом.

– Вот именно. Ваши предположения насчет мотива определяютсякак раз *характером*убийств. Задумайтесь. Если бы все женщины были убиты из пистолета 22-го калибра с глушителем, что бы вы подумали?

Пултон ничего не ответил, но у него в глазах мелькнуло сомнение. Подавшись вперед, Блейк положил руки на стол.

– Мы бы назвали это расправой, – сказал он. – Это никак не повлияло бы на наш подход к определению мотива.

– Нет, давайте говорить начистоту, – возразил Ричер. – Смею предположить, в этом случае ваш подход был бы более непредвзятым. Вы бы закинули сеть пошире. Разумеется, вы бы не исключили вариант с сексуальными домогательствами, но вы рассмотрели бы и другие гипотезы. Более приземленные. Уверен, имея дело с выстрелом в голову, вы бы сосредоточились на более простых версиях.

Блейк молчал. Было видно, что он колеблется. Это было равносильно признанию.

– Выстрел в голову – в вашей работе это*нормально*, так? – продолжал Ричер. – Поэтому вы бы стали искать*нормальные*мотивы. Такие, как, например, устранение свидетелей преступления. Думаю, столкнувшись с выстрелами в голову, вы бы сейчас разбирались со всеми мошенничествами в армии, присматриваясь к главным действующим лицам. Но убийца обманул вас, обставив свои преступления всем этим бредом. Он скрыл свой истинный мотив. Поставил дымовую завесу. Закамуфлировал его. Толкнул вас в область психологических гаданий. Убийца направил вас по ложному пути, потому что он очень умен.

Блейк по-прежнему молчал.

– Впрочем, вы и не очень-то сопротивлялись, – добавил Ричер.

– Это лишь досужие домыслы, – заявил Блейк.

Ричер кивнул.

– Разумеется. Я же говорил, что у меня пока что есть только наметки. Но именно этим вы здесь и занимаетесь, так? Торчите здесь сутками напролет, протираете штаны, размусоливая досужие домыслы.

Снова наступило молчание.

– Все это вздор, – наконец решительно заявил Блейк.

Ричер снова кивнул.

– Да, возможно. А может быть, и нет. Может быть, какой-то высокопоставленный военный зарабатывал большие деньги на мошенничестве, о котором было известно этим женщинам. И он спрятался за сексуальные домогательства, представив все психологической драмой. Преступник понимал, что вы с готовностью ухватитесь за эту ниточку. Он был уверен, что сможет направить вас по ложному следу. Потому что он очень умен.

Молчание.

– Ваше слово, – предложил Ричер.

Снова молчание.

– Джулия, что скажешь? – наконец произнес Блейк.

Ламарр ответила не сразу. Медленно кивнув, она заговорила:

– Такой сценарий возможен. Более чем возможен. Высока вероятность, что Ричер прав. Настолько высока, что я предлагаю немедленно сосредоточить все наши усилия по проверке его гипотезы.

Тишина вернулась.

– Считаю, что мы не должны больше терять ни минуты, – прошептала Ламарр.

– Но Ричер ошибается, – заметил Пултон.

Он рылся в бумагах, и его голос прозвучал громко и весело.

– Его слова опровергает Каролина Кук, – продолжал Пултон. – Она работала в службе военного планирования в штаб-квартире НАТО. Кабинетная работа высокого ранга. Кук и близко не была к оружию, складам и интендантам.

Ричер ничего не ответил. Тишину нарушил звук открывшейся двери. В зал торопливо вошел доктор Стейвли, неуклюжий, суетливый, бесцеремонный. На нем по-прежнему был белый халат, запястья которого были выпачканы зеленой краской, затекшей под перчатки. Ламарр долго смотрела на него, и ее лицо стало белее халата. Она

вцепилась в стол, растопырив бледные пальцы, в которых дрожащими проволочками проступили сухожилия.

– А теперь я хочу поехать домой, – едва слышно произнесла Ламарр.

Нагнувшись, она подняла свою сумочку. Накинула ремешок на плечо, отодвинула стул и встала. Медленной, нетвердой походкой прошла к двери, не отрывая взгляда от свидетельств последних мгновений жизни своей сестры, испачкавших запястья Стейвли. Проходя мимо него, она повернула голову, чтобы не выпускать его из виду. Затем, сделав над собой усилие, Ламарр оторвала взгляд от патологоанатома и открыла дверь. Вышла и бесшумно закрыла дверь за собой.

– Ну, что там у вас? – спросил Блейк.

– Я знаю, как убийца расправляется со своими жертвами, – сказал Стейвли. – Но только есть одна проблема.

– Какая еще проблема? – спросил Блейк.

– Это невозможно.

**Глава 20**

– Я кое-где срезал углы, – начал Стейвли. – Надеюсь, вы меня понимаете? Вы очень спешите, и мы согласились, что имеем дело с одинаковыми обстоятельствами преступления, поэтому я лишь искал ответы на вопросы, которые остались после первых трех дел. Я хочу сказать, нам уже известно, чего*не было*, так?

– Насколько нам известно, не было ничего, – сказал Блейк.

– Совершенно верно. Ни следов от ударов, ни огнестрельных ран, ни колотых ран, ни ядов, ни следов удушения.

– Так что же это?

Обойдя вокруг стола, Стейвли сел на свободное место, обособленно, за три стула от Пултона и за два от Ричера.

– Она захлебнулась? – спросил Пултон.

Стейвли покачал головой.

– Нет, как и три предыдущие жертвы. Я заглянул в легкие, и они оказались совершенно чистыми.

– Так что же это? – повторил Блейк.

– Как я вам уже говорил, – сказал Стейвли, – можно остановить сердце или лишить мозг кислорода. Так что первым делом я занялся сердцем. И сердце оказалось в отличном состоянии. Совершенно

неповрежденным. Как и в трех предыдущих случаях. А все женщины были в хорошей спортивной форме. Здоровые сердца. Повреждение здорового сердца обнаружить гораздо проще. У пожилых людей сердце, как правило, уже плохое, с рубцами и налетом на внутренних стенках от предыдущих кардиологических заболеваний, среди которых может затеряться новая травма. Но у этих женщин сердца были в полном порядке. Малейшую травму было бы видно за милю. Однако никаких травм не было. Следовательно, убийца не останавливал жертвам сердце.

– Значит? – спросил Блейк.

– Значит, он лишил мозг доступа кислорода, – ответил Стейвли. – Это единственная остающаяся возможность.

– Но как?

– Это и есть главный вопрос, не так ли? Теоретически убийца мог бы герметически запечатать ванную, откачать кислород и заменить его каким-нибудь инертным газом.

Блейк покачал головой.

– Это же абсурд.

– Разумеется, – согласился Стейвли. – Для этого убийце понадобилось бы сложное оборудование, насосы, баллоны с газом. И мы обнаружили бы следы этого газа в тканях. В первую очередь, в легких. Однако мы не обнаружили никаких следов.

– Значит?

– Значит, убийца перекрыл дыхательные пути. Это единственное объяснение.

– Вы сказали, никаких следов странгуляции нет.

Стейвли кивнул.

– Их действительно нет. Вот что вызвало мой интерес. Как правило, при удушении руками на шее жертвы остаются множественные травмы. Всевозможные ссадины, внутреннее кровотечение. Это видно за целую милю. То же самое можно сказать про удушение петлей.

– Но?

– Есть такая штука, которая называется «нежным удушением».

– «Нежным удушением»? – спросила Харпер. – Жуткое словосочетание.

– И что это такое? – спросил Пултон.

– Это может сделать человек, обладающий большой рукой, – объяснил Стейвли. – Также этого результата можно добиться, например, рукавом шерстяного пальто с толстой подкладкой. Нежное постоянное давление – и дело сделано.

– Значит, так все и произошло? – спросил Блейк.

Стейвли покачал головой.

– Нет, не так. Внешних следов в этом случае не остается, но для того, чтобы убить жертву, преступник должен зайти достаточно далеко и оставить внутренние следы. Например, подъязычная кость должна была бы быть сломана. По крайней мере, треснута. Голосовые связки тоже не могли бы остаться нетронутыми. Это очень нежная область. Именно тут находится речевой аппарат.

– Полагаю, сейчас вы скажете, что никаких внутренних повреждений нет, – угрюмо предположил Блейк.

– Ничего существенного, – подтвердил Стейвли. – Когда вы встречались с этой женщиной, у нее была простуда?

Он посмотрел на Харпер, но ответил Ричер.

– Нет.

– Горло не болело?

– Нет.

– Голос не был хриплым?

– Мне она показалась совершенно здоровой.

Стейвли удовлетворенно кивнул.

– На внутренних стенках горла очень-очень незначительная опухоль. Такое может быть от простуды. А может от воспаления слизистой оболочки, или от воздействия стрептококков. В девяноста девяти случаях из ста я бы просто не обратил на это никакого внимания. Но у предыдущих трех жертв было обнаружено то же самое. По-моему, это уже слишком для случайного совпадения.

– И что же это означает? – спросил Блейк.

– Это означает то, что убийца что-то запихивает в горло своим жертвам, – ответил Стейвли.

В комнате наступило молчание.

– Запихивает в горло? – повторил Блейк.

Патологоанатом кивнул.

– Я в этом практически уверен. Он запихивает что-то мягкое, что пройдет вглубь, а затем немного расширится. Например, губку. В ванных имелись губки?

– В Спокане я не заметил, – сказал Ричер.

Пултон снова принялся рыться в бумагах.

– В перечне предметов, обнаруженных на месте преступления, ничего.

– А может быть, убийца забирает губки с собой, – предположила Харпер. – Одежду своих жертв он ведь забирает.

– Ванная без губок, – медленно произнес Блейк. – Все равно что собака, которая не лает.

– Нет, – возразил Ричер. – Я имел в виду, что губки не было*до* убийства.

– Ты в этом уверен? – спросил Блейк.

Ричер кивнул.

– Абсолютно.

– Возможно, убийца приносит губки с собой, – снова высказала догадку Харпер. – Именно такие, которые ему подойдут.

Блейк повернулся к Стейвли.

– Значит, именно так он и расправляется со своими жертвами? Запихивает в горло губку?

Стейвли не отрывал взгляда от своих больших красных рук, лежащих на столе.

– Должно быть так. Губку или что-то похожее. Как у Шерлока Холмса, так? Сначала исключается все невозможное, и то, что остается, каким бы невероятным это ни казалось,*обязано*быть ответом. Так что убийца душит свои жертвы, запихивая им в горло что-то мягкое. Достаточно мягкое, чтобы не нанести травму внутренних органов, но в то же время достаточно плотное, чтобы перекрыть доступ воздуха.

Блейк медленно кивнул.

– Отлично, теперь нам это известно.

Стейвли покачал головой.

– Нет, не известно. Потому что это невозможно.

– Почему?

Стейвли лишь уныло пожал плечами.

– Харпер, подойди сюда, – предложил Ричер.

Молодая женщина удивленно посмотрела на него. Затем, улыбнувшись, встала, со скрипом отодвигая стул, и направилась к Ричеру.

– Показать не на словах, а на деле, так? – спросила она.

– Ложись на стол, хорошо?

Улыбнувшись, Харпер присела на край стола и откинулась назад. Ричер подсунул ей под голову стопку бумаг, взятых у Пултона.

– Удобно?

Кивнув, Харпер рассыпала веером волосы и запрокинула голову, словно на приеме у зубного врача. Запахнула плотнее пиджак.

– Отлично, – сказал Ричер. – Представьте, что это Элисон Ламарр в ванне.

Выдернув у нее из-под головы верхний лист бумаги, Ричер мельком взглянул на него. Это была опись вещей, обнаруженных в ванной Каролины Кук. Ричер смял его в комок.

– А это губка, – продолжал он. – Хотя у Ламарр в ванной губки не было, – добавил он, глядя на Блейка.

– Убийца принес губку с собой.

– В этом случае он лишь напрасно потерял время, – заметил Ричер. – Потому что смотрите.

Он поднес скомканную бумагу ко рту Харпер. Та стиснула губы.

– Как мне заставить ее открыть рот? – спросил Ричер. – Если она со всей определенностью понимает, что это ее убьет?

Нагнувшись, он взял левой рукой Харпер под подбородок, положив пальцы на щеки.

– Конечно, я могу слегка нажать. Или заткнуть ей нос и подождать, когда она сделает вдох. Но что сделает она на самом деле?

– Вот что, – сказала Харпер, шутливо ткнув кулаком правой руки Ричера в висок.

– Совершенно верно. Итак, прошло всего две секунды, а мы уже деремся, и галлон краски выплеснулся на пол. Еще один на меня. Для того, чтобы у меня что-нибудь получилось, я должен быть в ванне вместе с Харпер, сзади или верхом на ней.

– Он совершенно прав, – подтвердил Стейвли. – Это просто невозможно. Женщины стали бы отчаянно сопротивляться, спасая свою жизнь. Невозможно засунуть что-то человеку в горло против его воли, не оставив при этом ссадины на щеках, на подбородке, повсюду. Наверняка губы окажутся порезанными об зубы, быть может даже, один или два зуба будут выбиты. Жертвы будут кусаться, царапаться, вырываться. Следы под ногтями. Разбитые костяшки пальцев. Явные травмы. Это ведь будет борьба не на жизнь, а на смерть, так? А следов борьбы нет. Никаких следов нет.

– А может быть, убийца предварительно накачивает жертвы снотворным, – предположил Блейк. – Лишает их воли сопротивляться, знаете, как иногда бывает при изнасилованиях.

Стейвли покачал головой.

– Никакого снотворного не было. Во всех четырех случаях токсиколог дал отрицательный результат.

Снова наступило молчание. Ричер протянул руки, помогая Харпер подняться. Соскользнув со стола, она расправила складки. Вернулась на свое место.

– Итак, каковы ваши заключения? – спросил Блейк.

Стейвли пожал плечами.

– Как я уже сказал, у меня есть замечательная гипотеза. Но эта гипотеза невозможна.

Тишина.

– Я же вам говорил, мы имеем дело с очень умным человеком, – сказал Ричер. – Слишком умным для вас. Четыре убийства, и вы*до сих пор*не знаете, как он их совершает.

– Так какой же ответ у тебя, умник? – спросил Блейк. – Ты скажешь нам что-то такое, что не смогли сказать четыре лучших патологоанатома страны?

Ричер молчал.

– Каков твой ответ? – настаивал Блейк.

– Не знаю, – наконец сказал Ричер.

– Великолепно. Ты не знаешь.

– Но я узнаю.

– Да? И как же?

– Очень просто. Я найду убийцу и спрошу у него.

* * *

В сорока одной миле к северо-востоку от них полковник, проехав десять миль, находился в двух милях от своего кабинета. Сев на автобус, отправляющийся с автостоянки перед Пентагоном, он сошел неподалеку от Капитолия. Затем поймал такси и, переехав обратно через реку, попал в главное здание Национального аэропорта. Его форма находилась в кожаном чехле, висящем на плече. Полковник оказался у билетных касс в самое оживленное время суток, где сразу же затерялся в толпе снующих людей.

– Мне нужен билет до Портленда, штат Орегон, – сказал он. – Эконом-класс, туда и обратно, с открытой датой вылета.

Кассир ввел код Портленда, и компьютер ответил, что на ближайшем прямом рейсе полно свободных мест.

– Вылет через два часа, – сказал кассир.

– Отлично, – ответил полковник.

* * *

– Ты уверен, что сможешь его найти? – переспросил Блейк.

Ричер кивнул.

– Я должен, так? У меня ведь нет выбора.

В зале совещаний воцарилась тишина. Наконец Стейвли встал.

– Что ж, удачи вам, сэр.

Он вышел из зала и аккуратно закрыл за собой дверь.

– Ты*никогда*не найдешь убийцу, – решительно заявил Пултон. – Потому что ты ошибаешься насчет Каролины Кук. Она никогда не служила на складе боеприпасов или в службе проверки вооружения. Каролина Кук доказывает, что твоя теория ни черта не стоит.

Ричер улыбнулся.

– Мне известны все порядки ФБР?

– Нет.

– Так что не учите меня, как обстоят дела в армии. Кук окончила офицерские курсы. По служебной лестнице она поднималась быстро – в противном случае она бы не попала в службу военного планирования. Так вот, таких людей сначала посылают в самые разные места, чтобы

составить о них представление. Выдержка из ее послужного списка, которая у вас есть, неполная.

– Да?

Ричер кивнул.

– Иначе и быть не может. Если бы в военном архиве вам перечислили все места, где служила Кук, набралось бы десять страниц еще до того, как ее произвели в первые лейтенанты. Так что свяжитесь еще раз с министерством обороны, узнайте все подробности, и вы найдете, каким боком она могла задеть убийцу.

Молчание вернулось. Тихо шелестел вентилятор, подающий теплый воздух; гудела вышедшая из строя люминесцентная лампа. Свистел на высокой ноте телевизор с выключенным звуком. И все. Больше ничего. Пултон смотрел на Блейка. Харпер смотрела на Ричера. Блейк смотрел на свои мясистые пальцы, беззвучно постукивающие по столу.

– Ты *можешь* найти убийцу? – наконец спросил он.

– Кто-то же должен его найти. А вы так никуда не попадете.

– У тебя нет необходимых ресурсов.

Ричер кивнул.

– Кое-какая помощь мне не помешает.

– Ты вынуждаешь меня идти на риск.

– Это все-таки лучше, чем поставить все фишки на проигрыш.

– Риск очень большой. На карту поставлено слишком много.

– Например, твоя карьера?

– Причем тут моя карьера? Жизнь семерых женщин.

– Жизнь семерых женщин *и* твоя карьера.

Блейк рассеянно кивнул.

– Каковы шансы на успех?

Ричер пожал плечами.

– Если иметь в распоряжении три недели? Успех гарантирован.

– Какой же ты самоуверенный мерзавец, ты это знаешь?

– Нет, я реалист, и только.

– Итак, что тебе понадобится?

– Вознаграждение.

– Ты хочешь, чтобы тебе заплатили?

– Разумеется, хочу. Вам ведь за это платят? Я делаю всю работу, по-моему, будет очень справедливо, если мне тоже что-нибудь достанется.

Блейк кивнул.

– Если найдешь убийцу, я переговорю с Дирфильдом, и о Петросяне полностью забудут.

– И плюс гонорар.

– Сколько?

– Столько, сколько сочтете нужным.

Блейк снова кивнул.

– Я подумаю. И Харпер отправится с тобой, потому что про Петросяна пока что не забыли.

– Хорошо. Я это как-нибудь переживу. Надеюсь, и она тоже.

– У нее нет выбора, – сказал Блейк. – Что-нибудь еще?

– Сведите меня с Козо. Я начну с Нью-Йорка. Мне понадобится кое-какая информация.

– Хорошо, я с ним свяжусь. Ты сможешь встретиться с ним сегодня же вечером.

Ричер покачал головой.

– Завтра утром. Сегодня вечером я встречаюсь с Джоди.

## Глава 21

Совещание закончилось взрывом кипучей энергии. Блейк спустился на лифте на этаж вниз, в свой кабинет, чтобы звонить в Нью-Йорк Джеймсу Козо. Пултон тоже пошел звонить, в отделение Бюро в Спокане, поручить местным ребятам проверить агентства доставки и проката машин. Харпер отправилась заниматься билетами на самолет. Ричер остался один, за большим столом. Не обращая внимания на телевизор, он сидел, уставившись на фальшокно, словно наслаждаясь открывающимся из него видом.

Он просидел в ожидании почти двадцать минут. Наконец вернулась Харпер. У нее была пухлая папка новых документов.

– Опять бюрократия, – объяснила она. – Если мы будем тебе платить, необходимо тебя застраховать. Таковы требования.

Усевшись напротив, Харпер достала из кармана ручку.

– Ты готов?

Ричер кивнул.

– Полное имя и фамилия?

– Джек Ричер.

– И все?

Он кивнул.

– Не слишком длинное.

Ричер пожал плечами. Ничего не сказал. Харпер записала два слова, девять букв в графу, занимавшую целую строчку бланка.

– Дата рождения?

Ричер ответил. Увидел, что она вычисляет его возраст. Увидел у нее на лице удивление.

– Старше или младше? – спросил он.

– Чем что?

– Чем то, что ты подумала.

Она улыбнулась.

– О, старше. Ты не выглядишь на свои годы.

– Вздор, – заметил Ричер. – Я выгляжу на все сто лет. По крайней мере, чувствую я себя на сто лет.

Харпер снова улыбнулась.

– Ты очень хорошо сохранился. Номер социальной страховки?

В то поколение военных, к которому принадлежал Ричер, этот номер совпадал с номером военного билета. Ричер быстро произнес его, по-военному четко, случайные монотонные звуки, обозначающие натуральные числа в диапазоне от нуля до девяти.

– Полный адрес?

– Без постоянного места жительства.

– Ты в этом уверен?

– А какие могут быть сомнения?

– А как же Гаррисон?

– При чем тут Гаррисон?

– Это ведь твой дом, – сказала Харпер. – Значит, это твой адрес, так?

Ричер задумчиво посмотрел на нее.

– Наверное. Думаю, ты права. Если честно, я об этом не задумывался.

– Раз у тебя есть дом, у тебя есть адрес, разве не так?

– Ну хорошо, пиши Гаррисон.

– Улица, номер дома?

Порывшись в памяти, Ричер ответил.

– Почтовый индекс?

Он пожал плечами.

– Понятия не имею.

– Ты не знаешь почтовый индекс своего дома?

Ричер молчал. Харпер с сочувствием посмотрела на него.

– А тебе приходится тяжко, да? – спросила она.

– О чем это ты?

– Называй это как хочешь. Я думаю, это самоотречение.

Он медленно кивнул.

– Да, полагаю, мне действительно приходится тяжко.

– И как ты намереваешься жить дальше?

– Не знаю. Возможно, я привыкну к этому.

– А может быть, и не привыкнешь.

– А ты как бы поступила на моем месте?

– Надо заниматься только тем, к чему действительно лежит душа, – сказала Харпер. – По-моему, это очень важно.

– И ты живешь именно так?

Она кивнула.

– Родители хотели, чтобы я осталась в Аспене. Стала учителем. А я хотела работать в правоохранительных органах. Мне пришлось выдержать страшный бой.

– Мои родители тут ни при чем. Их уже нет в живых.

– Знаю. Все дело в Джоди.

Ричер покачал головой.

– Нет, и не в Джоди. Все дело во мне. Это я сам так обращаюсь со своей жизнью.

Харпер молча кивнула.

– Так что же мне делать? – спросил Ричер.

Она с опаской пожала плечами.

– Ты обращаешься с вопросом не к тому человеку.

– Почему?

– Возможно, я дам тебе не тот ответ, который ты хочешь услышать.

– То есть?

– Ты ждешь, что я посоветую тебе остаться с Джоди. И радоваться оседлой жизни.

– Вот как?

– Мне так кажется.

– Но ты не можешь мне это посоветовать?

Харпер покачала головой.

– Нет, не могу. У меня был близкий мужчина. У нас все было очень серьезно. Он служил в полиции в Аспене. Ты знаешь, между полицией и Бюро существуют трения. Это глупость, на то нет никаких причин, и, тем не менее, все обстоит именно так. И эта неприязнь перешла на личные отношения. Этот мужчина хотел, чтобы я ушла из Бюро. Он умолял меня. Я разрывалась на части, но в конце концов ответила ему нет.

– И это был правильный выбор?

Она кивнула.

– Для меня – да. Надо заниматься тем, чем действительно хочется.

– А для меня это будет правильный выбор?

Харпер пожала плечами.

– Не могу сказать. Но думаю, да.

– Начнем с того, мне нужно определить, чего я на самом деле хочу.

– Ты прекрасно это знаешь. Каждый человек в глубине души знает, что он хочет. А сомнения – это лишь шум, которым ты пытаешься скрыть правду, потому что не хочешь взглянуть ей в глаза.

Ричер отвернулся к фальшивому окну.

– Род занятий? – продолжала заполнять анкету Харпер.

– Глупый вопрос.

– Я напишу: «консультант».

– Что ж, это в какой-то степени облагораживает правду.

В коридоре послышались шаги, дверь открылась, и в зал быстро вошли Блейк и Пултон. В руках новые бумаги, на лицах сияние, свидетельствующее об успехах.

– Возможно, мы уже на полпути к первым результатам, – сказал Блейк. – Новости из Спокана.

– Водитель местного отделения Ю-пи-эс уволился три недели назад, – объяснил Пултон. – Перебрался в Миссулу, штат Монтана, устроился работать на склад. С ним связались по телефону, и он сказал, что, кажется, помнит эту стиральную машину.

– Разве в конторе Ю-пи-эс не осталось никаких документов? – спросила Харпер.

Блейк покачал головой.

– Через десять дней они отправляются в архив. А нас интересует то, что произошло больше двух месяцев назад. Если водитель сможет точно вспомнить день, мы узнаем все точнее.

– Кто-нибудь что-либо смыслит в бейсболе? – спросил Пултон.

Ричер пожал плечами.

– Смотря что понимать под словом «смыслит». Например, я знаю, что в национальной галерее славы бейсбола только двое игроков, у кого в имени или фамилии есть буква "у".

– Причем тут бейсбол? – спросила Харпер.

– В тот день какой-то парень из Сиэттла совершил пять пробежек, – объяснил Блейк. – Водитель слышал это по радио и запомнил.

– Да, раз парень был из Сиэттла, он это обязательно должен был запомнить, – заметил Ричер. – Такое происходит нечасто.

– Один – Малыш Рут, – задумчиво произнес Пултон. – А кто второй?

– Хонус Вагнер, – ответил Ричер.

– Никогда не слышал о таком.

– И ответили из местного отделения агентства проката машин «Хертц», – продолжал Блейк. – Кажется, как раз в день убийства Элисон машину брали на очень короткий срок, вернули уже через два часа.

– Фамилию клиента они сказали? – оживилась Харпер.

Блейк покачал головой.

– У них сломался компьютер. Сейчас его пытаются починить.

– А сотрудник, оформлявший заказ, ничего не помнит?

– Ты шутишь? Хорошо еще если эти люди могут вспомнить свою *собственную*фамилию.

– Итак, когда мы можем ждать от них вестей?

– Надеюсь, завтра. Если повезет, утром. Но не позже середины дня.

– Разница в поясном времени три часа. У нас все равно будет полдень.

– Вероятно.

– Итак, Ричер по-прежнему в игре?

Блейк остановился. Ричер кивнул.

– Я по-прежнему в игре. Можно не сомневаться, фамилия окажется вымышленной. И Ю-пи-эс никуда нас не приведет. Убийца слишком умен, чтобы оставлять следы на бумаге.

Все молчали. Наконец Блейк кивнул.

– Кажется, я вынужден согласиться. Так что Ричер остается в игре.

* * *

Харпер и Ричера любезно подбросил до Вашингтона «Шевроле» Бюро, и еще засветло они попали в аэропорт. Вместе с ними в лайнере компании «Юнайтед» летели адвокаты и политики. Среди всех пассажиров, как

мужчин, так и женщин, Ричер был единственный без костюма. Похоже, экипаж был знаком с большинством пассажиров и приветствовал их на борту самолета, как завсегдатаев. Харпер прошла по проходу до конца салона и заняла места сзади.

– Нам не надо будет торопиться выйти, – заметила она. – Ты все равно встречаешься с Козо только завтра утром.

Ричер промолчал.

– И Джоди еще не вернется домой, – продолжала Харпер. – Адвокаты работают допоздна, так? Особенно те, кто собирается стать младшим партнером.

Ричер кивнул. Он сам как раз только что подумал о том же самом.

– Так что мы сядем здесь, – заключила Харпер. – Здесь тише.

– Да? Двигатели как раз сзади.

– Зато здесь не будет ребят в костюмах.

Усмехнувшись, Ричер сел в кресло у окна и пристегнулся.

– И здесь мы сможем спокойно поговорить, – добавила Харпер. – Мне не нравится, когда разговор подслушивают.

– Вообще-то нам неплохо бы выспаться, – заметил Ричер. – Нам предстоит много работы.

– Знаю, но сначала давай поговорим. Всего пять минут, хорошо?

– О чем?

– О царапинах на лице Элисон Ламарр. Я хочу понять, что это значит.

Ричер удивленно повернулся к ней.

– Зачем? Ты собираешься расколоть это дело в одиночку?

Харпер кивнула.

– Я бы не отказалась от возможности лично произвести задержание.

– Честолюбие?

Она скорчила гримасу.

– Наверное, просто дух соперничества.

– Лиза Харпер против лучших умов Бюро, – усмехнулся Ричер.

– Ты совершенно прав. С нами, простыми агентами, они обращаются как с мусором.

Двигатели повысили свой рев до визга, и самолет покатился от терминала. Крутанул нос и не спеша вырулил на взлетно-посадочную полосу.

– Так что насчет царапин на лице? – напомнила Харпер.

– Я считаю, это доказывает мою точку зрения, – сказал Ричер. – На мой взгляд, на настоящий момент это самая ценная улика.

– Почему?

Он пожал плечами.

– Это было сделано без настоящего чувства. Как-то неубедительно. Я считаю, это доказывает, что убийца пытается скрыться за образом маньяка. То есть, притворяется. Вот, к примеру, я взглянул на эти преступления и задался вопросом: а где же жестокость? Где же ярость? И в то же самое время убийца, мысленно прокручивая свои действия, тоже подумал: «О господи, я не показываю никаких чувств.» Поэтому в следующий раз он попытался их показать, но поскольку в действительности он ничего не испытывает, получилось у него весьма неубедительно.

Харпер кивнула.

– Если верить Стейвли, Элисон даже не поморщилась.

– Бескровная жестокость, – согласился Ричер. – Можно сказать, в буквальном смысле. Словно техническое упражнение, каковым оно и является на самом деле, потому что все это и есть техническое упражнение. За маскарадом маньяка-психопата скрывается какой-то совершенно непоколебимый приземленный мотив.

– Убийца заставил Элисон саму нанести эти раны.

– Думаю, да.

– Но почему?

– Быть может, беспокоился насчет отпечатков пальцев? Не хотел показать, что он правша или левша? Демонстрировал свою власть?

– Власти у него хоть отбавляй, тебе не кажется? Но это также объясняет, почему раны были нанесены без особой злости. Элисон не хотела сделать себе больно.

– Наверное, ты права, – сонным голосом произнес Ричер.

– Но почему все началось с Элисон? Почему убийца ждал до четвертой жертвы?

– Полагаю, беспрестанное стремление к совершенству. Такой человек постоянно думает и оттачивает свое мастерство.

– А это никак не выделяет Элисон из остальных жертв? Имеет ли это какое-то особое значение?

Ричер пожал плечами.

– Пусть об этом ломают головы ваши умники. Но я думаю, что если бы им пришла такая мысль, они бы непременно ее высказали.

– Возможно, убийца знал Элисон лучше, чем остальных. Работал с ней более тесно.

– Возможно. Но давай не будем вторгаться на чужую территорию. Останемся твердо стоять на земле. Ты не забыла, что ты простой агент?

Харпер кивнула.

– А простой агент считает, что самый вероятный мотив – это деньги.

– Другого не дано, – подтвердил Ричер. – За такими преступлениями стоят или любовь, или деньги. Но в данном случае любовь исключается, потому что любовь сводит с ума, а наш убийца не сумасшедший.

Развернувшись последний раз, самолет застыл у начала взлетно-посадочной полосы. Задержался на секунду, затем резко тронулся вперед, быстро набирая скорость. Оторвался от бетона и тяжело поднялся в воздух. За иллюминатором появились огни вечернего Вашингона.

– Почему убийца отказался от временного интервала? – спросила Харпер, перекрывая шум взлета.

Ричер пожал плечами.

– Возможно, ему просто захотелось.

– Просто захотелось?

– Возможно, он сделал это просто ради удовольствия. Ничто не сбивает с толку ваших мозговедов так, как изменившийся рисунок.

– Убийца и дальше будет его менять?

Самолет, покачавшись, выровнялся, и гул двигателей стал тише.

– Все позади, – сказал Ричер. – Женщины находятся под охраной, и очень скоро преступник окажется у вас в руках.

– Ты настолько уверен?

Ричер пожал плечами.

– Нет смысла настраиваться на неудачу.

Зевнув, он положил голову между подголовником кресла и пластмассовой переборкой. Закрыл глаза.

– Разбудишь меня, когда мы прилетим.

* * *

Однако его разбудил грохот выпускающегося шасси, в трех тысячах футов над нью-йоркским аэропортом «Ла-Гуардия» и в трех милях к востоку от него. Взглянув на часы, Ричер увидел, что проспал пятьдесят минут. У него во рту чувствовался привкус усталости.

– Хочешь поужинать? – спросила Харпер.

Протерев глаза, он снова посмотрел на часы. Ему нужно будет убить по меньшей мере еще час, прежде чем Джоди уйдет с работы. А может быть, и два часа. А то и три.

– Ты можешь что-нибудь предложить?

– Нью-Йорк я знаю плохо, – ответила Харпер. – Я ведь родом из Аспена.

– Я знаю неплохой итальянский ресторан, – предложил Ричер.

– Меня поселили в гостиницу на пересечении Парковой авеню и Тридцать шестой улицы. Полагаю, ты остановишься у Джоди.

– Я тоже так полагаю, – кивнул Ричер.

– Твой ресторан недалеко от пересечения Парковой и Тридцать шестой?

Он покачал головой.

– Придется добираться на такси. Нью-Йорк – город большой.

Настал черед Харпер покачать головой.

– Никаких такси. Нас встретит машина. Она будет полностью в нашем распоряжении.

Водитель ждал у выхода из терминала. Тот самый агент, который уже возил Ричера. Машина стояла на стоянке у зала прилета. Под щеткой стеклоочистителя была большая карточка с эмблемой ФБР. Дороги до Манхэттена были запружены потоками транспорта часа пик. Однако агент вел машину так, словно совершенно не боялся дорожной полиции, и меньше чем через сорок минут после того, как самолет совершил посадку, Харпер и Ричер уже были рядом с рестораном «У мостро».

На улице было темно, и ресторан сиял обещанием рая. В зале были заняты четыре столика; звучала музыка Пуччини. Заприметив Ричера еще на улице, владелец ресторана, сияя, устремился к двери. Лично проводил их к столику и принес меню.

– Это то самое место, на которое положил глаз Петросян? – спросила Харпер.

Ричер кивнул в сторону хозяина.

– Посмотри на этого маленького человечка. Разве он заслужил такое?

– Тебе следовало оставить все полиции.

– То же самое сказала Джоди.

– Определенно, она женщина умная.

В просторном зале было тепло, и Харпер, скинув пиджак, повесила его на спинку стула. Блузка натянулась, повторяя ее движения. Впервые за все время их знакомства Харпер была в лифчике. Поймав на себе взгляд Ричера, она вспыхнула.

– Я не знала, с кем нам предстоит встретиться, – смущенно объяснила она.

Он кивнул.

– С кем-нибудь обязательно предстоит. Рано или поздно. В этом можешь не сомневаться.

Услышав его тон, Харпер удивленно взглянула на него.

– Теперь ты действительно хочешь найти убийцу, да?

– Да, теперь хочу.

– Из-за Эми Каллан? Она тебе нравилась, да?

– Она была отличной девушкой. Элисон Ламарр тоже успела мне понравиться, даже за такое короткое знакомство. Но я хочу поймать убийцу ради Риты Симеки.

– Ты тоже ей нравишься, – заметила Харпер. – Я обратила на это внимание.

Он молча кивнул.

– У вас что-нибудь было?

Ричер пожал плечами.

– Это очень туманное выражение.

– У вас была любовная связь?

Он покачал головой.

– Мы познакомились уже после того, как ее изнасиловали. Познакомились *потому*, что ее изнасиловали. Тогда Рита была не в том состоянии, чтобы завязывать любовные отношения. Судя по всему, она до сих пор еще не оправилась. Я старше ее, лет на пять или шесть. Мы очень сблизились, но наши отношения напоминали скорее отношения отца и дочери. Понимаешь, Рите тогда нужно было именно это, но, полагаю, в то же время она хотела чего-то другого. Насколько я помню, мне пришлось приложить много сил, чтобы наши отношения превратились в отношения брата и сестры. Несколько раз мы сходили в ресторан, но как старший брат и младшая сестра. Наши отношения оставались чисто платоническими. Рита была похожа на раненого солдата, оправляющегося от ран.

– Она воспринимала все именно так?

– Именно так, – подтвердил Ричер. – Как солдат, которому ампутировали раздробленную ногу. Отрицать это нельзя, но можно научиться с этим жить. И Рита училась с этим жить.

– А сейчас убийца снова отбросил ее назад.

Ричер кивнул.

– В том-то все и дело. Прикрываясь сексуальными домогательствами, он бередит незажившую рану. Если бы убийца действовал напрямую, все было бы в порядке. Рита приняла бы это как отдельную проблему. Вроде как одноногий солдат, подхвативший грипп. Но убийца действует исподтишка, ворошит прошлое.

– И это приводит тебя в ярость.

– Я чувствую себя в ответе за Риту. Раз убийца делает больно ей, он делает больно мне.

– А тебе лучше больно не делать.

– Да, лучше не делать.

– Или?

– Или обидчик окажется по уши в дерьме.

Харпер задумчиво кивнула.

– Ты меня убедил.

Ричер промолчал.

– Полагаю, Петросяна ты тоже убедил.

– К Петросяну я и близко не подходил. Я его даже в глаза не видел.

– Но ты о себе очень высокого мнения, знаешь? Прокурор, судья, присяжные, палач, и все в одном лице. А как же насчет законов?

Ричер улыбнулся.

– Это и есть закон. Тот, кто делает мне больно, в скором времени жалеет об этом.

Харпер покачала головой.

– Мы арестуем убийцу, помнишь? Мы его находим и арестовываем. Делаем все согласно закону. Согласно*моему*закону, договорились?

Ричер кивнул.

– Я уже дал свое согласие.

В этот момент у столика остановился официант с блокнотом и ручкой наготове. Сделав заказ, Ричер и Харпер молча ждали, когда им подадут еду. Затем молча ели. Есть было особенно нечего. Но все блюда были как всегда вкусные. Может быть, даже вкуснее. И их угостили за счет заведения.

* * *

После кофе агент ФБР отвез Харпер в ее гостиницу на окраине города, а Ричер пошел пешком к дому Джоди, один, наслаждаясь прогулкой. Войдя в вестибюль, он поднялся на лифте. Открыл дверь своим ключом. В квартире было душно и тихо. Во всех комнатах темно. Дома никого. Ричер зажег свет и закрыл шторы. Уселся на диване в гостиной и стал ждать.

## Глава 22

*На этот раз намеченную жертву будут охранять. Ты знаешь это наверняка. Так что на этот раз тебе придется нелегко. Ты улыбаешься и поправляешь себя: на самом деле, на этот раз тебе придется очень тяжело. Очень, очень тяжело. И все же это осуществимо. Для тебя нет ничего невозможного. Тебе брошен вызов. Появление на сцене телохранителей делает происходящее чуть более интересным. Приближает его к той точке, где может полностью раскрыться твой талант. Ты радуешься брошенному вызову. Ты преодолеешь любые трудности.*

*Однако преодолеть трудности можно только после всесторонних размышлений. Преодолеть трудности можно только после тщательного наблюдения и детального планирования.*

*Телохранители явятся новым фактором, который необходимо проанализировать. Но как раз в этом твоя главная сила, разве не так? В точном, беспристрастном анализе. В этом никто не сравнится с тобой. Ты доказываешь это снова и снова, ведь так? Вот уже четыре раза.*

*Так что же будут означать для тебя телохранители? Первый вопрос: а кто это будет? И первый ответ, который приходит в голову: там, в глуши, за миллион миль до чего бы то ни было, тебе, скорее всего, придется иметь дело с тупыми местными полицейскими. Тут никаких проблем. Никаких опасностей. Однако здесь есть и обратная сторона: в глуши, за миллион миль до чего бы то ни было тупых местных полицейских раз-два и обчелся. В крохотном поселке за чертой Портленда не найдется достаточно полицейских для того, чтобы организовать круглосуточное наблюдение. Следовательно, им придется обратиться за помощью, и нет сомнений, что обратятся они в ФБР. В этом нет никаких сомнений. С высокой степенью вероятности можно предсказать, что местная полиция возьмет день, а Бюро достанется ночь.*

*Если есть выбор, с Бюро лучше не связываться. Так что тебе лучше забыть о ночи. Ты будешь действовать днем, когда на пути к жертве перед тобой будет стоять лишь какой-нибудь местный толстяк в «Крауне», набитом пакетами с гамбургерами и термосами с кофе. К тому же, для тебя светлое время суток – более изящное решение. Прямо средь бела дня. Тебе очень нравится это выражение. И пусть оно стало несколько затасканным.*

*«Преступление было совершено средь бела дня,» – шепчешь ты себе.*

*Справиться с местным полицейским средь бела дня будет не слишком сложно. И тем не менее, ты относишься к делу серьезно. Никакой спешки. Тщательное наблюдение со стороны, до тех пор, пока ты во всем не убедишься. Придется потратить какое-то время на терпеливое, тщательное наблюдение. К счастью, время у тебя есть. И наблюдение не составит особых затруднений. Это место находится в горах. А горы имеют две особенности. Два преимущества. Во-первых, в них и без тебя полно идиотов, разгуливающих в свитерах с полевыми биноклями на шее. И, во-вторых, в горах легче наблюдать за точкой А из точки Б. Достаточно лишь затаиться на вершине пика, хребта или как там это называется. Устроиться поудобнее, направить бинокль вниз и смотреть. И ждать.*

Ричер ждал долго в тишине гостиной квартиры Джоди. Он сменил свое положение и уже не сидел, а развалился на диване. Через час развернулся и вытянулся в длину. Закрыл глаза. Снова открыл их, делая

усилие, чтобы не заснуть. Опять закрыл. Больше не стал открывать. Решил, что урвет десять минут сна. Решил, что услышит лифт. Или открывшуюся входную дверь. Однако когда это произошло, Ричер ничего не услышал. Проснулся он от того, что Джоди склонилась над ним и целовала его в щеку.

– Привет, Ричер, – тихо промолвила она.

Он привлек ее к себе, заключая в крепкие, молчаливые объятия. Джоди оттолкнула его, одной рукой, потому что в другой все еще держала портфель, но с силой.

– Как прошел день? – спросил Ричер.

– Потом, – прошептала она.

Джоди бросила портфель, и Ричер увлек ее на себя. Она скинула с себя плащ. Шелковая подкладка, прошелестев, издала вздох. На Джоди было шерстяное платье с молнией на спине до самой талии. Медленно опустив застежку, Ричер ощутил под тканью тепло тела. Джоди уперлась ему в грудь острыми локтями. Ее руки завозились с его рубашкой. Ричер стащил платье с ее плеч. Джоди выдернула его рубашку из-за пояса. Вцепилась в ремень.

Она выпрямилась, роняя платье на пол. Протянула Ричеру руки, он взял их, и Джоди повела его в спальню. По пути они сбросили с себя остатки одежды. Легли в кровать. Белую и прохладную. Освещенную разноцветными отблесками неоновых вывесок ночного города.

Джоди уложила Ричера на спину, прижимая ему плечи руками. Она была сильная, как гимнастка. Гибкая, настойчивая, энергичная, Джоди взобралась на него. Ричер полностью потерял ощущение реальности. Наконец они затихли, покрытые слоем пота, в окружении скомканных простыней. Джоди прижалась к Ричеру. Он чувствовал грудью удары ее сердца. Волосы Джоди попали ему в рот. Ричер дышал учащенно. Джоди улыбалась. Она лежала, уткнувшись лицом ему в плечо, и он ощущал улыбку своей кожей. Полураскрытые губы, прохладные зубы. Нетерпеливый изгиб мышц щеки.

Джоди была настолько прекрасна, что Ричер не смог бы это описать. Загорелая, стройная, изящная, длинные светлые волосы и огромные глаза. Но это было не все. Джоди была наполнена энергией, волей и страстью. Искрилась неугомонным умом, словно электричеством. Ричер провел ладонью по гладкому изгибу ее спины. Джоди вытянула ступню вдоль его ноги и попыталась сплести его пальцы ног со своими. Ее лицо, прижатое к его шее, не покидала невидимая улыбка.

– Вот теперь можешь спросить меня, как прошел день, – сказала Джоди.

Ее голос был приглушен его плечом.

– Как прошел день? – спросил Ричер.

Опершись ладонью ему на грудь, она приподнялась на локте. Сложила губы трубочкой и сдула волосы со своего лица. Улыбка вернулась.

– Замечательно.

Ричер улыбнулся в ответ.

– Что значит замечательно?

– Сплетни секретарш, – объяснила Джоди. – Моя за обедом говорила с секретаршей одного из больших шишек.

– И?

– Через несколько дней совещание партнеров.

– И?

– Секретарша одного из больших шишек как раз напечатала повестку дня. Одному из наших сотрудников предложат стать младшим партнером.

Ричер улыбнулся.

– Кому?

– А ты угадай.

Он изобразил работу мысли.

– Наверное, лучшему из лучших, да? Самому умному, самому трудолюбивому, самому очаровательному и все такое, да?

– Ну, разумеется.

Ричер кивнул.

– В таком случае, прими мои поздравления, малыш. Ты это заслужила. Заслужила по праву.

Счастливо улыбнувшись, Джоди обвила руками его шею. Прижалась к нему всем телом, от головы до ступней.

– Стать партнером. То, о чем я всегда мечтала.

– Ты это заслужила, – повторил Ричер. – Заслужила по праву.

– Стать партнером в тридцать лет, – продолжала она. – Ты можешь в это поверить?

Уставившись в потолок, он улыбнулся.

– Да, могу. Если бы ты занялась политикой, то уже стала бы президентом.

– Я не могу в это поверить. Я никогда не могу поверить, когда действительно добиваюсь того, что хочу. – Джоди помолчала. – Но это еще не произошло. Быть может, мне следует немного подождать.

– Это обязательно произойдет, – заверил ее Ричер.

– Вопрос лишь внесен в повестку дня. Быть может, все проголосуют против.

– Не проголосуют, – убежденно заявил Ричер.

– Потом будет вечеринка. Ты придешь?

– Если ты хочешь, чтобы я пришел. Если я не разрушу твой имидж.

– Ты можешь купить костюм. Надеть награды. Впрочем, ты в любом случае будешь неотразим.

Ричер помолчал, размышляя о покупке костюма. Если это действительно случится, у него впервые в жизни появится свой костюм.

– А*ты*всегда добиваешься того, чего хочешь? – спросила Джоди.

Он крепко обнял ее.

– Сейчас?

– Вообще.

– Я хочу продать дом.

Она застыла.

– Как знаешь. Мое согласие тебе все равно не требуется.

– Он висит на мне тяжкой ношей. Я не могу с ним справляться.

– Можешь не оправдываться передо мной.

– На вырученные за него деньги я смогу жить припеваючи до конца дней своих.

– Тебе придется заплатить налоги.

Ричер кивнул.

– Как бы то ни было. На то, что останется, я смогу снимать достаточно номеров в мотелях.

– Не надо спешить. Это единственная собственность, которой ты владеешь.

– Мне она не нужна. Для меня гораздо важнее деньги на мотели. А собственный дом мне в тягость.

Джоди промолчала.

– Машину я тоже собираюсь продать.

– А мне казалось, она тебе нравится.

Он кивнул.

– Машина хорошая. Просто мне не нравится чем-либо владеть.

– Знаешь, собственная машина – это еще не конец света.

– Для меня – да. С ней слишком много хлопот. Страховка и все такое.

– У тебя нет страховки?

– Я думал об этом. Но вначале требуется собрать кучу разных бумаг.

Джоди ответила не сразу.

– Так как же ты собираешься жить дальше?

– Так же, как жил раньше: ловить попутки, ездить на автобусе.

Она снова помолчала.

– Ну хорошо, если хочешь, продавай машину. Но дом все же оставь. Он тебе пригодится.

Ричер покачал головой.

– Он сводит меня с ума.

Он ощутил щекой ее улыбку.

– Ты единственный человек на всем свете, кто*хочет*оставаться бездомным, – сказала Джоди. – Остальные бьются изо всех, чтобы избежать этого.

– Есть то, чего я хочу еще больше. Вот ты хочешь стать партнером, а я хочу оставаться свободным.

– Свободным и от меня? – едва слышно спросила она.

– Свободным от дома, – ответил Ричер. – Это обуза. Все равно что якорь. А ты – нет.

Освободив его шею, Джоди приподнялась на локте.

– Я тебе не верю. Дом сковывает тебя, и это тебе не нравится. Но я тоже сковываю тебя, разве не так?

– Дом вызывает у меня неприятные чувства, – возразил он. – А ты вызываешь приятные. Я разбираюсь лишь только в собственных чувствах.

– Значит, ты продашь дом, но останешься жить в Нью-Йорке?

Ричер ответил не сразу.

– Ну, попутешествую немного. Тебе ведь часто приходится бывать в разъездах. Ты постоянно занята. Полагаю, у нас может получиться.

– Мы неминуемо разойдемся.

– Я так не думаю.

– Твои отлучки будут становиться все дольше и дольше.

Он покачал головой.

– Будет то же самое, что продолжалось весь этот год. Но только у меня не будет дома, о котором надо беспокоиться.

– Ты уже принял окончательное решение, так?

Ричер кивнул.

– Дом сводит меня с ума. Я даже не знаю свой почтовый индекс. Вероятно, потому, что в глубине души*не хочу*его знать.

– Мое согласие тебе не требуется, – повторила Джоди.

Она умолкла.

– Ты расстроилась? – встревожился Ричер.

– Огорчена.

– Это ничего не изменит, – заверил ее он.

– В таком случае, зачем это делать?

– Потому что так нужно.

Джоди ничего не ответила.

* * *

Так они и заснули, в объятиях друг друга, наполненные отголосками меланхолии. Утром времени продолжить разговор не было. Приняв душ, Джоди ушла, не позавтракав, не спросив Ричера, чем он будет заниматься и когда намеревается вернуться. Ричер, умывшись, оделся,

запер квартиру, спустился вниз и увидел Лизу Харпер, которая уже дожидалась его. На ней был третий костюм, и она опиралась на бампер машины Бюро. День был ясный и холодный, и ее волосы светились на солнце. Машина стояла у бордюра, и другие водители, которым приходилось ее объезжать, недовольно сигналили. Агент Бюро неподвижно сидел за рулем, уставившись прямо перед собой. В воздухе висел шум.

– Как ты? – спросила Харпер.

Ричер пожал плечами.

– Все в порядке.

– Тогда поехали.

Водитель, борясь с транспортным потоком, преодолел двадцать кварталов в сторону от центра и заехал в тот самый подземный гараж, в который когда-то привозила Ричера Ламарр. Они воспользовались тем же лифтом в углу. Поднялись на двадцать первый этаж. Вышли в тот же самый безмолвный серый коридор. Водитель, в качестве хозяина шедший первым, указал налево.

– Третья дверь.

В кабинете за письменным столом сидел Джеймс Козо. У него был такой вид, словно он просидел так уже целый час. Козо был в одной рубашке. Пиджак висел на плечиках на вешалке из гнутого дерева. Козо смотрел телевизор, канал политических новостей. Корреспондент что-то оживленно рассказывал, стоя на фоне Капитолия.

– И конца этому не видно, – заметил Козо, увидев вошедших.

Кивнув Харпер, он закрыл папку. Убавил звук телевизора, отодвинулся от стола и потер ладонями свое худое лицо, словно умываясь без воды.

– Итак, что вам нужно? – спросил Козо.

– Адреса, – ответил Ричер. – Адреса ребят Петросяна.

– Тех двоих, которых ты отправил в больницу? Они вряд ли обрадуются, увидев тебя.

– Зато они обрадуются, когда я буду от них уходить.

– Ты собираешься снова делать им больно?

– Возможно.

– Я ничего не имею против, – кивнул Козо.

Взяв с полки папку, он полистал ее. Переписал адрес на листок бумаги.

– Они живут вместе, – объяснил Козо. – Они братья.

Затем, подумав, разорвал листок на мелкие клочки. Достал новый лист и развернул раскрытую папку к Ричеру. Передал ему карандаш.

– Перепиши сам. Не хочу оставлять свои следы.

Дом стоял на пересечении Пятой авеню и Шестьдесят шестой улицы.

– Хороший район, – заметил Ричер. – Дорогой.

Козо снова кивнул.

– Прибыльный бизнес. – Помолчав, он улыбнулся. – По крайней мере, был таким. До тех пор, пока ты не поработал в Чайнатауне.

Ричер ничего не ответил.

– Возьмите такси, – сказал Козо, обращаясь к Харпер. – А ты оставайся в стороне. Не нужно афишировать участие Бюро, хорошо?

Молодая женщина неохотно кивнула.

– Желаю хорошо повеселиться, – бросил на прощание Козо.

* * *

Они прошли к Мэдисон-сквер. Харпер таращилась по сторонам словно туристка. Поймав такси, они доехали до угла Шестидесятой улицы.

– Дальше мы пойдем пешком, – сказал Ричер.

– «Мы»? – повторила Харпер. – Хорошо. Я хочу оставаться в деле.

– Тебе придется остаться в деле, потому что без тебя я не войду в дом.

Следуя по указанному адресу, они прошли шесть кварталов на север и оказались перед скромным жилым зданием, отделанным серым кирпичом. Металлические переплеты в окнах, балконов нет. Под окнами закрепленные на стенах кондиционеры. Простой подъезд без консьержа. Но все чисто и опрятно.

– Дорогое место? – спросила Харпер.

Ричер пожал плечами.

– Не знаю. Полагаю, не самое дорогое. Но эти люди не хотят привлекать к себе ненужное внимание.

Наружная дверь оказалась незапертой. Узкий вестибюль, отштукатуренные стены, выкрашенные под мрамор. Единственный лифт в глубине, с узкой коричневой дверью.

Нужная квартира находилась на восьмом этаже. Ричер нажал на кнопку, и дверь лифта открылась. Все четыре стены кабины были украшены бронзовыми зеркалами. Харпер шагнула внутрь, Ричер втиснулся следом за ней. Нажал на восьмой этаж. Вместе с ними вверх поехало бесчисленное количество их отражений.

– Ты постучишь к ним в квартиру, – сказал Ричер. – Пусть они отопрут дверь. Они это ни за что не сделают, если увидят в глазок меня.

Харпер кивнула. Кабина остановилась на восьмом этаже. Дверь открылась. Они вышли на тускло освещенную лестничную площадку, напоминающую вестибюль. Нужная квартира находилась в конце коридора направо.

Ричер прижался к стене, а Харпер остановилась перед дверью. Наклонившись вперед, она резко откинула голову назад, убирая волосы с лица. Набрала полную грудь воздуха, подняла руку и постучала в дверь. Сначала ничего не произошло. Вдруг Харпер напряглась, словно поймав на себе придирчивый взгляд. Внутри загремела цепочка, дверь приоткрылась.

– Хозяйственная служба здания, – представилась Харпер. – Мне нужно проверить работу кондиционеров.

«Время года не то,» – мысленно отметил Ричер.

Но в Харпер было больше шести футов роста, у нее были светлые волосы больше ярда в длину, и она стояла, сунув руки в карманы, так, что спереди блузка была внатяжку. Дверь на мгновение захлопнулась, снова загремела цепочка, и дверь распахнулась настежь. Харпер шагнула внутрь, словно принимая любезное приглашение.

Оторвавшись от стены, Ричер проскользнул вслед за ней, прежде чем дверь успела снова захлопнуться. Квартира оказалась тесной и темной. Все коричневое: ковры, мебель, обои. За крохотной прихожей виднелась маленькая гостиная. В гостиной были диван, два кресла и Харпер. И оба парня, которых Ричер в последний раз видел в переулке за рестораном «У мостро».

– Привет, ребята, – сказал он.

– Мы братья, – совершенно не к месту ответил один из них.

У обоих лбы были заклеены широкими кусками белоснежного пластыря, чуть более длинными и широкими, чем этикетки, которые наклеивал Ричер. У одного были забинтованы руки. Оба парня были в одинаковых свитерах и тренировочных штанах. Без мешковатых плащей они выглядели не так грозно. Один парень был в остроносых туфлях. У другого на ногах были шлепанцы, которые выглядели так, словно он

сшил их из набора «сделай сам». Ричер смотрел на них и чувствовал, как его злость быстро улетучивается.

– Проклятие, – тихо выругался он.

Парни недоуменно посмотрели на него.

– Садитесь, – приказал Ричер.

Они сели на диван, рядышком. Не отрывая от него взгляда. В их глазах, прикрытых козырьками нелепых пластырей, светился страх.

– Это те, кто нам нужен? – спросила Харпер.

Ричер кивнул.

– Кажется, в мире произошли большие изменения.

– Петросян убит, – заметил один из парней.

– Нам это уже известно, – ответил Ричер.

– Мы больше ничего не знаем, – добавил второй.

Ричер покачал головой.

– Не надо так говорить. Вы многое знаете.

– Например?

– Например, то, где находится «Бельвю».

– «Бельвю»? – с опаской переспросил первый.

– Та больница, куда вас отвезли, – объяснил Ричер.

Братья отвернулись и уставились в стену.

– Вам там понравилось? – продолжал Ричер.

Оба молчали.

– Хотите туда вернуться?

Молчание.

– Там хорошее отделение травматологии, да? – спросил Ричер. – Занимаются всем. Сломанными руками, сломанными ногами, всевозможными повреждениями внутренних органов.

Старшим из братьев был тот, у кого была забинтована рука. Он заговорил от лица обоих:

– Что вам нужно?

– Предлагаю сделку.

– Что взамен чего?

– Информация, – сказал Ричер, – взамен на то, что вы не отправитесь обратно в «Бельвю».

– Хорошо.

– Как все оказалось просто, – улыбнулась Харпер.

– Проще, чем я думал, – согласился Ричер.

– Петросяна нет в живых, – объяснил старший из братьев. – Теперь все по-другому.

– Где вы достали пистолеты, которые у вас были при себе? – спросил Ричер.

– Какие пистолеты? – с опаской спросил парень.

– Те самые, – повторил Ричер. – Где вы их достали?

– Их нам дал Петросян.

– А он их где достал?

– Мы не знаем.

Улыбнувшись, Ричер покачал головой.

– Тут ты совершил ошибку. Ты не мог сказать"*мы*не знаем". Это совершенно неубедительно. Ты мог бы сказать "*я*не знаю", но за брата ты отвечать не можешь. Ты ведь не знаешь наверняка, что ему известно, так?

– Мы ничего не знаем, – упрямо повторил парень.

– Пистолеты армейского образца, – продолжал Ричер.

– Их купил Петросян.

– Он*заплатил*за них, – поправил Ричер.

– Он их купил.

– Могу согласиться, что он устроил эту покупку.

– Он дал нам эти пистолеты, – вставил младший брат.

– Они пришли по почте?

Старший брат кивнул.

– Да, по почте.

Ричер покачал головой.

– Нет, не по почте. Петросян послал вас забрать пистолеты. Вероятно, всю партию.

– Он сам их забрал.

– Нет, не сам. Он послал вас. Сам Петросян ни за что не отправился бы за оружием. Он послал вас, и вы поехали в своем «Мерседесе».

Братья молча уставились в стену, размышляя. Им предстояло принять очень важное решение.

– Кто вы такой? – наконец спросил старший.

– Никто, – ответил Ричер.

– Никто?

– Не фараон, не федерал, не агент управления по борьбе с нелегальным оборотом оружия. Никто.

Молчание.

– В этом есть свои плюсы и минусы, – продолжал Ричер. – Плюс в том, что все сказанное вами останется при мне. И никуда дальше не пойдет. Меня интересуете не вы, а армия. А минус заключается в том, что если вы мне ничего не скажете, я буду заботиться не о том, как предать вас суду, соблюдая все гражданские права, а о том, как отправить вас обратно в «Бельвю» со сломанными руками и ногами.

– Вы из иммиграционной службы?

– А вы потеряли свои иммиграционные карточки? – усмехнулся Ричер.

Братья промолчали.

– Я не из иммиграционной службы, – сказал Ричер. – Я уже говорил, что я никто. Просто никто. Человек, который хочет получить ответ. Если вы дадите мне этот ответ, вы сможете оставаться здесь сколько душе угодно, наслаждаясь преимуществами американского образа жизни. Но я уже начинаю терять терпение. Надолго этих тапок не хватит.

– Каких тапок?

– Мне бы не хотелось бить человека, обутого в шлепанцы.

Молчание.

– Это было в Нью-Джерси, – наконец сказал старший брат. – Если проехать по тоннелю Линкольна, там будет придорожный бар, там, где на шоссе номер три развязка.

– Как он называется?

– Не знаю. Чей-то там бар. Мак-кто-то там, вроде как ирландец.

– И с кем вы там встретились?

– С одним типом по имени Боб.

– А фамилия у этого Боба была?

– Откуда я знаю? Мы с ним визитными карточками не обменивались. Петросян сказал нам только, что его зовут Боб.

– Он военный?

– Судя по всему. То есть, он был не в форме, но волосы у него коротко острижены и все такое.

– И как все происходило?

– Мы заходили в бар, отыскивали этого Боба, платили ему наличными, он выходил на стоянку и отдавал нам товар. Доставал его из багажника машины.

– У него был «Кадиллак», – добавил второй брат. – «Де-вилль» старой модели, темный.

– Сколько раз?

– Три.

– Что?

– «Беретты». По двенадцать штук в каждой партии.

– В какое время дня?

– Вечером, часов в восемь.

– Вы предварительно звонили этому Бобу?

Младший брат покачал головой.

– Он всегда торчит в этом баре в восемь вечера. Так нам сказал Петросян.

Ричер кивнул.

– И последнее. Как выглядит этот Боб?

– Он чем-то похож на вас, – ответил старший брат. – Большой и свирепый.

## Глава 23

Согласно закону, виновные в распространении наркотиков также подвергаются конфискации имущества, поэтому управление по борьбе с наркотиками Нью-Йорка располагает таким большим количеством машин, какое ему никогда не понадобится, и охотно одалживает излишки другим правоохранительным учреждениям, в том числе, ФБР. Бюро использует эти машины, когда возникает необходимость в транспортных средствах, по виду которых нельзя было бы сразу же определить, что они принадлежат правительственному ведомству. Или когда бывает надо отстраниться от какой-либо не совсем законной деятельности. Поэтому Джеймс Козо отобрал седан Бюро вместе с водителем и швырнул Харпер ключи от новенького «Ниссана-Максимы», стоявшего в заднем ряду на подземной автостоянке.

– Желаю вам приятно поразвлечься, – бросил он на прощание.

За руль села Харпер. Ей впервые пришлось вести машину по улицам Нью-Йорка, и она очень волновалась по поводу этого. Попетляв по административным кварталам, Харпер выехала на Пятую авеню и медленно направилась на юг, уступая дорогу стремительно несущимся такси.

– Итак, что теперь? – спросила она.

«А теперь мы потеряем напрасно немного времени,» – подумал Ричер.

– Боб появится в баре не раньше восьми, – сказал он вслух. – Нам надо убить время до вечера.

– Мне бы хотелось заняться чем-нибудь полезным.

– Никакой спешки нет, – ответил Ричер. – У нас впереди еще три недели.

– И все же, что будем делать?

– Первым делом надо поесть. Лично я сегодня не завтракал.

*Ты с радостью пропускаешь завтрак, потому что тебе нужна полная уверенность. Согласно твоим предположениям, круглосуточное дежурство поделят пополам местная полиция и Бюро, причем смена караула будет происходить в восемь утра и восемь вечера. Вчера вечером смена произошла у тебя на глазах, поэтому сейчас ты, приехав заранее, ждешь, что это повторится в восемь утра. Пропустить убогий завтрак в столовой мотеля – небольшая плата*

*за полную уверенность. Как и долгая-долгая дорога к месту. У тебя хватило ума не снимать номер рядом с домом.*

*И у тебя хватило ума не поехать прямой дорогой. Попетляв по горным дорогам, ты оставляешь машину на развороте грунтовой дороги в полумиле от наблюдательного поста. Здесь машина будет в полной безопасности. Развороты строят в первую очередь как раз для того, чтобы всякие ослы оставляли на них машины, а сами отправлялись лазать по горам, смотреть на орлов и скакать по камням. Взятая напрокат машина, аккуратно поставленная на обочине, привлекает к себе не больше внимания, чем чехлы с лыжами на багажном транспортере в аэропорту. Это лишь элемент пейзажа.*

*Ты отходишь от дороги и взбираешься на небольшой пригорок футов сто высотой. Там повсюду чахлые деревца, высотой где-то по плечо. Листьев на них уже нет, но тебя укрывают складки местности. Ты оказываешься в широкой канаве. Тебе приходится шагать из стороны в сторону, чтобы обходить валуны. Поднявшись на вершину, ты идешь вдоль гребня налево. Низко пригибаясь, потому что склоны по обе стороны начинают понижаться. Ты опускаешься на четвереньки и осторожно пробираешься вперед, к тому месту, где взгромоздились друг на друге два огромных валуна. Сквозь щель между ними открывается прекрасный вид на долину внизу. Ты опираешься правым плечом на тот валун, что справа, и дом лейтенанта Риты Симеки оказывается в центре поля наблюдения, всего в каких-нибудь двухстах ярдах от тебя.*

*Дом находится чуть к северо-западу от твоей позиции, поэтому тебе он виден со стороны улицы. Твое место наблюдения возвышается над ним футов на триста, так что тебе все видно как на ладони. Машина Бюро стоит на улице. Темно-синий «Бьюик». Внутри один агент. Ты наводишь бинокль. Агент еще не спит. Он держит голову прямо. Не смотрит по сторонам. Сидит, уставившись перед собой, одуревший от скуки. Его не в чем упрекнуть. Двенадцать часов, ночью, в этой глуши, где последним крупным событием было рождественское застолье, устроенное кем-нибудь из местных жителей.*

*В горах прохладно. Валун высасывает тепло у тебя из плеча. Солнца нет. Лишь унылые тучи, зацепившиеся за высокие горы. Ты откладываешь бинокль и надеваешь перчатки. Поднимаешь воротник, закрывая нижнюю половину лица. Отчасти для тепла, отчасти для того, чтобы твое дыхание не образовывало в воздухе облачка пара. Ты снова берешь бинокль. Переставляешь ноги, поворачиваешься. Устраиваешься поудобнее. Наводишь бинокль на дом.*

*Двор вокруг дома огорожен проволочной изгородью. В ней отверстие напротив подъездной дорожки. Дорожка короткая. Упирается в ворота гаража, расположенные в конце крыльца. От дорожки отходит тропинка, которая петляет мимо клумб с какими-то горными цветами и подходит к входной двери. Машина Бюро стоит на улице прямо напротив отверстия в изгороди. Передом вниз по склону. То есть, вход на дорожку находится как раз перед глазами водителя. Правильно выбранная позиция. Если подниматься вверх по улице, агент Бюро увидит тебя издалека. Если зайти к нему сзади, он, возможно, заметит тебя в зеркало заднего вида, а затем обязательно увидит тебя, когда ты обойдешь машину. И дальше будет смотреть тебе в спину, пока ты будешь петлять по тропинке к крыльцу. Правильно выбранная позиция, но это тебе приходится иметь дело с Бюро.*

*Ты замечаешь какое-то движение в полумиле к западу и еще двухстах футах ниже твоего места. Черно-белый полицейский «Краун», входящий в крутой поворот. Медленно взбирающийся вверх. Наконец машина выворачивает на нужную улицу. За ней тянется белый пар из выхлопной трубы. Двигатель не прогрет. Машина простояла всю ночь у спящего полицейского участка. Она поднимается на улицу и останавливается бок о бок с «Бьюиком». Машины разделяет не больше фута. Ты не можешь разглядеть точно, но нет сомнений, что стекла опускаются. Полицейский и агент Бюро здороваются. Обмениваются информацией. «Все тихо, – говорит парень из Бюро. – Желаю спокойного дежурства.» Местный полицейский ворчит что-то невнятное. Делает вид, будто ему скучно, хотя в глубине души он в восторге от того, что ему поручено ответственное задание. Возможно, первое за все время работы в полиции. «До встречи,» – бросает ему на прощание агент.*

*Черно-белая машина поднимается вверх по улице и разворачивается. «Бьюик» заводится и трогается с места. Черно-белый «Краун» подъезжает к нему сзади. «Бьюик» уезжает вниз по улице. «Краун» подкатывается на его место. Останавливается в точности там же, где стоял «Бьюик». Дюйм в дюйм. Качается на рессорах и застывает. Двигатель глохнет. Белый пар рассеивается в воздухе. Полицейский поворачивает голову вправо, и перед ним открывается та же самая перспектива, какая до того открывалась перед агентом Бюро. Возможно, это вовсе и не полный кретин.*

Харпер поставила «Максиму» на платную стоянку на Девятой западной улице, сразу же после того, как Ричер предупредил ее, что равномерная сетка улиц вот-вот закончится, и дальше начнется неразбериха. Пройдя пешком за юго-восток, они нашли бистро с видом на Вашингтон-парк. Официантка, записывая заказ, подложила под него философский

журнал. Студентка университета, подрабатывает, чтобы свести концы с концами. Было прохладно, но на голубом небе появилось солнце.

– Мне здесь нравится, – сказала Харпер. – Прекрасный город.

– Я сказал Джоди, что собираюсь продать дом.

Она внимательно посмотрела на него.

– И как она к этому отнеслась?

Ричер пожал плечами.

– Почему-то это ее тревожит. Раз продажа дома сделает меня более счастливым, почему это ее тревожит?

– Потому что ты станешь ничем не связанным.

– Это ничего не изменит.

– Тогда зачем это делать?

– То же самое сказала Джоди.

Харпер кивнула.

– Естественно. Люди совершают поступки, руководствуясь какими-то побуждениями, так? Вот Джоди и ломает голову, чем руководствуешься ты.

– Тем, что я не хочу владеть домом.

– Но каждая причина имеет несколько слоев. Это лишь самый верхний. Джоди задает себе вопрос: "Ну хорошо, а*почему*он не хочет владеть домом?"

– Потому что мне не нужна связанная с этим суета. И Джоди это знает. Я ей все объяснил.

– Бюрократическая суета?

Ричер кивнул.

– Меня это выводит из себя.

– Понимаю. Хлопот очень много. Но Джоди наверняка опасается, что неприязнь к бюрократической суете является лишь чем-то вроде символа чего-то другого.

– Например?

– Например, желания стать ничем не связанным.

– Ты ходишь кругами.

– Я просто пытаюсь тебе объяснить, что думает Джоди.

Студентка философского факультета принесла кофе и печенье. Оставила счет, выписанный аккуратным академическим почерком. Счет взяла Харпер.

– Я позабочусь об этом.

– Хорошо, – согласился Ричер.

– Ты должен переубедить Джоди. Понимаешь, заставить ее поверить, что ты никуда не денешься даже после того, как продашь дом.

– Я сказал ей, что собираюсь продать и машину.

Харпер кивнула.

– Так уже лучше. Что-то вроде дополнительной гарантии оседлости.

Ричер помолчал.

– Я предупредил Джоди, что, возможно, буду время от времени путешествовать.

Она удивленно посмотрела на него.

– Господи, Ричер, а это уже звучит не слишком обнадеживающе, ты не находишь?

– Джоди же приходится разъезжать. В этом году она уже дважды летала в Лондон. И я не поднимал по этому поводу никакого шума.

– И как часто ты собираешься путешествовать?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Думаю, не так уж и много. Я люблю переезжать с места на место. Очень люблю. Впрочем, я уже говорил тебе это.

Харпер ответила не сразу.

– Знаешь что? Прежде чем убеждать*Джоди*в том, что ты никуда не денешься, быть может, тебе сначала следует убедить самого себя.

– А меня не надо убеждать.

– Вот как? А может быть, ты считаешь, что будешь приезжать и уезжать, как и прежде?

– Ну, наверное, буду и уезжать, и приезжать.

– Вы расстанетесь.

– То же самое сказала Джоди.

– Знаешь, я нисколько не удивлена.

Ричер ничего не сказал. Молча допил кофе и доел печенье.

– Тебе пора принимать окончательное решение, – сказала Харпер. – Жизнь может быть или оседлой, или кочевой, но не той и другой одновременно.

* * *

*Первым серьезным испытанием станет обед этого полицейского. По крайней мере, таково твое предварительное предположение. Сначала тебя интересовала проблема оправления естественных потребностей, но полицейский для этой цели просто вошел в дом и воспользовался там туалетом. Он выбрался из машины приблизительно через полтора часа, когда утренний кофе прошел через всю систему пищеварения и достиг мочевого пузыря. Потянулся, разминая затекшие мышцы. Затем прошел к крыльцу и позвонил в дверь. В мощный полевой бинокль тебе открылся великолепный вид сбоку. Симека была невидна. Она оставалась в доме. Зато движения полицейского, неуклюжие и смущенные, не вызывали никакого сомнения. Он ничего не сказал. Ни о чем не попросил. Просто встал перед дверью. То есть, обо всем уже было условлено заранее. Да, усмехаешься ты, Симеке не позавидуешь. Женщине, подвергшейся изнасилованию, приходится терпеть непрошеные визиты мужчины ради неких действий, определенно связанных с половым членом. Однако все произошло достаточно гладко. Полицейский вошел в дом, дверь закрылась, через минуту дверь снова открылась, и полицейский вышел на улицу. Вернулся назад к машине, внимательно оглядываясь по сторонам. Открыл дверь, сел на место, и снова потянулось однообразное ожидание.*

Значит, на оправление естественных потребностей рассчитывать нельзя. Следующая возможность представится во время перерыва на обед. Этот тип ни за что на свете не просидит двенадцать часов без того, чтобы не поесть. Фараоны постоянно что-нибудь жуют. Так говорит твой опыт. Булочки, печенье, кофе, бутерброды, вареные яйца. Они постоянно работают челюстями.

Харпер захотела осмотреть город. Она вела себя как турист. Ричер провел ее пешком на юг через Вашингтон-парк до Западного Бродвея, упирающегося в башни-близнецы Всемирного торгового центра. Всего около мили и трех четвертей. Они шли не спеша и потратили на прогулку пятьдесят минут. Небо было ясным и холодным, город кипел жизнью. Харпер была в восторге.

– Можно подняться наверх в ресторан, – предложил Ричер. – Бюро должно оплатить мой обед.

– Я только что оплатила твой обед, – заметила Харпер.

– Нет, это был поздний завтрак.

– Ты постоянно ешь.

– Я мужчина крупный. Мне нужно хорошо питаться.

Сдав плащи в гардероб внизу, они поднялись на лифте на самый верх. Постояли в очереди, чтобы попасть в ресторан. Харпер прижималась лицом к стеклянным стенам, наслаждаясь открывающимся видом. Она показала свой значок, и им отвели столик на двоих, прямо у окна, выходящего на Западный Бродвей и Пятую авеню, оставшиеся внизу в четверти мили.

– Впечатляюще, – заметила Харпер.

Действительно, это было впечатляюще. Воздух был чистый и прозрачный, и с такой высоты открывался вид на целую сотню миль вокруг. Далеко внизу простирался бескрайний город. Сложный, запутанный, бесконечно занятой. Зелеными и серыми лентами его пересекали реки. Пригороды плавно переходили в Уэстчестер, Коннектикут и Лонг-Айленд. В другой стороне на изгибающемся противоположном берегу громоздился Нью-Джерси.

– Где-то там наш Боб, – сказала Харпер.

– Где-то там, – согласился Ричер.

– Кто такой этот Боб?

– Полный осел.

– С точки зрения криминалистики – не слишком точное описание, – улыбнулась Харпер.

– Он кладовщик, – сказал Ричер. – Работает с девяти до пяти, раз каждый вечер торчит в баре.

– Он не тот, кто нам нужен, так?

«Он никому не нужен,» – подумал Ричер.

– Боб мелкая сошка, – сказал он вслух. – Продает оружие мелкими партиями, ведет дела на стоянке, привозит все в багажнике своей машины. Никакого честолюбия. Ставки не настолько высоки, чтобы кого-нибудь убивать.

– В таком случае, как он сможет нам помочь?

– Назовет фамилии. У него есть поставщики, он знает других игроков. Один из этих игроков, в свою очередь, также назовет фамилии, и так далее и так далее.

– Они все знают друг друга?

Ричер кивнул.

– Как и в любом бизнесе, они поделили между собой территории и классы товара.

– Вероятно, нам потребуется много времени.

– Мне нравится здесь географический аспект.

– Географический аспект? Что ты хочешь сказать?

– Это очень важно. Представь себе, ты служишь в армии и хочешь красть оружие. Где ты его будешь красть? Разумеется, ты не станешь ночами ползать на четвереньках по казармам и обчищать чужие тумбочки. Потому что в этом случае у тебя будет всего восемь часов спокойствия, после чего ребята проснутся и завопят: «Эй, куда пропала моя „беретта“, черт побери?»

– А откуда стал бы красть ты?

– Оттуда, где оружия долго никто не хватится. То есть, со склада. Нашел бы такой склад, где оно заготовлено к следующей войне.

– И где такие склады?

– Взгляни на карту федеральных автомагистралей.

– Зачем?

– Как ты думаешь, зачем были построены федеральные автомагистрали? Вовсе не для того, чтобы семейство Харперов могло в отпуск ездить из Аспена в Йеллоустоунский парк. А для того, чтобы армия могла быстро и легко перебрасывать войска и вооружение.

– Правда?

– Разумеется, – кивнул Ричер. – Эйзенхауэр построил их в пятидесятые годы, в самый разгар холодной войны, а Эйзенхауэр был в первую очередь генерал.

– И?

– А ты ищи место, где встречаются все федеральные автомагистрали. И где-то неподалеку будет находиться склад, чтобы то, что в нем хранится, можно было не мешкая направить в любую сторону. В основном, вдоль побережий, потому что старина Айк[4] не слишком опасался

парашютного десанта где-нибудь в Канзасе. Он думал о кораблях, которые могли прийти со стороны моря.

– И Нью-Джерси как раз подходит для этого?

– Замечательное стратегическое положение. Следовательно, огромное количество складов, следовательно, масса возможностей для хищения.

– То есть, наш Боб может что-то знать?

– Он направит нас в новую сторону. Только на это мы и можем рассчитывать. Обеденный перерыв тоже не принес ничего хорошего. Абсолютно ничего. Ты прижимаешь бинокль к глазам и внимательно следишь за происходящим. Из-за угла выворачивает вторая черно-белая полицейская машина и медленно взбирается на гору. Она останавливается рядом с первой, с работающим двигателем. Две полицейские машины, черт побери, бок о бок. Вероятно, у тебя перед глазами весь автомобильный парк местного полицейского управления.

*То, что происходит дальше, тебе видно плохо. Водители обеих машин опускают стекла. Плотный бумажный пакет и закрытый стаканчик с кофе. Тот полицейский, который только что приехал, протягивает их своему напарнику, высоко поднимая локоть. Картинка плоская, двумерная и зернистая: разрешение оптики на пределе. Первый полицейский берет сначала кофе. Поворачивает голову, находит подставку под стакан. Затем он берет пакет. Ставит его на подлокотник двери и открывает. Заглядывает внутрь. Улыбается. У него большое, мясистое лицо. Вероятно, он видит гамбургер. А может быть, два гамбургера и большой кусок пирога.*

Полицейский закрывает пакет и убирает его. Скорее всего, бросает на сиденье рядом с собой. Снова поворачивает голову. Полицейские разговаривают друг с другом. Тот, что наблюдает за домом, еще совсем молодой парень. Лицо не дряблое. Он преисполнен сознания собственной значимости. Ему поручено ответственное задание. Ты долго следишь за ним. Видишь его счастливое лицо. Гадаешь, какое на нем появится выражение, когда полицейский захочет справить нужду, постучит в дверь и не дождется ответа. Потому что ты как раз в этот момент принимаешь два важных решения. Во-первых, ты войдешь в дом и сделаешь свое дело. И ты не станешь предварительно убивать полицейского, только ради того, чтобы увидеть, как изменится его лицо.

Одно время «Ниссан Максима» считался излюбленной машиной наркоторговцев, поэтому Ричер ничего не имел против того, чтобы приехать на нем в бар в Нью-Джерси. На стоянке «Ниссан» не привлечет ничьего внимания. Он будет выглядеть настоящим. В отличие от любой машины Бюро. Нормальный человек, потратив двадцать тысяч на машину, идет дальше и покупает литые диски и кожаный салон. Но

правительственные учреждения никогда так не поступают, поэтому их машины выглядят неестественно убогими, как будто на них висят большие таблички: «Эта машина принадлежит правоохранительным органам». И если Боб увидит на стоянке такую машину, он изменит своей привычке и проведет один вечер где-нибудь в другом месте.

За руль сел Ричер. Харпер не захотела вести машину в вечерних сумерках, да еще в час пик. А поток транспорта на улицах был очень плотным. Машины медленно ползли по хребту Манхэттена и толпились у въезда в тоннель. Покрутив радио, Ричер нашел станцию, на которой женщина объяснила, сколько времени придется стоять в пробке. Минут сорок – сорок пять. То есть, дорога займет вдвое больше времени, чем если бы они пошли пешком, – а Ричеру сейчас как раз очень хотелось прогуляться.

Машина дюйм за дюймом пробиралась вперед, глубоко под дном Гудзона. До дома Ричера в Гаррисоне было шестьдесят миль вверх по течению. Хороший дом, хороший двор. Определенно, земля плодородная. Не успеешь отвернуться, как трава уже вымахивает по пояс. Много деревьев. Клены, очень красивые ранней осенью. Кедры, которые, судя по всему, Леон посадил сам, потому что растут они живописными группами. С кленов облетает листва; на кедрах висят маленькие пурпурные шишки. Когда листья полностью опадут, откроется панорама противоположного берега реки. Там находится академия Уэст-Пойнт, а эта академия сыграла очень большую роль в жизни Ричера.

Но он был не из тех, кто подвержен ностальгии. Это одна из сторон постоянных скитаний: смотреть приходится вперед, а не назад. Все внимание сосредоточиваешь на том, что ждет впереди. И Ричер в глубине души чувствовал, что он ищет*новизны.*Хочет посетить места, где еще никогда не бывал, посмотреть то, что еще не видел. По злой иронии судьбы он, хотя и побывал в самых разных уголках земного шара, на самом деле почти ничего не видел. Жизнь, проведенная на военной службе, подобна стремительному бегу по узкому коридору, когда взор устремлен прямо перед собой. Вокруг так много интересного, мимо чего человек пробегает, не замечая. И вот теперь Ричеру хотелось сворачивать в сторону. Хотелось выписывать сумасшедшие зигзаги, направляясь туда, куда вздумается, тогда, когда он пожелает.

И тут никак нельзя возвращаться каждый вечер в одно и то же место. Значит, он принял правильное решение. Ричер сказал себе: «Дом надо продать. Он выставлен на продажу. Дом продается. Дом продан.» Он мысленно произнес эти слова, и у него словно гора свалилась с плеч. И дело было не только в*реальном*бремени ответственности, хотя это тоже было очень важно. Больше не придется забивать голову протечкам отопительных труб, пришедшими по почте счетами, своевременным

заказом мазута и выплатой страховых взносов. Это станет*освобождением*.Он словно вернется в прежний мир, не обремененный ничем. Станет свободным, вольным идти куда заблагорассудится. Как будто распахнет дверь, впуская хлынувший солнечный свет. Ричер поймал себя на том, что широко улыбается.

– Тебе это действительно нравится? – удивилась Харпер.

Они медленно тащились по темному, спертому тоннелю.

– Это лучшая миля пути в моей жизни.

*Ты ждешь и наблюдаешь, час за часом. Подобного совершенства больше нигде нет. Но ты знаешь, что такое настоящее совершенство, и не собираешься опускать планку. Тебе нужно убедиться наверняка. И вот теперь тебе известно, что полицейский является помехой, которую необходимо принимать в расчет. Он ест в машине, время от времени ходит в дом в туалет, но это все. Поэтому тебе приходит мысль похитить полицейского, например, завтра утром, около восьми часов, и занять его место. Сменить его на дежурстве. Посидеть немного в его машине, затем подойти к дому Симеки и постучать в дверь, якобы для того, чтобы сходить в туалет. Мысль эта живет у тебя в голове ровно полторы секунды, после чего ты, естественно, ее прогоняешь. Во-первых, форма не подойдет по размеру. Кроме того, при передаче дежурства надо будет обменяться парой слов с агентом Бюро, и тот сразу обнаружит подмену. Он наверняка знает в лицо всех сотрудников местной полиции. Здесь не огромные, многолюдные управления, как в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе.*

*Поэтому надо или убрать полицейского, или придумать способ пройти мимо него. У тебя мелькает мысль чем-то его отвлечь. Что заставит полицейского покинуть свой пост? Возможно, крупная автомобильная авария на перекрестке. Или пожар в школе. Вот только в этом поселке нет школы. Большой желтый автобус каждое утро увозит детей в Портленд. А подстроить аварию будет очень непросто. Естественно, авария с твоим участием исключается. А как заставить других водителей врезаться друг в друга?*

*А что если сообщение о заложенной бомбе? Но где? В полицейском участке? Это ничего не даст. Наоборот, полицейскому прикажут оставаться на месте, в безопасности, пока сообщение не будет проверено. Где еще? Где-нибудь там, где собирается много народа. Там, где для эвакуации людей потребуется весь личный состав местной полиции. Но поселок крохотный. Где собираются все жители? Наверное, в церкви. Внизу, у шоссе виден шпиль. Но ждать до следующего воскресенья нельзя. В библиотеке? Там, вероятно, вообще никого нет. Максимум, две старушки, коротающие время со спицами*

*в руках, не обращающие никакого внимания на книги. Эвакуацию осуществит один-единственный полицейский за три с половиной секунды.*

*Длясообщения о заложенной бомбе, необходимо позвонить по телефону. Откуда? Телефонные звонки можно проследить. Можно вернуться в аэропорт Портленда и позвонить оттуда. Проследить звонок до телефона-автомата в аэропорту равносильно тому, что вообще его не проследить. Однако в нужный момент ты окажешься за много миль до места действия. Звонок безопасный, но совершенно бесполезный. «Уловка-22». А здесь на миллион миль вокруг нет ни одной телефонной будки. И нельзя воспользоваться сотовым телефоном, потому что через какое-то время этот звонок окажется в счете, присланном телефонной компанией, а это будет то же самое, что признание в суде. И кому звонить? Нельзя допустить, чтобы кто-либо услышал твой голос. Он слишком характерный. Это чересчур опасно.*

*Но чем больше ты над этим думаешь, тем больше приходишь к выводу, что стратегия должна быть основана на телефонном звонке. Существует единственный человек, которому ты можешь позволить услышать твой голос, не опасаясь последствий. Однако задача становится геометрической. Четырехмерной. Пространство и время. Звонить надо будет прямо отсюда, с открытого места, находясь в виду дома, но сотовым телефоном воспользоваться нельзя. Пат.*

Выехав из тоннеля, Ричер и Харпер вместе с потоком машин повернули на запад. За турникетом оплаты проезда шоссе номер 3 чуть отклонилось к северу. В Нью-Джерси уже наступила влажная ночь; повсюду мокрый асфальт и фонари, окруженные нимбами, подобными ожерельям. Справа и слева яркие неоновые вывески. Самые разные заведения, а перед ними асфальтовые стоянки.

Бар, который они искали, находился за развилкой трех дорог. На вывеске эмблема известной пивной компании и фамилия «Макстефан», что, если Ричер правильно понимал ирландский, соответствовало «Стивенсону». Приземистое здание с плоской крышей. Стены обшиты темными досками, в каждом окне зеленый неоновый трилистник, символ Ирландии. Тускло освещенная стоянка была на три четверти пуста. Ричер небрежно поставил «Максиму» наискосок на третьей площадке от схода. Вышел и огляделся вокруг. На улице было холодно. Ричер описал в полумраке полный круг, разглядывая стоянку в свете уличных фонарей.

– Старого «Кадиллака Де-вилль» нет, – сказал он. – Наш Боб еще не приехал.

Харпер осторожно посмотрела на входную дверь.

– Наверное, мы приехали слишком рано. Придется подождать.

– Если хочешь, можешь ждать здесь.

Она покачала головой.

– Мне приходилось бывать и в худших местах.

Ричер не смог с ходу предположить, где и когда. За входной дверью был тесный вестибюль с автоматом, торгующим сигаретами. Затем еще одна дверь, ведущая в темный зал с низко нависшим потолком, наполненный табачным дымом и запахом прогорклого пива. Вентиляция, если и имелась, не работала. Зеленые трилистники в окнах, светившие и внутрь, заливали зал бледным призрачным сиянием. Стены были обшиты досками, потемневшими и покрывшимися копотью от пятидесяти лет сигарет. Стойка представляла из себя длинное деревянное сооружение, установленное на бутафорские деревянные бочки. Перед ней стояли высокие табуреты с красными пластиковыми сиденьями, а в зале – их уменьшенные копии, перед столиками в виде покрытых лаком бочонков с прибитыми сверху фанерными кругами. Фанера была засалена тысячами рук и локтей.

За стойкой стоял бармен, в зале сидело восемь посетителей. Перед всеми на фанерных столах стояли стаканы с пивом. Все посетители были мужчинами. Все повернулись к новоприбывшим. Ни один из посетителей не был военным. Не мог быть военным. Одни были слишком старые, другие слишком рыхлые, у кого-то были длинные сальные волосы. Обычные работяги. Или безработные. Но все смотрели на вошедших враждебно. Разговоры смолкли, оборвавшись на полуслове. Завсегдатаи смотрели на новичков, словно пытаясь устрашить их своим видом.

Ричер обвел их взглядом, задерживаясь на каждом лице, – достаточно долго, чтобы показать, что его никто не запугал, но в то же время достаточно коротко, чтобы каждый понял, что он его не интересует. Затем Ричер подошел к стойке и пододвинул табурет Харпер.

– Чем угостите? – спросил он бармена.

Тот был в давно не стиранной мятой рубашке. Через плечо перекинуто полотенце. Лет пятьдесят, лицо сырое, одутловатое. Он ничего не ответил.

– Что у вас есть? – повторил Ричер.

Молчание.

– Эй, вы что, оглохли? – спросила Харпер.

Она присела на краешек табурета, поставив одну ногу на подножку, другую вытянув на пол. Пиджак был расстегнут. Распущенные волосы ниспадали на спину.

– Предлагаю сделку: вы даете нам пиво, мы платим вам деньги. Начнем с этого. Быть может, вам удастся превратить это дело в бизнес, открыть бар.

Бармен повернулся к ней.

– Я вас здесь раньше не видел.

Харпер обворожительно улыбнулась.

– Да, мы новые клиенты. В бизнесе ведь это самое главное – расширять базу клиентов, да? Будете работать в том же направлении, и в самом ближайшем времени станете королем баров «Штата садов».

– Что вам нужно? – спросил бармен.

– Два пива, – ответил Ричер.

– А помимо пива?

– Ну, мы уже наслаждаемся гостеприимным и радушным приемом.

– Такие люди как вы приходят в такое заведение как мое только по делу.

– Мы ждем Боба, – сказала Харпер.

– Какого Боба?

– Очень короткая стрижка, ездит на старом «Кадиллаке Де-вилль», – уточнил Ричер. – Служит в армии, приходит сюда каждый день в восемь часов вечера.

– Вы его ждете?

– Да, мы его ждем, – сказала Харпер.

Бармен усмехнулся. Гнилые желтые зубы, нескольких не хватает.

– Что ж, в таком случае, вам придется ждать его долго.

– Почему?

– Купите что-нибудь, и я скажу.

– Мы вот уже пять минут добиваемся от вас именно этого, – заметил Ричер.

– Что вам дать?

– Два пива, – сказал Ричер. – Какое у вас есть.

– Есть «Будвайзер» и «Будвайзер легкое».

– По одному каждого.

Бармен взял с полки два стакана и наполнил их. В зале по-прежнему царила полная тишина. Ричер чувствовал спиной взгляды восьми пар глаз. Бармен поставил пиво на стойку. В каждом стакане сверху был слой мыльной пены толщиной в дюйм. Взяв из стопки две салфетки, бармен сдал их словно карты. Достав из кармана бумажник, Харпер положила между стаканами десятку.

– Сдачу оставьте себе. Итак, почему нам придется ждать Боба долго?

Усмехнувшись, бармен пододвинул десятку к себе. Сгреб ее рукой и сунул руку в карман.

– Потому что, насколько мне известно, Боб в тюряге.

– За что?

– Что-то связанное с армией. Точно я не знаю и*не хочу*знать. Вот как делается бизнес в этой части «Штата садов», мисс. Прошу прощения, но ваши красивые мысли у нас не приживутся.

– И что все-таки случилось? – спросил Ричер.

– Потребовалось шесть человек, чтобы его скрутить. Они сломали стол. Я только что получил чек от министерства обороны. Из самого Вашингтона. Из Пентагона. Пришел по почте.

– Когда это случилось? – спросил Ричер.

– Когда пришел чек? Да всего пару дней назад.

– Нет, когда арестовали Боба?

– Точно сказать не могу. Помню только, что тогда еще играли в бейсбол. Шел регулярный чемпионат. Так что, наверное, это было месяца два назад.

## Глава 24

Оставив пиво нетронутым, они вышли на улицу. Отперли «Ниссан» и сели внутрь.

– Два месяца назад – это плохо, – сказала Харпер. – Этот Боб никак не попадает в нашу картинку.

– А он никогда и не былвкартинке, – возразил Ричер. – Но мы все равно с ним обязательно поговорим.

– Как? Его ведь задержала военная полиция.

Ричер снисходительно посмотрел на нее.

– Харпер, я тринадцать лет прослужил в военной полиции. Уж если я не смогу отыскать этого Боба, то кто сможет?

– Он может находиться где угодно.

– Нет. Если он постоянно ошивался в этой дыре, значит, он служил где-то поблизости. Такой мелкой сошкой занималось местное управление военной полиции. Поскольку его забрали два месяца назад, трибунала еще не было. Следовательно, он в камере предварительного заключения при штаб-квартире местного управления военной полиции, которая в данном случае находится на базе Форт-Армстронг неподалеку от Трентона, то есть, меньше чем в двух часах езды отсюда.

– Ты уверен?

Ричер пожал плечами.

– Если только за три года все не встало с ног на голову.

– Ты можешь это как-то проверить? – спросила Харпер.

– Проверять незачем.

– И все же я не хочу терять время напрасно.

Ричер ничего не ответил. Улыбнувшись, молодая женщина открыла сумочку. Достала сотовый телефон, «раскладушку» размером с пачку сигарет.

– Воспользуйся моим мобильником.

*Все пользуются сотовыми телефонами. Пользуются постоянно, просто непрерывно. Это феномен современной жизни. Все говорят, говорят не переставая, прижимая к уху маленькие черные телефоны. Откуда берутся темы для разговоров? Как люди обходились до появления сотовой связи? Держали все это в себе? И информация прожигала у них во внутренностях язвы? Или все это произошло вдруг, разом, с изобретением новых технологий?*

*Тебя очень интересует этот вопрос. Побудительные причины. Ты считаешь, что лишь небольшая доля звонков действительно содержит полезный обмен информацией. Но огромное большинство подпадает под две категории: или звонки ради удовольствия, ради чистого наслаждения делать что-то просто потому, что есть такая возможность, или звонки, в которых проявляется самовлюбленность, свое "я". И, согласно твоим наблюдениям, эти*

*категории практически точно соответствуют разделению абонентов сотовой связи по половому признаку. Конечно, ты не станешь высказывать это мнение публично, но наедине с собой можно быть откровенным: женщины разговаривают потому, что это доставляет им удовольствие, а мужчины – потому, что это позволяет им ощутить собственную значимость. «Привет, дорогая, я только что сошел с самолета,» – говорят они. И что тут такого? Кому до этого какое дело?*

*Поскольку мужчины пользуются сотовыми телефонами для того, чтобы польстить своему самолюбию, желание позвонить возникает у них гораздо чаще. Так что если украсть телефон у мужчины, это будет обнаружено значительно раньше. Таково твое суждение. Поэтому ты ждешь в ресторане аэропорта и наблюдаешь за женщинами.*

*Второе главное преимущество женщин заключается в том, что у них карманы меньшего размера. А очень часто вообще нет никаких карманов. Поэтому женщины носят сумочки, где и хранят все свои вещи. Бумажники, ключи, косметички. И сотовые телефоны. Они достают телефоны для того, чтобы позвонить, потом ненадолго кладут их на стол рядом с собой, после чего убирают назад в сумочки. Отправляясь за новой чашкой кофе, женщины, естественно, захватывают сумочки с собой. Это у них в крови. Никогда не расставаться с сумочкой. Но иногда у них есть при себе и другие сумки. В частности, сумки с переносными компьютерами, в которых есть масса самых разных кармашков для дискет, компакт-дисков и шнуров. А у некоторых есть еще кармашки для сотовых телефонов: маленькие кожаные прямоугольники такой же формы, в которых раньше женщины носили сигареты и зажигалки – в те времена, когда люди еще курили. Вот с такими сумками иногда приходится расставаться. Если женщины просто отходят к стойке за кофе или соком, они, как правило, оставляют сумки на столе, отчасти для того, чтобы обозначить, что место занято, отчасти потому, что кто сможет одновременно нести сумочку, компьютер и чашку с горячим кофе?*

*Но ты не обращаешь внимания на женщин с портативными компьютерами. Потому что эти дорогие кожаные сумочки говорят о серьезной работе. Вполне вероятно, обладательница такой сумочки через час вернется домой и захочет проверить электронную почту, просмотреть бухгалтерский отчет или еще чего-нибудь; она откроет сумку и увидит, что телефон пропал. Сообщит об этом в полицию, телефон будет блокирован, и все это в течение часа. Нет, так не пойдет.*

*Поэтому ты присматриваешься не к деловым женщинам, а к женщинам-путешественницам. С маленьким нейлоновым рюкзачком, который можно пронести в салон как ручную кладь. И в первую очередь к тем, которые улетают отсюда, а не прилетели домой. Такие сделают пару последних звонков из аэропорта, уберут телефон в рюкзак и начисто забудут о нем, потому что улетят из зоны покрытия, а с платой за роуминг им связываться не хочется. Быть может, они улетают в отпуск за границу, и в этом случае от сотового телефона толку будет не больше, чем от ключей от дома. Это нужно таскать с собой, но за весь отпуск об этом они ни разу не вспомнят.*

*Особенно тебя интересует молодая женщина лет двадцати трех или двадцати четырех, которая сидит футах в сорока от тебя. Она уютно оделась, готовясь к долгому перелету, и сидит в стуле, склонив голову влево, прижимая плечом телефон. Разговаривая, женщина рассеянно улыбается и рассматривает свои ногти. Крутит руки так и сяк, чтобы на них падал свет. Нет никаких сомнений, что это ленивая болтовня с подругой. На лице никакой сосредоточенности. Женщина говорит просто для того, чтобы говорить.*

*Ее сумка, которую она возьмет с собой в салон самолета, лежит на полу рядом со стулом. Это небольшой рюкзачок, весь в кармашках, ремешках и молниях. Судя по всему, застегивать его так сложно, что женщина оставила его открытым. Она берет чашку и снова ставит ее на стол. Чашка пуста. Сверившись с часами, женщина оборачивается в сторону кафе. Заканчивает разговор. Захлопывает телефон и бросает его в рюкзачок. Берет сумочку, встает и отправляется за кофе.*

*Ты мгновенно вскакиваешь на ноги. В руках ключи от машины. Ты проходишь десять футов, двадцать, тридцать. Помахивая ключами. С деловитым видом. Женщина стоит в очереди. Ее скоро обслужат. Ты роняешь ключи. Они громыхают по плиткам пола. Ты нагибаешься за ними. Твоя рука ныряет в рюкзачок. Ты выпрямляешься с ключами и телефоном. Идешь дальше. Ключи возвращаются назад в карман. Телефон остается в руке. Нет ничего более обычного, чем человек, идущий по залу ожидания аэропорта с сотовым телефоном в руке.*

*Ты идешь, не замедляя и не ускоряя шаг. Останавливаешься у колонны. Раскрываешь телефон и подносишь его к уху, притворяясь, что кому-то звонишь. Это лучшая маскировка. Люди стоят, прислонившись к колоннам, и говорят по телефону. В радиусе двадцати футов от тебя таких не меньше дюжины. Ты оборачиваешься. Женщина возвращается за стол, пьет кофе. Ты ждешь, бормоча в телефон всякую чепуху. Проходит три минуты.*

*Четыре. Пять. Ты тычешь наугад какие-то кнопки и снова принимаешься говорить. Новый звонок. Ты изображаешь из себя делового человека. Одного из многих. Женщина встает. Закрывает рюкзачок. Поднимает его за шнурки, чтобы те затянулись под его весом. Застегивает ремни. Закидывает рюкзачок на плечо и берет сумочку. Открывает ее, проверяя, что билет на месте. Снова закрывает ее. Оглядывается вокруг и целеустремленно направляется к регистрации. Идет прямо на тебя. Проходит в пяти футах и скрывается в зале отлета. Ты закрываешь телефон и убираешь его в карман пиджака. Направляешься к выходу. Улыбаясь. Теперь счет за такой важный звонок придет кому-то другому. Ты в полной безопасности.*

Звонок дежурному в Форт-Армстронге не открыл ничего явного, однако ответы офицера были такими уклончивыми, что Ричер, прослуживший тринадцать лет в военной полиции, принял их за подтверждение своей версии, так, словно это были письменные показания, данные под присягой.

– Он там, – сказал Ричер.

Харпер, слушавшая разговор, колебалась.

– Тебе так прямо и ответили? – спросила она.

– Более или менее.

– Значит, стоит туда поехать?

Ричер кивнул.

– Он там. Обещаю.

Карты в «Ниссане» не было, и Харпер не имела понятия, где они находятся. У Ричера были самые общие представления о географии Нью-Джерси. Он знал, как попасть из точки А в точку Б, затем из Б в В, потом из В в Г, но он не имел понятия, будет ли это кратчайшей дорогой из А в Г. Поэтому, выехав со стоянки, Ричер развернулся на развязке и направился на юг. Он решил, что для начала все равно надо будет ехать около часа в эту сторону. Через пару минут Ричер сообразил, что это та самая дорога, по которой всего несколько дней назад его везла Ламарр. Моросил дождь, и маленькому «Ниссану» приходилось тяжелее, чем массивному «Бьюику». Машина двигалась прямо сквозь тоннель брызг. Лобовое стекло покрылось тонкой пленкой городской грязи, и щетки, двигаясь в одну сторону, только размазывали ее. Чисто, грязно, чисто, грязно. Датчик количества бензина опустился ниже отметки четверть бака.

– Нам надо остановиться, – предложила Харпер. – Заправиться, почистить стекло.

– И купить карту, – добавил Ричер.

Он свернул на следующую стоянку. Внешне она оказалась похожа на ту, где останавливались для отдыха они с Ламарр. Похожие здания, похожая обстановка. Ричер подъехал к заправке и свернул на площадку полного обслуживания. Когда он через несколько минут, промокший, вернулся с пестрой дорожной картой, неуклюже развернутой в квадрат ярд на ярд, бак уже был залит под пробку, и служащий заправки вытирал стекла.

– Мы едем не в ту сторону, – сказал Ричер. – Автострада номер 1 подошла бы нам лучше.

– Ну хорошо, – предложила Харпер, изучая карту через его плечо, – на следующей развязке сворачивай на шоссе И-95.

Она провела пальцем по карте. Нашла на краю желтого пятна, обозначавшего Трентон, базу Форт-Армстронг.

– Совсем рядом с Форт-Диксом, – заметила она. – Где мы уже были.

Ричер ничего не ответил. Служащий закончил протирать стекла, и Харпер, опустив окно, расплатилась с ним. Ричер вытер рукавом мокрое от дождя лицо и завел двигатель. Выехал на шоссе и стал искать поворот на И-95.

Шоссе И-95 оказалось забито потоком машин. Автострада номер 1, к счастью, была свободнее. Обогнув Хайленд-парк, она на протяжении двадцати миль шла ровно как стрела, до самого Трентона. Насколько помнил Ричер, если выезжать из Трентона на север, Форт-Армстронг находился слева от шоссе. Следовательно, если въезжать в Трентон с севера, Форт-Армстронг будет справа. Еще одна прямая дорога привела их к шлагбауму и двухэтажному караульному зданию. За шлагбаумом – ухоженные дороги и аккуратные здания. Бордюрный камень выкрашен белой краской, здания кирпичные, с наружными лестницами из сваренных стальных труб, выкрашенные в зеленый цвет. Оконные переплеты металлические. Классическая армейская архитектура пятидесятых годов, все построено с безграничным размахом, на безграничные средства. С безграничным оптимизмом.

– Вооруженные силы Соединенных Штатов, – заметил Ричер. – Мы тогда были хозяевами всего земного шара.

В окне караульного здания горел тусклый свет. На его фоне виднелся нескладный силуэт часового, в каске и дождевике с капюшоном.

Выглянув в окно, часовой подошел к двери. Открыл ее и шагнул к машине. Ричер опустил стекло.

– Это вы звонили нашему капитану? – спросил часовой.

Высокий широкоплечий негр. Низкий голос, медлительный говор южной глубинки. Далеко от дома в дождливый вечер. Ричер кивнул. Часовой улыбнулся.

– Капитан так и решил, что вы заявитесь лично, – сказал он. – Проезжайте.

Часовой снова скрылся в караулке, и шлагбаум поднялся. Ричер осторожно переехал через «лежачего полицейского» и повернул налево.

– Все оказалось очень просто, – заметила Харпер.

– Тебе когда-нибудь приходилось встречаться с бывшим сотрудником ФБР, удалившимся на покой? – спросил Ричер.

– Ну да, пару раз. С уважаемыми стариками.

– И как ты себя с ними вела?

Харпер понимающе кивнула.

– Наверное, так же, как этот часовой с тобой.

– То же самое можно сказать про любую организацию. Причем в отношении военной полиции, наверное, это особенно верно. Вся остальная армия нас ненавидит, поэтому нам приходится сплачиваться еще теснее.

Ричер повернул направо, затем еще раз направо, потом налево.

– Тебе уже доводилось здесь бывать? – спросила Харпер.

– Все подобные места похожи друг на друга. Ищи самую большую клумбу – рядом будет штаб.

Она указала в окно.

– Вот эта выглядит многообещающей.

– Ты все схватываешь на лету.

Свет фар выхватил засаженную розами клумбу размером с плавательный бассейн. От роз остались лишь спящие стебли, торчащие из почвы, щедро удобренной конским навозом и опилками. За клумбой стояло приземистое симметричное здание с побеленной лестницей, ведущей к двустворчатым дверям. В окне в середине левого крыла горело одинокое окно.

– Дежурное помещение, – сказал Ричер. – Как только мы въехали в ворота, часовой связался с капитаном, так что в настоящий момент тот идет по коридору к дверям. Следи за светом.

Лампы за дверью зажглись желтоватым светом.

– Теперь наружное освещение, – продолжал Ричер.

Вспыхнули две лампы, установленные на колоннах крыльца. Ричер остановил машину у лестницы.

– А сейчас откроются двери.

Створки распахнулись наружу, и на крыльцо вышел мужчина в форме.

– Таким же был и я, миллион лет назад, – произнес Ричер.

Капитан ждал их на крыльце, шагнув навстречу так, чтобы оказаться в свете ламп на колоннах, но оставаясь под навесом, укрываясь от дождя. На целую голову ниже Ричера, он тем не менее был широкоплечий и накаченный. Аккуратно расчесанные темные волосы, простые очки в металлической оправе. Форменный мундир был наглухо застегнут, но лицо казалось открытым. Выйдя из «Ниссана», Ричер обошел вокруг капота. Харпер присоединилась к нему на лестнице.

– Поднимайтесь скорее сюда, чтобы не мокнуть, – окликнул их капитан.

У него был акцент крупных городов Восточного Побережья. Бодрый и свежий, капитан любезно улыбнулся. Похоже, с этим человеком можно было иметь дело. Ричер первый поднялся по лестнице. Харпер отметила, что его ботинки оставили на белых ступенях грязные следы. Опустив взгляд, она убедилась, что ее собственная обувь ничуть не чище.

– Извините, – смущенно сказала Харпер.

Капитан снова улыбнулся.

– Не беспокойтесь. Заключенные красят их каждое утро.

– Это Лиза Харпер, – сказал Ричер. – Она из ФБР.

– Рад с вами познакомиться. Капитан Джон Лейтон.

Все трое обменялись рукопожатиями, и Лейтон провел гостей в здание. Щелкнув выключателем, он погасил свет на крыльце. Затем выключил свет в вестибюле.

– Бюджет, – объяснил Лейтон. – Приходится экономить.

Свет, горевший у него в кабинете, через раскрытую дверь проникал в коридор. Лейтон провел гостей к двери, пригласил заходить. Кабинет сохранил облик пятидесятых годов, с незначительными необходимыми

современными добавлениями. Старый письменный стол, новый компьютер, старый шкаф, новый телефон. Забитые книжные полки, все горизонтальные поверхности завалены бумагами.

– Вижу, вам без работы скучать не приходится, – заметил Ричер.

Лейтон кивнул.

– Так что много времени мы у вас не отнимем.

– Можете не беспокоиться. Естественно, после вашего звонка я навел о вас кое-какие справки. Знакомый моего знакомого сказал, что вас нужно встретить по высшему классу. Говорят, вы отличный парень – для майора.

Ричер усмехнулся.

– Ну, по крайней мере, всегда старался. Насколько это возможно для майора. А кто этот знакомый знакомого?

– Один человек, который служил под вашим началом, когда вы служили под началом старины Леона Гарбера. Он сказал, что вы ни перед кем не гнули спину, и старина Гарбер всегда ставил вас в пример. То есть, пока что наше поколение еще тянет лямку, вы остаетесь своим.

– А что, Леона Гарбера до сих пор помнят?

– А разве болельщики «Янкиз» забыли Джо Димаджио?

– Я встречаюсь с дочерью Гарбера, – сказал Ричер.

– Знаю, – ответил Лейтон. – Слухами земля полнится. Вам очень повезло. Насколько мне помнится, Джоди Гарбер отличная девчонка.

– Вы ее знаете?

Лейтон кивнул.

– Встречал ее на самых разных военных базах.

– Я передам ей от вас привет.

Ричер умолк, вспомнив Джоди. Он собирается продать дом, который оставил ему ее отец, и Джоди это очень беспокоит.

– Присаживайтесь, – предложил Лейтон.

Перед письменным столом стояли два стула с прямой спинкой, стальные трубки и брезент; от таких давным-давно отказались армейские церкви.

– Итак, чем могу вам помочь? – спросил Лейтон.

Смотрел он на Харпер, однако вопрос предназначался Ричеру.

– Она все объяснит, – сказал Ричер.

Харпер рассказала все с самого начала, подвела итог. Ей потребовалось семь или восемь минут. Лейтон внимательно слушал, время от времени задавая уточняющие вопросы.

– Мне известно об этих женщинах, – сказал он. – До нас дошли слухи.

В завершение Харпер изложила версию Ричера относительно возможных хищений на армейских складах, рассказала о следе, который привел от громил Петросяна из Нью-Йорка к некоему Бобу в Нью-Джерси.

– Его зовут Боб Макгуайр, – сказал Лейтон. – Сержант, служил на складе вооружения. Но он не тот, кто вам нужен. Этот Макгуайр сидит у нас уже больше двух месяцев, к тому же, он слишком туп.

– Мы так и думали, – заметила Харпер. – Но у нас есть надежда, что он назовет какие-то фамилии, которые выведут нас на кого-нибудь более подходящего.

– На крупную рыбу?

Харпер кивнула.

– На человека, который замешан в серьезном деле, из-за чего стоит расправляться со свидетелями.

– Теоретически такой человек может существовать, – осторожно произнес Лейтон.

– У вас есть фамилия?

Посмотрев на Харпер, Лейтон покачал головой. Откинулся на спинку стула и устало потер глаза.

– В чем дело? – встревожился Ричер.

– Вы давно оставили службу? – спросил Лейтон, не открывая глаза.

– Года три назад.

Зевнув, Лейтон потянулся, затем снова сел прямо.

– С тех пор многое изменилось. Время ведь не стоит на месте, так?

– Что изменилось?

– Всё. Ну, в первую очередь, вот это. – Подавшись вперед, Лейтон постучал ногтем по экрану компьютерного монитора. Послышался звонкий стук. – Армия стала меньше, порядку стало больше. Нас полностью компьютеризировали. Связь значительно упростилась.

Поэтому мы в курсе всех наших дел. Гораздо проще проводить инвентаризацию. Хотите узнать, сколько у нас на складах запасных колес к «Виллисам», хотя армия уже много лет не использует «Виллисы»? Дайте десять минут, и я вам точно отвечу.

– Ну и что?

– А то, что теперь мы имеем возможность следить практически за всем. Так, например, нам известно, сколько «беретт» М-9 поступило на склады, сколько было на законных основаниях выдано, сколько осталось. И если эти цифры не сходятся, мы начинаем бить тревогу, можете не сомневаться.

– Значит, все цифры сходятся?

Лейтон усмехнулся.

– Теперь сходятся. Это точно. За последние полтора года никто не похитил у американских вооруженных сил ни одной «беретты» М-9.

– Так чем же занимался два месяца назад Боб Макгуайр?

– Распродавал остатки своих запасов. Он занимался хищениями оружия по крайней мере в течение десяти лет. На это сразу же указал компьютерный анализ. Так мы вышли на Макгуайра, а также еще на пару десятков других ребят, которые действовали в других местах. Мы предприняли шаги, исключающие новые хищения, а затем взяли с поличным всех воров, которые распродавали остатки.

– Всех до одного?

– Так утверждает компьютер. Оружие пропадало с бешеной скоростью, самое разное, в двух десятках мест. Мы арестовали два десятка воров, и хищения прекратились. Макгуайр был последним, может быть, предпоследним, я точно не помню.

– Значит, хищения оружия прекратились?

– Это все осталось в прошлом, – улыбнулся Лейтон. – Вы отстали от жизни.

Наступило молчание.

– Отличная работа, – наконец произнес Ричер. – Примите поздравления.

– Армия стала меньше, – повторил Лейтон. – А у нас времени стало больше.

– Вы взяли*всех до одного?*– спросила Харпер.

Лейтон кивнул.

– Всех. Накрыли разом. Их оказалось не так уж много. Но спасибо за это надо сказать компьютерам.

Снова наступило молчание.

– Проклятие, от нашей теории не осталось камня на камне, – выругалась Харпер.

Она уставилась на пол. Лейтон осторожно покачал головой.

– Может быть, торжествовать победу рано. У нас тоже есть одна теория.

Харпер подняла голову.

– Крупная рыба?

– Точно.

– Кто он?

– Согласно нашим предположениям, это мозг.

– Мозг?

– Да. Сам он ничего не крадет. Как я уже говорил, мы выявили все течи и заткнули их. Два десятка человек ждут трибунала; все хищения раскрыты. Но как мы их брали? Посылали наших людей, чтобы те покупали товар. Брали с поличным. Например, Боб Макгуайр продал две «беретты» двум моим лейтенантам в одном баре.

– Мы только что оттуда, – заметила Харпер. – «Макстефан», рядом с развилкой шоссе на Нью-Джерси.

– Совершенно верно, – подтвердил Лейтон. – Наши ребята купили два М-9 по двести долларов за штуку, которые Макгуайр достал из багажника своей машины. Кстати, это приблизительно треть той суммы, которую выкладывает за «беретты» армия. После этого мы скрутили Макгуайра и стали рвать его по кусочкам. Инвентаризация, проведенная с помощью компьютера, позволила определить, сколько именно оружия он похитил на протяжении стольких лет. Зная предполагаемую среднюю стоимость одного пистолета, мы стали искать, куда подевались деньги. И обнаружили лишь около половины, на банковских счетах и в виде вещей, которые Макгуайр себе накупил.

– И что? – спросил Ричер.

– Пока что ничего. Но поскольку теперь у нас был доступ к единой информационной базе, мы выяснили, что подобная картина наблюдается повсюду. У всех расхитителей недостает приблизительно

половины всех денег. И этих людей едва ли можно назвать выдающимися головами, согласны? Они вряд ли смогли укрыть деньги так, чтобы мы не смогли их отыскать. Но даже если бы и смогли, то почему прятать ровно половину? Почему кто-то из них не откладывал, скажем, две трети или три четверти? Почему во всех случаях соотношение одно и то же?

– На сцене появляется гипотетическая крупная рыба, – сказал Ричер.

Лейтон кивнул.

– Совершенно верно. Иначе как еще это объяснить? Это все равно что мозаика с одной недостающей деталью. Мы предположили, речь идет о некоем «крестном отце», понимаете, какой-то крупной шишке, которая держалась в тени, возможно, осуществляя общее руководство, возможно, обеспечивая прикрытие хищениям, в обмен на половину прибыли.

– Или на половину оружия, – уточнил Ричер.

– Точно, – согласился Лейтон.

– Что-то вроде рэкета, – вставила Харпер. – Преступление внутри преступления.

– Точно, – снова сказал Лейтон.

Последовала долгая пауза.

– Нас этот человек устраивает как нельзя лучше, – наконец сказала Харпер. – Он должен быть умным и расчетливым, он много разъезжает по стране, обеспечивая преступную деятельность на местах. И можно объяснить, почему его интересует такое количество женщин. Не потому, что они*знали* его лично, а потому, что каждая из них знала кого-то из его подельников.

– И время тоже подходит вам как нельзя лучше, – подхватил Лейтон. – Если этот человек именно тот, кто вам нужен, он составил свой план как раз два – три месяца назад, узнав о том, что мы стали арестовывать его подельников.

Харпер подалась вперед.

– Каков был общий объем деятельности года два – три назад?

– Очень большой, – сказал Лейтон. – На самом деле вас интересует, как много могли увидеть эти женщины, так?

– Так.

– Они могли увидеть очень много.

– Насколько внушительны ваши обвинения? – продолжала Харпер. – В частности, против Боба Макгуайра?

– Наши дела далеко не блестящие, – пожал плечами Лейтон. – Разумеется, доказана продажа двух пистолетов нашим агентам. Но остальные улики косвенные, и недостача денег существенно ослабляет нашу позицию.

– Следовательно, разумно предположить, что крупная рыба устраняет нежелательных свидетелей.

Лейтон кивнул.

– Абсолютно с вами согласен.

– Так кто же этот тип?

Лейтон снова потер глаза.

– Мы понятия не имеем. У нас даже нет полной уверенности, что этот тип вообще*существует*.Пока это только предположение. Гипотеза.

– Никто ничего не говорит?

– Ни слова, черт побери. Мы усиленно задаем вопросы вот уже два месяца подряд. У нас в руках двадцать человек, и все упорно держат язык за зубами. Похоже, этот тип здорово их запугал.

– Судя по тому, что нам о нем известно, это страшный человек, – согласилась Харпер.

В кабинете наступила тишина. Только барабанная дробь дождя в стекла.

– Если он существует, – наконец произнес Лейтон.

– Он существует, – уверенно заявила Харпер.

Лейтон кивнул.

– Мы тоже так думаем.

– Что ж, полагаю, нам нужно узнать его фамилию, – сказал Ричер.

Ответа не последовало.

– Знаете, кажется, мне надо самому поговорить с вашим Макгуайром, – предложил Ричер.

Лейтон улыбнулся.

– Я ждал этого предложения. И был готов вам отказать. Но знаете, я только что передумал и решил согласиться. Делайте то, что считаете нужным. Чувствуйте себя как дома.

* * *

Тюрьма, как это всегда бывает в местных отделениях военной полиции, находилась под землей, под приземистым кирпичным строением со стальной дверью, одиноко стоящим с другой стороны от клумбы с розами. Лейтон быстро провел к нему своих гостей. Дождь усилился, и всем пришлось поднять воротники и опустить лица, защищаясь от сырости. Подойдя к стальной двери, Лейтон нажал кнопку древнего звонка, и через мгновение дверь открылась. За ней оказался ярко освещенный коридор и стоявший в нем здоровенный главный сержант. Сержант отступил в сторону, освобождая дорогу.

Внутри кирпичные стены были выложены глазурованной плиткой. Полы и потолок из выровненного бетона были выкрашены блестящей зеленой краской. Люминесцентные лампы прятались за толстыми металлическими решетками. Массивные стальные двери были оборудованы квадратными зарешеченными окошками в верхней части. Справа имелся небольшой кабинет с развешенными на деревянной доске ключами. Большой письменный стол, нагроможденные друг на друга видеомагнитофоны, записывающие молочно-серые мелькающие картинки с двенадцати мониторов системы наблюдения. На экранах были видны двенадцать камер, одиннадцать свободных, а в двенадцатой на койке под одеялом лежала скорченная фигура.

– В «Хилтоне» все тихо, – усмехнулся Ричер.

Лейтон кивнул.

– Субботними вечерами здесь становится шумно и многолюдно. Но сейчас Макгуайр у нас единственный постоялец.

– Система видеонаблюдения создает определенные проблемы, – заметил Ричер.

– Да, но она все время выходит из строя, – ответил Лейтон.

Он склонился к изображениям на экране мониторов. Положил руки на стол. Провел правой в сторону и нащупал пальцем выключатель. Видеомагнитофоны перестали жужжать, с экранов исчез значок «ЗАПИСЬ».

– Вот видите? – усмехнулся Лейтон. – Система очень ненадежная.

– Потребуется не меньше пары часов, чтобы ее починить, – добавил сержант.

У сержанта, широкоплечего гиганта, кожа была цвета кофе. Его форменный мундир был размером с палатку. Ричер и Харпер поместились бы в нем вдвоем. А может быть, хватило бы места и для

Лейтона. Сержант представлял из себя идеальный образчик военного полицейского.

– Сержант, к Макгуайру пришел гость, – многозначительным тоном произнес Лейтон. – Необязательно регистрировать это в журнале.

Ричер снял плащ и пиджак. Аккуратно сложил их на стуле. Сержант снял с доски связку ключей и подошел к внутренней двери. Отпер ее и распахнул настежь. Ричер шагнул в дверь, сержант последовал за ним. Закрыл дверь за собой и запер ее. Указал на лестницу.

– Вы первый.

Края кирпичных ступеней были стерты. Стены сверкали той же самой белой глазурью. Стальные перила были через каждые двенадцать дюймов прикреплены к стене толстыми болтами. Внизу еще одна запертая дверь. За ней коридор, потом еще одна запертая дверь. Затем небольшая площадка с тремя запертыми дверями трех камер. Сержант отпер среднюю дверь. Щелкнул выключателем, и люминесцентная лампа, погудев, залила ярким белым светом помещение размером сорок футов на двадцать. Ближайшая к двери треть представляла собой что-то вроде предбанника. Остальное пространство было поделено на четыре камеры, отгороженные массивными стальными прутьями. Прутья были покрыты толстым слоем белой глянцевой краски. Каждая камера имела в ширину футов десять и футов двенадцать в глубину. На стене напротив висели четыре видеокамеры наблюдения. Три пустые камеры были отперты. Четвертая была заперта. В ней находился Макгуайр. Разбуженный ярким светом, он уселся на кровати, щурясь и протирая глаза.

– К тебе гость, – окликнул его сержант.

В углу предбанника у входной двери стояли два высоких деревянных табурета. Сержант взял тот, что ближе, и поставил его перед камерой Макгуайра. Вернулся и сел на второй. Не обращая внимания на табурет, Ричер остался стоять, сплетя руки за спиной, молча глядя сквозь решетку. Сбросив одеяло, Макгуайр опустил ноги на пол. Он был в желто-зеленой майке и желто-зеленых трусах. Настоящий великан. Больше шести футов роста, больше двухсот фунтов веса, возраст лет тридцать пять. Могучие мышцы, толстая шея, здоровенные руки, здоровенные ноги. Коротко остриженные редеющие волосы, маленькие глазки, на бицепсах татуировка. Ричер стоял совершенно неподвижно, молча уставившись на верзилу.

– Кто ты такой, черт побери? – наконец не выдержал Макгуайр.

Его голос был под стать фигуре. Низкий, грудной. Ричер молчал. Эту тактику он отточил до совершенства еще полжизни назад. Стой

совершенно неподвижно, не мигай, ничего не говори. Жди, пока твой визави перебирает все возможности.*Не друг. Не адвокат. В таком случае, кто?*Дождись, чтобы он начал беспокоиться.

– Кто ты такой, черт побери? – повторил Макгуайр.

Ричер отошел назад. Подошел к сержанту и что-то шепнул ему на ухо. Тот удивленно поднял брови. «Вы уверены?» Ричер шепнул еще что-то. Гигант, кивнув, встал и протянул ему связку ключей. Вышел за дверь и запер ее за собой. Повесив ключи на дверную ручку, Ричер вернулся к камере Макгуайра. Тот настороженно следил за ним через решетку.

– Что тебе нужно?

– Я хочу, чтобы ты посмотрел на меня, – сказал Ричер.

– Что?

– Что ты видишь?

– Ничего, – буркнул Макгуайр.

– Ты слепой?

– Нет, не слепой.

– В таком случае, ты лжец, – спокойно произнес Ричер. – Раз ты говоришь, что ничего не видишь.

– Я вижу какого-то типа, – пробурчал Макгуайр.

– Ты видишь какого-то типа, который больше тебя размерами и который получил самые разнообразные специальные навыки, в то время как ты просиживал штаны, перебирая бумаги на своем дерьмовом складе.

– Ну и что?

– А ничего. Просто прими это во внимание на будущее.

– На какое еще будущее?

– Скоро ты все узнаешь, – успокоил его Ричер.

– Что тебе нужно?

– Доказательства.

– Доказательства чего?

– Того, насколько именно ты туп, кусок дерьма.

Макгуайр прищурился. Его маленькие глазки совсем спрятались под складками лба.

– Хорошо тебе говорить так, – сказал он. – Стоя в шести футах за решеткой.

Ричер сделал шаг вперед.

– Теперь я в двух футах от решетки. А ты все равно тупой кусок дерьма.

Макгуайр тоже шагнул вперед. Остановившись в футе от решетки, он схватился руками за прутья. Его взгляд налился злобой. Ричер сделал еще шаг.

– А теперь я в футе от решетки, как и ты. А ты*все равно*тупой кусок дерьма.

Правая рука Макгуайра, оторвавшись от решетки, сжалась в кулак и стремительно распрямилась, словно поршень. Целясь Ричеру в горло. Перехватив его руку за запястье, Ричер уклонился в сторону, пропуская кулак мимо, а затем резко перенес свой вес назад, увлекая Макгуайра к решетке. Вывернув ему руку, Ричер шагнул влево, заламывая локтевой сустав.

– Вот видишь, насколько ты туп? Я делаю еще один шаг – и у тебя сломана рука.

Макгуайр учащенно дышал, стараясь совладать с болью. Презрительно усмехнувшись, Ричер выпустил его руку. Сверкнув глазами, Макгуайр отдернул руку и покрутил плечом, проверяя, все ли цело.

– Что тебе нужно? – снова спросил он.

– Хочешь, я отопру камеру?

– Что?

– Ключи вон там. Хочешь, я отопру камеру и еще больше уровняю наши шансы?

Глаза Макгуайра превратились в узкие щелочки.

– Да, отпирай, черт побери.

Ричер вернулся к наружной двери и снял с ручки связку ключей. Быстро нашел нужный. За свою жизнь ему пришлось иметь дело с таким количеством ключей от камер, что он смог бы найти нужный с закрытыми глазами. Вернувшись к камере, он отпер решетку. Распахнул ее настежь. Макгуайр стоял неподвижно. Ричер вернулся назад и повесил ключи на дверную ручку. Остался стоять лицом к двери, спиной к камере.

– Садись, – сказал он. – Я оставил этот табурет для тебя.

Ричер ощутил, как Макгуайр выходит из камеры. Услышал шаги босых ног по бетону. Шаги замерли.

– Что тебе нужно? – в который раз повторил Макгуайр.

Ричер продолжал стоять к нему спиной. Напрягая все чувства, чтобы ощутить его приближение. Макгуайр не двигался с места.

– Задача очень сложная, – сказал Ричер. – Ты должен учесть несколько факторов.

– Каких еще факторов? – тупо переспросил Макгуайр.

– Фактор первый: я лицо неофициальное, понятно?

– И что это значит?

– А ты сам подумай.

– Понятия не имею.

Ричер обернулся.

– Это означает, что я не военный полицейский, не гражданский полицейский, вообще никто.

– Ну и что?

– А то, что на меня нет никакой управы. Меня нельзя подвергнуть дисциплинарному взысканию, лишить пенсии и так далее.

– Ну и что?

– А то, что если после разговора со мной ты до конца жизни будешь ходить на костылях и пить через соломинку, мне никто ничего не сможет сделать. И здесь нет никаких свидетелей.

– Что тебе нужно?

– Фактор второй: что бы ни грозил сделать с тобой тот тип, я могу сделать гораздо хуже.

– Какой еще тип?

Ричер усмехнулся. Макгуайр стиснул кулаки. Могучие бицепсы, широкие плечи.

– А сейчас начинается самый тонкий момент, – продолжал Ричер. – Ты должен полностью сосредоточиться. Фактор третий: если ты назовешь мне его фамилию, этот тип отправится до конца дней своих в одно

место. Если ты назовешь его фамилию, он до тебя не доберется. Никогда, понятно?

– Какая еще фамилия? Что еще за тип?

– Тот, которому ты отстегивал половину прибыли.

– Никакого такого типа не было.

Ричер покачал головой.

– Это мы уже прошли, хорошо? Нам известно, что такой человек существует. Так что не вынуждай меня стучать тебя головой по стене. Перейдем к главному.

Макгуайр напрягся. Задышал часто. Затем немного успокоился. Расслабился, прищурился.

– Так что думай хорошенько, – снова заговорил Ричер. – Ты боишься, что если выдашь того типа, то попадешь в дерьмо. Но это не так. Наоборот, ты должен понять, что если ты его выдашь, то тебе больше ничего не будет угрожать, до конца жизни, потому что этого типа разыскивают за кое-что похуже, чем хищение армейского имущества.

– Что он натворил? – спросил Макгуайр.

Ричер улыбнулся. Жаль, что видеокамеры не передают звук.*Этот человек существует.*Лейтон должен был пуститься в пляс.

– ФБР подозревает его в убийстве четырех женщин. Если ты назовешь его фамилию, этого типа упрячут навсегда. И больше его ни о чем не будут спрашивать.

Макгуайр молчал. Напряженно думая. Мыслительный процесс проходил у него крайне медленно.

– И еще два фактора, – добавил Ричер. – Если ты выложишь мне все прямо сейчас, я замолвлю за тебя словечко. Ко мне прислушаются, потому что в свое время я тоже служил в военной полиции. А полицейские помогают друг другу, верно? Я добьюсь для тебя некоторого послабления.

Макгуайр молчал.

– Фактор последний, – тихо промолвил Ричер. – Ты должен понять, что рано или поздно все равно заговоришь. Это лишь вопрос времени. Выбор за тобой. Ты можешь сказать сейчас, а можешь через полчаса, когда я переломаю тебе руки и ноги и соберусь сломать спину.

– Это очень страшный человек, – пробормотал Макгуайр.

Ричер кивнул.

– Не сомневаюсь. Но ты должен правильно расставить приоритеты. То, что обещал сделать тот тип, это чисто теоретические угрозы. Все это где-то в будущем, и, как я уже говорил, этого не произойдет никогда. Но то, что обещаю сделать я, произойдет прямо сейчас. Вот здесь.

– Ты ничего не сделаешь, – буркнул Макгуайр.

Развернувшись, Ричер поднял деревянный табурет. Перевернул его и, взяв за две ножки, поднял на уровень груди. Крепко ухватился и расправил плечи. Набрал полную грудь воздуха и резко развел локти, вырывая ножки из перекладин. Перекладины с грохотом упали на пол. Перевернув табурет, Ричер схватил левой рукой его за сиденье, а правой выдернул ножку. Отшвырнул обломки, оставив ножку в руке. Кусок дерева длиной в ярд, размером и весом с бейсбольную биту.

– Теперь твоя очередь.

Макгуайр старался изо всех сил. Перевернув свой табурет, он ухватился за ножки. Бицепсы вздулись, искажая татуировки, однако все было тщетно. Макгуайр так и остался стоять, сжимая в руках целый табурет.

– А жаль, – произнес Ричер. – Я хотел уровнять наши шансы.

– Этот человек служил в спецназе, – тяжело дыша, произнес Макгуайр. – Он принимал участие в операции «Буря в пустыне». Это очень страшный человек.

– Неважно, – ответил Ричер. – Если он окажет сопротивление, ФБР его пристрелит, и на этом все кончится.

Макгуайр молчал.

– Этот человек никогда не узнает, что его выдал именно ты, – продолжал Ричер. – Полиция подстроит все так, будто он сам где-то оставил улики.

Макгуайр продолжал молчать. Ричер помахал ножкой табурета.

– Левую или правую?

– Что? – недоуменно спросил Макгуайр.

– Какую руку сломать в первую очередь?

– Его зовут Ласалль Крюгер, – прошептал Макгуайр. – Он полковник. Командующий батальоном снабжения.

**Глава 25**

*Украсть телефон оказалось проще, чем отнять леденец у малыша, но постоянное наблюдение может свести с ума кого угодно. Тебе нужно дождаться наступления темноты. Ты собираешься действовать в последний час дежурства полицейского. Потому что полицейский все же глупее агента Бюро, и последний час дежурства лучше первого часа новой смены. Внимание притупляется. Подкатывается скука. Взгляд стекленеет, полицейский начинает думать только о кружке пива вместе с приятелями или вечере перед телевизором со своей женой. Или еще о том, черт побери, чем он убивает свободное время.*

*Поэтому твой промежуток ограничивается сорока минутами, скажем, от семи до семи сорока вечера. Твой план состоит из двух частей. Сначала дом, затем прилегающая территория. Ты возвращаешься из аэропорта по главной улице. Перекресток в трех улицах от дома Симеки проезжаешь прямо. Останавливаешься на площадке для туристов в двухстах ярдах дальше на север. Оттуда на восток вверх по склону Маунт-Худ ведет широкая грунтовая тропа. Ты выходишь из машины, поворачиваешься спиной к тропе и пробираешься на северо-запад по редколесью. И в конце концов оказываешься приблизительно на одном уровне с предыдущей позицией, но только на противоположном склоне, не перед домом, а за ним.*

*Рельеф обуславливает то, что дворики вокруг домов крохотные. Узкая полоска обработанной земли за домом, затем ограда, и дальше крутой склон, заросший диким кустарником. Ты пробираешься к самой ограде двора Симеки. Замираешь в темноте и внимательно смотришь по сторонам. Шторы опущены. Все тихо. Слышны тихие звуки рояля. Дом стоит на склоне, боком к улице. Так что этот бок и является фасадом. Вдоль всей стены проходит крыльцо. Напротив тебя стена, утыканная окнами. Дверей нет. Ты пробираешься вдоль ограды и заглядываешь за угол. Это, по сути дела, задняя часть дома. Дверей там тоже нет. То есть, единственные пути в дом – входная дверь на крыльце и ворота гаража, выходящие на улицу. Не идеально, но в твоем плане было предусмотрено и это. В твоем плане предусмотрено все. Любое непредвиденное препятствие.*

– Отлично, полковник Крюгер, – торжествующе воскликнул Лейтон, – ты у нас в руках!

Они вернулись в кабинет дежурного, промокшие под дождем, но опьяненные восторгом, раскрасневшиеся от прохладного воздуха и удачи. Рукопожатия, дружеские тычки в плечо; Харпер, рассмеявшись, стиснула Ричера в объятиях. Усевшись за компьютер, Лейтон ожесточенно застучал по клавиатуре, а Ричер и Харпер уселись рядышком на стулья с прямыми спинками напротив письменного стола,

пытаясь успокоить дыхание. С лица Харпер не сходила торжествующая улыбка.

– Мне жутко понравилась эта штука с табуретом, – сказала молодая женщина. – Мы наблюдали за всем по видеомонитору.

Ричер пожал плечами.

– Я сжульничал. Выбрал нужный табурет, только и всего. Я прикинул, что во время свиданий дежурный сержант сидит на том, что у двери. Ерзает, томясь от скуки. При его весе все соединения должны быть разболтаны. Табурет буквально рассыпался у меня в руках.

– Все равно, со стороны это выглядело превосходно.

– На то все и было рассчитано. Главное, чтобы со стороны все выглядело превосходно.

– Так, есть! – воскликнул Лейтон. – Ласалль Крюгер, полковник.

Он постучал по экрану ногтем. Тот же самый звонкий стук. Словно бутылка.

– У него были какие-то неприятности? – спросил Ричер.

– Пока что не могу сказать. А что, вы полагаете, в военной полиции на него должно быть досье?

– Что-то произошло, – уверенно заявил Ричер. – Сами подумайте, во время войны в Персидском заливе он служил в спецназе, а сейчас торчит в снабжении? Чем еще это можно объяснить?

Лейтон кивнул.

– Да, вероятно, он совершил какой-то дисциплинарный проступок. -Поводив мышкой, он щелкнул клавишей, переходя в другое меню. – Возможно, на это уйдет вся ночь.

Ричер усмехнулся.

– Вы хотите сказать, что не намерены показывать нам ничего лишнего.

Лейтон улыбнулся.

– В самую точку, дружище. Можете сколько угодно дубасить заключенных, но в компьютер вам заглядывать нельзя. Вы знаете, как у нас все строго.

– Можете не объяснять.

– Вы говорили про запасные колеса к «Виллисам», – вдруг спросила Харпер. – А нельзя ли установить, откуда была похищена защитная зеленая краска?

– Думаю, теоретически это возможно, – сказал Лейтон.

– В списке убийцы одиннадцать женщин, – продолжала Харпер. – Ищите примерно триста галлонов. Если вам удастся привязать Крюгера к краске, нам этого будет достаточно.

Лейтон кивнул.

– И даты, – добавила Харпер. – Убедитесь, что в те дни, когда были совершены убийства, этот Крюгер не находился на дежурстве. И еще, полагаю, нужно будет проверить, что хищения совершались именно там, где служили эти женщины. Тогда станет ясно, что они что-то видели.

Лейтон посмотрел на нее.

– Мое начальство за это меня просто расцелует, да? Крюгер – наш человек, но мне придется торчать всю ночь за компьютером, чтобы мы смогли передать его Бюро.

– Извините, но приоритеты юрисдикции, кажется, уже расставлены, разве не так? Убийство серьезнее хищений.

Лейтон кивнул, внезапно помрачнев.

– Да, подобно тому, как ножницы побеждают бумагу.

*Ну, кажется, хватит любоваться домом. Стоя в темноте, уставившись на него под звуки чертого рояля, ты все равно ничего не добьешься. Поэтому ты отходишь от ограды, ныряешь в кусты и идешь на юго-восток, обратно к машине. Добираешься до нее, смахиваешь с одежды грязь, садишься за руль, заводишь двигатель и возвращаешься к перекрестку. Впереди вторая часть плана, и у тебя на нее около двадцати минут. Ты едешь вперед. В двух милях от перекрестка стоит небольшой торговый центр, слева от дороги. Старое одноэтажное здание в виде буквы П. В центре супермаркет, по обе стороны от него небольшие магазинчики. Некоторые из них заколочены и пустуют. Ты сворачиваешь на стоянку в дальнем конце центра и смотришь по сторонам. Находишь именно то, что нужно, третий магазинчик от супермаркета. У тебя не было никаких сомнений в том, что ты это найдешь, и все же ты торжествующе ударяешь кулаком по рулю и улыбаешься.*

*Затем ты разворачиваешься и медленно едешь по стоянке, и твоя улыбка умирает. Тебе это не нравится. Совсем не нравится. Здесь все просматривается насквозь. Прекрасный вид из витрин всех*

*магазинчиков. Сейчас на стоянке царит полумрак, но ты думаешь о светлом времени суток. Поэтому ты объезжаешь вокруг ноги буквы П и улыбка возвращается на место. Здесь дополнительная полоса автостоянки, которая тянется вдоль глухой стены со служебными дверями. Ни одного окна. Ты останавливаешься и оглядываешься по сторонам. Ждешь десять минут, и наконец мимо проезжает «Бьюик» Бюро, не быстро и не медленно. Агент направляется на дежурство.*

*– Желаю приятно провести ночь, – шепчешь ты.*

*Затем заводишь двигатель, разворачиваешься и уезжаешь в противоположном направлении.*

Лейтон посоветовал остановиться в мотеле в миле по автостраде номер один в сторону Трентона. По его словам, именно там останавливаются те, кто навещает заключенных; там дешево, чисто, другой гостиницы все равно нет на много миль вокруг, и он знает, как туда позвонить. Харпер села за руль, и они довольно быстро отыскали мотель. Снаружи он производил благоприятное впечатление; свободных мест в нем было достаточно.

– Могу предложить номер двенадцать, очень милый двухместный номер, – сказал администратор.

Харпер кивнула.

– Хорошо, берем.

– Берем? – удивился Ричер. – Двухместный номер?

– Поговорим об этом позже.

Она заплатила наличными, и дежурный протянул ключ.

– Номер двенадцать, – повторил он. – Это чуть дальше по этой стороне.

Ричер пошел под дождем пешком, а Харпер отогнала машину. Когда она ставила ее перед домиком, Ричер уже стоял у двери.

– Что такого? – сказала Харпер. – Все равно спать мы не ляжем, так? Будем ждать звонка Лейтона. Уж лучше ждать его в номере, чем в машине.

Пожав плечами, Ричер подождал, пока молодая женщина отопрет дверь. Она вошла в домик, он последовал за ней.

– К тому же, я все равно слишком возбуждена и не смогу заснуть.

Это был обычный номер в мотеле, уютный и чем-то знакомый. Внутри было жарко натоплено; дождь громко барабанил по крыше. В противоположном конце у окна стояли стол и два стула. Ричер прошел и

сел на правый. Облокотился на стол и положил голову на руки. Застыл неподвижно. Харпер принялась беспокойно расхаживать по комнате.

– Мы его нашли, ты это понимаешь? – сказала она.

Ричер ничего не ответил.

– Надо позвонить Блейку, сообщить ему хорошую новость.

Ричер покачал головой.

– Подожди.

– Почему?

– Дай Лейтону закончить. Как только вмешается Квантико, его сразу же отстранят от дела. Он лишь капитан. Для этой цели привлекут какого-нибудь двухзвездочного осла, и тот лишь все испортит. Предоставь Лейтону довести дело до конца, и пусть пожинает заслуженную славу.

Харпер зашла в ванную и принялась разглядывать вешалку с полотенцами, бутылочки шампуня и упаковки мыла. Вернувшись, она сняла пиджак. Ричер отвел взгляд.

– Ничего не бойся, – сказала Харпер. – Я в лифчике.

Ричер промолчал.

– В чем дело? – настаивала она. – Тебя что-то тревожит?

– С чего ты решила?

– Вижу. Я женщина, у меня хорошо развита интуиция.

Ричер посмотрел ей в лицо.

– Сказать по правде, мне не очень-то по душе остаться наедине с тобой в комнате, где есть постель.

Счастливая, Харпер хитро улыбнулась.

– Соблазн?

– Я лишь человек.

– И я тоже. Но если я могу держать себя в руках, не сомневаюсь, ты тоже сможешь.

Ричер ничего не ответил.

– Я иду в душ, – объявила Харпер.

– Господи, – пробормотал он.

*Это обыкновенный номер в мотеле, подобный тысячам других, которые тебе пришлось повидать по всей стране от одного побережья до другого. Дверь, справа ванная с туалетом, слева встроенный шкафчик для одежды, двуспальная кровать, тумбочка, стол и два стула. Старенький телевизор, ведерко со льдом, жуткие картины на стенах. Твой плащ висит в шкафчике, но перчатки остаются на руках. Незачем оставлять повсюду отпечатки пальцев. Разумеется, никто и никогда не станет осматривать этот номер, но вся твоя жизнь построена на безукоризненной аккуратности. Ты снимаешь перчатки, только когда моешься, а ванная в мотеле не представляет никакой опасности. Ты выпишешься в одиннадцать часов дня, а к двенадцати горничная уже протрет все поверхности влажной тряпкой с чистящим средством. Никто и никогда не находил в ванной мотеля никаких содержательных отпечатков пальцев.*

*Ты проходишь в комнату и садишься на левый стул. Откидываешься на спинку, закрываешь глаза и начинаешь думать. Завтра. Все должно произойти завтра. Ты просчитываешь время, двигаясь в обратную сторону. Тебе нужно, чтобы к тому моменту, как ты будешь выходить из дома, уже стемнело. Это основополагающее требование. Оно определяет все остальное. Ты хочешь, чтобы Симеку обнаружил полицейский, который дежурит днем. Разумеется, это чистая прихоть, но если не скрашивать жизнь маленькими прихотями, что это будет за жизнь? Итак, тебе нужно будет выйти из дома тогда, когда уже стемнеет, но до того, как полицейский в последний раз за свое дежурство наведается в туалет. То есть, временной интервал строго ограничен, где-то между шестью и половиной седьмого вечера. Итак, без двадцати шесть, чтобы был запас. Нет, даже половина шестого, потому что ты хочешь успеть вернуться на свой наблюдательный пост и увидеть лицо полицейского.*

*Отлично, половина шестого. Если точно, это будут еще сумерки, не полная темнота, и все же это приемлемо. За все предыдущие разы тебе пришлось провести на месте максимум двадцать две минуты. И сейчас нет никаких оснований полагать, что ты задержишься дольше, однако ты отводишь целых полчаса. То есть, к пяти часам тебе нужно уже оказаться в доме и начать действовать. Теперь ты смотришь на все с точки зрения Симеки и понимаешь, что звонить по телефону надо будет около двух часов дня.*

*Итак, в одиннадцать ты выписываешься из этой дыры, к двенадцати приезжаешь на место, ждешь и наблюдаешь, а в два делаешь звонок. Все решено. Ты открываешь глаза и встаешь. Раздеваешься и*

*заходишь в ванную. Возвращаешься в комнату и забираешься в постель, без одежды, но в перчатках.*

Харпер вышла из ванной, полностью обнаженная, завернувшись в полотенце. Лицо ее раскраснелось от пара, волосы были влажные. Отягощенные весом воды, они свисали до талии. Без косметики лицо Харпер казалось каким-то беззащитным. Васильково-голубые глаза, белые зубы, выступающие скулы, кожа. На вид ей можно было дать лет четырнадцать, вот только в ней было больше шести футов роста. И при таком росте стандартного полотенца, которые выдают в мотелях, ей явно не хватало.

– Полагаю, мне все же следует позвонить Блейку, – сказала Харпер. – Надо держать его в курсе.

– Ничего ему не говори, – строго произнес Ричер. – Уверяю, сразу же начнется черт знает что.

Она кивнула.

– Я просто скажу, что мы вышли на след.

Ричер покачал головой.

– Выразись еще более туманно, ладно? Просто скажи, что завтра мы встречаемся с одним человеком, который, возможно, нам поможет.

– Я постараюсь быть очень осторожной, – заверила его Харпер.

Она уселась перед зеркалом и начала расчесывать волосы. Полотенце задралось.

– Будь добр, принеси мне из сумочки телефон.

Пройдя к кровати, Ричер сунул руку в сумочку Харпер. Вещи, которые находились внутри, испустили приятный аромат. Отыскав телефон, Ричер достал его и отнес молодой женщине.

– Не говори ничего определенного, хорошо?

Кивнув, она открыла аппарат.

– Не беспокойся.

– Думаю, мне тоже следует сходить в душ.

Харпер улыбнулась.

– Насладись им в полной мере. Обещаю, я не войду.

Ричер вошел в ванную и закрыл за собой дверь. Одежда Харпер висела на крючке. Вся. Белое кружевное нижнее белье. У Ричера мелькнула

было мысль постоять под ледяным душем, но в конце концов он решил положиться лишь на силу воли. Поэтому он включил горячую воду и разделся. Свалил одежду в кучу на полу. Достал из кармана пиджака складную зубную щетку и почистил зубы одной водой, без пасты. Затем встал под душ и вымылся теми же мылом и шампунем, что и Харпер до него. Ричер долго стоял под водой, тщетно пытаясь расслабиться. Затем сдался и переключил душ на холодную воду. Остался стоять под ледяными струями. Одну минуту. Две. Наконец он выключил душ и схватил полотенце.

В этот момент Харпер постучала в дверь.

– Ты уже закончил? Мне нужна моя одежда.

Развернув полотенце, Ричер обмотал его вокруг талии.

– Заходи.

– Ты просто высунь в дверь.

Он снял ее одежду с крючка. Приоткрыл дверь и высунул руку в щель. Харпер забрала свою одежду и ушла. Вытершись досуха, Ричер неловко оделся в тесной ванной. Пригладил волосы ладонью. Постоял. Затем распахнул дверь и вышел. Харпер стояла у кровати, надев часть одежды. Остальное висело на спинке стула. Она расчесала волосы. Закрытый сотовый телефон лежал рядом с ведерком со льдом.

– Что ты сказала Блейку? – спросил Ричер.

– Только то, что ты хотел. То, что завтра мы встречаемся с одним человеком, и больше ничего определенного.

На ней была надета рубашка, но галстук висел на стуле. Как и лифчик. И брюки от костюма.

– А у него нет никакой информации? – спросил Ричер.

– Пултон в Спокане. Агентство проката машин ничего не дало – какая-то женщина разъезжала по делам. А вот в службе доставки проверяют бумаги. Сегодня вечером обещали получить результаты, но там поясное время на три часа позже нашего, так что мы узнаем все только завтра утром. Однако по тому бейсбольному матчу установили точную дату, так что теперь Ю-пи-эс осталось только порыться в своих архивах.

– Имя Ласалля Крюгера все равно нигде не засветится.

– Вероятно, но теперь это уже не имеет никакого значения, так? Мы ведь его нашли.

Харпер села на край кровати спиной к Ричеру.

– Благодаря тебе, – продолжала она. – Ты оказался совершенно прав: необычайно умный человек, простой мотив.

Не в силах сидеть на месте, она вскочила и принялась расхаживать по тесному пространству между кроватью и столом. Между полами рубашки Ричер разглядел на ней трусики. У нее были замечательные ягодицы. Длинные, стройные ноги. Для ее роста маленькие и изящные ступни.

– Нам нужно отпраздновать наш успех, – предложила Харпер.

Положив подушку к стене, Ричер уселся на кровать и откинулся спиной на подушку. Уставился на потолок, пытаясь сосредоточиться на звуке дождя, барабанящего по крыше.

– В таких заведениях в номер не подают, – заметил он.

Харпер повернулась к нему лицом. Две верхних пуговицы ее рубашки были расстегнуты. В таких случаях все зависит от расстояния между пуговицами. Если они расположены близко друг от друга, это почти ничего не значит. Но в данном случае пуговицы отстояли друг от друга дюйма на три, а то и на четыре.

– Все дело в Джоди, да? – спросила Харпер.

– Естественно, – кивнул он.

– Если бы не она, ты бы хотел этого, да?

– Я и так хочу. – Ричер остановился. – Но этого не произойдет. Из-за Джоди.

Харпер долго смотрела на него, затем улыбнулась.

– Мне нравится это в мужчинах.

Ричер промолчал.

– Верность, – объяснила она.

Он ничего не ответил. Наступила тишина, нарушаемая лишь стуком дождя по крыше, настойчивым и неослабным.

– Это очень привлекательное качество, – наконец снова заговорила Харпер.

Ричер сидел, уставившись в потолок.

– Хотя у тебя и без этого привлекательных качеств с избытком, – продолжала она.

Он сидел, слушая дождь. Харпер едва слышно вздохнула. Отодвинулась от него, всего на дюйм. Однако достаточно для того, чтобы разрядить кризис.

– Значит, ты собираешься обосноваться в Нью-Йорке, – сказала Харпер.

Ричер кивнул.

– Таковы мои планы.

– Джоди очень расстроится по поводу дома. Ее отец завещал его тебе.

– Наверное, расстроится. Но ей придется принять мое решение. Насколько я все понимаю, Леон Гарбер оставил мне возможность выбора. Или дом, или деньги, вырученные за него. И выбирать мне. Леон хорошо знал меня. Его бы нисколько не удивило мое решение. И не огорчило.

– Не надо забывать об эмоциональной составляющей.

– Не вижу, каким боком она тут затесалась. С этим домом у Джоди не связано детских воспоминаний. Если честно, они с отцом там почти не жили. Она росла в других местах. Так что для нее это лишь деревянное строение.

– С ее точки зрения это якорь.

– Именно поэтому я его и продаю.

– Поэтому, естественно, Джоди беспокоится.

Ричер пожал плечами.

– Она свыкнется с этим. Я все равно буду рядом, неважно, останется у меня дом или нет.

В комнате снова наступила тишина. Дождь утихал. Харпер села на кровать напротив Ричера. Подобрала к себе голые коленки.

– А мне все равно хочется отпраздновать наш успех. – Опершись ладонями на кровать, она подалась вперед. – Всего один поцелуй, и больше ничего. Обещаю.

Посмотрев ей в лицо, Ричер протянул левую руку и привлек ее к себе. Поцеловал в губы. Харпер положила ему руку на затылок, пропуская пальцы в его волосы. Запрокинула голову и открыла рот. Ричер ощутил ее язык на своих зубах. Во рту. Он закрыл глаза. Ее язык был настойчивым. Проникал все глубже. Ему стало приятно. Открыв глаза, Ричер увидел ее глаза, слишком близко, чтобы можно было сфокусировать на них взгляд. Но они были зажмурены. Сделав усилие, Ричер оторвался от ее губ, сгорая от стыда.

– Я должен кое в чем тебе признаться, – сказал он.

Харпер учащенно дышала; ее волосы растрепались.

– Что?

– Я не был с тобой искренен.

– То есть?

– Я не думаю, что Крюгер – тот, кто нам нужен.

– *Что?*

Наступило молчание. Они по-прежнему сидели в каких-то дюймах друг от друга. Рука Харпер оставалась у Ричера на затылке, вплетенная в его волосы.

– Крюгер – тот, кто нужен Лейтону, – продолжал Ричер. – Но вряд ли он интересует нас. Я никогда так не думал.

– *Что?*Ты же*сам*выдвинул эту теорию, Ричер. Почему же сейчас ты пошел на попятную?

– Потому что на самом деле я в нее не верил. Я просто рассуждал вслух. Говорил всякую чушь. Я очень удивлен, что такой человек *действительно*существует.

Пораженная, она отдернула руку.

– Но ты же*сам*выдвинул эту теорию.

Ричер пожал плечами.

– Я ее просто сочинил. Я в нее не верил ни минуты. Мне просто нужен был благовидный предлог на какое-то время вырваться из Квантико.

Харпер изумленно уставилась на него.

– Ты все это просто*сочинил?*Ты в это*не верил?*

Он снова пожал плечами.

– Да, наверное, получилось правдоподобно. Но сам я в это не верил.

– Тогда какого черта ты все это затеял?

– Я же тебе сказал, мне просто хотелось вырваться из Квантико. Получить время подумать. Кроме того, это был своего рода тест. Я хотел посмотреть, кто поддержит мою теорию, а кто выскажется против. Хотел выяснить, кто действительно стремится раскрыть это дело.

– Я тебе не верю. Как только ты мог такое подумать?

– А почему бы и нет?

– Мы*все*хотим как можно скорее раскрыть это дело, – решительно заявила Харпер.

– А вот Пултон выступил против, – заметил Ричер.

Она удивленно посмотрела на него.

– Что это для тебя?*Игра?*

Он промолчал. Харпер тоже молчала, минуту, две, три.

– Черт побери, что ты*затеял?*– наконец сказала она. – На карту поставлены человеческие жизни.

Вдруг раздался стук в дверь. Громкий, настойчивый. Харпер оторвалась от Ричера. Он не стал ее удерживать. Опустил ноги на пол, встал. Провел рукой по волосам и прошел к двери. Стук возобновился с новой силой. Тяжелая рука, мощные удары.

– Иду, – окликнул Ричер. – Уже открываю.

Стук прекратился. Ричер открыл дверь. На улице перед домиком стоял армейский «Шевроле». На крыльце под дождем стоял Лейтон, с поднятой рукой, в расстегнутом мундире.

– Крюгер – это именно тот, кто нам нужен, – сказал он.

Отстранив Ричера, Лейтон вошел в номер. Успел заметить, как Харпер застегивала рубашку.

– Прощу прощения, – извинился он.

– Здесь душно, – ответила Харпер, отводя взгляд.

Лейтон посмотрел на постель, изображая удивление.

– Крюгер тот, кто нам нужен, – повторил он. – Все в точности совпадает.

У Харпер зазвонил сотовый. Маленький аппарат лежал на тумбочке рядом с ведерком со льдом и пищал словно будильник. Лейтон умолк. Жестом показал: «Я подожду.» Соскочив с кровати, Харпер раскрыла телефон. Ричер услышал голос, искаженный, далекий, нечеткий. Харпер выслушала, и с ее лица схлынула краска. Закрыв телефон, она положила его на столик так, словно он был из хрупкого стекла.

– Нас вызывают обратно в Квантико, – сказала Харпер. – Немедленно. Потому что получено полное личное дело Каролины Кук. Ты был прав, она успела послужить в самых разных местах. Но она даже близко не подходила к оружию. Никогда. Не ближе миллиона миль, ни на одну минуту.

– Я хотел вам сказать то же самое, – снова заговорил Лейтон. – Крюгер тот, кто нам нужен, но к вам он не имеет никакого отношения.

Ричер лишь молча кивнул.

**Глава 26**

Пройдя через всю комнату, Лейтон сел за стул, на тот стул, что стоял справа. На тот самый, на котором сидел Ричер. Облокотился на стол и подпер голову руками. Тот самый жест.

– Во-первых, никакого списка не было, – начал Лейтон. Он посмотрел на Харпер. – Вы попросили меня проверить, были ли хищения в тех местах, где работали эти женщины, для чего, естественно, мне понадобился список этих женщин. Я попытался его найти, но не смог. Тогда я навел кое-какие справки. Выяснилось, что когда с месяц назад к нам обратились ваши люди, нам пришлось составлять этот список с чистого листа. Это оказалось очень трудно – рыться в архивах. И тогда кому-то пришла в голову блестящая мысль – срезать путь и связаться с одной из самих женщин, под каким-то надуманным предлогом. Кажется, позвонили Элисон Ламарр, и именно*она* передала нам список. Как оказалось, еще пару лет назад эти женщины организовали между собой что-то вроде группы взаимной поддержки.

– Симека называла их своими сестрами, – заметил Ричер. – Помнишь? Она сказала, что четверо ее сестер убиты.

– Женщины сами составили список? – спросила Харпер.

– У нас его не было, – подтвердил Лейтон. – А затем стали поступать данные на Крюгера, и оказалось, что даты и места совсем не совпадают. Даже близко не совпадают.

– А он не мог подправить данные?

Лейтон пожал плечами.

– *Теоретически*мог. Инвентарные описи Крюгер подправлял мастерски, это точно. Но вы еще не слышали главную пенку.

– Какую еще?

– Как правильно заметил Ричер, перевод из сил специального назначения в батальон снабжения требовал какого-то объяснения. Поэтому я навел справки. Крюгер блестяще проявил себя во время войны в Персидском заливе. Боевой офицер, майор. Однажды его группа находилась в пустыне, на территории, занятой неприятелем. Искала мобильные установки ракет «Скад». Маленькая группа, плохая радиосвязь. Никто точно не представлял, где именно они находятся в каждый конкретный момент. Начался артобстрел, и группа Крюгера как

раз попала под него. Оказалась под огнем своих. Большие потери. Сам Крюгер был серьезно ранен. Но армия означала для него всю жизнь, он захотел остаться, поэтому его произвели в полковники и засунули туда, где его раны никак бы не сказывались, то есть, перевели на кабинетную работу в службу снабжения. Я считаю, что Крюгер посчитал себя оскорбленным и в отместку начал свою преступную деятельность. Понимаете, имея задачу как можно больше навредить армии, навредить себе самому.

– Но в чем тут пенка? – спросила Харпер.

Лейтон ответил не сразу.

– Крюгер попал под огонь своих. Он потерял обе ноги.

Молчание.

– Он передвигается в кресле-каталке.

– Проклятие! – выругалась Харпер.

– Совершенно верно. Крюгер не может бегать вверх и вниз по лестницам в ванные комнаты. Последний раз он занимался этим десять лет назад.

Отвернувшись, она уставилась в стену.

– Хорошо, вынуждена признать, наша теория оказалась ошибочной.

– Боюсь, вы правы, мэм. И ваши люди оказались совершенно правы насчет Кук. Я и ее проверил тоже; за всю свою непродолжительную карьеру в армии она не держала ничего тяжелее шариковой ручки. Это второе, о чем я хотел вам сообщить.

– Хорошо, – повторила Харпер, не отрывая взгляда от стены. – Но все равно, спасибо. А сейчас мы отправляемся назад в Квантико. Держать ответ за все.

– Подождите, – остановил ее Лейтон. – Вы еще не слышали насчет краски.

– Опять дурные известия?

– Странные известия, – поправил Лейтон. – Как вы и просили, я запросил все случаи пропажи краски. Зафиксировано лишь одно хищение. Материалы находятся в архиве с ограниченным доступом. Похищены были сто десять трехгаллонных банок.

– То, что нам нужно! – воскликнула Харпер. – Триста тридцать галлонов. Одиннадцать женщин, по тридцать галлонов на каждую.

– Улики были достаточно очевидными, – продолжал Лейтон. – Следствие вышло на сержанта службы снабжения в Юте.

– Кто он?

– Она, – поправил Лейтон. – Сержант Лорейн Стэнли.

Полная тишина.

– Но это же невозможно, – сказала Харпер. – Она стала одной из жертв!

Лейтон покачал головой.

– Я связался с Ютой. Позвонил следователю, который вел то дело. Поднял его с кровати. Он утверждает, что это Стэнли, и никаких сомнений быть не может. У нее были средства и возможность. Она попыталась замести за собой следы, но у нее не хватило ловкости. Дело было очевидным. Преследовать Стэнли не стали, потому что в тот момент это было бы неэтично. Она только что пережила случай с насилием. Так что с краской ее решили не трогать. Поэтому за ней просто внимательно присматривали до тех пор, пока она не уволилась. Но это определенно была Стэнли.

– Одна из жертв украла краску, – задумчиво произнес Ричер. – А другая составила список?

Лейтон угрюмо кивнул.

– Уверяю, все именно так и обстоит. Можете не сомневаться, я бы ни за что не стал обманывать одного из парней Леона Гарбера.

Ричер молча кивнул.

* * *

Все умолкли. Говорить больше было не о чем. В комнате наступила тишина. Лейтон сидел за столом. Харпер механически оделась. Ричер надел плащ и достал из кармана Харпер ключи от «Ниссана». Вышел на улицу и долго стоял под дождем. Наконец отпер машину и сел за руль. Харпер и Лейтон вышли вместе. Она направилась к «Ниссану», он пошел к своей машине. Помахал рукой на прощание. Ричер включил передачу и медленно выехал со стоянки.

– Взгляни на карту, – попросил он.

– Едешь по 295-му до развязки.

Ричер кивнул.

– Дальше дорогу я знаю. Ее показала мне Ламарр.

– За каким чертом Лорейн Стэнли понадобилось красть краску?

– Не знаю.

– А ты не хочешь объяснить мне,*зачем?*– взорвалась Харпер. – Ты *знал*, что армия никуда нас не приведет, но тем не менее заставил потерять на нее тридцать шесть часов. Зачем?

– Я тебе уже говорил. Это был тест, и мне нужно было время подумать.

– О чем?

Ричер ничего не ответил. Харпер тоже умолкла.

– Хорошо хоть, мы не отпраздновали наш успех, – вдруг сказала она.

На это Ричер тоже ничего не ответил. Больше он не произнес ни слова, за всю дорогу. Просто поворачивал в нужную сторону и вел машину по мокрому от дождя шоссе. У него в голове возникли новые вопросы, и он пытался найти на них ответы, но у него ничего не получалось. У него из мыслей не выходило ощущение языка Харпер у себя во рту. Он был не похож на язык Джоди. Обладал другим вкусом. В конце концов Ричер пришел к выводу, что у всех людей языки разные.

* * *

Ричер вел машину быстро, и чуть меньше чем за три часа они доехали от пригородов Трентона до самого Квантико. Ричер свернул с шоссе И-95 на дорогу без указателей, проехал мимо контрольно-пропускных пунктов морской пехоты и остановился перед шлагбаумом. Часовой ФБР посветил фонариком на удостоверения и на лица, поднял полосатый шлагбаум и махнул рукой, приглашая проезжать. Медленно перебравшись через «лежачих полицейских», Ричер попетлял мимо пустынных стоянок и подъехал к стеклянным дверям. Дождь прекратился еще в Мериленде. В Вирджинии было сухо.

– Вот мы и приехали, – сказала Харпер. – Что ж, пошли получать нагоняй.

Ричер кивнул. Заглушил двигатель, погасил фары и какое-то время посидел в тишине. Затем они с Харпер переглянулись, вышли из машины и подошли к дверям. Задержались на мгновение. Стояла полная тишина. Нигде никого. Они спустились на лифте в подземный кабинет Блейка. Застали его за письменным столом. Одна рука Блейка лежала на телефоне, другая сжимала мятый лист бумаги из факса. Телевизор работал без звука: канал политических новостей, мужчины в костюмах, сидящие за внушительным столом. Блейк не обращал на телевизор внимания. Его взгляд был устремлен куда-то между листом факса и телефоном; лицо оставалось совершенно непроницаемым. Харпер поздоровалась, Ричер ничего не сказал.

– Пришел факс из Ю-пи-эс, – сказал Блейк.

Его голос прозвучал мягко. Дружелюбно, даже милостиво. Сам Блейк выглядел удрученным, сбитым с толку, растерянным. Поверженным.

– Угадайте, кто прислал краску Элисон Ламарр? – спросил он.

– Лорейн Стэнли, – сказал Ричер.

Блейк кивнул.

– Совершенно верно. Адрес отправителя – маленький городок в Юте, как выяснилось, склад для временного хранения. И знаете что еще?

– Стэнли разослала краску всем.

Блейк снова кивнул.

– Ю-пи-эс представила одиннадцать последовательных контрактов на доставку одиннадцати одинаковых картонных коробок по одиннадцати адресам, в том числе, домой самой Стэнли в Сан-Диего. И знаете что еще?

– Что?

– Когда Стэнли привезла краску на склад, у нее еще даже*не было* своего дома. Прошло почти полгода, прежде чем она наконец обзавелась своим жильем, после чего она вернулась в Юту и разослала всю краску. Как вы это объясните?

– Я не знаю, – сказал Ричер.

– И я тоже, – сказал Блейк.

Он снял трубку. Посмотрел на нее. Положил на рычажки.

– И еще только что позвонил Пултон. Из Спокана. Знаете, что он сказал?

– Что?

– Он только что переговорил с водителем, который доставил коробку. Тот все запомнил. И действительно, уединенное место, тяжелая коробка.

– И?

– Когда он приехал, Элисон была дома. Она тоже слушала по радио бейсбольный матч, на кухне. Элисон пригласила водителя в дом, угостила его кофе, они вместе дослушали репортаж об игре. Радостные крики, обнимания, еще кофе. Водитель говорит, что привез большую, тяжелую коробку.

– И?

– И Элисон говорит: «О, хорошо». Он возвращается к машине, перекладывает коробку на тележку, а Элисон тем временем расчищает место в гараже. Водитель перевозит коробку в гараж, выгружает ее, а Элисон с улыбкой наблюдает за ним.

– Как будто она ожидала эту доставку?

Блейк кивнул.

– По крайней мере, у водителя сложилось такое впечатление. И что она делает потом?

– Что?

– Отрывает от коробки пакет с документами и забирает его с собой на кухню. Водитель возвращается вместе с ней, чтобы допить кофе. Элисон вынимает из пакета накладную, разрывает ее на мелкие куски и выбрасывает в мусор вместе с пакетом.

– Почему?

Блейк пожал плечами.

– Кто знает, черт побери? Но этот водитель работает в службе доставки уже четыре года, в шести случаях из десяти он застает хозяев дома, и ему еще ни разу не доводилось видеть подобного.

– Его показаниям можно верить?

– Пултон так считает. По его словам, это серьезный, аккуратный человек, готовый поклясться на целой стопке библий, черт побери.

– И что ты думаешь по этому поводу?

Блейк покачал головой.

– Если мне придет какая-нибудь мысль, ты узнаешь об этом первым.

В кабинете наступила тишина.

– Я хочу извиниться, – сказал Ричер. – Моя теория оказалась ошибочной.

Блейк скорчил гримасу.

– Не бери в голову. У нас все равно не было другого выхода. Попробовать стоило. В противном случае мы бы тебя не отпустили.

– Ламарр здесь?

– А что?

– Я хочу и перед ней извиниться.

– Нет, она дома, – покачал головой Блейк. – Еще не возвращалась. Говорит, что полностью разбита, и это правда. Я ее ни в чем не виню.

Ричер кивнул.

– Она перенесла такой удар. Ей следовало бы уехать.

– Куда? – пожал плечами Блейк. – На самолетах она не летает, черт побери. И я не хочу, чтобы она в таком состоянии ехала куда-либо на машине.

Затем его взгляд стал жестким. Казалось, он вернулся на землю.

– Мне придется подыскать другого консультанта, – сказал он. – Как только я его найду, ты отправишься домой. От тебя все равно нет никакого толка. А с нью-йоркскими ребятами тебе уж придется разбираться самому.

Ричер кивнул.

– Хорошо.

Блейк отвернулся, и Харпер, правильно его поняв, увела Ричера из кабинета. В лифт, на первый этаж, затем на третий. Они прошли по коридору к знакомой двери.

– Почему Элисон не удивилась? – спросила Харпер. – Почему она ждала эту коробку с краской, в то время как для остальных это явилось неожиданностью?

Ричер пожал плечами.

– Не знаю.

Она отперла дверь.

– Ладно, спокойной ночи.

– Ты на меня злишься?

– Ты потерял напрасно тридцать шесть часов.

– Нет, я потратил их с большим толком.

– На что?

– Пока что не знаю.

Харпер пожала плечами.

– Странный ты тип.

Он кивнул.

– Не ты одна так думаешь.

Прежде чем она успела отдернуться, Ричер целомудренно поцеловал ее в щеку. Зашел к себе в комнату. Дождавшись, когда дверь захлопнется, Харпер вернулась к лифту.

* * *

Постельное белье и полотенца сменили. Шампунь и мыло также были новые. Новая одноразовая бритва и новая банка пены для бритья. Перевернув стакан, Ричер поставил в него свою зубную щетку. Прошел к кровати и лег, полностью одетый, не снимая плаща. Уставился в потолок. Затем приподнялся на локте и снял трубку. Набрал номер Джоди. После четырех звонков он услышал ее голос, сонный и невнятный.

– Кто это?

– Я.

– Сейчас три часа утра.

– Почти.

– Ты меня разбудил.

– Извини.

– Где ты?

– Заперт в своей комнате в Квантико.

Джоди помолчала, и Ричер услышал шум линии и далекие звуки ночного Нью-Йорка. Приглушенные гудки автомобильных клаксонов, вой сирен.

– Как продвигается дело? – спросила Джоди.

– Никак. Мне собираются найти замену. Я скоро вернусь домой.

– Домой?

– В Нью-Йорк, – уточнил Ричер.

Джоди молчала. Ричер слышал тихий настойчивый вой сирены. Он решил, где-то прямо на Бродвее. У Джоди под окнами. Одинокий звук.

– Дом ничего не меняет, – сказал Ричер. – Я тебе это уже объяснял.

– Завтра совещание по поводу партнерства, – сказала Джоди.

– Вот мы и отпразднуем это. Когда я вернусь. Если меня не отправят за решетку. С Дирфильдом и Козо я пока что еще не расквитался.

– Я полагала, они намерены обо всем забыть.

– Да, если бы я добился результата. Но от меня пока что никакого толка.

Джоди снова умолкла.

– Начнем с того, что тебе не надо было вмешиваться.

– Знаю.

– Но я тебя люблю, – добавила она.

– И я тебя тоже. Удачи тебе завтра.

– И тебе тоже.

Положив трубку, Ричер снова лег на кровать и продолжил изучение потолка. Попытался представить себе Джоди, но вместо этого увидел Лизу Харпер и Риту Симеку, двух женщин, с которыми он хотел бы оказаться в постели, но не мог в силу обстоятельств. С Симекой это было бы совершенно неуместно. С Харпер это было бы изменой. Веские, убедительные причины, однако неспособные подавить желание. Ричер вспомнил тело Харпер, ее движения, открытую улыбку, честный, обаятельный взгляд. Вспомнил лицо Симеки, невидимые раны, боль в глазах. Представил себе ее возрожденную жизнь в Орегоне, цветы, рояль, сверкающую полировкой мебель, настороженную замкнутость. Ричер закрыл глаза, снова открыл, пристально уставился на белую краску над головой. Снова приподнялся на локте и снял трубку. Набрал ноль, надеясь попасть на коммутатор.

– Да? – ответил голос, который Ричер никогда раньше не слышал.

– Говорит Ричер. С третьего этажа.

– Я знаю, кто вы такой и где находитесь.

– Лиза Харпер до сих пор в здании?

– Агент Харпер? Подождите, пожалуйста.

В трубке стало тихо. Ни музыки, ни записанных на магнитофон рекламных сообщений. Ни фразы «Мы очень рады, что вы нам позвонили». Просто ничего. Затем голос вернулся.

– Агент Харпер пока что здесь.

– Передайте ей, что мне нужно с ней увидеться, – сказал Ричер. – Прямо сейчас.

– Я передам ей ваше сообщение.

В трубке послышались гудки. Спустив ноги на пол, Ричер сел на край кровати лицом к двери и стал ждать.

* * *

Три часа ночи в Вирджинии – это полночь на Тихоокеанском побережье, время, когда Рита Симека обычно ложилась спать. Каждый вечер она совершала одни и те же действия, отчасти потому, что была человеком очень аккуратным, отчасти потому, что эта сторона ее натуры была еще больше усилена службой в армии. К тому же, когда живешь один и собираешься жить один до конца дней своих,*сколько*может быть способов укладываться спать?

Начала Рита с гаража. Отключила устройство автоматического открытия ворот, задвинула засовы, проверила, заперта ли машина, погасила свет. Заперла и закрыла на засов дверь, ведущую в подвал, проверила систему отопления. Поднялась наверх, погасила свет в подвале, заперла дверь, ведущую вниз. Проверила, заперта ли входная дверь, на месте ли засовы. Надела цепочку.

Затем Рита проверила окна. В доме было четырнадцать окон, и все запирались. На дворе стояла поздняя осень, пришли холода, поэтому все окна и так были закрыты и заперты, но Рита проверила каждое. Это был своеобразный ритуал. Потом она вернулась в гостиную с тряпкой для пыли, чтобы протереть рояль. Вечером Рита играла четыре часа подряд, в основном, Баха, в основном, медленные вещи, но все равно надо было протереть клавиши. Смыть с них кислоту, оставленную пальцами. И неважно, что клавиши были покрыты особым пластиком, нечувствительным к внешним воздействиям; это был своеобразный акт признательности. Если она будет хорошо обращаться с роялем, тот вознаградит ее за это.

Рита тщательно протерла все клавиши, поворчав на басах, потренькав самыми правыми из восьмидесяти восьми клавиш. Закрыв крышку, она погасила свет и отнесла тряпку на кухню. Погасила свет на кухне и в темноте отыскала на ощупь дорогу в спальню. Зашла в туалет, вымыла руки, лицо, почистила зубы – все в строгой последовательности. Перед раковиной Рита стояла боком, чтобы не смотреть в ванну. Она ни разу не смотрела в ванну с тех пор, как Ричер рассказал ей про краску.

Войдя в спальню, Рита прошла к кровати и залезла под одеяло. Подобрала колени и обхватила их руками. Размышляя о Ричере. Он ей нравился. Очень нравился. Она была очень рада снова увидеть его. Но затем Рита перевернулась на бок и прогнала Ричера из своих мыслей, потому что не рассчитывала когда-либо увидеть его снова.

* * *

Ричеру пришлось прождать двадцать минут, прежде чем дверь открылась и вернулась Харпер. Она не постучала, просто отперла дверь

своим ключом и вошла. Харпер была в рубашке с закатанными рукавами. Ее изящные руки были покрыты загаром. Волосы были распущены. Она была без лифчика. Возможно, он так и остался в номере мотеля в Трентоне.

– Ты хотел меня видеть? – спросила Харпер.

– Ты по-прежнему в деле?

Пройдя в комнату, она оглядела себя в зеркало. Остановилась перед столиком и повернулась лицом к Ричеру.

– Естественно. Преимущество простого агента состоит в том, что ему не приходится расплачиваться за чужие бредовые идеи.

Ричер молчал. Харпер выжидающе посмотрела на него.

– Что ты хотел?

– Хотел задать тебе один вопрос. Что было бы, если бы нам уже было известно о доставке краски и мы спросили об этом не водителя Ю-пи-эс, а саму Элисон Ламарр? Что она нам ответила бы?

– Предположительно, то же самое, что и он. По словам Пултона, водителю можно верить.

– Да, водителю можно верить. Но вот Элисон нам солгала бы.

– Солгала бы? Почему?

– Потому что все женщины нам лгут, Харпер. Мы опросили семерых женщин, и все нам солгали. Наплели что-то про соседок, ошибки с доставкой. Все это полный вздор. Если бы мы спросили Элисон, когда она еще была жива, она тоже что-нибудь придумала бы.

– Почему ты так решил?

– Потому что Рита Симека нам солгала. Это совершенно точно, черт побери. Я только что пришел к такому выводу. У нее не было никакой соседки. Никогда. Это просто не вяжется в общую картину.

– Почему?

– Тут все не так. Ты видела ее дом. Видела, как она живет. Замкнутая и чопорная. Везде чистота и порядок, все надраено до блеска. Это какая-то одержимость. Рита не потерпела бы никого в своем доме. Она и*нас* постаралась как можно быстрее выставить за дверь, а ведь я ее друг. Соседка не нужна была ей и ради денег. Ты видела ее машину – новая, дорогая. И рояль. Знаешь, сколько стоит рояль? Вероятно, больше, чем машина. А инструменты видела? На крючках на доске? Каждый крючок закреплен пластмассовым колечком.

– Ты строишь свою теорию, основываясь на доске с инструментами?

– На всем. Это очень красноречивые характеристики.

– Так что же ты хочешь сказать?

– А то, что Симека ожидала доставки, как и Элисон. Как и*все*женщины. Когда коробки привезли, все, как и Элисон, сказали: «О, хорошо», освободили место и забрали коробки.

– Это же невозможно. Как такое могло произойти?

– Убийца имеет власть над всеми женщинами, – уверенно заявил Ричер. – Он заставляет их*помогать*ему. Он заставил Элисон передать ему список женщин, заставил Лорейн Стэнли похитить краску, заставил ее спрятать краску в Юте, заставил в нужное время разослать ее по адресам, заставил каждую из женщин получить коробку и припрятать ее до тех пор, пока убийца не будет готов. Он заставил всех женщин сразу же по получении коробки уничтожить документы о доставке, и каждая их них впоследствии была готова солгать, прикрывая его.

Харпер изумленно смотрела на него.

– Но как такое может быть? Как, черт возьми? Как ему это*удалось?*

– Не знаю, – сказал Ричер.

– Шантаж? – предположила она. – Угрозы? Страх? Быть может, убийца говорит: «Делай как я скажу, и ты останешься жива, в то время как все остальные умрут»? Натравляет женщин друг на друга?

– Я просто не знаю. Это какая-то головоломка. Вспомни, эти женщины не из трусливых. Определенно, этого нельзя было сказать про Элисон Ламарр. А Рита Симека – *я знаю,*что ее мало чем можно запугать.

Харпер продолжала изумленно смотреть на него.

– Но женщины не просто помогают убийце, так? Он заставляет их делать это*с удовольствием*. Элисон обрадовалась, получив коробку.

В комнате наступила тишина.

– А может быть, она испытала*облегчение?*– начала размышлять вслух Харпер. – Быть может, убийца пообещал ей, что если коробку доставит Ю-пи-эс, а не, скажем, Фед-Экс, или ее доставят днем, а не утром, то все будет хорошо?

– Не знаю, – в третий раз повторил Ричер.

Молчание.

– Так что же ты от меня хочешь? – спросила Харпер.

Он пожал плечами.

– Наверное, надо продолжать думать. Ты единственная, кто сейчас способен что-то сделать. Остальные ничего не добьются, если будут и дальше идти в том же направлении.

– Ты должен поделиться своими соображениями с Блейком.

Ричер покачал головой.

– Блейк не станет меня слушать. Я исчерпал у него свой кредит доверия. Теперь все зависит от тебя.

– Быть может, у меня ты тоже исчерпал свой кредит доверия.

Харпер присела на кровать рядом с ним, словно у нее вдруг отказали ноги. Ричер посмотрел на нее, и у него в глазах что-то зажглось.

– В чем дело? – спросила она.

– Видеонаблюдение работает?

Харпер покачала головой.

– Нет, Блейк отказался от этой затеи. А что?

– Просто я опять хочу тебя поцеловать.

– Почему?

– Потому что мне очень понравилось.

– А почему я должна хотеть целоваться с тобой?

– Потому что тебе тоже очень понравилось.

Она вспыхнула.

– Всего один поцелуй?

Ричер молча кивнул.

– Ну ладно, так уж и быть.

Харпер повернулась к нему, и он, заключив в объятия, поцеловал ее.

Она повела головой, как и в прошлый раз. Прильнула к нему, разжимая своим языком ему губы и зубы. Проникая в рот. Ричер скользнул рукой вниз к ее талии. Харпер вплела пальцы в его волосы. Поцелуй стал более страстным. Ее язык – более настойчивым. Но вдруг Харпер уперла руку Ричеру в грудь и отстранила его от себя. Учащенно дыша.

– Мы должны остановиться, – прошептала она.

– Наверное, ты права.

Харпер встала, качаясь на ногах. Наклонилась вперед и резко выпрямилась, закидывая волосы назад.

– Я ухожу. Увидимся завтра.

Она открыла дверь. Вышла в коридор. Ричер услышал, как она снова постояла, дожидаясь, когда дверь захлопнется. Затем послышались ее шаги к лифту. Ричер лег на кровать. Лежа без сна, он думал о покорности и послушании, о средствах и возможностях. Правде и лжи. Он размышлял об этом пять часов подряд.

* * *

Харпер вернулась в восемь утра. Она приняла душ и вся сияла. На ней были новый костюм и галстук. Она так и лучилась энергией. Ричер чувствовал себя усталым, помятым и потным. Его одновременно мучили холод и жара. Но он стоял у самой двери, дожидаясь Харпер, в застегнутом плаще, с колотящимся от нетерпения сердцем.

– Пошли, – сказал Ричер. – Нам нельзя терять времени.

Блейк сидел в своем кабинете, за письменным столом, в той же позе, в какой они его и оставили. Возможно, он просидел здесь всю ночь. Перед ним по-прежнему лежал факс от Ю-пи-эс. По-прежнему телевизор работал без звука. Тот же канал. Какой-то журналист из Вашингтона стоял на Пенсильвания-авеню, за ним виднелся Белый дом. Погода в столице стояла хорошая. Ясное голубое небо, прозрачный холодный воздух. Прекрасный день для путешествий.

– Сегодня ты будешь снова работать с архивами, – сказал Блейк.

– Нет, мне нужно отправиться в Портленд, – решительно заявил Ричер. – Вы одолжите мне свой самолет?

– Самолет? – переспросил Блейк. – Ты что, с ума сошел? И не надейся.

– Как знаешь, – бросил Ричер.

Он повернулся к двери. Последний раз окинул взглядом кабинет и вышел в коридор. Остановился на месте. К нему подошла Харпер.

– Почему в Портленд?

Ричер внимательно посмотрел на нее.

– Правда и ложь.

– Что это значит?

– Поехали со мной, и ты сама все узнаешь.

**Глава 27**

– Черт побери, что происходит? – спросила Харпер.

Ричер покачал головой.

– Не могу произнести это вслух. Ты решишь, что я окончательно спятил. И отвернешься от меня.

– Почему я должна решить, что ты спятил? Расскажи.

– Не могу. Пока что это лишь карточный домик. И ты разрушишь его одним дуновением. Его может разрушить кто угодно. Так что ты должна увидеть все собственными глазами. Проклятие, *ясам*должен увидеть все собственными глазами. Но я хочу, чтобы ты была рядом, при задержании.

– При каком еще задержании? Расскажи же мне.

Ричер снова покачал головой.

– Где твоя машина?

– На стоянке.

– Пошли.

* * *

Все время службы в армии подъем для Риты Симеки происходил ровно шесть часов утра, и она сохранила эту привычку в новой, гражданской жизни. Из двадцати четырех часов она спала в сутки шесть, с полуночи до шести утра, то есть, четверть своей жизни. А потом просыпалась, чтобы столкнуться лицом к лицу с оставшимися тремя четвертями.

Бесконечная череда пустых дней. Поздняя осень, в саду делать нечего. Зимой в этих местах слишком холодно, и молодые растения не выдержат морозы. Поэтому все посадки приходятся на весну, а прополка и обрезание завершились еще в конце лета. Половину осени и зиму двери дома оставались запертыми, и Рита не выходила на улицу.

Сегодня она решила поработать над Бахом. Отточить до совершенства трехголосые инвенции. Рита обожала этот канон. Ей очень нравилось, как музыка двигалась вперед, безукоризненно логическая, до тех пор, пока не завершалась тем, с чего начиналась. Подобно лестнице Мориса Эшера, которая вела вверх и вверх до самого основания. Восхитительно. Но это было очень сложное произведение. Рита исполняла его медленно. В первую очередь она училась брать нужные ноты, затем добивалась четкости, потом смысла, и в самую последнюю очередь отрабатывала темп. Нет ничего хуже, чем исполнять Баха быстро и плохо.

Приняв душ, Рита оделась в спальне. Сделала она это быстро, потому что в доме было прохладно. На северо-западе осень бывает сырой и промозглой. Но сегодня небо расчистилось. Выглянув в окно, Рита увидела на востоке первые лучи рассвета, рассекавшие небо спицами из полированной стали. Она решила, что день будет облачный, но с проглядывающим изредка солнцем. Такой, каких ей уже пришлось пережить много. Ни хороший, ни плохой. Но терпимый.

* * *

Задержавшись на мгновение в подземном коридоре, Харпер провела Ричера к лифту, и они вышли на улицу. Прошли, ежась от холода, к ее машине. Крохотной двухместной модели желтого цвета. Ричер мысленно отметил, что видит эту машину первый раз. Харпер отперла дверь, Ричер нагнул голову и сложился пополам, чтобы поместиться в салоне. Недовольно посмотрев на него, Харпер бросила ему на колени свою сумку и села за руль. Внутри было очень тесно, и она, переключая передачи, задела своим локтем локоть Ричера.

– Как ты собираешься попасть в Портленд?

– Придется лететь обычным авиарейсом. Езжай в Национальный аэропорт. У тебя кредитные карточки с собой?

Харпер покачала головой.

– На всех перерасход. Они нигде не принимаются.

– Все?

Харпер кивнула.

– Я сейчас на мели.

Ричер промолчал.

– А ты?

– Я всегда на мели.

* * *

Пятая трехголосая инвенция Баха считается самой сложной из канона, но Рита Симека любила ее больше всего на свете. Она полностью зависела от эмоционального настроя, который задавался мозгом и проходил через плечи и руки к пальцам. Эмоциональный настрой должен быть капризным, но в то же время уверенным. Все произведение представляет собой очаровательную безделушку, и эмоциональный настрой должен передавать это; при этом для того, чтобы иметь возможность развиваться дальше, звучать инвенция должна серьезной. Безукоризненно отточенной, но в то же время сумасбродной. В глубине души Рита была уверена, что Бах был немножко сумасшедший.

Помогал рояль. Он звучал зычно, но в то же время нежно и изящно. Рита дважды исполнила произведение от начала до конца, в замедленном темпе, и испытала удовлетворение от услышанного. Она решила поиграть еще три часа, затем сделать перерыв, пообедать и заняться домашними делами. Насчет вечера Рита еще не определилась. Может быть, надо будет поиграть еще немного.

*Ты занимаешь наблюдательный пост заранее. Так, чтобы успеть до смены дежурств в восемь часов утра. Ты внимательно следишь за происходящим. Все происходит в точности так же, как вчера. Агент Бюро не спит, но он уже потерял бдительность. Появляется «Краун» с непрогретым двигателем. Машины останавливаются бок о бок. «Бьюик» заводится, «Краун» разворачивается, «Бьюик» спускается вниз по склону, «Краун» ползет вперед и занимает освободившееся место. Двигатель замирает, полицейский поворачивает голову. Сползает вниз. Начинается его последнее дежурство в качестве сотрудника правоохранительных органов. После того, что произойдет сегодня, этому парню не доверят регулировать дорожное движение на Северном полюсе.*

– Так как же мы попадем в Портленд? – снова спросила Харпер.

Ричер ответил не сразу.

– Вот как.

Раскрыв ее сумочку, он достал сотовый телефон. Закрыл глаза, вспомнил, как сидел на кухне у Джоди и набирал номер. Вспомнил драгоценную последовательность цифр. Медленно нажал кнопки. Моля бога о том, чтобы не ошибиться. Ему ответили. Низкий голос, слегка запыхавшийся.

– Говорит полковник Джон Трент.

– Трент, это Ричер. Вы меня по-прежнему любите?

– В чем дело?

– Мне нужен самолет, с авиабазы Эндрюс до Портленда, штат Орегон.

– Когда?

– Прямо сейчас. Немедленно.

– Вы шутите?

– Нет. Мы уже на пути в Эндрюс. Будем там через полчаса.

Небольшая пауза.

– С Эндрюса в Портленд, штат Орегон, так? – переспросил Трент.

– Так.

– Как быстро вам нужно туда добраться?

– Как можно быстрее.

Опять пауза.

– Хорошо, – сказал Трент.

В телефоне послышались гудки. Ричер закрыл аппарат.

– Он тебе поможет? – спросила Харпер.

Ричер кивнул.

– Он передо мной в долгу. Так что поехали.

Отпустив педаль сцепления, Харпер выехала со стоянки. Крошечную машину здорово тряхнуло на «лежачих полицейских». Проехав мимо часового ФБР, Харпер нажала на газ и пронеслась мимо первого контрольно-пропускного поста морской пехоты. Ричер успел краем глаза разглядеть повернутые вслед головы, удивленные лица под зелеными касками.

– Так в чем же дело? – спросила Харпер.

– Правда и ложь, – ответил Ричер. – А также средства, мотив и возможность. Святая троица правоохранительных органов. Три из трех – это уже что-то, верно?

– Я не могу увидеть и одного из трех, – заметила Харпер. – В чем ключ?

Машина быстро промчалась мимо второго контрольно-пропускного поста. Ее проводили взглядом другие удивленные лица под касками.

– Надо собрать воедино разрозненные кусочки, – сказал Ричер. – На самом деле нам известно все, что нужно. Кое-что из этого нам уже известно на протяжении многих дней. Но мы все испортили, Харпер. Страшные ошибки и ложные предположения.

Развернувшись на развилке, Харпер поехала на север по И-95. Движение было плотным. Они попали в дальние отголоски утреннего часа пик в Вашингтоне. Харпер, перестроившись в левый ряд, вынуждена была нажимать на тормоза, так как полоса была занята медленно ползущими машинами.

– Проклятие! – выругался Ричер.

– Не тревожься. Симеку охраняют. Как и всех остальных женщин.

– Недостаточно хорошо. Успокоюсь я только тогда, когда мы сами туда прибудем. Мы имеем дело с очень хитрым преступником.

Кивнув, Харпер принялась метаться вправо и влево, выискивая самую быстро движущуюся полосу. Машины едва тащились везде. Харпер сбросила скорость с сорока до тридцати миль в час. Затем до двадцати.

*Ты достаешь полевой бинокль и следишь, как полицейский совершает первый визит по малой нужде. Он просидел в машине час, потягивая привезенный в термосе кофе. Теперь ему необходимо удалить жидкость из организма. Открывается передняя левая дверь, полицейский разворачивается на сиденье, опускает ноги на землю и встает. Все его мышцы затекли без движения. Он потягивается, держась для равновесия за крышу машины. Закрывает дверь и направляется по дорожке. Поднимается наверх. Ты видишь, как он заходит на крыльцо. Берется рукой за шнурок колокольчика. Отходит от двери и ждет.*

*Симеку ты не видишь. Угол зрения не тот. Но полицейский кивает, улыбается и заходит в дом. Ты не опускаешь бинокль, и спустя три-четыре минуты полицейский снова появляется на крыльце. Оборачивается, что-то говорит. Затем спускается вниз. Проходит по дорожке. Обходит капот машины. Садится за руль. Рессоры прогибаются, дверь закрывается. Полицейский откидывается назад. Поворачивает голову. Он наблюдает.*

Метнув крошечную машину вправо, Харпер выехала на обочину. Увеличила скорость до тридцати, тридцати пяти миль в час, обгоняя по внешней полосе застывший поток транспорта. Слева проплывали здоровенные шестиосные фуры, чьи колеса были высотой с автомобиль.

– Что за ошибки? – спросила Харпер. – Что за ложные предположения?

– Очень любопытные, учитывая данные обстоятельства. Но в этом не только наша вина. Хотя и мы заглотили крупную ложь.

– Какую ложь?

– Крупную, очаровательную, захватывающую ложь, – сказал Ричер. – Настолько крупную и бросающуюся в глаза, что никто ее не распознал.

* * *

После ухода полицейского Рита Симека осталась стоять у двери, учащенно дыша и пытаясь расслабиться. Весь день он приходил и уходил, приходил и уходил. Это не позволяло ей сосредоточиться. Для того, чтобы исполнять музыку должным образом, необходимо погрузиться в своеобразный транс. А этот проклятый глупый фараон постоянно все портил.

Сев за рояль, Рита снова исполнила инвенцию, десять раз, пятнадцать, двадцать, от начала и до конца. Все ноты она брала правильно, но это было не главное. В чем тут смысл? Где эмоциональное содержание? Идея? Рита решила, что в целом ей удалось достичь определенного совершенства. Она улыбнулась. Увидела свое отражение в крышке рояля и улыбнулась снова. Прогресс налицо. Теперь надо оттачивать скорость исполнения. Но ни в коем случае не переусердствовать. Рита предпочитала, чтобы Баха исполняли медленно. Убыстрение темпа делает его произведения чересчур банальными. Хотя в основе своей они действительно*простые*. Однако, на ее взгляд, Бах специально так задумал. Он сознательно писал простую музыку, которая прямо-таки напрашивается, чтобы ее исполняли с большой торжественностью.

Встав, Рита потянулась. Закрыла крышку клавиатуры и вышла в коридор. Следующей проблемой будет обед. Ей придется заставлять себя глотать пищу. Возможно, с той же самой проблемой сталкиваются все одинокие люди. Трапеза в полном одиночестве не доставляет особого удовольствия.

Тут Рита заметила в коридоре на паркете следы. Отпечатки больших, грязных ног. Этот чертов фараон, опять он устроил тут свинарник. Рита печально взирала на грязь, и тут зазвонил звонок. Этот идиот*снова* вернулся. Что с ним случилось? Он начисто разучился управлять своим мочевым пузырем? Обойдя отпечатки грязных ног, Рита открыла дверь.

– Нет, – сказала она.

– Что?

– Нет, я не позволю вам воспользоваться туалетом. Я уже устала от вас.

– Мисс, мне очень нужно, – сказал полицейский. – Мы ведь договаривались...

– Обстоятельства изменились, – отрезала Рита. – Я больше не хочу, чтобы вы заходили ко мне в дом. Это просто вздор какой-то! Вы меня с ума сведете.

– Я должен быть здесь...

– Это какой-то вздор, – повторила Рита. – Мне не нужна ваша защита. Уходите отсюда, хорошо?

Она решительно закрыла дверь. Заперла ее на замок и вернулась на кухню, учащенно дыша.

*Полицейский не входит в дом. Ты внимательно следишь за ним. Он просто остается стоять на крыльце, несколько растерянный. Затем его охватывает недовольство. Ты видишь это по его движениям. Он*

*что-то говорит, подавшись назад, словно защищаясь, и тут, судя по всему, дверь закрывается у него перед носом, потому что он резко отступает назад. Какое-то время стоит на месте, уставившись перед собой, затем спускается с крыльца, через двадцать секунд после того, как поднялся. Что все это значит?*

*Полицейский обходит капот своей машины и открывает дверь. Садится на сиденье, но не забирается в салон. Он сидит боком, поставив ноги на землю. Протягивает руку и берет микрофон. Полминуты держит его в руке, задумчиво рассматривая. Затем кладет на место. Полицейский не станет докладывать сержанту: «Сэр, она больше не пускает меня в дом пописать.» Итак, что он предпримет? И как это скажется на твоем плане?*

До авиабазы Эндрюс они доехали, двигаясь в основном по обочине, выезжая в случае необходимости в правый ряд. Сама база явилась оазисом спокойствия. С прошлого раза ничего почти не изменилось. В воздухе висел вертолет, но он был достаточно далеко, и шум его не был слышен. Трент связался с контрольно-пропускным постом и назвал фамилию Ричера. Это было очевидно, потому что часовой ждал их. Подняв шлагбаум, он предложил поставить машину у здания транспортного отдела морской пехоты и справиться внутри.

Поставив свою крошечную желтую машину рядом с четырьмя «Шевроле» защитного цвета, Харпер заглушила двигатель. Догнала Ричера, который уже поднимался на крыльцо. Капрал, бросив на Харпер удивленный взгляд, передал их сержанту. Тот, бросив на Харпер удивленный взгляд, передал их с Ричером капитану. Капитан, бросив на Харпер удивленный взгляд, сказал, что новый транспортный «Боинг», совершающий испытательный полет, отправится вместо Сан-Диего в Портленд. Сказал, что самолет может их подбросить. Добавил, что они, скорее всего, будут на борту единственными пассажирами. И, наконец, сообщил, что вылет через три часа.

– Через три часа? – переспросил Ричер.

– Портленд – гражданский аэропорт, – объяснил капитан. – В нем плотный график посадок и взлетов.

Ричер молчал. Капитан пожал плечами.

– Это все, чего смог добиться полковник.

## Глава 28

Капитан проводил Ричера и Харпер в комнату предполетного ожидания на втором этаже. В комнате было только самое необходимое: люминесцентные лампы под потолком, линолеум на полу, пластмассовые стулья, расставленные вокруг низких столиков.

– Особых удобств тут нет, – виноватым тоном произнес капитан. – Но это все, чем мы располагаем. Самому высокому начальству тоже приходится ждать здесь.

Ричер подумал: «Высокому начальству тоже приходится ждать три часа?» Но вслух он ничего не сказал. Лишь поблагодарил капитана и встал у окна, уставившись на взлетно-посадочную полосу. Там не происходило ничего особенного. Харпер подошла было к нему, но затем вернулась и села на стул.

– Скажи же мне. В чем дело?

– Начнем с мотива. У кого есть мотив?

– Не знаем.

– Вернемся к Эми Каллан. Предположим, она была бы единственной жертвой. Кого вы заподозрили бы в первую очередь?

– Ее мужа.

– Почему мужа?

– Если убита жена, всегда надо первым делом приглядываться к мужу, – объяснила Харпер. – Потому что мотив очень часто бывает личным. А самый близкий человек для женщины – ее муж.

– И*как*вы бы пригляделись к нему?

– Как? Так же, как всегда. Протрясли бы его, протрясли бы его алиби, работали бы до тех пор, пока что-нибудь не всплыло бы.

– И долго он не продержался бы, так?

– Да, рано или поздно он сломался бы.

Ричер кивнул.

– Хорошо. Теперь давай предположим, что убийца*действительно*муж Эми Каллан. Как ему избежать вашего пристального внимания?

– Никак.

– А вот тут ты неправа. Он может избежать этого, если найдет несколько женщин, имеющих что-то общее с его женой, и убьет их тоже. Причем сделает это каким-то исключительно своеобразным способом, который обязательно заставит всех искать некий крайне необычный мотив. Другими словами, он замаскирует избранную цель целым ворохом мусора, не имеющего никакого отношения к делу. Отведет подозрение от себя, спрятав личные связи в толпе. Все равно как где лучше спрятать песчинку?

Харпер кивнула.

– На песчаном берегу.

– Совершенно верно.

– Значит, это муж Каллан?

– Нет, не он. Но?

– Но теперь нам достаточно найти мотив только для убийства одной из женщин, а не всех. Все остальные – лишь отвлекающий маневр. Песчаный берег.

– Камуфляж, – подтвердил Ричер. – Фоновый шум.

– Так которая из них? Кто истинная цель?

Ричер ничего не ответил. Отошел от окна и сел.

*Ты ждешь. В горах холодно. Холодно и неуютно. Ты сидишь на корточках, укрываясь за скалами. Ветер западный, и очень сыро. Но ты упорно ждешь. Наблюдение – это очень важно. Определенность – это всё. Ты понимаешь, что если сохранишь внимание, то сможешь все. Абсолютно все. Поэтому ты ждешь.*

*Ты наблюдаешь за сидящим в машине полицейским и веселишься по поводу его мучений. Он всего в нескольких сотнях футов от тебя, но это другой мир. Ты можешь отойти от скалы, и вокруг будет миллион акров безлюдных гор, которыми можно воспользоваться для оправления естественных потребностей. А он находится посреди цивилизации. Вокруг улицы, переулки, дома. Он не может воспользоваться всем этим. Его арестуют за нарушение общественного порядка. Он должен будет сам арестовать себя. И двигатель не работает. Значит, в салоне холодно. Это к лучшему или к худшему?*

*Ты наблюдаешь и ждешь.*

Прежде чем истекли три часа, в комнату предполетного ожидания пожаловал сам капитан. Он провел Ричера и Харпер вниз, и они вышли на улицу через ту же дверь, через которую вошли. У крыльца ждала штабная машина.

– Счастливого пути, – пожелал капитан.

Машина проехала к взлетно-посадочной полосе, на которой стоял одинокий «Боинг». От самолета отъезжали автозаправщики; внизу суетились техники. Лайнер сверкал новой белой краской.

– Самолеты перекрашивают только после того, как мы убеждаемся, что они нам подходят, – объяснил водитель.

Перед открытым люком стоял трап. Вверху толпились члены экипажа, в форме, с пухлыми портфелями.

– Добро пожаловать на борт, – сказал второй пилот. – Свободное место вы отыщете без труда.

В салоне их было двести шестьдесят. Это был обычный пассажирский лайнер, только без каких-либо излишеств. Ни телевизоров, ни полочек с журналами, ни кнопок вызова стюардесс. Ни одеял, ни подушек, ни наушников. Все кресла были одного цвета – защитного. От ткани исходил характерный запах новой вещи. Заняв три кресла, Ричер уселся боком, спиной к иллюминатору.

– За последние несколько дней нам с тобой пришлось порядком налетать, – заметил он.

Харпер села за ним. Пристегнула ремень.

– Это уж точно.

– Так, ребята, слушайте внимательно, – окликнул их второй пилот, выглянувший из кабины. – Этот самолет военный, федеральному управлению гражданской авиации не подчиняется, поэтому предполетное объявление будет на военный манер, договорились? А именно: не беспокойтесь, потому что мы не разобьемся. А если разобьемся, вас непременно расплющит в отбивную котлету и превратит в пепел, так что причин для беспокойства все равно нет.

Ричер улыбнулся. Харпер пропустила шутку пилота мимо ушей.

– Так кто же истинная цель? – повторила она.

– А ты сама подумай.

Самолет покатил по взлетно-посадочной полосе. Через минуту он уже был в воздухе, могучий, уверенный. Развернулся над раскинувшимся внизу Вашингтоном, набирая высоту. Поднялся над облачностью и взял курс на запад.

*Бедняга до сих пор терпит. С тех пор он так и не выходил из машины, а машина по-прежнему стоит прямо перед домом Симеки. Напарник привез ему пакет с обедом. В нем термос с двадцатью унциями кофе. Скоро бедняге станет совсем невмоготу. Но это никак не влияет на твой план. Да и как могло бы повлиять? Времени два часа; пора делать звонок.*

*Ты открываешь украденный телефон. Набираешь номер Симеки. Нажимаешь клавишу с маленькой пиктограммой зеленого телефона. Слышишь, как переключается коммутатор. Раздаются гудки. Ты низко приседаешь за скалой и готовишься начать говорить. Здесь теплее. Нет ветра. Гудки продолжаются. Ответит ли Симека? Может быть, и не ответит. Такая капризная стерва, которая не позволила телохранителю воспользоваться туалетом, может запросто проигнорировать звонящий телефон. Тебя на мгновение охватывает паника. Что делать в этом случае? Если Симека не снимет трубку?*

*Она снимает трубку.*

*– Алло.*

*В ее голосе звучат тревога, недовольство, готовность перейти в нападение. Она думает, что это полицейский сержант, который будет жаловаться. Или координатор ФБР, который будет убеждать ее вести себя благоразумно.*

*– Здравствуй, Рита, – говоришь ты.*

*Она слышит твой голос. Ты чувствуешь, как она успокаивается.*

*– Да?*

*Ты объясняешь ей, что она должна сделать.*

– Не первая, – принялась рассуждать вслух Харпер. – Первая жертва была выбрана наугад. Чтобы увести нас со следа. Вероятно, и не вторая. Вторая жертва была нужна, чтобы установить четкий рисунок.

– Согласен. Каллан и Кук – это фоновый шум. Дымовая завеса.

Харпер кивнула. Умолкла. Ричер почувствовал, что она шевелится у него за спиной. Выбравшись в проход, Харпер устроилась на трех креслах напротив. Ощущение странное, но знакомое. Между ними ничего кроме ровных рядов одинаковых пустых кресел.

– Но убийца не будет оставлять истинную жертву на самый конец, – снова заговорила Харпер. – У него есть цель, и он хочет поразить ее до того, как кто-то успеет что-либо сообразить.

– Согласен, – повторил Ричер.

– Значит, третья или четвертая.

Ричер молча кивнул.

– Но которая из двух? В чем ключ?

– Во всем. В том же, в чем был и раньше. В уликах. В географии, в краске, в отсутствии насилия.

* * *

Обед состоял из холодного сморщенного яблока и кусочка швейцарского сыра – только это и мог предложить холодильник. Рита аккуратно разложила все на тарелке, чтобы сохранить какое-то подобие приличия. Поев, она вымыла тарелку, убрала ее в шкаф и, пройдя в коридор, отперла входную дверь. Постояла на холоде, затем прошла по дорожке вниз. Полицейская машина по-прежнему стояла напротив. Увидев Риту, полицейский опустил стекло.

– Я хочу извиниться, – как можно вежливее произнесла Рита. – Я незаслуженно вас обидела. Просто все это начинает действовать мне на нервы. Разумеется, вы можете заходить в дом когда вам потребуется.

Полицейский озадаченно уставился на нее, судя по всему, мысленно рассуждая: «Ох уж эти женщины!» Продолжая улыбаться, Рита подняла брови и склонила голову, словно повторяя свое приглашение.

– Ну, тогда я зайду прямо сейчас, – сказал полицейский. – Если вы не возражаете.

Рита кивнула, дожидаясь, пока он выйдет. Она отметила, что полицейский оставил стекло опущенным. Когда он вернется, в машине будет холодно. Рита первой прошла к крыльцу. Полицейский торопливо семенил следом. Она решила, что он был на грани отчаяния.

– Вы знаете, куда идти.

Рита осталась ждать в коридоре. Полицейский вышел из туалета с выражением нескрываемого облегчения на лице. Рита открыла перед ним входную дверь.

– Не стесняйтесь, приходите, когда вам понадобится. Смело звоните в дверь.

– Хорошо, мэм. Если вы действительно ничего не имеете против.

– Ничего не имею. Я очень признательна вам за то, что вы для меня делаете.

– Мы здесь выполняем свой долг, – с гордостью, но немного застенчиво произнес полицейский.

Рита проводила взглядом, как он вернулся к машине. Заперла дверь и прошла в гостиную. Постояла, глядя на рояль, и в конце концов решила уделить музыке еще сорок пять минут. Быть может, даже час.

*Вот так лучше. И время выбрано правильно. Впрочем, твердой уверенности у тебя пока нет. Ты прекрасно разбираешься во многом, но только не в урологии. Наблюдая за тем, как полицейский возвращается к машине, ты приходишь к выводу, что он еще слишком молод для того, чтобы иметь проблемы с предстательной железой. Остается только оценить, когда позывы наполненного мочевого пузыря пересилят стеснительность, и полицейский решится снова побеспокоить Симеку. Сейчас половина третьего; до восьми вечера он еще как минимум дважды захочет оправить естественную нужду. Скорее всего, один раз до, а другой уже после смерти Симеки.*

Над Северной Дакотой облачность рассеялась. Внизу в семи милях показалась земля. Второй пилот вышел из кабины и показал городок, в котором родился. Маленький городок к югу от Бисмарка. Через него протекала Миссури, тонкая серебристая ленточка. Пилот снова вернулся в кабину, оставив Ричера гадать над премудростями навигации. Он в этом совсем не разбирался. Прямой путь от Вирджинии до Орегона должен был бы проходить над Кентукки, Иллинойсом, Айовой, Небраской, Вайомингом и Айдахо. Самолету незачем было подниматься до Северной Дакоты. Но так дорогу делало короче нечто, именуемое «большими круговыми маршрутами». Ричер где-то слышал об этом. Но ничего не понимал. Как не самый короткий путь может быть самым быстрым?

– Краску похитила Лорейн Стэнли, – сказала Харпер. – Отсутствие насилия показывает, что убийца лишь имитирует ярость. Но что доказывает география?

– Мы уже говорили об этом.

– Она демонстрирует размах.

– И скорость, – сказал Ричер.

Харпер молча кивнула.

– И еще мобильность, – добавил он. – Не забывай про мобильность.

* * *

В конце концов Рита провела за роялем полтора часа. Полицейский больше не приходил; она успокоилась, и ее техника, совершенствуясь, достигла наконец такого уровня, до которого еще никогда не поднималась. Мысли Риты были сосредоточены исключительно на нотах, и она все убыстряла и убыстряла темп, до тех пор, пока исполнение не стало шероховатым. Тогда Рита чуть отступила назад и остановилась на темпе, более быстром, чем указанный в нотах. Но, черт побери, какая разница? Бах зазвучал просто бесподобно. Быть может,

даже лучше, чем если бы исполнялся в нужном темпе. Музыка звучала величественно, содержательно, логично. Рита осталась довольна.

Отодвинув стул, она сплела руки и потянулась. Затем закрыла клавиатуру и встала. Вышла в коридор и поднялась по лестнице в ванную. Постояла перед зеркалом, причесываясь. Затем спустилась вниз и достала из гардероба куртку. Достаточно короткую, чтобы было удобно в машине, и достаточно теплую, чтобы защитить от осенних холодов. Рита переобулась. Отперла дверь в подвал и спустилась вниз. Отперла пультом дистанционного управления ворота гаража и отперла машину. В салоне зажегся свет. Сев за руль, Рита завела двигатель. Ворота гаража, ворча, поползли вверх.

Задом выехав на дорожку, Рита закрыла ворота. Обернувшись, увидела, что полицейская машина перегородила выезд. Рита, не заглушив двигатель, направилась к ней. Увидев ее, полицейский опустил стекло.

– Я еду в магазин, – сказала Рита.

Он молча посмотрел на нее. Было очевидно, что такой вариант отсутствовал в сценарии.

– Как долго вы собираетесь там пробыть? – наконец спросил полицейский.

Рита пожала плечами.

– Ну, полчаса, час.

– В магазин?

Она кивнула.

– Да, мне нужно кое-что купить.

Помолчав еще немного, полицейский принял решение.

– Хорошо, но я останусь здесь. Мы наблюдаем за домом, а не за вами лично. Преступления происходят дома, так что мы должны поступать именно так.

Рита снова кивнула.

– Хорошо. В магазине со мной ничего не произойдет.

Полицейский молча кивнул. Он завел машину и сдал назад, давая возможность Рите выехать. Проводив взглядом, как она спустилась вниз к шоссе, полицейский вернулся на место.

*Ты видишь, как открываются ворота гаража, видишь, как выезжает машина, видишь, как ворота снова закрываются. Ты видишь, как*

*Симека останавливается, выходит из машины. Видишь ее разговор с полицейским. Видишь, как полицейский «Краун» отъезжает назад, а Симека выезжает на улицу. Полицейская машина возвращается на место, а Симека спускается вниз к шоссе. Улыбнувшись, ты отступаешь назад под прикрытие скал. Встаешь. Тебя ждет работа.*

Спустившись вниз, Рита повернула налево, а затем выехала на шоссе, ведущее к Портленду. Было очень холодно. Если температура будет опускаться еще неделю, пойдет снег. И тогда ее машина будет выглядеть на дороге очень странно. Все остальные местные жители ездят или на джипах, или на полноприводных пикапах. Рита же запала на дорогой приземистый седан, который длиной в четыре раза превосходил высоту. Цвет – золотистый металлик, хромированные диски, кожаный салон. Выглядела машина на миллион долларов, однако была переднеприводной и не обеспечивала хорошего сцепления с дорогой. Клиренс достаточный разве что для того, чтобы переехать через небольшой снежный комок, но не больше. Зимой Рите придется передвигаться пешком или просить соседей подвезти ее.

Однако машина шла очень тихо и мягко, и управлять ей было удобно. Рита проехала две мили на запад, затем сбросила скорость, чтобы повернуть налево к торговому центру. Пропустила встречный грузовик и въехала на стоянку. Обогнула правое крыло здания и поставила машину в полном одиночестве на дополнительной стоянке. Вынула ключ, бросила его в сумочку. Вышла из машины и направилась через холод в супермаркет.

Внутри было теплее. Взяв тележку, Рита не спеша прошлась по залу, сворачивая в каждый проход. В ее действиях не было никакой системы. Она разглядывала все витрины и брала то, что, как ей казалось, у нее дома уже подходит к концу. То есть, покупок было немного, потому что в этом супермаркете Риту мало что интересовало. Ни нот, ни садовых растений. В итоге ее тележка осталась почти пустой, и Рита встала в очередь ускоренного обслуживания.

Продавщица уложила все покупки в один бумажный пакет. Рита расплатилась наличными и вышла на улицу, зажав пакет под рукой. Повернула направо и пошла по узкому тротуару, разглядывая витрины. Ее дыхание облачком висело в воздухе. Рита остановилась у лавки садового инвентаря. Ей уже приходилось делать здесь покупки; она покупала мешок костяной муки и вересковое удобрение для подкормки азалий.

Подхватив пакет под мышку, Рита толкнула дверь. Зазвонил колокольчик. За прилавком стоял пожилой мужчина в коричневом халате. Он кивнул, здороваясь с Ритой. Та прошла в тесный торговый зал. Мимо инструментов, гвоздей, к отделу материалов для ремонта. Там

лежали рулоны дешевых обоев и мешки шпаклевки. Кисти и валики. И банки с краской. Стеллажи высотой с человеческий рост. На полках таблицы с подбором колеров. Поставив пакет с покупками на пол, Рита взяла одну из таблиц и раскрыла ее. Увидела внутри пеструю радугу. Множество цветов и оттенков.

– Вам помочь, мисс? – произнес голос у нее за спиной.

Это был пожилой продавец. Он бесшумно подкрался к Рите, горя желанием помочь.

– Эта краска разводится водой? – спросила она.

Продавец кивнул.

– Да, она называется водоэмульсионной, – объяснил он. – Но это означает только то, что она на водяной основе. Водой можно ее разводить, мыть кисти.

– Мне нужна темно-зеленая, – сказала Рита, указывая на таблицу. – Примерно вот такая.

– Предлагаю вам вот этот колер, – сказал продавец. – Он называется «авокадо».

– Слишком светлая.

– Вы будете разводить краску водой?

Рита кивнула.

– Тогда она станет еще светлее.

– В таком случае, думаю, я возьму оливковую. Я хочу, чтобы она напоминала защитную.

– Хорошо, – согласился продавец. – Сколько вам нужно?

– Одна банка. Галлон.

– Много вы этим не покрасите. Хотя, если разбавить, станет больше.

Продавец отнес банку к кассе и пробил чек. Рита расплатилась наличными, и продавец положил краску в сумку вместе с прилагающейся бесплатно палочкой для размешивания. На палочке была наклейка с названием магазина.

– Благодарю вас, – сказала Рита.

Она вышла на улицу, держа бумажный пакет в одной руке, сумку с краской – в другой. Прошла вдоль ряда магазинчиков. Воздух был очень холодный. Рита подняла взгляд на небо. Его затягивали черные тучи.

Рита обогнула последний магазинчик. Поспешила к машине. Бросила покупки на заднее сиденье, села за руль, захлопнула дверь и завела двигатель.

* * *

Полицейский замерз, поэтому его внимание оставалось сосредоточенным. В летний зной, сидя абсолютно без дела, он наверняка начал бы клевать носом, но в такой холод об этом не могло быть и речи. Поэтому полицейский увидел приближающуюся фигуру, еще когда до нее было больше сотни ярдов. Склон холма делал в этом месте перегиб, поэтому полицейский увидел сначала голову, затем плечи, потом грудь. Фигура целенаправленно приближалась к нему, поднимаясь над горизонтом, открываясь все больше и больше, увеличиваясь в размерах. Густые седые волосы, аккуратно подстриженные и расчесанные. Военный мундир. На погонах и петлицах орлы. Полковник. Вместо форменной рубашки и галстука стоячий воротник сутаны. Военный священник. Он быстро поднимался вверх по склону. Голова качалась вверх и вниз в такт шагам. Вместе с ней двигался белый подворотничок. Священник шел очень быстро. Только что не бежал.

Он резко остановился в ярде перед правой фарой полицейской машины. Просто остановился на тротуаре и, вывернув шею, уставился на дом Симеки. Полицейский опустил стекло. Он не знал, что сказать. Какого-нибудь местного жителя он окликнул бы: «Сэр, проходите мимо», причем таким тоном, что других слов больше не потребовалось бы. Но перед ним был священник, к тому же, полковник. Почти джентльмен.

– Прошу прощения? – окликнул его полицейский.

Оглянувшись, полковник обогнул капот машины. Нагнулся. Он оказался очень рослым. Одну руку полковник положил на крышу «Крауна», другую на дверь. Заглянул в опущенное стекло.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Чем могу вам помочь? – спросил полицейский.

– Я хочу повидаться с хозяйкой.

– Ее сейчас нет дома, – сказал полицейский. – И у нас возникли кое-какие проблемы.

– Какие проблемы?

– Мисс Симека под охраной. Я не могу вам говорить, почему. Но я прошу вас сесть в машину и показать ваши документы.

Полковник смущенно замялся. Затем, выпрямившись, он открыл дверь и сел в машину. Неуклюже вывернулся на сиденье и сунул руку во внутренний карман пиджака. Достал бумажник. Раскрыл его и вытащил потрепанное удостоверение личности офицера. Передал удостоверение полицейскому. Полицейский изучил удостоверение, сверил лицо с фотографией. Вернул удостоверение и кивнул.

– Хорошо, господин полковник. Если хотите, можете подождать в машине вместе со мной. На улице холодно.

– Да, очень холодно, – согласился полковник.

Однако полицейский заметил, что он, наоборот, даже слегка вспотел. Впрочем, возможно, от быстрого подъема в гору.

* * *

– Я так ничего и не могу понять, – заявила Харпер.

Самолет начал заходить на посадку. Ричер понял это по звону в ушах. И по резким разворотам. Пилот военной авиации без стеснения пользовался рулем направления. Гражданские летчики прибегают к нему только в крайнем случае. При использовании руля направления самолет начинает заносить боком, словно машину, которая пошла юзом. Пассажирам это очень не нравится. Поэтому пилоты гражданской авиации совершают повороты, увеличивая тягу двигателей с одной стороны и уменьшая – с другой. В этом случае поворот выполняется плавно. Но военные летчики не заботятся об удобстве пассажиров. Те все равно не купили билеты на свои деньги.

– Помнишь сообщение Пултона из Спокана? – сказал Ричер.

– И что в нем такого?

– Это и есть ключ. Нечто большое и очевидное.

* * *

Свернув налево с шоссе, Рита оказалась на своей улице. Полицейская машина снова загородила въезд. Рядом с полицейским кто-то сидел. Рита остановилась напротив своего дома, надеясь, что полицейский поймет намек и освободит дорогу, но тот открыл дверь и вышел из машины, словно намереваясь с ней поговорить. Он прошел к машине Риты, разминая затекшие от неподвижности члены. Положив руку на крышу, полицейский нагнулся. Рита опустила стекло. Заглянув в салон, он посмотрел на сумки с покупками на заднем сиденье.

– Вы купили все, что вам было нужно? – спросил он.

Рита кивнула.

– Никаких проблем?

Она покачала головой.

– Тут один человек хочет с вами поговорить. Военный священник.

– Это он сидит в вашей машине? – спросила Рита, просто чтобы что-то спросить.

Ответ был очевиден. Она заметила воротник сутаны.

– Какой-то полковник, – объяснил полицейский. – Документы у него в порядке.

– Избавьте меня от него.

Полицейский удивился.

– Он приехал сюда из самого Вашингтона. В документах указано, что он служит там.

– Мне наплевать, где он служит. У меня нет желания его видеть.

Полицейский ничего не сказал. Молча оглянулся. Полковник как раз вылез из машины. Выпрямился во весь рост. Направился к ним. Симека не стала глушить двигатель. Открыла дверь. Выбралась из машины. Запахнула куртку, защищаясь от холода, и стала смотреть на приближающегося полковника.

– Вы Рита Симека? – спросил священник, подойдя к ней.

– Что вам нужно?

– Я лишь хотел убедиться, что с вами все в порядке.

– Что вы имеете в виду?

– Как вы приходите в себя после тех неприятностей, что с вами случились.

– Какие у меня были неприятности?

– После нападения.

– А если со мной не все в порядке?

– Тогда, возможно, я смогу вам помочь.

Его голос, негромкий и сочный, обладал какой-то внутренней теплотой. Внушал бесконечное доверие. Таким голосом должны обладать настоящие священники.

– Вас направило министерство обороны? – спросила Рита. – Вы здесь официально?

Полковник покачал головой.

– К сожалению, нет. Я много раз спорил с начальством, но все тщетно.

Рита кивнула.

– Предложив помощь, оно тем самым признает свою вину.

– Да, такова их точка зрения, – подтвердил священник. – К сожалению. Так что я прибыл сюда как частное лицо. Я действую тайно, в нарушение четких приказов. Но меня вынуждает к этому моя совесть.

Симека отвела взгляд.

– Но почему вы приехали именно ко мне? – спросила она. – Нас ведь много.

– Вы уже пятая, кого я посетил. Я начал с тех, кто живет одиноко. Решил, что именно тут моя помощь нужна больше всего. Одни поездки оказались плодотворными, другие явились пустой тратой времени. Я стараюсь не навязываться. Но попробовать, мне кажется, надо обязательно.

Рита помолчала. Ее взгляд стал холодным.

– Что ж, боюсь, вы снова потратили время впустую, – наконец сказала она. – Я отказываюсь от вашего предложения. Мне не нужна ваша помощь.

Полковник не изобразил ни удивления, ни понимания.

– Вы уверены?

Рита кивнула.

– Абсолютно уверена.

– Вот как? Пожалуйста, не торопитесь с ответом. Подумайте хорошенько. Я проделал большой путь.

Рита ничего не ответила. Лишь нетерпеливо взглянула на полицейского. Тот переступил с ноги на ногу, привлекая внимание полицейского.

– Вопрос задан, ответ получен, – сказал он, совсем как адвокат в суде.

Наступила тишина. Нарушаемая лишь тихим ворчанием двигателя машины Симеки, работающего на холостых оборотах. Из выхлопной трубы вился дымок. В холодном осеннем воздухе чувствовался едкий запах горелого бензина.

– Сэр, а теперь я попрошу вас удалиться, – сказал полицейский. – У нас тут определенные проблемы.

Некоторое время полковник стоял неподвижно. Наконец кивнул.

– Мое предложение остается в силе, – сказал он. – Я могу вернуться в любой момент.

Резко развернувшись, он быстро пошел вниз по улице. Склон поглотил его: сначала ноги, затем туловище, в последнюю очередь голову. Проводив полковника взглядом, Симека села в машину. Кивнув собственным мыслям, полицейский похлопал по крыше.

– Хорошая машина, – ни с того ни с сего заметил он.

Рита ничего не ответила.

– Точно, – добавил полицейский.

Он вернулся к своей машине. Сдал задом вверх по склону, не закрывая дверь. Рита свернула к дому. Нажала кнопку на пульте дистанционного управления, и ворота гаража поползли вверх. Заехав внутрь, она нажала другую кнопку. Успела увидеть, как полицейская машина вернулась на место, затем ворота опустились, оставив ее в полной темноте.

Рита открыла дверь, и вспыхнул свет в салоне. Нащупав рычажок под сиденьем, она открыла багажник. Вышла из машины, забрала пакеты с заднего сиденья и прошла в подвал. Поднялась наверх на первый этаж и прошла на кухню. Поставила пакеты на стол, села на табурет и стала ждать.

*Машина приземистая, поэтому багажник хотя и длинный, но невысокий. Следовательно, тебе приходится лежать на боку, скорчившись в три погибели. Колени подобраны к подбородку, как у зародыша. Забраться в багажник оказалось нетрудно. Рита оставила машину незапертой, как ей и было сказано. У тебя на глазах она вошла в магазин, после чего тебе осталось лишь открыть водительскую дверь, найти рычаг и открыть багажник. Снова закрыть дверь, обойти машину и поднять крышку багажника. Внутри ничего. Тебя никто не видел. А дальше – скользнуть в багажник и закрыть за собой крышку. Все очень просто. Внутри на крышке ребра жесткости, можно за них ухватиться.*

*Ждать внутри пришлось долго. Но вот ты слышишь, как Симека садится в машину и заводит двигатель. Чувствуешь бедром тепло, в том месте, где проходит выхлопная труба. Поездку никак нельзя назвать удобной. Тебя трясет. Мысленно отслеживая повороты, ты понимаешь, когда Симека возвращается к дому. Слышишь голос полицейского. Понимаешь, что у тебя возникли проблемы. Затем слышится умоляющий голос какого-то военного священника, полного идиота. Ты напрягаешься. Тебя охватывает паника. Черт побери, что происходит? А что если Симека пригласит священника в дом? Но*

*она избавляется от него. Ты слышишь в ее голосе лед. Улыбаешься в темноте и мысленно потираешь руки. По звуку ты определяешь, что машина въехала в гараж. Акустика полностью меняется. Двигатель начинает реветь громче. Ты слышишь, как выхлопные газы ударяют в стены и пол. Затем Симека глушит двигатель, и наступает полная тишина.*

*Она не забывает открыть багажник. Ты в этом не сомневаешься, потому что ей было приказано так поступить. Затем ты слышишь удаляющиеся шаги Симеки, стук закрывшейся двери в подвал. Осторожно приподняв крышку, ты выбираешься из багажника. Выпрямляешься и потягиваешься. Потираешь бедро, обожженное выхлопными газами. Затем обходишь машину. Надеваешь перчатки, садишься на бампер и ждешь.*

## Глава 29

Самолет совершил посадку в международном аэропорту Портленда, подобно любому другому «Боингу», но не подкатил к зданию аэровокзала, а остановился на отдельной полосе. К нему не спеша подъехал пикап, с установленной в кузове лестницей. За пикапом следовал микроавтобус. Обе машины, сверкающие чистотой, были раскрашены в цвета корпорации «Боинг». Экипаж остался в самолете изучать данные о полете. Микроавтобус отвез Ричера и Харпер к залу прилетов, где ждали такси. Первым в очереди стоял бывалый «Шевроле Каприс» с «шашечками» на боку. Водитель был не местным. Ему пришлось взглянуть на карту, чтобы найти дорогу, которая вела на восток к крохотному поселку, взобравшемуся на склон горы Маунт-Худ.

* * *

Рита не пробыла в доме и пяти минут, как раздался звонок в дверь. Это снова был полицейский. Вернувшись с кухни, Рита прошла через коридор и отперла дверь. Открыла ее. Полицейский молча стоял на крыльце, стараясь передать свою просьбу печальным выражением лица.

– Привет, – сказала Рита.

После чего посмотрела на полицейского. Не улыбаясь.

– Привет, – наконец ответил он.

Рита подождала. Пусть озвучит вслух свою просьбу. Стесняться тут нечего.

– Знаете что? – наконец сказал полицейский.

– Что?

– Можно воспользоваться вашим туалетом?

Холодный ветер с улицы кружился у ног Риты. Она чувствовала, как он забирается под джинсы.

– Ну конечно.

Рита закрыла за полицейским дверь, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Осталась ждать в коридоре. Он скрылся в туалете и тотчас же вернулся назад.

– Как здесь тепло и уютно!

Рита кивнула, хотя на самом деле это было не совсем так. Она поддерживала в доме такую низкую температуру, какую только могла выдержать. Делалось это ради рояля. Рита не хотела, чтобы дека рассохлась.

– А в машине холодно, – продолжал полицейский.

Рита снова кивнула.

– Заведите двигатель. Включите отопитель.

Он покачал головой.

– Не положено. Нельзя гонять двигатель вхолостую. Загрязняет окружающую среду.

– Тогда сделайте небольшой перерыв. Покатайтесь, согрейтесь. За меня не беспокойтесь. Мне здесь ничего не угрожает.

Определенно, полицейский рассчитывал не на такое приглашение.

Подумав, он покачал головой.

– Меня выгонят со службы. Нет, я должен оставаться здесь.

Рита ничего не сказала.

– Извините за то, что побеспокоил вас этим полковником, – сказал полицейский, намекая на то, что именно он своим вмешательством положил конец этому инциденту.

Она кивнула.

– Я принесу вам горячий кофе. Дайте мне пять минут, хорошо?

Он радостно улыбнулся.

– Тогда мне снова придется воспользоваться вашим туалетом. Кофе просто пролетает сквозь меня.

– Как вам будет угодно.

Закрыв за полицейским дверь, Рита вернулась на кухню и включила кофеварку. Села на табурет, дожидаясь, когда кофе будет готов. Нашла самую большую кружку, какая только была в доме, и налила в нее кофе. Достала из холодильника сливки, а из буфета сахар. Ей показалось, полицейский из тех, кто любит сливки и сахар, – молодой, а уже с брюшком. Взяв кружку, Рита вышла на улицу. Спустилась вниз. Над кофе поднимался пар, стелившийся горизонтальной полоской вдоль дорожки. Рита постучала по крыше машины, полицейский обернулся, улыбнулся и опустил стекло. Неуклюже взял кружку обеими руками.

– Спасибо.

Он прикоснулся к кружке губами, выражая свою признательность, а Рита вернулась по дорожке, поднялась на крыльцо и вошла в дом. Закрыла за собой дверь, заперла ее на замок и, обернувшись, увидела, что гость, которого она ждала, тихо стоит на лестнице, ведущей из гаража.

– Здравствуй, Рита, – сказал гость.

– Здравствуйте, – ответила она.

* * *

Такси проехало на юг по 205-му шоссе и свернуло налево на 26-е.

Машина вела себя так, словно следующим ее рейсом станет последняя поездка на свалку металлолома. Цвет дверей внутри не совпадал с цветом кузова. Судя по всему, машина уже отработала три года в Нью-Йорке, а затем еще три в пригородах Чикаго. Но все же она катила вперед довольно бойко, а счетчик тикал значительно медленнее, чем это было бы в Нью-Йорке или Чикаго. И это было очень важно, потому что до Ричера только сейчас дошло, что у него в карманах почти нет денег.

– Почему такое большое значение имеет демонстрация мобильности? – спросила Харпер.

– Это тоже крупная ложь, – объяснил Ричер. – И мы ее заглотили.

* * *

Симека спокойно стояла перед входной дверью. Гость вопросительно посмотрел на нее из противоположного конца коридора.

– Ты купила краску?

Она кивнула.

– Да, купила.

– Значит, ты готова?

– Не знаю.

Гость спокойно посмотрел ей немигающим взглядом в глаза.

– А теперь готова?

– Не знаю, – повторила Рита.

Гость улыбнулся.

– Мне кажется, готова. Да, готова. А ты как думаешь? Ты готова?

Рита медленно кивнула.

– Да, я готова.

– Ты извинилась перед полицейским?

Она снова кивнула.

– Да, я сказала, что очень сожалею за свой срыв.

– Его нужно впускать в дом, так?

– Я сказала, что он может приходить, когда ему потребуется.

– Это он тебя найдет. Это будет именно он. Я так хочу.

– Хорошо, – согласилась Симека.

Гость помолчал, не двигаясь с места, внимательно следя за ней. Симека смутилась.

– Да, именно он будет тем, кто меня найдет, – сказала наконец она. – Если вы так хотите.

– Ты правильно обошлась с военным священником, – похвалил ее гость.

– Он хотел мне помочь.

– Тебе никто не сможет помочь.

– Наверное, – согласилась Симека.

– Пойдем на кухню, – предложил гость.

Симека отошла от двери. Протиснулась мимо гостя и первой пошла по узкому коридору на кухню.

– Краска там, – объяснила она.

– Покажи.

Взяв банку за проволочную ручку, Симека достала ее из пакета.

– Оливково-зеленая. Лучшая из всего, что там было.

Гость кивнул.

– Отлично. Ты все сделала правильно.

Симека зарделась от удовольствия. Розоватый румянец на бледном как полотно лице.

– Теперь ты должна сосредоточиться, – продолжал гость. – Потому что я выдам тебе много информации.

– О чем?

– О том, что ты должна будешь сделать.

Симека молча кивнула.

– Во-первых, ты должна улыбаться, – сказал гость. – Это очень важно. Для меня это имеет очень большое значение.

– Хорошо.

– Ты сможешь улыбаться?

– Не знаю.

– Попробуй, хорошо?

– Я теперь больше почти не улыбаюсь.

Гость сочувственно кивнул.

– Знаю, но ты все-таки попробуй, ладно?

Уронив голову, Симека сосредоточилась, и когда подняла ее снова, на лице была робкая, бледная улыбка. Лишь чуть изогнувшиеся губы, но это уже было что-то. Она старалась изо всех сил.

– Очень мило, – похвалил ее гость. – И помни, я хочу, чтобы ты улыбалась все время.

– Хорошо.

– То, что тебе предстоит, будет доставлять тебе радость, так?

– Так.

– Нам нужен какой-нибудь инструмент, чтобы открыть банку.

– Все инструменты в подвале.

– Отвертка у тебя есть?

– Конечно, – с гордостью ответила Симека. – Восемь или девять.

– Принеси мне большую, хорошо?

– Естественно.

– И не забывай улыбаться.

– Извините.

* * *

Кружка оказалась слишком большой, чтобы поставить ее в гнездо на подлокотнике, поэтому полицейскому пришлось выпить весь кофе за раз, так как он не мог никуда ставить ее в перерывах между глотками. Так бывает всегда. На вечеринке, если он пьет, стоя с бутылкой, а не сидя за стойкой, куда ее можно время от времени ставить. То же самое с сигаретами. Если есть пепельница, сигарета растягивается значительно дольше, чем если курить ее на ходу, когда она полностью исчезает за каких-то полторы минуты.

Полицейский сидел, поставив на колено пустую кружку, размышляя о том, не отнести ли ее назад в дом. Можно будет сказать: «Вот ваша кружка. Огромное спасибо.» Это даст возможность намекнуть еще раз, как он замерз. Быть может, удастся уговорить Симеку вынести стул в коридор, и тогда он сможет досидеть смену до конца в тепле дома. Тут уж никто не пожалуется. Так охрана будет еще надежнее.

Но он никак не мог решиться снова позвонить в дверь. Эта Симека – определенно дамочка нервная. Кто знает, как она отнесется к этому, если он всего лишь проявит вежливость и отнесет кружку? Хотя именно он помог ей избавиться от этого полковника в сутане? Полицейский постукивал кружкой по колену, пытаясь найти равновесие между нарастающим чувством холода и боязнью снова вызвать гнев Симеки.

* * *

Такси проехало через Грешэм, Кельсо, Сэнди. Шоссе номер 26 приобрело собственное имя: шоссе Маунт-Худ. Дорога стала подниматься в гору. Старый восьмицилиндровый двигатель надрывно ревел.

– Кто это? – спросила Харпер.

– Ключ в ответе Пултона из Спокана.

– Да?

Ричер кивнул.

– Все очевидно, как на ладони. Но мне потребовалось какое-то время, чтобы это разглядеть.

– Ты имеешь в виду службу доставки? Мы ведь это уже обсудили.

Он покачал головой.

– Нет, раньше. Агентство «Хертц». Прокат машин.

* * *

Симека поднялась из подвала с отверткой в руке. Не самой большой, дюймов восемь в длину, шлиц достаточно тонкий, чтобы просунуть его под крышку, и в то же время достаточно широкий, чтобы стать действенным рычагом.

– Думаю, это как раз то, что нужно. Для нашей цели.

Гость взглянул на отвертку.

– Не сомневаюсь в этом. Главное, чтобы удобно было тебе. Отверткой будешь работать ты, а не я.

Симека кивнула.

– По-моему, она подойдет.

– Где твоя ванная?

– Наверху.

– Ты мне покажешь?

– Конечно.

– Захвати краску. И отвертку.

Сходив на кухню, Симека взяла банку.

– А палочка для размешивания понадобится? – окликнула она.

Гость задумался. «Новая процедура требует новой методики.»

– Да, захвати и ее.

Палочка оказалась в длину около двенадцати дюймов, и Симека взяла ее вместе с отверткой в левую руку. Правой взяла за ручку банку с краской.

– Сюда.

Она первой поднялась по лестнице. Прошла по коридору второго этажа, через спальню в ванную.

– Вот она.

Гость огляделся с видом человека, знающего толк в ванных комнатах. В конце концов, это уже пятая. Обстановка среднего уровня. Немного

старомодная. Что соответствует возрасту дома. Затейливые мраморные украшения выглядели бы здесь не к месту.

– Положи все это на пол.

Нагнувшись, Симека поставила банку на кафельные плитки. Послышался булькающий звон. Опустив проволочную ручку, она положила отвертку и палочку на крышку. Гость достал из кармана плаща свернутый полиэтиленовый мешок для мусора. Встряхнул его, разворачивая.

– Положи сюда свою одежду.

* * *

Полицейский вышел из машины, держа в правой руке пустую кружку.

Обошел вокруг капота и стал подниматься по извилистой дорожке, ведущей к крыльцу. Переложил кружку в левую руку, приготовился позвонить в дверь. Остановился. Внутри было тихо. Никто не играл на рояле. Это хорошо или плохо? Симека как одержимая постоянно играла одно и то же произведение, оттачивая технику. Едва ли ей понравилось бы, если бы ее прервали. С другой стороны, возможно, сейчас она занимается чем-то важным. Или решила вздремнуть. По словам агента Бюро, встает Симека в шесть утра. Быть может, она решила устроить днем сиесту. А может быть, захотела почитать. Как бы то ни было, вряд ли она сидит без дела и ждет, когда он позвонит в дверь. Если у нее и имеются такие желания, до сих пор она ничем это не показывала.

Полицейский смущенно постоял на крыльце, держа руку в футе от звонка. Затем, уронив ее, развернулся и спустился вниз. Вернулся к своей машине. Сел за руль и, перегнувшись, поставил кружку справа на пол.

* * *

Похоже, Симека растерялась.

– Какую одежду?

– Ту, которая на тебе надета, – объяснил гость.

Симека рассеянно кивнула.

– Хорошо.

– Рита, мне не нравится твоя улыбка, – с укором произнес гость. – Она какая-то неправдоподобная.

– Извините.

– Взгляни на себя в зеркало, скажи, счастливое ли у тебя лицо.

Симека повернулась к зеркалу. Посмотрела на свое отражение и стала напрягать мышцы лица, одну за другой. Гость внимательно следил за ней.

– Улыбайся широко. Радостно, ладно?

Симека обернулась.

– Так хорошо? – спросила она, растягивая губы в улыбке.

– Очень хорошо, – одобрительно произнес гость. – Ты ведь хочешь меня обрадовать, так?

– Да, хочу.

– А теперь сложи одежду в мешок.

Симека сняла свитер. Плотная шерсть, высокий воротник. Взяв свитер за низ, Симека стащила его через голову. Вывернула его наизнанку и бросила в мешок. Следующей была фланелевая блузка, много раз стиранная и ставшая мягкой и бесформенной. Расстегнув все пуговицы, Симека вытащила край из-под пояса джинсов. Стряхнула блузку с плеч и тоже отправила ее в мешок.

– Сейчас мне стало холодно, – пожаловалась она.

Расстегнув пуговицу джинсов, Симека опустила молнию и стащила их с ног. Стряхнула тапки и выбралась из джинсов. Закатала тапки в джинсы и бросила все в мешок. Сняла носки, встряхнув, расправила их и тоже бросила в мешок, один за другим.

– Поторопись, Рита, – сказал гость.

Кивнув, Симека закрутила руки за спину и расстегнула лифчик. Сняла его и бросила в мешок. Стащила трусики. Скомкала их и бросила в мешок. Закрыв мешок, гость поставил его на пол. Полностью обнаженная, Симека стояла и ждала.

– Наполни ванну водой, – приказал гость. – Сделай ее потеплее, поскольку ты замерзла.

Нагнувшись, Рита заткнула сливное отверстие резиновой пробкой, закрепленной на цепочке. Выкрутила краны, горячий на три четверти, холодный – на четверть.

– Открой краску, – продолжал гость.

Присев на корточки, Симека взяла отвертку. Подсунула кончик под крышку и нажала как на рычаг. Провернула банку, держа отвертку на месте: один раз, два, пока, наконец, крышка, чавкнув, не приподнялась.

– Осторожнее. Постарайся ничего не испачкать.

Симека аккуратно положила крышку на кафельный пол. Выжидательно подняла взгляд.

– Вылей краску в ванну.

Она взяла банку обеими руками. Держать ее было неудобно. Обхватив банку ладонями, Симека поднесла ее к ванне. Согнулась в поясе и перевернула банку. Краска была густая. От нее пахло аммиаком. Толстой, вязкой струйкой она устремилась в ванну. Ее подхватил водоворот струи из крана. Закрутившись спиралью, краска тяжелой массой опустилась на дно. Начала растворяться, и в воде повисло зеленое облако, расползающееся в стороны. Симека подержала банку перевернутой до тех пор, пока струйка краски не стала совсем тоненькой, после чего иссякла совсем.

– Осторожнее! – предостерег ее гость. – А теперь постав банку. И ничего не пачкай.

Перевернув банку отверстием вверх, Симека снова присела на корточки и осторожно поставила ее на пол рядом с крышкой. Пустая банка издала гулкий звук, чуть приглушенный оставшейся на стенках краской.

– А теперь бери палку. Размешивай краску.

Взяв палку, Симека присела у края ванны. Опустила палку в густую зеленую массу и начала мешать.

– Краска растворяется, – радостно произнесла она.

Гость кивнул.

– Именно поэтому ты купила водоэмульсионку.

По мере того, как краска растворялась, ее цвет менялся. Из темно-оливковой он стал цветом травы, растущей на сыром лугу. Краска становилась все жиже, принимая консистенцию молока. Гость внимательно наблюдал за этим. Все в порядке. Конечно, это не так драматично, как настоящая краска, однако уже одно то, что в данных обстоятельствах краска используется вообще, достаточно драматично.

– Хорошо, пойдет. Убери палочку в банку. Аккуратно.

Достав палочку из воды, Симека тщательно стряхнула с нее воду. Нагнулась и поставила палочку в пустую банку.

– И отвертку.

Симека положила отвертку рядом с палочкой.

– Закрой крышку.

Взяв крышку за край, Симека положила ее на банку. Поскольку палочка оказалась слишком длинной и торчала из отверстия, крышка легла под углом.

– Теперь можно закрыть воду.

Повернувшись к ванне, Симека закрутила краны. Вода не доходила дюймов на шесть до края.

– Где стояла коробка?

– В подвале. Но ее забрали.

Гость кивнул.

– Знаю. Но ты помнишь, где именно она стояла?

– Да, – кивнула Симека. – Коробка простояла там долго.

– Я хочу, чтобы ты отнесла банку туда. Поставила на то самое место, где стояла коробка. Сможешь?

Симека снова кивнула.

– Да, смогу.

Она подняла проволочную ручку. Развернула ее вдоль неприкрытой крышки. Подняла банку перед собой, придерживая ее другой рукой под низ. Спустилась вниз, прошла по коридору, спустилась через подвал в гараж. Постояла босиком на холодном бетонном полу, стараясь вспомнить, как именно все было. Шагнула влево и поставила банку на пол, на то самое место, где стояла коробка.

* * *

Такси с трудом взбиралось на затяжной подъем мимо торгового центра. Супермаркет и два ряда магазинчиков по бокам. Стоянка, почти полностью пустынная.

– Почему мы приехали именно сюда? – спросила Харпер.

– Потому что следующей будет Симека, – объяснил Ричер.

Такси натужно ползло вверх. Харпер покачала головой.

– Скажи мне, кто.

– А ты подумай,*как,*– ответил Ричер. – Вот в чем абсолютное и неопровержимое доказательство.

* * *

Симека передвинула пустую банку на дюйм вправо. Оценивающе посмотрела на нее. Удовлетворенно кивнула, развернулась и взбежала вверх по лестнице. Чувствуя, что ей нужно поторопиться.

– Запыхалась? – участливо спросил гость.

Симека кивнула, жадно глотая воздух.

– Всю дорогу бежала.

– Хорошо, отдохни немного.

Глубоко дыша, она смахнула с лица волосы.

– Все в порядке.

– Теперь тебе нужно залезть в ванну.

– Я же вся стану зеленой, – улыбнулась Симека.

– Да, – подтвердил гость, – ты станешь зеленой.

Подойдя к ванне, Симека подняла ногу. Вытянула пальцы и пощупала воду.

– Теплая.

Гость кивнул.

– Очень хорошо.

Симека перенесла всю тяжесть своего тела на ногу, которая стояла в ванне, затем поставила в воду другую ногу. Осталась стоять, скрытая краем ванны по лодыжку.

– А теперь садись. Аккуратно.

Взявшись за края ванны, Симека медленно опустилась.

– Вытяни ноги.

Она вытянула ноги, и ее колени исчезли в зеленой воде.

– Опускай руки.

Отпустив края ванны, Симека вытянула руки вдоль туловища.

– Хорошо, – сказал гость. – А теперь сползай вниз, медленно и осторожно.

Симека подвинулась вперед. Колени показались над водой. Выпачканные в зеленой краске, стекающей по коже тонкими струйками.

Симека откинулась назад, ощущая, как теплая вода ласкает ее тело, поднимаясь до плеч.

– Запрокинь голову.

Откинув голову назад, Симека уставилась в потолок. Чувствуя, как ее волосы намокают в воде.

– Ты когда-нибудь ела устриц? – спросил гость.

Симека кивнула. Почувствовав, как движение ее головы подняло рябь на поверхности воды.

– Один или два раза.

– Помнишь, какие они на вкус? Вот ты берешь устрицу в рот, а затем резко заглатываешь ее целиком? За один прием?

Симека снова кивнула.

– Устрицы мне очень понравились.

– Представь, что твой язык – это устрица, – сказал гость.

Симека удивленно повернулась.

– Не понимаю.

– Я хочу, чтобы ты проглотила свой язык. Проглотила одним резким движением, словно устрицу.

– Не знаю, получится ли у меня.

– Ты можешь попробовать?

– Конечно, попробовать я могу.

Сосредоточившись, Симека предприняла попытку. Резко глотнула язык. Однако у нее ничего не получилось. Все ограничилось лишь булькающим звуком в горле.

– Не получилось, – пожаловалась Симека.

– Помоги пальцем, – сказал гость. – Остальным тоже пришлось так делать.

– Пальцем?

Гость кивнул.

– Протолкни язык пальцем. У остальных получилось.

– Хорошо.

Симека подняла руку. Краска потекла по локтю, оставляя густые капли в тех местах, где она не растворилась до конца.

– Каким пальцем?

– Попробуй средним, – сказал гость. – Он самый длинный.

Выпрямив средний палец, Симека согнула остальные. Открыла рот.

– Просунь палец под язык. И с силой нажми назад.

Раскрыв рот еще шире, Симека с силой нажала на язык.

– А теперь глотай.

Она глотнула. В ее глазах мелькнул ужас.

## Глава 30

Такси остановилось бампер к бамперу перед полицейской машиной. Ричер выскочил первым, отчасти потому, что он был взведен до предела, отчасти потому, что Харпер осталась расплачиваться с водителем. Постояв, Ричер огляделся вокруг. Шагнул вперед, направляясь к сидящему за рулем полицейскому.

– Все в порядке? – спросил он.

– Кто вы такой?

– ФБР, – ответил Ричер. – У вас все в порядке?

– Можно взглянуть на значок?

– Харпер, покажи ему свой значок, – окликнул Ричер.

Такси, сдав назад, развернулось. Убрав бумажник в сумку, Харпер достала значок, золотой орел на золотом фоне, с головой, повернутой влево. Взглянув на значок, полицейский успокоился. Убрав значок в сумочку, Харпер посмотрела на дом.

– У нас все спокойно, – сказал полицейский.

– Симека дома? – спросил Ричер.

Полицейский указал на ворота гаража.

– Только что вернулась из магазина.

– Она выезжала из дома?

– Я же не могу ей препятствовать.

– Машину вы проверяли?

– На заднем сиденье два пакета с покупками. К Симеке приходил священник. Военный священник, предлагал свою помощь. Она отказалась.

Ричер кивнул.

– Не сомневаюсь. Особой набожностью Симека не отличалась.

– Это я уже успел понять, – согласился полицейский.

– Хорошо, – сказал Ричер. – Мы идем в дом.

– Только не проситесь воспользоваться туалетом, – предупредил полицейский.

– Почему?

– Симека не любит, когда ее беспокоят.

– Ничего, я все же рискну.

– Вы заодно не отдадите ей вот это?

Нагнувшись, полицейский поднял с пола пустую кружку. Протянул ее в окно.

– Она угостила меня кофе, – объяснил он. – Очень милая дама, когда познакомишься с ней поближе.

– Да, вы совершенно правы, – подтвердил Ричер.

Он взял кружку, и они вместе с Харпер пошли по дорожке. Поднялись на крыльцо к входной двери. Харпер позвонила. Внутри в тишине полированного дерева прозвучали громкие отголоски. Выждав десять секунд, Харпер снова нажала кнопку. Взрыв металлического ворчания, отголоски, снова тишина.

– Где она? – спросила Харпер.

Она позвонила в третий раз. Звонок, эхо, тишина. Харпер встревожено повернулась к Ричеру. Тот посмотрел на замок. Большой, солидный. Вероятно, новый. Вероятно, с пожизненной гарантией и скидкой на страховку жилья. Язычок из закаленной стали, аккуратно вошедший в отверстие стальной накладки, закрепленной в выдолбленном в косяке углублении. Дверной косяк, вероятно, из орегонской сосны, срубленной сто лет назад. Лучшая строительная древесина в мире, за целый век высушенная до твердости железа.

– Проклятие, – выругался Ричер.

Отойдя на край крыльца, он поставил пустую кружку на перила. Шагнул вперед и с силой ударил каблуком в замок.

– Черт побери, что ты делаешь? – воскликнула Харпер.

Отскочив назад, Ричер снова ударил ногой в дверь, затем еще раз и еще. Древесина треснула. Схватившись руками за перила, Ричер словно прыгун на лыжах с трамплина оттолкнулся и что есть силы полетел вперед. Выпрямил ногу и приложил все двести тридцать фунтов своего веса к поверхности площадью с подошву своего ботинка прямо над замком. Дверной косяк расщепился, и дверь открылась внутрь.

– Наверх! – задыхаясь, крикнул Ричер.

Он побежал к лестнице, Харпер последовала за ним. Ричер заскочил в ванную. Не то. Дешевая техника, запах сырой плесени. Гостевая комната. Ричер ворвался в следующую дверь. Спальня хозяйки. Заправленная кровать, взбитая подушка, приятный аромат, на туалетном столике телефон и стакан с водой. Внутренняя дверь. Пробежав через комнату, Ричер толчком распахнул дверь. Увидел ванную.

Зеркала, раковину, душ.

Ванну, наполненную отвратительной зеленой водой.

В воде Симеку.

*И Джулию Ламарр.*

Джулию Ламарр, восседавшую на краю ванны. На ней были свитер, брюки и черные кожаные перчатки. Услышав шум, она соскочила на пол и стремительно обернулась. Ее лицо побелело от ненависти и страха. Рот приоткрылся. Обнажились кривые зубы. Схватив за ворот свитера, Ричер развернул ее и ударил один раз в голову – жестокий резкий удар, подпитанный слепой яростью, огромный кулак, сокрушительный импульс. Удар пришелся Ламарр в подбородок; дернув головой, она отлетела к противоположной стене и сползла вниз, словно сбитая грузовиком. Ричер не стал дожидаться, когда она окажется на полу, потому что все его внимание было приковано к ванне. Симека полулежала в липкой жиже, выгнув спину, обнаженная, застывшая, с выпученными глазами, закинув голову и раскрыв рот в предсмертной агонии.

Она не шевелилась.

*Не дышала.*

Просунув руку Симеке под шею, Ричер приподнял голову, а другую руку засунул ей в рот. Вытянул пальцы, но не смог достать язык. Тогда он сжал руку в кулак и с силой пропихнул ее в горло. Его запястье с трудом вошло в раскрытый рот Симеки; он содрал кожу на запястье об ее зубы и

сам оцарапал ей гортань. Подхватив согнутым пальцем язык Симеки, Ричер вытащил его из горла. Скользкий язык норовил вырваться, словно живой. Он был длинным, упругим и большим. Распрямившись, язык вырвался из горла и шлепнулся в рот. Ричер вытащил руку, снова обдирая кожу. Нагнулся, чтобы вдохнуть воздух Симеке в легкие, но как только его лицо приблизилось к ее губам, Симека сделала судорожный выдох и закашляла, и тотчас же ее грудь начала подниматься и опускаться. Всасывая и выпуская воздух. Ричер поддерживал ей голову. Она хрипела. Из ее горла вырывались мучительные, скрежещущие звуки.

– Включай душ! – крикнул Ричер.

Подбежав к кранам, Харпер включила воду. Подхватив Симеку под спину, Ричер выдернул из ванны пробку. Густая зеленая вода, закружившись, хлынула в слив. Ричер поддерживал женщину под плечи и колени. Выпрямившись, он поднял ее из ванны и шагнул назад, роняя повсюду зеленые капли.

– Надо смыть с нее эту дрянь, – растерянно объяснил Ричер.

– Я ее подержу, – мягко произнесла Харпер.

Подхватив Симеку на руки, она прямо в одежде шагнула в душ. Сама отступила в угол, поставив безжизненное, обмякшее тело под струи, словно протрезвляя пьяного. Краска быстро побледнела, под ней показалась покрасневшая кожа. Харпер держала Симеку под душем две, три, четыре минуты. Сама она промокла до нитки; ее одежда оказалась перепачкана зелеными разводами. Харпер двигалась кругами, словно танцуя, то и дело останавливаясь, чтобы подставить под струи воды все тело Симеки. Затем она осторожно отступила назад, так, чтобы смыть липкую зеленую жижу с волос. Краска стекала и стекала, и казалось, ей не будет конца и края. Харпер начала уставать. Краска была скользкая. Симека то и дело выскальзывала у Харпер из рук.

– Тащи полотенца! – выдавила она. – И найди халат!

Полотенца висели на крючках, как раз над лежащей без движений Ламарр. Ричер схватил два полотенца, и Харпер, шатаясь, вышла из-под душа. Ричер расправил перед собой одно полотенце, и Харпер передала ему Симеку. Поймав, он завернул ее в полотенце. Выключив громко шелестевшую воду, Харпер подхватила второе полотенце. В наступившей внезапно тишине стала вытирать Симеке лицо. Ричер, подняв обмякшее тело, вынес его из ванной в спальню. Осторожно уложил на кровать. Склонившись, убрал мокрые волосы с лица. Симека по-прежнему хрипела. Ее глаза были открыты, но в них застыло отсутствующее выражение.

– С ней все в порядке? – спросила Харпер.

– Не знаю.

Он проследил за дыханием Симеки. Ее грудь поднималась и опускалась, поднималась и опускалась, часто, настойчиво, словно женщине только что пришлось пробежать милю.

– Думаю, да, – наконец сказал Ричер. – Она дышит.

Взяв руку, он пощупал пульс. Пульс оказался учащенным и ровным.

– С ней все в порядке, – сказал Ричер. – Пульс нормальный.

– Надо срочно отвезти ее в больницу, – сказала Харпер.

– Ей лучше остаться дома.

– Но ей потребуется пройти психологическую реабилитацию. Она получила сильную психическую травму.

Ричер покачал головой.

– Когда Симека придет в себя, она ничего не вспомнит.

Харпер изумленно уставилась на него.

– Ты шутишь?

Ричер посмотрел на нее. Она стояла перед кроватью, держа в руках халат, промокшая насквозь и перепачканная краской. Ее белая рубашка стала оливково-зеленой и прозрачной.

– Ее загипнотизировали, – объяснил Ричер, кивая в сторону ванны. – Вот как Ламарр удавалось все делать. Она ведь была лучшим специалистом Бюро.

– По гипнозу? – спросила Харпер.

Забрав у нее халат, Ричер накрыл им неподвижное тело Симеки. Склонившись, прислушался к ее дыханию. Оно оставалось ровным и начинало успокаиваться. Казалось, Симека крепко спит, но только ее глаза были широко раскрытыми и остекленевшими.

– Не могу поверить, – пробормотала Харпер.

Ричер уголком полотенца вытер Симеке лицо.

– Вот как ей удавалось все делать, – повторил он.

Большими пальцами Ричер закрыл Симеке глаза. Почему-то ему показалось, что это нужно сделать обязательно. Задышав реже, Симека чуть повернула голову. Рассыпав мокрые волосы по подушке. Затем

повернула голову в другую сторону, беспокойно уткнувшись лицом в подушку, словно ей приснился страшный сон. Харпер не отрываясь смотрела на нее. Затем, отвернувшись, заговорила, обращаясь к двери в ванную:

– Когда ты понял?

– Наверняка? Вчера ночью.

– Но как?

Ричер снова подтер полотенцем зеленоватую жижу, вытекающую из волос Симеки.

– Я перебирал все в уме, начиная с самого начала. Думал, думал и думал, дни и ночи, думал до умопомрачения. Вопрос стоял так: «А что если?» А затем он превратился в: «Возможно ли что-либо еще?»

Харпер молча смотрела на него. Он поправил халат, укрывая Симеке плечи.

– Я знал, что Блейк и его команда неправы насчет мотива, – продолжал Ричер. – Знал это с самого начала. Но не мог понять. Они ведь люди умные, так? Но почему же они*так*ошибаются? Я без конца спрашивал себя: почему, почему,*почему?*Неужели они вдруг разом отупели? Или их ослепил узкий профессионализм? Сначала я именно так и думал. Маленькие подразделения в больших организациях очень ревнивы, так? И сами не всегда отдают себе в этом отчет. Я полагал, что группа психологов, которым платят за то, чтобы они раскрывали запутанные дела, не станет кричать во всеуслышание, что в данном случае речь идет о чем-то очень простом. Я думал, это у них на подсознательном уровне. Но постепенно я переменил свою точку зрения. Подобный подход был бы слишком безответственным. Поэтому я начал думать дальше. И в конце концов пришел к единственному ответу: эти люди ошибаются, потому что*хотят*ошибаться.

– И ты понял, что наиболее рьяно ошибку защищает Ламарр, – вставила Харпер. – Потому что это дело вела именно она. И ты заподозрил ее.

Ричер кивнул.

– Совершенно верно. Сразу же после гибели Элисон я подумал, что за всем этим стоит Ламарр, потому что она – ее близкий родственник, а, как ты совершенно справедливо заметила, в первую очередь следует присматриваться к ближайшим родственникам. И я задал себе вопрос: а что если Ламарр стоит за всеми четырьмя преступлениями? Что если она спрятала свой личный мотив за первыми тремя случайными женщинами? Но я не мог представить себе, как. И почему. Не мог найти личный мотив. Конечно, они со сводной сестрой не были особо близки,

и все же ладили друг с другом. Никаких застарелых семейных обид. Например, по поводу несправедливого наследства. Сестры должны были получить поровну. Так что никакой зависти. И Ламарр категорически не летала самолетами, так что как это может быть она?

– Но?

– Но затем словно прорвало плотину. Это были слова Элисон. Я вспомнил их значительно позже. Она сказала, что отец умирает, но ведь «сестры должны заботиться друг о друге, правда?» Тогда я решил, что Элисон имела в виду эмоциональную поддержку. Но потом я подумал, а что если она хотела сказать совсем другое? Ведь эти слова часто используют с другим смыслом. Как, например, их использовала ты, когда мы пили кофе в Нью-Йорке, нам принесли счет, и ты сказала, что позаботишься о нем? Имея в виду то, что расплатишься сама, что угощаешь меня. И я подумал: а что если Элисон хотела сказать, что будет поддерживать сестру материально? Поделится с ней? Что если она знала, что отец оставит все свое состояние ей, а Джулии ничего не достанется, и она очень переживает по этому поводу? Джулия утверждала в разговоре со мной, что все будет поделено поровну, и она уже и так богата, поскольку старик был щедрым и справедливым. Но я вдруг спросил себя: а что если она лжет? Что если старик вовсе*не был*щедрым и справедливым? Что если Джулия*бедна?*

– Она*лгала?*

Ричер кивнул.

– Другого объяснения быть не могло. Внезапно все встало на свои места. Я понял, что Джулия не*производит впечатление*богатой. Одевается она очень скромно. Вещи у нее дешевые.

– Ты построил свою теорию на том, что у нее дешевые*вещи?*

Он пожал плечами.

– Я же говорил тебе, что это карточный домик. Но мой опыт показывает, что если у человека есть дополнительный доход помимо жалованья, это обязательно в чем-нибудь проявляется. Это может быть что-нибудь едва уловимое, тонкое, но оно обязательно должно присутствовать. А у Джулии Ламарр ничего этого не было. Значит, она была бедной. Значит, она лгала. Джоди рассказала мне, что у них в фирме есть правило «а что еще». Если кого-то ловят на лжи, сразу же возникает вопрос: а что еще? Что еще он солгал? И я подумал, а что если Ламарр также лжет насчет своих отношений к сестре? Что если она по-прежнему ненавидит Элисон, как это было в детстве? И что если она лжет насчет наследства, разделенного поровну? Что если ей самой ничего не светит?

– Ты это проверил?

– Разве я смог бы? Но вы сможете проверить и убедитесь сами. Другого объяснения быть не может. И тогда я подумал: а что еще? А что если*всё*является ложью? Что если Ламарр лжет по поводу того, что не летает самолетами? Что если это тоже огромная, прекрасная ложь, такая очевидная, что никому даже в голову не приходит задуматься о ней? Я даже спросил у тебя, как Ламарр это сходит с рук. Ты ответила, что все просто принимают это как непреложный закон природы. Да, мы все верили ей. И искали обходные пути. На что она и рассчитывала. Потому что это полностью снимало с нее любые подозрения. Но это была ложь. Иначе и быть не могло. Для Ламарр страх летать самолетами был бы слишком иррационален.

– Но ведь подобная ложь долго не продержится. Я хочу сказать, человек или летает самолетами, или не летает.

– Раньше, много лет назад, Ламарр не боялась самолетов, – сказал Ричер. – Она сама мне это сказала. Затем она якобы возненавидела это и перестала летать. Так что внешне все выглядит очень убедительно. Никто из знакомых Ламарр никогда не видел, чтобы она летала самолетами. Поэтому все ей верили. Но в случае крайней необходимости она могла заставить себя сесть в самолет. Если игра стоила свеч. А в данном случае игра стоила свеч. Самый твердый мотив, какой только может быть. Элисон должна была получить все, но Джулия хотела забрать все сама. Она была Золушкой, сгорающей от зависти, ревности и ненависти.

– Ну, меня она провела, – призналась Харпер. – Это точно.

Ричер погладил волосы Симеки.

– Она обманула всех. Вот почему в первую очередь Ламарр поработала в самых отдаленных уголках. Для того, чтобы заставить всех думать о географии, о расстояниях, о мобильности. Для того, чтобы самой выйти из-под подозрения.

Харпер помолчала.

– Но она ведь так расстроилась.*Расплакалась*перед нами, помнишь?

Ричер покачал головой.

– Ламарр не расстроилась. Она испугалась. Это было мгновение максимальной опасности. Помнишь, что было перед этим? Она отказалась дать себе небольшой отдых. Потому что понимала: ей требуется быть на месте, в курсе всего, чтобы исправить все изъяны, которые могли выявиться во время вскрытия. А затем я поставил под сомнение мотив, и Ламарр перепугалась до смерти, потому что я двигался в нужном направлении. Но когда я выдвинул версию о хищениях оружия, она расплакалась, вот только не потому, что была

расстроена. Ламарр рыдала от*облегчения*, потому что ей по-прежнему ничего не угрожало. Я не выкурил ее из логова. И ты помнишь, что произошло дальше?

Харпер кивнула.

– Ламарр обеими руками поддержала твою теорию насчет хищения оружия.

– Вот именно. Она начала говорить за меня, сказала, что нам нужно мыслить более широко, сосредоточить максимальные усилия. Ламарр вскочила в вагон тронувшегося поезда, потому что увидела, что поезд движется не в том направлении. Она лихорадочно думала, импровизировала как сумасшедшая, посылая нас в очередной тупик. Но все же думала она недостаточно хорошо, потому что этот поезд был полной чушью. В нем была дыра размером в целую милю.

– Какая дыра?

– Невозможно себе представить, что всеми одиннадцатью свидетелями оказались единственные одиннадцать одиноких женщин. Я же говорил тебе, что моя теория была своего рода тестом. Я хотел узнать, кто*не станет*ее поддерживать. Против выступил один только Пултон. Блейк остался в стороне, расстроенный тем, что расстроилась Ламарр. А вот Ламарр сразу же подхватила мою гипотезу. Подхватила не раздумывая, потому что это выводило ее из-под удара. А потом, выслушав слова сочувствия, она отправилась домой. Но только домой Ламарр не пошла. По крайней мере, там она провела времени не больше, чем нужно, чтобы собрать чемодан. Ламарр направилась прямо сюда и приступила к работе.

Харпер побледнела.

– Она ведь призналась в своем преступлении, – сказала она. – Призналась вслух, прямо перед нами, когда уходила. Помнишь? Она сказала: «Я убила свою сестру.» Якобы тем, что потеряла время впустую. Но на самом деле это была правда. С ее стороны это была жестокая шутка.

Ричер кивнул.

– У нее не все в порядке с головой. Ради денег отчима Ламарр убила четверых женщин. А краска? С самого начала это было что-то странное. Краска сбивала с толку. Но при этом усложняла Ламарр жизнь. Ты понимаешь, о чем это говорит? Зачем кому-то могло понадобиться идти на такое?

– Для того, чтобы нас запутать.

– А еще зачем?

– Потому что Ламарр это доставляло наслаждение, – медленно промолвила Харпер. – Потому что она ненормальная.

– Она просто сумасшедшая, – сказал Ричер. – Но при этом очень умная. Ты можешь представить себе, как она строила планы? Ведь все это началось больше двух лет назад. Ее отчим тяжело заболел приблизительно в то же время, когда Элисон уволилась из армии. И тогда у Ламарр начал зреть ее замысел. Она продумывала все до мелочей. Список женщин, поддерживающих друг друга, Ламарр получила от своей сестры, выбрала из него, как и я, одиннадцать человек тех, кто очевидно жил один, затем навестила всех одиннадцать, тайно, скорее всего, в выходные, летая самолетом. Перед ней открывались все двери, потому что она женщина со значком ФБР. Точно так же ты в свое время беспрепятственно вошла в дом Элисон, а сейчас прошла мимо полицейского. Ничто так не притупляет бдительность, как женщина со значком Бюро, так? Наверное, Ламарр наплела какую-то историю про то, что ФБР решило наконец прижать армию, что несказанно обрадовало всех женщин. Сказала, что начинается новое расследование. Сидя у них дома, спросила разрешения загипнотизировать их, чтобы выяснить какую-нибудь дополнительную информацию.

– В том числе, и свою сестру? Но в этом случае Элисон обязательно узнала бы, что она прилетала к ней домой.

– Ламарр попросила Элисон приехать в Квантико. Помнишь? Элисон говорила, что летала в Квантико, чтобы пройти сеанс гипноза. На самом деле Джулия не задавала ей никаких вопросов о прошлом. Абсолютно никаких вопросов; одни только распоряжения насчет будущего. Она объяснила своей сестре, что та должна будет сделать, точно так же, как она объяснила это всем остальным женщинам. В то время Лорейн Стэнли еще служила в армии; Ламарр заставила ее похитить краску и припрятать ее. А остальным она приказала ждать получения большой картонной коробки, которую надо будет принять и сохранить. Приказала ждать, когда она придет в гости, а до того отрицать все. Ламарр даже составила вымышленные сценарии насчет несуществующих соседок и постоянных ошибок с доставкой.

Кивнув, Харпер посмотрела на дверь в ванную.

– А потом она приказала Стенли разослать коробки по адресам, – сказала она. – Затем приехала во Флориду и убила Эми Каллан. Потом Каролину Кук. Понимая, что после убийства Кук станет ясно, что действует серийный преступник, и расследование передадут в Квантико, отделению Блейка. А уже там она лично позаботится о том, чтобы направить расследование не в ту сторону. Господи, как же я раньше это

не поняла! Ламарр настаивала на том, чтобы вести это дело. Настаивала на том, чтобы продолжать им заниматься. О лучшем нельзя было и мечтать, так? Кто составил психологический портрет преступника? Она. Кто предложил мотив, связанный с армией? Она. Кто сказал, что нам нужно искать военного? Она. Она даже притащила тебя в качестве*примера*того, кого нам нужно искать.

Ричер молчал. Харпер, не отрываясь, смотрела на дверь.

– Но на самом деле единственной целью была Элисон, – продолжала она. – И вот, наверное, почему Ламарр сократила временной интервал. Потому что, опьяненная успехом, не могла больше ждать.

– Она заставила нас с тобой осуществить вместо нее наблюдение, – сказал Ричер. – Помнишь, Ламарр расспрашивала нас о доме? Она отказалась от интервала, поэтому у нее не было времени вести наблюдение самой, поэтому она заставила нас сделать это вместо нее. Помнишь? Дом стоит изолированно? Дверь заперта? Мы были ее глазами и ушами.

Харпер зажмурилась.

– В тот день, когда погибла Элисон, у Ламарр был выходной. Это было воскресенье. В Квантико царила полная тишина. Я даже не задумывалась об этом. Ламарр знала, что ее отсутствие в воскресенье никто не заметит. Знала, что в центре все равно никого не будет.

– Она очень умная, – согласился Ричер.

Харпер кивнула. Открыла глаза.

– И, полагаю, это объясняет отсутствие улик на месте преступлений. Ламарр знала, что мы будем искать.

– И она женщина, – подхватил Ричер. – Следователи искали следы мужчины, потому что Ламарр так им сказала. То же самое с машинами напрокат. Ламарр знала, что если кто-нибудь, проверяя списки, и наткнется на женскую фамилию, от нее отмахнутся. Что и произошло.

– Но на какую фамилию? Для того, чтобы взять машину напрокат, ей были нужны документы.

– И для полета на самолете тоже, – согласился Ричер. – Но, уверен, у Ламарр есть масса всяких документов. Документы тех женщин, которых ФБР отправило за решетку. Это можно будет установить, сопоставив даты и места. Безобидные женские фамилии, за которыми ничего не скрывается.

– Я сама передала это сообщение, помнишь? – угрюмо сказала Харпер.

– От агентства «Хертц». «Агентство проката машин ничего не дало – какая-то женщина разъезжала по делам.»

Ричер кивнул.

– Ламарр очень умна. Полагаю, она даже одевалась как жертвы, когда приходила к ним домой. Она следила за ними, и если жертва носила хлопчатобумажное платье, она надевала такое же. Если носила брюки, она тоже надевала брюки. Как сейчас, когда на ней надет старый свитер, как и на Симеке. Если где-то и будет обнаружен ворс, ему не придадут значения. Помнишь, Ламарр спросила у нас, как одевается Элисон? Времени на наблюдение нет, поэтому она спросила у нас, невинный вопрос как бы мимоходом. Элисон по-прежнему в хорошей спортивной форме, загорелая и одевается как ковбой? Мы ответили, да, и Ламарр наверняка отправилась к своей сестре в джинсах и сапогах.

– А лицо она ей оцарапала потому, что ненавидит ее.

Ричер покачал головой.

– Нет, боюсь, это моя вина. Я не переставал спрашивать, почему отсутствует жестокость. Поэтому она в следующий раз предоставила и жестокость. Мне надо было бы держать язык за зубами.

Харпер ничего не сказала.

– И вот как я понял, что Ламарр будет здесь, – продолжал Ричер. – Она с самого начала пыталась подражать такому человеку как я. А я сказал, что следующей навестил бы Симеку. Поэтому я понял, что рано или поздно Ламарр появится здесь. Но она оказалась расторопнее, чем я предполагал. А мы, наоборот, замешкались. Ламарр же времени даром не теряла, так?

Харпер посмотрела на дверь в ванную. Поежилась. Отвела взгляд.

– А как ты догадался насчет гипноза?

– Так же, как и насчет всего остального. Я вроде бы понял, кто и почему, но*как*– это оставалось совершенно невозможным. Поэтому я продолжал и продолжал думать. Вот почему мне нужно было уехать из Квантико. Мне требовалось спокойно подумать. На это ушло много времени. Но в конце концов осталась единственная возможность. Объясняющая все. Пассивность, покорность, содействие. То, почему места преступлений выглядели именно так. Жертвы выглядели так, словно убийца не притрагивался к ним и пальцем, потому что Ламарр*действительно*и пальцем к ним не притрагивалась. Она снова погружала их в гипноз и приказывала, что надо делать, шаг за шагом. Они все делали сами. Вплоть до того, чтобы наполнить краской ванну и проглотить свой язык.

Ламарр сама делала только то, что сделал я – вытаскивала язык, чтобы патологоанатом ничего не мог обнаружить.

– Но как ты догадался насчет языка?

Ричер ответил не сразу.

– Целуя тебя.

– Целуя меня?

Он улыбнулся.

– У тебя потрясающий язык, Харпер. Он заставил меня задуматься. Язык – это единственное, что подходит под объяснение доктора Стейвли. Но я не мог найти никакого способа*заставить*человека проглотить свой язык до тех пор, пока наконец не понял, что это Ламарр, а она владеет гипнозом, и тогда все встало на свои места.

Харпер молчала.

– И знаешь еще что?

– Что?

– В тот самый первый вечер, когда мы с ней встретились, Ламарр хотела меня загипнотизировать. Она сказала, что это якобы для того, чтобы заглянуть в самые глубины моей памяти, но, несомненно, на самом деле она собиралась приказать мне с убедительным видом завести расследование в тупик. Блейк настаивал на том, чтобы я согласился, но я отказался, сказав, что Ламарр заставит меня бегать голышом по Пятой авеню. Это была шутка, но она оказалась страшно близка к правде.

Харпер поежилась.

– Когда Ламарр остановилась бы?

– Думаю, после еще одного убийства. Шести было бы достаточно. На шести можно было бы остановиться. Песчаный пляж.

Харпер подошла к нему и присела рядом на край кровати. Посмотрела на Симеку, застывшую под халатом.

– С ней все будет в порядке?

– Надеюсь, – сказал Ричер. – Она чертовски крепкая девчонка.

Харпер взглянула на него. Его рубашка и брюки были мокрые, испачканные краской. Руки были зеленые по самые плечи.

– Ты весь промок, – рассеянно промолвила она.

– И ты тоже. Еще хуже, чем я.

Харпер кивнула. Помолчала.

– Мы оба промокли. Но, по крайней мере, теперь все кончено.

Ричер промолчал.

– Отпразднуем наш успех, – сказала Харпер.

Обвив мокрыми руками ему шею, она притянула его к себе и поцеловала в губы. Ричер ощутил во рту ее язык, который двигался, вдруг остановился. Харпер отдернулась от него.

– Странное чувство, – сказала она. – Теперь я больше никогда не смогу делать это без того, чтобы у меня не возникали всякие плохие мысли.

Ричер ничего не сказал.

– Ужасная смерть, – продолжала Харпер.

Посмотрев на нее, он улыбнулся.

– Когда падаешь с лошади, надо вставать и снова садиться в седло.

Подхватив ладонью ее затылок, Ричер привлек ее к себе. Поцеловал в губы. Мгновение Харпер оставалась застывшей. Затем начала отвечать. Поцелуй продолжался долго. Наконец она оторвалась от него и робко улыбнулась.

– Иди буди Ламарр, – сказал Ричер. – Арестовывай ее, начинай допрос. Тебя ждет большое дело.

– Она не будет со мной говорить.

Ричер посмотрел на лицо спящей Симеки.

– Будет. Скажи, что если она откажется, я сломаю ей руку. А если она будет и дальше упорствовать, я начну тереть кости друг о друга.

Поежившись, Харпер отвела взгляд. Встала и вышла в ванную. В спальне стало тихо. Ни звука, только дыхание Симеки, ровное, но шумное, словно механизм. Харпер отсутствовала долго. Наконец она вернулась, бледная как полотно.

– Она не будет со мной говорить, – сказала Харпер.

– Как ты это определила? Ты ее ни о чем не спрашивала.

– Потому что она мертва.

Молчание.

– Ты ее убил.

Молчание.

– Когда ударил.

Молчание.

– Ты сломал ей шею.

Вдруг из коридора внизу донеслись громкие шаги. Поднимающиеся по лестнице. Звучащие в коридоре за дверью. В спальню вошел полицейский. В руке он держал кружку. Которую он взял с перил на крыльце. Полицейский изумленно огляделся вокруг.

– Черт побери, что здесь происходит?

**Глава 31**

Семь часов спустя было уже за полночь. Ричера заперли одного в камере предварительного заключения в портлендском отделении ФБР. Он знал, что полицейский связался с сержантом, а тот, в свою очередь, позвонил в Бюро. Знал, что Портленд связался с Квантико, из Квантико позвонили в штаб-квартиру ФБР имени Гувера, а из штаб-квартиры позвонили в Нью-Йорк. Все это сообщил ему полицейский, задыхаясь от возбуждения. Затем прибыл сержант, и полицейский умолк. Харпер куда-то исчезла, а подоспевшая карета скорой помощи отвезла Симеку в больницу. Местное отделение полиции без споров передало дело в ведение ФБР. Приехали два агента из Портленда и арестовали Ричера. Надели на него наручники, доставили в город, бросили в камеру и оставили одного.

В камере было жарко. Одежда Ричера, перепачканная в зеленой краске, высохла за час и стала жесткой как фанера. В остальном с ним абсолютно ничего не произошло. Ричер рассудил, пройдет какое-то время, прежде чем соберутся все заинтересованные. Ему стало любопытно, прилетят ли все в Портленд, или же его самого доставят в Квантико. Никто ему ничего не сообщил. Никто к нему не приходил. Он оставался в полном одиночестве. Это время Ричер провел, беспокоясь о Симеке. Представляя себе, как вокруг нее суетятся санитары в приемном покое больницы.

Тишина продлилась до полуночи. Затем поднялась суматоха. Из здания донесся шум. Кто-то приехал, начались разговоры на повышенных тонах. Первым, кого увидел Ричер, был Нельсон Блейк. Он понял, что все приехали сюда. Наверное, обсудили создавшееся положение и снарядили «Лир». По времени это как раз подходило. Внутренняя дверь открылась, Блейк прошел мимо решетки и заглянул в камеру. У него на лице было написано: «Вот теперь ты точно наломал дров!» Блейк

выглядел усталым и измученным. Одновременно бледным и раскрасневшимся.

После этого снова наступила тишина, продолжавшаяся около часа. В час с лишним ночи появился Алан Дирфильд, прилетевший из Нью-Йорка. Внутренняя дверь открылась, и он вошел, молчаливый и угрюмый, с красными глазами, скрытыми стеклами очков. Задержался на мгновение. Взглянул сквозь прутья решетки. Тот же самый изучающий взгляд, которым он уже один раз мерил Ричера. «Это тот, кого мы искали, да?»

Дирфильд вышел, и снова наступила тишина, опять длившаяся около часа. В два часа ночи появился сотрудник местного отделения со связкой ключей. Он отпер дверь.

– Пришла пора поговорить, – объявил агент.

Он провел Ричера по коридору в зал совещаний. Меньших размеров, чем в нью-йоркском отделении, но обставленный так же скудно. То же освещение, такой же большой стол. С одной стороны сидели Дирфильд и Блейк, рядом. Напротив стоял один стул. Ричер подошел к этому стулу и сел. Некоторое время стояла тишина. Никто ничего не говорил, никто не двигался. Наконец Блейк подался вперед.

– У меня погиб сотрудник, – сказал он, – и мне это совсем не нравится.

Ричер смерил его взглядом.

– У тебя четверо убитых женщин. А могло быть пятеро.

Блейк покачал головой.

– Пятерых не было бы. Мы полностью взяли ситуацию под контроль. Джулия Ламарр подоспела вовремя и успела спасти пятую женщину, но ты ее убил.

В комнате снова наступила тишина. Ричер медленно кивнул.

– Такова ваша позиция?

Дирфильд поднял взгляд.

– Наши доводы очень веские. Ты не находишь? Ламарр совершает прорыв в расследовании дела, превозмогает страх перед полетами, прибывает на место буквально по пятам преступника, застает Симеку в критическом состоянии, начинает оказывать ей первую помощь, но в этот момент врываешься ты и убиваешь ее одним ударом. Она герой, а ты отправляешься под суд за убийство агента федеральной службы.

Снова молчание.

– А с хронологией у вас все в порядке? – спросил Ричер.

Блейк кивнул.

– Разумеется. Ламарр находится у себя дома, скажем, в девять утра по восточному времени; в Портленде она оказывается около пяти по тихоокеанскому времени. То есть, у нее было одиннадцать часов. Времени достаточно для того, чтобы доехать до Национального аэропорта и сесть на самолет.

– Полицейский видел, как преступник заходит в дом?

Дирфильд пожал плечами.

– Мы считаем, полицейский заснул. Ты же знаешь, как это бывает с деревенскими полицейскими.

– Однако, он видел, как к Симеке приходил военный священник. В тот момент он не спал.

Дирфильд покачал головой.

– Военные поклянутся, что никогда не направляли к Симеке священника. Наверное, полицейскому это привиделось во сне.

– А он видел, как*Ламарр*входила в дом?

– Он по-прежнему спал.

– Как ей удалось попасть в дом?

– Она постучала в дверь и спугнула преступника. Тот выскочил мимо нее во входную дверь. Ламарр не стала его преследовать, потому что в первую очередь ее беспокоила Симека. Ей двигало человеколюбие.

– Полицейский видел выбегающего преступника?

– Он так и не проснулся.

– И Ламарр потрудилась запереть за собой дверь, хотя и торопилась наверх, движимая человеколюбием?

– Очевидно.

Снова наступила тишина.

– Симека пришла в себя? – спросил Ричер.

Дирфильд кивнул.

– Мы связывались с больницей. Она ничего ни о чем не помнит. Предположительно, это полностью стерлось у нее в памяти. Мы найдем

целую армию психологов, которые подтвердят, что это совершенно нормально.

– С ней все в порядке?

– Она чувствует себя замечательно. – Блейк усмехнулся. – Но мы не будем настаивать, требуя у нее описания преступника. Наши психологи скажут, что на ее показания все равно нельзя будет положиться.

В комнате снова стало тихо.

– Где Харпер? – спросил Ричер.

– Отстранена от дела, – ответил Блейк.

– За то, что отказалась следовать линии партии?

– Она подпала под влияние одной романтической иллюзии, – сказал Блейк. – Рассказала нам какой-то фантастический вздор.

– Теперь ты понимаешь, в каком неприятном положении оказался? – спросил Дирфильд. – Ты с самого начала проникся к Ламарр ненавистью. Поэтому ты убил ее по каким-то своим личным причинам и сочинил историю, прикрывая себя. Однако история твоя оказалась не слишком хорошей, не так ли? Она не подкрепляется никакими фактами. Ты не можешь привязать Ламарр ни к одному из предыдущих преступлений.

– Она не оставляла улик, – согласился Ричер.

Блейк усмехнулся.

– Какую злую шутку сыграла судьба, не так ли? То же самое сказал нам ты, в самом начале. Ты сказал, что у нас есть лишь то, что мы*думаем*, будто преступления совершил человек, похожий на тебя. Что ж, а теперь у тебя есть лишь то, что ты*думаешь,*будто преступления совершила Ламарр.

– Где ее машина? – спросил Ричер. – Она приехала из аэропорта домой к Симеке на машине. Где ее машина?

– Ее угнал преступник, – сказал Блейк. – Вероятно, он пришел пешком и проник в дверь через черный вход, так как не знал, что полицейский спит. Ламарр застигла его врасплох, и он удрал в ее машине.

– И вы найдете в архивах, что Ламарр взяла машину напрокат, указав свою настоящую фамилию?

– Скорее всего, – кивнул Блейк. – Как правило, мы находим то, что нам нужно.

– А как насчет авиарейса из Вашингтона? В компьютере авиакомпании также будет ее настоящая фамилия?

Блейк снова кивнул.

– Если нам так будет нужно.

– Видишь, в каком неприятном положении ты оказался? – сказал Дирфильд. – Неприемлемо потерять сотрудника, не имея подозреваемого.

Ричер кивнул.

– И также неприемлемо признать, что сотрудник оказался убийцей.

– Об этом нечего и думать, – сказал Блейк.

– Даже если Ламарр*действительно*была убийцей?

– Она не была убийцей, – решительно произнес Дирфильд. – Она была отличным сотрудником и прекрасно справлялась со своей работой.

Ричер кивнул.

– Что ж, вижу, мне никто не заплатит.

Дирфильд скорчил гримасу, как будто в комнате кто-то испортил воздух.

– Это не шутка, Ричер. Давай выясним это начистоту. Ты влип по самые уши. Ты можешь говорить все, что тебе угодно. Можешь говорить, что у тебя были подозрения. Но ты лишь выставишь себя полным идиотом. Никто не станет тебя слушать. К тому же, это все равно не будет иметь никакого значения. Потому что если у тебя были какие-то подозрения, ты должен был позволить Харпер осуществить задержание, так?

– На это не было времени.

Дирфильд покачал головой.

– Ерунда.

– Вы видели, что Ламарр покушалась на жизнь Симеки? – спросил Блейк.

– Мне нужно было убрать ее с дороги.

– Наш адвокат скажет, что даже если ты искренне ошибался, веря в свои подозрения, ты должен был поспешить к лежавшей в ванне Симеке, предоставив Харпер заниматься Джулией. Вас было двое на одну. И это*позволило бы*тебе сберечь время, так? Если тебя действительно так волновала твоя бывшая подружка.

– Возможно, это сберегло бы полсекунды.

– Полсекунды могли бы оказаться решающими, – сказал Дирфильд. – В такой ситуации, когда речь шла о жизни и смерти? Наш адвокат обязательно заострит на этом вопрос. Он скажет, что тратить драгоценное время на то, чтобы ударить кого-то, это свидетельство личной неприязни.

В комнате снова наступила тишина. Ричер сидел, уставившись на стол.

– Таким знатокам закона как ты все это хорошо известно, – заговорил Блейк. – Искренние ошибки время от времени случаются, но даже в этом случае действия по защите жертвы должны происходить в то самое время, когда жертва подвергается нападению. А не после. В противном случае это уже будет месть.

Ричер ничего не ответил.

– И ты не сможешь утверждать, что это произошло по ошибке и случайно, – продолжал Блейк. – Ты сам как-то раз сказал нам, что знаешь, как раскроить человеку череп, и случайно этого никогда не допустишь. Помнишь тех типов в переулке? Ребят Петросяна? А то, что верно в отношении черепов, верно и в отношении шей, так? Следовательно, это произошло не случайно. Ты совершил умышленное убийство.

Наступила тишина.

– Хорошо, – сказал Ричер. – И какую сделку вы мне предлагаете?

– Никакой сделки не будет, – отрезал Дирфильд. – Ты отправишься за решетку.

– Вздор! – заметил Ричер. – Договориться можно всегда.

Снова тишина. Длившаяся несколько минут. Наконец Блейк пожал плечами.

– Ну, если ты пойдешь нам навстречу, мы сможем достичь компромисса. Мы скажем, что Ламарр покончила с собой, переживая по поводу смерти отца и обвиняя себя в том, что она не смогла спасти свою сестру.

– А ты будешь держать язык за зубами, – добавил Дирфильд. – Никому не скажешь ничего кроме того, что разрешим мы.

Опять тишина.

– Почему я должен согласиться? – спросил Ричер.

– Потому что ты человек умный, – сказал Дирфильд. – Не забывай, против Ламарр абсолютно ничего нет. Тебе это прекрасно известно. Она

была слишком умна. Разумеется, ты можешь копать несколько лет, если у тебя есть миллион долларов, чтобы оплачивать услуги адвокатов. В итоге ты наберешь горсть ничего не значащих косвенных улик, но какой суд согласится их рассматривать? Сильный мужчина ненавидит слабую женщину? Он бродяга, она сотрудник федерального ведомства? Он сворачивает ей шею, а затем ее же винит в этом? Какие-то фантастические рассказы о гипнозе? Забудь об этом.

– Так что взгляни правде в глаза, хорошо? – добавил Блейк. – Ты полностью у нас в руках.

Наступила тишина. Затем Ричер покачал головой.

– Нет. Пожалуй, я пас.

– В таком случае, ты отправишься за решетку.

– Но только сначала один вопрос, можно?

– Какой еще вопрос?

– Я убивал Лорейн Стэнли?

Блейк покачал головой.

– Нет, не убивал.

– Почему ты говоришь так уверенно?

– Сам знаешь, почему. Всю ту неделю за тобой был хвост.

– И вы передали копию протокола о наружном наблюдении моему адвокату, так?

– Так.

– Хорошо.

– Что тут хорошего, умник?

– А что, что вы полностью пролетаете.

– Ты не мог бы объяснить поподробнее?

Ричер покачал головой.

– Сами думайте.

В комнате наступила тишина.

– Ладно, говори, – наконец не выдержал Блейк.

Ричер усмехнулся.

– Задумайтесь хорошенько. Возможно, вам удастся упечь меня за Ламарр, но вы никогда не сможете даже обвинить меня в том, что я тот, кто расправился с этими женщинами, потому что у моего адвоката есть ваш собственный протокол, доказывающий обратное. Так что же вам останется делать?

– Тебе-то какая будет разница? – спросил Блейк. – Ты все равно будешь сидеть за решеткой.

– Задумайтесь о будущем, – сказал Ричер. – Вы сообщили всему свету, что это не я, и вы клянетесь и божитесь, что это не Ламарр, значит, вам придется продолжать поиски, ведь так? Вы никогда не сможете остановиться, иначе возникнут вопросы. Представьте себе газетные заголовки: «Элитное подразделение ФБР за десять лет так и не добилось никаких результатов.» И вам придется молча глотать все это. Год за годом вы будете тратить все больше и больше средств, выделять все больше и больше людей, ища несуществующего убийцу. Вы пойдете на это?

Тишина.

– Нет, не пойдете, – решительно заявил Ричер. – Но отказаться от этого – это все равно, что признать правду. Ламарр мертва, расследование прекратилось, я не имею к этому никакого отношения, следовательно, убийца – Ламарр. Так что для вас теперь ставка все или ничего. Вы должны принять решение. Если вы*не признаете*, что преступления совершила Ламарр, тогда вам до конца дней своих придется напрягать все силы, притворяясь, будто вы ищете человека, который, как вам достоверно известно, не существует. А если вы*признаете*, что преступления совершила Ламарр, вы не сможете отправить меня за решетку за ее убийство, потому что в данных обстоятельствах мои действия были совершенно оправданными.

Снова тишина.

– Итак, вы полностью пролетаете, – повторил Ричер.

Тишина. Ричер усмехнулся.

– Что будем делать дальше? – спросил он.

Дирфильд и Блейк приходили в себя долго.

– Мы ФБР, – наконец сказал Дирфильд. – Мы можем здорово испортить тебе жизнь.

Ричер покачал головой.

– Моя жизнь и без того сложная. И вы не сможете ничем ее испортить. Но зато вы можете отказаться от своих глупых угроз. Потому что я не выдам вашу тайну.

– Не выдашь?

Ричер кивнул.

– У меня ведь нет выбора, так? Потому что если я заговорю, все вернется к Рите Симеке. Она единственный свидетель, оставшийся в живых. Ее замучат до смерти – прокуроры, полиция, газеты, телевидение. Раскопают всю грязь, то, как ее изнасиловали в армии, то, как она лежала обнаженная в ванне с краской. Ей будет очень больно. А я не хочу, чтобы это произошло.

Снова тишина.

– Поэтому я не выдам вашу тайну, – заключил Ричер.

Блейк долго смотрел на стол. Наконец кивнул.

– Хорошо. Я принимаю твои условия.

– Но мы будем за тобой присматривать, – сказал Дирфильд. – Всегда. Не забывай об этом.

Ричер усмехнулся.

– Хорошо, но только не попадайтесь мне за этим занятием. Потому что вы должны помнить, что произошло с Петросяном. Так что вы, ребята, не забывайте об*этом*.

* * *

На том все и закончилось – пат, ничья, не устраивающая обе стороны. Слов больше не было. Встав, Ричер обошел стол и вышел из комнаты. Нашел лифт и спустился на первый этаж. Никто не бежал за ним, не пытался его остановить. Входная дверь была двустворчатой, поцарапанный дуб и стекло, усиленное проволокой. Распахнув двери, Ричер вышел на прохладу какой-то пустынной улицы Портленда, в разгар ночи. Остановился на тротуаре, не глядя по сторонам.

– Привет, Ричер, – окликнула его Харпер.

Она стояла у него за спиной, в тени колонны, обрамляющей вход. Обернувшись, Ричер увидел в темноте светлое пятно ее волос и белый треугольник рубашки над лацканами пиджака.

– Привет, – ответил он. – Как ты?

Харпер приблизилась к нему.

– Все будет хорошо. Я попрошу перевода. Возможно, сюда. Мне здесь понравилось.

– И тебя отпустят?

Она кивнула.

– Обязательно отпустят. Пока продолжаются слушания по бюджету, никто не осмелится начать раскачивать лодку. Все будет обделано как можно тише.

– На самом деле ничего этого вообще не произошло, – сказал Ричер. – Мы только что остановились на этом.

– Значит, ты поправил свои отношения с Бюро?

– Поправил так, как только их можно было поправить.

– Я бы вступилась за тебя, – решительно заявила Харпер. – Чего бы мне это ни стоило.

– Не сомневаюсь. Жаль, что таких как ты мало.

– Вот, возьми. – Она протянула листок бумаги. Это был служебный билет, выписанный в Квантико. – С этим ты доберешься до Нью-Йорка.

– А ты как же?

– Скажу, что потеряла. Мне выпишут новый.

Шагнув, Харпер поцеловала его в щеку. Развернулась и пошла прочь.

– Удачи, – бросила она.

– И тебе тоже, – окликнул ее Ричер.

* * *

До аэропорта он прошел пешком, двенадцать миль по обочинам дорог, построенных для автомобилей. На это у него ушло три часа. Он обменял служебный билет ФБР на авиабилет и прождал еще час ближайший рейс. Проспал четыре часа в воздухе, преодолев три часовых пояса, и в час дня совершил посадку в «Ла-Гуардии».

На последние оставшиеся у него наличные Ричер доехал на автобусе до ближайшей станции метро, а затем добрался на метро до Манхэттена. Вышел на станции «Канал-стрит» и прошел на юг до Уолл-стрит. В два с небольшим он уже был в вестибюле здания, в котором располагалась контора Джоди. Шестидесятиэтажный небоскреб заполнялся сотрудниками различных фирм, возвращавшимися на работу с обеденного перерыва. Приемная конторы, в которой работала Джоди, оказалась пустой. За столиком никого. Ричер прошел в открытую дверь,

побродил по коридорам, заставленным дубовыми книжными шкафами с толстыми юридическими справочниками. Слева и справа остались двери, ведущие в пустые кабинеты. На столах лежали бумаги, на спинках кресел висели пиджаки, но людей нигде не было видно.

Подойдя к двустворчатым дверям, Ричер услышал доносящийся из-за них гул голосов. Звон стекла. Смех. Он потянул правую створку, и вырвавшийся из помещения громкий шум оглушил его. Просторный зал был заполнен людьми. Мужчины были в темных костюмах, белоснежных рубашках, подтяжках и скромных галстуках; женщины в строгих темных платьях и черных колготках. Одна стена состояла из сплошных окон, за которыми светило ослепительное солнце; длинный стол, накрытый плотной белой скатертью, был уставлен рядами бокалов и сотней бутылок шампанского. Двое официантов разливали пенистое золотистое вино так быстро, как только могли. Гости пили шампанское, чокались и смотрели на Джоди.

Молодая женщина двигалась через толпу, привлекая к себе всеобщее внимание, словно магнит. Где бы она ни появлялась, люди расступались, а затем окружали ее плотным кольцом. По всему залу тут и там образовывались небольшие восторженные кружки, в центре которых была Джоди. Она поворачивалась налево и направо, улыбалась, чокалась, затем снова приходила в движение, словно бильярдный шар, и снова оказывалась в центре внимания. Джоди увидела Ричера в дверях в тот самый момент, когда он сам увидел свое отражение в стекле, которым было закрыто висящее на стене полотно кисти Ренуара. Небритый, он был в помятой рубашке защитного цвета с засохшими корочкой пятнами зеленой краски. На Джоди было вечернее платье, стоившее не меньше тысячи долларов, которое только что сняли с плечиков. Вместе с ней на Ричера обратились взоры сотни пар глаз; в зале наступила тишина. Джоди замялась, принимая решение. Затем, протиснувшись сквозь толпу, бросилась Ричеру на шею, не выпуская бокал с шампанским.

– Это вечер в честь того, что тебя сделали партнером, – сказал Ричер. – Ты добилась своего.

– Добилась!

– Что ж, прими мои поздравления, крошка. И извини за опоздание.

Джоди увлекла его в толпу гостей, сомкнувшуюся вокруг них. Ричер пожал руки сотне адвокатов, так, как когда-то пожимал руки генералам иностранных армий. «Не шутите со мной, и я не буду шутить с вами.» Главным был мужчина лет шестидесяти пяти с красным лицом, сын одного из тех, чьи фамилии красовались на бронзовой табличке с названием фирмы. Его костюм, наверное, стоил больше, чем вся та одежда, которую когда-либо приходилось носить Ричеру. Однако общая

атмосфера вечеринки означала, что в поведении старика нет никакой заносчивости. Казалось, он с радостью пожал бы руку лифтеру дома, в котором жила Джоди.

– Она восходящая звезда, – объявил Ричеру старик. – И я очень рад, что она приняла наше предложение.

– Джоди самый умный и проницательный юрист из всех, с кем мне доводилось иметь дело, – сказал Ричер, перекрывая гул голосов.

– Вы поедете с ней?

– Куда?

– В Лондон, – объяснил старик. – Разве она ничего не говорила? Первым поручением младшего партнера у нас всегда является руководство европейским отделением. Джоди проведет пару лет в Лондоне.

В этот момент Джоди, улыбнувшись, подхватила Ричера под руку и отвела в сторону. Общая толпа начинала постепенно разбиваться на отдельные группки; разговор переходил на тему работы и на сплетни вполголоса. Джоди отвела Ричера к окну. Оттуда открывался панорама порта шириной около ярда, ограниченная с обеих сторон соседними зданиями.

– Я звонила в центральное управление ФБР, – начала Джоди. – Я беспокоилась по поводу тебя, ведь формально я по-прежнему остаюсь твоим адвокатом. Я говорила с Аланом Дирфильдом.

– Когда?

– Два часа назад. Он ничего мне не сказал.

– А говорить нечего. Они чисты передо мной, я чист перед ними.

Джоди кивнула.

– Значит, ты все же сделал то, что им было от тебя нужно. – Она помолчала. – Тебя привлекут в качестве свидетеля? Будет судебный процесс?

Ричер покачал головой.

– Судебного процесса не будет.

– Значит, только похороны?

Он пожал плечами.

– Никаких родственников не осталось.

Джоди снова помолчала, словно решаясь задать важный вопрос.

– И что ты испытываешь? Отвечай одним словом.

– Спокойствие.

– Если бы тебе пришлось бы снова оказаться в такой ситуации, ты поступил бы так же?

Настал черед Ричера сделать паузу.

– В такой же ситуации? – наконец сказал он. – Без раздумий.

– Я должна переехать в Лондон. На два года.

– Знаю. Старик мне все сказал. Когда тебе надо трогаться в путь?

– В конце месяца.

– Ты не хочешь, чтобы я ехал с тобой, – сказал Ричер.

– Я буду очень занята. Мало сотрудников, большой объем работы.

– И Лондон – цивилизованный город.

Джоди кивнула.

– Да. А ты сам*хотел бы*поехать со мной?

– На два года? Нет. Но, возможно, я мог бы время от времени тебя навещать.

Джоди слабо улыбнулась.

– Это было бы замечательно.

Ричер промолчал.

– Ужасно, – сказала она. – Пятнадцать лет я не могла жить без тебя, а теперь выясняется, что я не могу житьстобой.

– Знаю. Это исключительно моя вина.

– Ты чувствуешь то же самое?

Ричер посмотрел на нее.

– Наверное, – солгал он.

– У нас еще есть время до конца месяца, – сказала Джоди.

Он кивнул.

– Больше, чем выпадает большинству людей. Ты можешь сегодня уйти с работы пораньше?

– Разумеется. Я теперь партнер. И могу сделать все что захочу.

– Тогда пошли.

Оставив пустые бокалы на подоконнике, они протиснулись мимо кучек людей. Все проводили их взглядами до дверей, а затем стали обсуждать вполголоса, что бы это могло значить.

## Примечания

### 1

Сложная, запутанная ситуация, единственное возможное решение которой неприемлемо ввиду какого-либо обстоятельства, обусловленного самой ситуацией (по названию романа Дж. Хеллера).

### 2

Официальное прозвище штата Нью-Джерси.

### 3

Бывшая военная база, где с 1935 года находится хранилище золотого запаса США.

### 4

Прозвище президента Дуайта Эйзенхауэра.